

Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели

Выпуск 3

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Межведомственная проблемная научно-исследовательская лаборатория
«Интеллектуальная история»

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

· *Выпуск III*

Москва – Ставрополь
2007

УДК 940.53/.55 (436)
ББК 63.3 (4Авс)
Р 76

Ответственный редактор
В.А. Шаповалов (ректор СГУ)

Редакционная коллегия:

А.Г. Айрапетов (Тамбовский госуниверситет), **А.Б. Безбородов** (РГГУ),
И.В. Крючков (СГУ), **Н.Д. Крючкова** (СГУ) (отв. за вып.),
О.В. Павленко (РГГУ), **А.С. Стыкалин** (ИС РАН)

Р 76 **Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели.**
Вып. III. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – 201 с.

ISBN 5-88648-562-7

Третий выпуск альманаха посвящен 80-летию со дня рождения крупнейшего российско-го ученого-историка, специалиста по истории Австрии и Венгрии Тофика Муслимовича Исламова. В сборник вошли материалы исследователей из Москвы, Тамбова, Ставрополя, Курска, Воронежа, большинство из которых по праву считаются учениками Т.М. Исламова. Кроме российских авторов, в альманахе представлены материалы зарубежных коллег из Венгрии и Украины.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей вузов, а также для всех интересующихся историей народов Средней Европы.

УДК 940.53/.55 (436)
ББК 63.3 (4Авс)

ISBN 5-88648-562-7

© Российский государственный гуманитарный университет, 2007
© Институт славяноведения Российской академии наук, 2007
© Ставропольский государственный университет, 2007

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
-------------------	---

РАЗДЕЛ I. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Т.М. ИСЛАМОВА

<i>Стыкалин А.С.</i> Тофик Муслимович Исламов (1927 – 2004 гг.)	7
<i>Величко О.И.</i> Средняя Европа в исследованиях Т.М. Исламова	22
Список основных работ Т.М. Исламова (<i>составитель А.С. Стыкалин</i>)	26

РАЗДЕЛ II. СРЕДНЯЯ ЕВРОПА: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ В XVIII-XX ВВ.

<i>Хаванова О.В.</i> Сутана и мундир: К вопросу о карьере экс-иезуитов в монархии Габсбургов ...	31
<i>Павленко О.В.</i> Мифологизация образа национального героя в чешском политическом движении XIX – начала XX вв.	39
<i>Сироткина Е.В.</i> Национальная идея и австро-немецкая интеллигенция в XIX – начале XX вв. ...	50
<i>Фалькович С.М.</i> Взгляд на европу в общественной жизни поляков XIX в.	62

РАЗДЕЛ III. НАРОДЫ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ XVII-XX ВВ.

<i>Гебеи Ш.</i> Дипломатические сношения между Трансильванским княжеством и Запорожским войском в 1648 г.	70
<i>Ивонин Ю.Е.</i> Кауниц и «вторая дипломатическая революция»	78
<i>Боташева Б.З.</i> Экономическое проникновение Австро-Венгрии в Османскую империю в последней трети XIX – начале XX вв. И проблема конкуренции со стороны России и стран Запада	87
<i>Чуканов М.Ю.</i> Из истории дипломатической борьбы по вопросам делимитации границы между Чехословакией и Венгрией (начало февраля – 21 марта 1919 г.)	97
<i>Кретинин С.В.</i> Проблема «восточных территорий» и политическое развитие немцев в Силезии в 1918-1939 гг.	117

РАЗДЕЛ IV. АВСТРО-ВЕНГРИЯ / АВСТРИЯ В МИРОВЫХ ВОЙНАХ XX ВЕКА

<i>Миронов В.В.</i> Военная юстиция Австро-Венгрии в Первой мировой войне: потенциал источников и перспективы разработки исследовательского проекта	124
<i>Крючков И.В.</i> Проблема оказания помощи российским военнопленным на Ставрополье в годы Первой мировой войны	129
<i>Булыгина Т.А.</i> Военнопленные Ставрополья в годы революционных потрясений	139
<i>Фисанов В.П.</i> Проблема национально-территориального устройства Центральной Европы в «Четырнадцати пунктах» президента США Вудро Вильсона	146
<i>Горлова О.С.</i> Общественные настроения в Австрии в условиях денацификации (по материалам советской оккупационной зоны)	157

**РАЗДЕЛ V. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ:
ЛЕКЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

Павленко О.В. Мария Терезия (1740-1780)..... 163

РАЗДЕЛ VI. ДОКУМЕНТ

Дьердь Лукач: взгляд из Москвы (1968 г.)
(публикация, предисловие и комментарии А.С. Стыкалина) 183

Исламов Т.М. (1927 – 2004 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий выпуск «Российско-австрийского альманаха: исторические и культурные параллели» посвящен памяти крупнейшего российского ученого-историка, преподавателя, учителя, воспитавшего плеяду последователей, специалистов по истории Венгрии и Австрии, Тофика Муслимовича Исламова. 1 мая 2007 г. Тофику Муслимовичу исполнилось бы 80 лет. К глубокому сожалению, он не дожил до своего юбилея.

Тофик Муслимович внес огромный вклад в развитие советской / российской историографии народов Средней Европы. Можно с полным основанием говорить о том, что он заложил основы современной российской аустро-хунгаристики. Даже в 60-70-е гг. ему удавалось оригинально и нестандартно подходить к изучению сложных проблем исторического развития народов империи Габсбургов и ее соседей. Заслуги Тофика Муслимовича были признаны научным сообществом России и зарубежных стран.

Поэтому первый раздел альманаха, «Жизнь и творчество Т.М. Исламова», полностью посвящен интеллектуальной биографии Тофика Муслимовича. В разделе представлены две работы, подготовленные учеником и коллегой Т.М. Исламова А.С. Стыкалиным. В первой освещены основные вехи научной биографии Тофика Муслимовича и его становления как лидера отечественной аустро-хунгаристики. Вторая включает библиографический список основных работ Тофика Муслимовича, который представляет значительный интерес не только для начинающих исследова-

телей, но и для всех специалистов, занимающихся историей Центрально-Восточной Европы в новое и новейшее время. Данный список показывает, насколько разносторонней и многоплановой была интеллектуальная деятельность Тофика Муслимовича.

Кроме материалов А.С. Стыкалина, в первом разделе опубликована статья коллеги и друга Т.М. Исламова О.И. Величко, в которой она анализирует разработку Тофиком Муслимовичем содержания концепта «Средняя Европа». Эта проблема имеет важное теоретико-методологическое значение для изучения истории региона в современной историографии.

Во втором разделе альманаха, «Средняя Европа: исторические и культурные пути развития в XVIII – XX вв.», содержатся материалы коллег Тофика Муслимовича, посвященные различным аспектам истории народов региона. О.В. Хаванова исследует судьбу членов Ордена иезуитов после его ликвидации, показывая, как складывались карьеры экс-иезуитов в Дунайской империи в 70-80-е гг. XVIII в. Средняя Европа в XIX в. становится ареной активного развития национальных движений. Процесс формирования национальной идентичности предполагал мифологизацию исторического прошлого народов и создание героических образов в коллективной памяти. В чешских землях в качестве такого национального героя выступает К. Гавличек, биография которого «обрастала» мифами еще при его жизни. Данный сюжет нашел отражение в материале, подготовленном О.В. Павленко. Эта тематика, но в несколько ином ракурсе, получает продолжение в статье Е.В. Сироткиной, где рассматриваются проблемы участия австро-немецкой интеллигенции в формировании национальной идеи. Историю империи Габсбургов невозможно плодотворно изучать изолированно от истории других народов региона. Поэтому в альманахе вошла работа С.М. Фалькович, в которой автор исследует проблемы конструирования образа Европы в польском интеллектуальном пространстве XIX в.

В третий раздел, «Народы Средней Европы в мировой политике XVII – XX вв.», вошли материалы российских и венгерских ученых: Шандора Гебеи, Ю.Е. Ивонина, Б.З. Боташевой, М.Ю. Чуканова, С.В. Кретинина, в которых затронуты различные аспекты международных отношений в регионе в новое и новейшее время. Народы Средней Европы зачастую становились заложниками острой конфронтации Великих держав, определявших исторические судьбы Европы в целом, особенно это проявилось с распадом Дунайской империи после Первой мировой войны.

Логичным продолжением предыдущего раздела стали материалы четвертого раздела альманаха, «Австро-Венгрия / Австрия в мировых войнах XX в.». В обеих мировых войнах Вена оказалась в числе побежденных. И ее судьбы зависели как от позиции победителей (о чем пишет наш украинский коллега В.П. Фисанов), так и от реакции на поражение самого австрийского общества. Это убедительно показано в работе О.С. Горловой, в которой характеризуется реакция австрийцев на политику денацификации после Второй мировой войны. В представленном выпуске альманаха получил развитие такой аспект истории войн, как история плена и военнопленных. В статье И.В. Крючкова рассматривается проблема оказания помощи военнопленным в годы Первой мировой войны и отношение к ней властей и общественности Ставрополя. История плена находит продолжение в статье Т.А. Булыгиной, в которой рассматривается положение военнопленных Австро-Венгрии и других стран Четверного союза в условиях политических катаклизмов в России в 1918-1920 гг., в данном случае на примере Ставропольской губернии. В раздел вошел материал В.В. Миронова, посвященный перспективам изучения деятельности военной юстиции Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Такого рода исследования раскрывают новые грани истории Первой мировой войны, показывая особенности функционирования правовых институтов империи в экстремальных условиях.

В третьем выпуске альманаха открывается новая рубрика, «История и культура империи Габсбургов: лекционные материалы», которая призвана помочь изучающим историю Дунайской империи. «Австрицистика» – особая дисциплина в курсах по зарубежному страноведению, поскольку в центре ее внимания находится многонациональный территориальный комплекс со своеобразным историко-культурным развитием. Она охватывает проблемы междисциплинарного уровня:

нациообразовательные процессы в сравнительно-исторической ретроспективе; соотношение коллективной идентичности имперского государства с параллельными процессами формирования национальных и локальных идентичностей; социокультурный смысл двух пространств – имперского многосоставного «oesterreichertum» и национального. «Австрийские исследования» выходят за рамки чисто страноведческой проблематики, формируя совершенно другое проблемное поле – процесс строительства многосоставного государства и процесс поддержания консенсуса между разными по форме и содержанию этнокультурными и политическими составляющими этого государства. В данном случае исторический опыт Австро-Венгрии уникален. Первым лекционным материалом, представленным в альманахе, стал материал О.В. Павленко «Мария Терезия (1740-1780)», посвященный жизни и деятельности одной из самых заметных фигур в истории империи Габсбургов.

В последнем разделе альманаха впервые опубликовано хранящееся в фондах РГАЛИ письмо известного советского литературоведа А. Дымшица сотруднику отдела культуры ЦК КПСС Ю.Я. Барабашу от 14 октября 1968 г. Данный материал, сопровождаемый комментариями А.С. Стыкалина, отражает неоднородность интеллектуальной жизни в странах Восточной Европы даже после подавления «пражской весны» 1968 г.

Редколлегия издания надеется, что третий выпуск альманаха вызовет интерес не только среди специалистов по истории стран Центрально-Восточной Европы, но и у более широкого круга читательской аудитории.

От редколлегии

РАЗДЕЛ I. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Т.М. ИСЛАМОВА

А.С. Стыкалин
(Институт славяноведения РАН)

ТОФИК МУСЛИМОВИЧ ИСЛАМОВ (1927 – 2004 гг.)

Тофик Муслимович Исламов в течение трех десятилетий был признанным главой целого тематического направления в отечественной историографии, которое условно можно было бы назвать «среднеевропейстикой». Крупный специалист по истории Австрии и Венгрии, проблемам международных и межнациональных отношений в Средней (или Центральной) Европе в новое и новейшее время, он оставил своими лучшими работами заметный след в науке¹. Человек высокого профессионализма и громадной эрудиции, Т.М. Исламов снискал уважение коллег-историков не только дома, в России, но далеко за ее пределами – его приглашали выступать с лекциями в университетах Вены и Будапешта, ввели в редсовет солидного американского издания «*Austrian History Yearbook*».

Тофик Муслим оглы Исламов (именно так было бы правильнее его называть) родился 1 мая 1927 г. в Баку в семье железнодорожного служащего. Многодетную семью не миновали утраты, выпавшие на долю многих советских семей: старший брат Тофика погиб на одном из фронтов Великой Отечественной войны.

В 1946 г., по окончании средней школы, Тофик поступил в Азербайджанский госуниверситет. Незаурядные способности юноши были замечены уже на первом курсе: по рекомендации преподавателей Тофик Исламов был направлен в Ленинград для продолжения образования на истфаке ЛГУ. Позже, переведенный в МГУ, он закончил в 1951 г. Московский университет и поступил в аспирантуру Института истории АН СССР.

В 20 лет навсегда уехав из Баку, Тофик Исламов не порывал связей с родной землей, всегда живо интересовался происходящим на Кавказе и в Закавказье. С конца 1980-х годов, когда прежде скрытые для невооруженного глаза этнические противоречия обернулись острыми кровавыми конфликтами, Т.М. Исламов особенно внимательно следил за развитием ситуации. Он поддерживал связи с азербайджанской элитой, имел свою точку зрения на пути разрешения межнациональных конфликтов, которую ненавязчиво излагал при встречах с этнологами. Болезненно воспринимал любые предубеждения против выходцев с Кавказа. Человек, неплохо знавший Ислам и высокую культуру народов Ближнего и Среднего Востока, он всю жизнь, однако, тянулся к высокой европейской культуре, принимал ее базовые духовные ценности и смотрел на мусульманский мир скорее извне, чем изнутри.

¹ Говоря о Средней (Центральной) Европе, мы имеем в виду регион, за которым в англоязычной литературе прочно закрепилось трудно переводимое на русский язык понятие «East Central Europe». То есть речь идет о восточной части Центральной Европы, тогда как западной следует считать в первую очередь Германию. Для Т.М. Исламова термин «Средняя Европа» был более предпочтительным, нежели «Центральная Европа», поскольку «подразумеваемые страны центрального положения по отношению ко всей остальной Европе никогда, ни в прошлом, ни в настоящем, не занимали и не займут, очевидно, в обозримом будущем. Нас вправе спросить: если это «центр», то где же периферия? Или таковой надо считать Западную Европу? Но ведь не о чистой географии идет речь, а об истории, о прогрессе, о цивилизации и культуре. Мы за менее вызывающий и претенциозный, более умеренно-точный термин Средняя Европа, ибо регион этот занимает промежуточное положение между Западом и Востоком и в содержательном плане, историко-культурном смысле представляет собой промежуточную зону» (Т.М. Исламов, С.М. Фалькович. Средняя Европа в Новое время (XVIII в. – 1918 г.) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 96).

В юности Т.М. Исламов повезло с учителями. В Ленинграде он слушал лекции Е.В. Тарле, учился у О.Л. Вайнштейна, Н.П. Полетики. В Москве учителями были Н.Е. Застенкер, А.С. Ерусалимский, Р.А. Авербух, опубликовавшая несколько больших (и долгое время лучших в советской историографии) работ по истории венгерской и австрийской революций 1848 г. Свою кандидатскую диссертацию он выполнил под руководством Е.И. Рубинштейн, в свое время известного специалиста по истории Первой мировой войны. В начале 1950-х годов, когда в советском гуманитарном знании торжествовала сталинская ортодоксия, основы марксизма молодому аспиранту Тофику Исламову преподавал не кто-нибудь, а полуоппальный в то время, исключавшийся из партии Михаил Лифшиц, широко образованный философ и эстетик, ближайший друг и единомышленник Дьердя Лукача, одного из крупнейших марксистов XX века, прожившего без малого полтора десятка лет в СССР. Позже, по окончании аспирантуры, Т.М.Исламов работал в Институте истории АН СССР рядом с Б.Ф. Поршневым, А.З. Манфредом, Б.Г. Вебером, В.М. Лавровским, Ф.В. Потемкиным. Особенно большую роль в становлении молодого историка сыграл, пожалуй, В.М. Турок-Попов (1904-1981), человек удивительной биографии и незаурядного научного дарования, не только выдающийся знаток истории Австрии, особенно межвоенной, но и свидетель многих исторических событий XX века. В юности, в 1920-е годы, Владимир Михайлович, выполняя поручения Коммунистического интернационала молодежи, жил в Вене, ставшей в это время пристанищем для революционеров из разных стран Средней Европы и Балкан². Он поддерживал контакты и с венгерскими политэмигрантами, а уже на склоне лет, занимаясь исследовательской работой, внимательно следил за публикациями венгерских историков, которые мог читать на языке оригинала. Свой интерес к проблемам общественно-политических движений в странах Средней Европы, и не в последнюю очередь в Венгрии, Турок-Попов передал Т.М.Исламову, вероятно, наиболее способному из своих учеников³.

Уже став зрелым ученым, Т.М. Исламов работал рядом с Ю.А. Писаревым, И.С. Миллером, В.А. Дьяковым, был соавтором В.И. Фрейдзона и ленинградца А.С. Мыльников. Долгие годы дружбы связывали его с В.Н. Виноградовым, Г.Г. Литавриным, В.П. Шушариним, В.Л. Мальковым. Постоянное общение со всеми этими видными историками также способствовало повышению его профессионального мастерства.

С начала 1950-х годов в силу вполне понятной политической конъюнктуры все большее внимание в СССР стало уделяться изучению истории стран «народной демократии». Вводятся новые специализации на истфаке МГУ, а также в аспирантуре Института истории АН СССР. Тофик Исламов еще старшекурсником начал изучать венгерский язык, тема по венгерской истории была предложена ему при поступлении в аспирантуру.

Известно, что вызов нацистской Германии еще до войны заставил сталинских идеологов кардинально пересмотреть свое отношение к идее славянской взаимности, ранее отнесенной к вредному «буржуазному хламу». Тост за славянское единство впервые после долгого перерыва прозвучал в Кремле в мае 1935 г. при подписании договора с масариковской Чехословакией. Позже, на заключительном этапе войны, по мере того, как все более явственно обозначалась перспектива советского присутствия в Средней Европе и на Балканах, власти все упорнее и последовательнее пытаются не только превратить славянскую идею в инструмент своей политики, но и совместить ее с господствующей идеологией. Ирония истории (и ее диалектика) заключалась в том, что основоположник этой идеологии Карл Маркс в свою эпоху относился к числу самых

² См. его мемуары – весьма интересный и в то же время почти невостребованный исследователями источник: В.М. Турок. Мое знакомство с революционерами и цареубийцами // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе. М., 1966. С.151-170.

³ Впоследствии Т.М. Исламов оставил о В.М. Туроке интересные воспоминания. См.: «В.М. доктор Турок» // Славяноведение. 1995. N.1. С вдовой В.М. Турока К.А. Антоновой он поддерживал связи до последнего года жизни.

заклятых врагов имперского панславизма и уж едва ли мог себе представить собственную теорию в качестве его победоносного оружия.

Как бы там ни было, восстанавливается в правах историческая славистика, разгромленная в начале 1930-х годов. Для славистических исследований создается соответствующая институциональная база (в 1939 г. в МГУ образуется кафедра истории южных и западных славян, а в 1947 г. возобновляет работу Институт славяноведения АН СССР). Хуже обстояло дело с изучением истории Венгрии, Румынии, Албании. В сравнении с молодыми историками-славистами, которые могли опереться на давнюю и богатую (хотя и искусственно прерывавшуюся) традицию в отечественной науке, начинающий специалист по Венгрии, прошедший хорошую подготовку по всеобщей истории, хотя и мог получить консультации опытных страноведов-унгаристов (главным образом, выходцев из коммунистической эмиграции), все-таки в большей мере был вынужден полагаться на собственные силы и чаще идти по историографической целине (контакты с коллегами в самих изучаемых странах, обмен необходимой научной литературой налаживаются несколько позже, со второй половины 1950-х годов). Из кандидатской диссертации Т.М. Исламова, защищенной в 1955 г., вырастает солидная по объему (более 400 стр.) монография «Политическая борьба в Венгрии в начале XX века» (М., 1959). Ее логическим и хронологическим продолжением стала другая его капитальная работа, «Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. 1906-1914» (М., 1972). Через год после выхода в свет она была защищена в качестве докторской диссертации – в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, куда Т.М. Исламов пришел вместе с другими специалистами по странам Средней Европы в 1968 г. вследствие крупномасштабной реорганизации Института истории АН. Переведенная (в сокращении) на венгерский язык, эта книга была опубликована также в Венгрии в 1976 г.

Таковы были главные вехи жизненного пути, за которыми, однако, стоял огромный духовный труд, отнюдь не сводившийся к непосредственной работе над двумя диссертациями. С самого начала сфера научных интересов Т.М. Исламова не ограничивалась началом XX в., распространялась на XVIII-XIX вв., причем историю Венгрии он всегда понимал широко – как историю земель венгерской короны в системе монархии Габсбургов, а с другой стороны, как историю венгерского этноса в его тесных и весьма непростых взаимоотношениях с соседними (немецким, славянскими, восточнороманским) этносами в регионе, где межэтнические и межгосударственные границы почти никогда не совпадали. В 1960-е годы сначала в недрах Института истории АН СССР, а позже в Институте славяноведения и балканистики готовились «История Венгрии» и «История Румынии», каждая в нескольких томах. В «Истории Румынии. 1848-1917» (М., 1971) перу Т.М. Исламова принадлежали главы по истории Трансильвании, относившейся к землям венгерской короны. Будучи ответственным редактором второго тома трехтомной «Истории Венгрии» (М., 1972), охватывавшего период с конца XVIII в. по 1918 г., он проделал также огромную авторскую работу – в одиночку либо в соавторстве им было написано подавляющее большинство глав этого фундаментального труда, нашедшего позитивный отклик венгерских коллег. Над синтетическими страноведческими трудами Т.М. Исламов работал и позже – достаточно назвать «Краткую историю Венгрии. С древнейших времен до наших дней» (М., 1991, около 40 п.л.), написанную им совместно с В.П. Шушариным и А.И. Пушкашем.

Вместе с тем со специфически венгерской тематики главный акцент в деятельности Тофика Муслимовича постепенно перемещался на общие проблемы монархии Габсбургов. С середины 1970-х годов в Институте славяноведения и балканистики шла работа над многотомной серией монографий «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры». Ее венцом стал этапный для советской историографии двухтомник «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980-1981 гг.), органично соединивший в себе разделы по истории отдельных земель и народов с проблемно-тематическими главами, написанными на материале разных частей полиэтничного государства. Перу Т.М. Исламова принадлежат в этом труде принципиально важные разделы, посвященные не только

венгерскому национальному движению в его различных идейно-политических течениях, но и внешней политике империи. Главы о месте и роли монархии Габсбургов на международной арене, среди других европейских держав, предвосхитили более поздние работы ученого по этой тематике. С другой стороны, Т.М. Исламова интересовали проблемы этнической истории – формирования наций, национального сознания и самоопределения, возникновения и развития межэтнических конфликтов, а также теоретические аспекты национализма. В одном из коллективных трудов той же серии, «У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» (М., 1984), он проследил длительную эволюцию венгерской политической нации («*natio hungarica*»), включавшей в себя господствующий класс всех земель венгерской короны, к нации в ее современном понимании.

Не менее важным делом, нежели участие в крупномасштабных коллективных проектах, Т.М. Исламов считал работу над концептуальными статьями в исторической и общественно-научной периодике, способными вызвать отклик более широкого круга коллег, а иной раз и спровоцировать дискуссию. Его статьи публиковались в таких журналах, как «Вопросы истории», «Свободная мысль», «Россия и современный мир», «Общественные науки и современность», «Славяноведение» и другие, но главным своим журналом он считал «Новую и новейшую историю», в редколлегии которого состоял около двух десятков лет. Способность Т.М. Исламова к широким обобщениям позволяла ему в рамках сравнительно небольшой журнальной статьи проводить, сопоставляя опыт разных стран и регионов, типологические параллели между процессами исторического развития, формирования наций, модернизации обществ. Статья «Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе» (совместно с В.И. Фрейдзоном. Новая и новейшая история. 1986. N.1) положила начало плодотворной дискуссии с участием ведущих отечественных историков. На большие теоретические обобщения Т.М. Исламов выходил и в статье «Абсолютизм в странах Западной Европы и в России. Опыт сравнительного изучения» (совместно с Е.В. Гутновой и С.О. Шмидтом. Новая и новейшая история. 1985. N.3). С другой стороны, Т.М. Исламову нередко приходилось выступать и в научно-популярных жанрах – его перу принадлежат предисловия и послесловия к произведениям венгерской исторической беллетристики (а также рассчитанным на широкую аудиторию книгам профессионалов-историков), опубликованным в русских переводах. Можно вспомнить документальную повесть Шандора Фекете «Лайош Кошут», книгу историка Дьердя Шпира «Четыре судьбы. К истории политической деятельности И.Сеченьи, Л.Баттjани, Ш.Петефи и Л.Кошута», историко-документальный роман Иштвана Барта «Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа».

В 1978 г., после смерти выдающегося полониста И.С. Миллера, Т.М. Исламов возглавил в Институте славяноведения и балканистики АН СССР сектор (с середины 1980-х годов отдел) новой истории стран Центральной Европы, которым руководил около двух десятилетий. Он попытался создать на базе отдела первый и единственный в России комплексный центр по изучению Австрийской империи, в 1867 г. преобразованной в Австро-Венгрию. Стремление Тофика Муслимовича не всегда находило понимание коллег, кое-кому оно казалось неоправданным вызовом многолетней традиции, в соответствии с которой монархию Габсбургов рассматривали почти исключительно как «тюрьму народов», чей опыт организации многонационального пространства едва ли заслуживал (как априорно негативный) слишком внимательного изучения, а тем более переоценки. «Создание в 1867 г. двуединой Австро-Венгрии было лишь продолжением той же постоянной войны Габсбургов с поработенными народами. Не будучи в состоянии справиться с растущим национально-освободительным движением, австрийские правители переложили часть этих «забот» на Венгрию, выделив ее из других подвластных себе стран... Австрия, а потом Австро-Венгрия была и оставалась «тюрьмой народов» и тем самым вынесла себе смертный приговор», – такая точка зрения была доволно характерна для отечественной науки даже конца 1980-х годов⁴.

⁴ Вопросы литературы. 1989. N.11. С.36-37.

Надо сказать, что в создание этого живучего образа внесли свою лепту не только марксисты. Негативное отношение к юго-западному соседу было характерно почти для всей дореволюционной отечественной историографии⁵. Т.М. Исламов считал это совсем не удивительным, ведь «империя Габсбургов воспринималась в первую очередь как исторический противник России, как главная ее соперница на Балканах, к тому же «незаконно» властвовавшая над славянскими народами Средней Европы – потенциальными проводниками русского влияния в регионе»⁶. Причем российская историография в своих отрицательных оценках дунайской монархии не была одиноким. Образ «обветшалого царства» (Д.Ллойд-Джордж), «обреченного на гниение и распад», доминировал в начале XX в. в публицистике и общественном мнении всех враждовавших с Австро-Венгрией и Германией государств, а с началом Первой мировой войны планомерная пропагандистская кампания по дискредитации Австро-Венгерской монархии набрала полную силу⁷.

Не трудно, впрочем, впасть и в другую крайность: образ «тюрьмы народов» заменить не менее односторонним – их «дружной семьи». В моменты обострений межнациональных противоречий в Центральной и Юго-Восточной Европе, этнических чисток (в том числе и на землях, когда-то принадлежавших Габсбургам, в частности, в Боснии) не только публицисты, но и историки, политологи в разных странах отдавали дань ностальгическим настроениям, не избегали соблазна противопоставить современной Средней Европе, а тем более Балканам монархию Габсбургов в качестве некоего образца и ориентира при разрешении национальных споров. Из эпохи Франца-Иосифа, писал в этой связи Т.М. Исламов, «изымаются и 1848-1849 гг., и Первая мировая война. Так, в памяти нескольких поколений австрийцев, да и не только одних австрийских «его подданных», но и венгерских и других, остался образ благообразного старого господина с седой раздвоенной бородой. Увековечению и популяризации этого «имиджа» по-своему способствовал Йозеф Швейк с его добродушными шутками над облепленным мухами портретом старого императора, висящем на видном месте в зале пражского трактира. Впечатление о «благополучном царствовании» Франца Иосифа и добром императоре еще больше усилили обрушившиеся на народы бывшей его империи бедствия, связанные с фашизмом и Второй мировой войной»⁸. Таким образом, некоторые новые, идиллические интерпретации, даже если и видеть в них закономерную реакцию на прежнюю тенденциозность, также рискуют исказить историческую реальность односторонним подчеркиванием позитивных и игнорированием негативных сторон в истории многонационального государства.

Т.М. Исламов, отнюдь не идеализируя габсбургские порядки, вместе с тем хотел показать в своих работах противоречивость исторического процесса, никогда не вписывающегося в априорно заданные формулы «тюрьмы народов» и т.д. Как, в самом деле, можно вывести из всех этих схем тот показательный факт, что, завоевав независимость лишь в 1918 г., Чехословакия

⁵ Историографии не слишком внушительной по числу и объему работ. В России, несмотря на географическую близость и многовековое соседство, несмотря на многообразие и интенсивность контактов с династией Габсбургов и ее владениями, австрийская проблематика оставалась, как правило, где-то на периферии исследований зарубежной истории. Ситуация до некоторой степени стала меняться лишь в канун Первой мировой войны, с появлением яркого, безвременно скончавшегося историка – петербургского приват-доцента Павла Митрофанова.

⁶ Исламов Т.М. Конец средневропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства (Отв. редакторы Т.М. Исламов, А.И. Миллер). М., 1995. С. 31.

⁷ Некоторое исключение составляли разве что США – озабоченный в то время своими собственными проблемами и не проявлявший пока еще большого интереса к европейским территориальным спорам Новый свет оставался безучастным к страстям, кипевшим вокруг монархии Габсбургов. В силу этого, там сохранялся иммунитет против преубеждений и предрассудков европейских союзников, что, кстати сказать, стимулировало и развитие научного знания – со временем в США сложилась сильная школа по истории Австро-Венгрии, высоко ценившаяся Т.М. Исламовым (См.: Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. С.28).

⁸ Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней. М., 1991. С.286.

сразу же вошла в первую десятку наиболее развитых стран мира? Притом, что экономическое процветание чешских земель было, прежде всего, результатом стихийного развития капитализма, а не целенаправленной государственной политики, важно заметить, что габсбургские рамки отнюдь не стали препятствием на пути промышленного подъема. Не менее симптоматично, что формировавшаяся при отсутствии собственной государственности, в составе Австро-Венгерской монархии, чешская буржуазная нация стала в 1920 – 1930-е годы носителем одной из наиболее продвинутых (при всех своих изъянах) форм демократии в межвоенной Европе.

Т.М. Исламов не забывал и о другом: те малые славянские этносы Средней Европы, которые не имели в XIX в. собственной государственности, не всегда торопились распахнуть в сторону Востока двери «тюрьмы народов», иногда предпочитая габсбургский гнет более «кровнородственному» российскому. Какие бы острые межнациональные противоречия ни раздирали империю, сохранение ее для народов, стиснутых между двумя колоссами – Германией и Россией, воспринималось некоторыми славянскими идеологами как вопрос жизни и смерти, единственный путь, позволяющий избежать ассимиляции. Так, теоретик австрославизма Ф.Палацкий писал об Австрии как о «европейской необходимости», способной защитить малые нации Средней Европы от угрозы прусского пангерманизма и от все более внушавшего опасения российского имперского панславизма и, что не менее важно, гарантировать стабильность в регионе. И позже, вплоть до начала Первой мировой войны, большинство идеологов национальных движений Австро-Венгрии, включая Т.Г. Масарика, хотя и не было удовлетворено положением своих народов, все-таки чаще искало пути разрешения существующих проблем именно в рамках дуалистической монархии, не выступало за ее немедленное разрушение, отдавая предпочтение более плавной трансформации в иное качество. Идеи дунайской федерации, которые выдвигал, в частности, лидер венгерской революции 1848 г. Л. Кошут, страдали явным утопизмом, тогда как монархия Габсбургов существовала реально, при всем своем системном несовершенстве внушая многим современникам надежды на возможность реформирования.

Попыткам реформирования системы межнациональных отношений, как в масштабе всей монархии, так и в отдельных ее частях, Т.М. Исламов уделял особое внимание. При этом он тщательно анализировал причины неудач. Хотя идейно-политические традиции дома Габсбургов мало отвечали задачам реорганизации монархии на новых основаниях, активизация национальных движений, усиление центробежных тенденций в империи, равно как и внешние вызовы (в первую очередь прусский), вынудили венские власти всего через десятилетие после подавления венгерской революции к поиску компромиссных решений. Реальное воплощение на практике получило австро-венгерское Соглашение 1867 г. Оно дало империи иллюзию стабильности, но в лучшем случае только на три десятилетия, и то лишь ценой отчуждения славянских народов, составлявших более половины населения монархии. К началу XX в. соглашение дома Габсбургов с Венгрией в силу многих причин дало явную трещину, перестав удовлетворять обе стороны. Имперская идеология, коренившаяся в феодальных, династических концепциях, при всем своем наднациональном содержании так и не сумела предложить эффективные способы согласования интересов центра с интересами отдельных наций. Репутация великой державы, способной хоть как-то оградить своих разноязыких подданных от внешних агрессий, да привычное поклонение граждан престарелому императору Францу Иосифу, символизировавшему незыблемость устоев, были единственным, что поддерживало существование Австро-Венгрии, пока не разразилась Первая мировая война, отнюдь не переломившая вектора развития, но вместе с тем ускорившая крах когда-то могущественной европейской империи, слабевшей с каждым новым десятилетием, превращавшейся в сателлита Германии. Раздираемая внутренними противоречиями и полностью подчинившая свою внешнюю политику интересам Германского рейха монархия Габсбургов вопреки ожиданиям некоторых политиков так и не стала гарантом поддержания равновесия, сохранения стабильности в регионе.

Оценивая роль венгерского фактора в монархии, Т.М. Исламов, с одной стороны, отмечал его консолидирующее значение в условиях вызова пангерманизма и панславизма (в различных формах). С другой стороны, он признавал, что зачастую в первую очередь именно Будапештом блокировалась выработка иных, возможно более совершенных способов организации средневропейского пространства.

Сосредоточившись на общих проблемах истории Австро-Венгрии, ее внешней политике, отношениях с Российской империей, Т.М. Исламов в 1980 – 1990-е годы опубликовал целый ряд статей, главы в коллективных трудах⁹. С изучением им австро-венгерской истории тесно связан его интерес к средневропейской идее и – шире – проблеме формирования историко-географических регионов Европы. Статьи по этому кругу проблем были опубликованы им в «Европейском альманахе», журналах и сборниках¹⁰.

Значительные изменения, произошедшие в Европе с конца 1980-х гг., заставили историков взглянуть по-новому на некоторые устоявшиеся определения и в том числе переосмыслить содержание понятия «Восточная Европа». Раздел континента на сферы влияния сверхдержав по итогам Второй мировой войны, установление биполярной ялтинско-потсдамской системы международных отношений, затушевав региональную специфику Средней Европы и Балкан, выдвинули на первый план (не только в СССР, но и на Западе) именно эту дефиницию с присущей ей ярко выраженной политической окраской. Жесткие категории межблокового противостояния не всегда позволяли разглядеть за унылым однообразием тоталитарных режимов средневропейскую специфичность, отличие ее от балканской. Только с крушением послевоенной системы с прежней отчетливостью обозначились исторически сложившиеся существенные различия между странами, относившимися к распавшемуся советскому блоку, сама средневропейская идея получила новое звучание.

Средневропейская региональная специфика, как неоднократно отмечал в своих работах Т.М. Исламов, складывалась не только под влиянием внешних сил. Народы, веками проживавшие в тесном соседстве, на определенной географической территории, где сами границы этносов всегда носили довольно размытый характер, сформировались в некоторую наднациональную общность, история которой дает нам примеры не только отталкивания, но и притяжения. Опыт их сосуществования, по мнению Т.М. Исламова, бесполезен нам сегодня в поисках путей европейской интеграции.

Несомненно, что главным регионообразующим фактором в Средней Европе было многонациональное государственное образование – Австрийская империя, с 1867 г. Австро-Венгерская монархия. По справедливому замечанию Т.М.Исламова, эти земли на протяжении «бурной истории могучими порывами кидало от берега к берегу до тех пор, пока утвердившаяся здесь новая средневропейская империя не стабилизировала международно-правовой статус региона и его положение в отношении к соседним регионам»¹¹. И совершенно естественно, что в странах Средней Европы любые размышления на тему о путях и формах межнациональной интеграции и гарантиях общей безопасности не могут в той или иной мере не отталкиваться от опыта Австро-Венгрии, монархии, переставшей существовать еще в 1918 г., но оставившей во многом уникальное по своей многогранности историческое наследие, без критического изучения которого едва ли смогут обойтись те, кто занят поисками путей разрешения национальных проблем.

⁹ Список основных его трудов, опубликованных до 1998 г., см. в книге: Центральная Европа в новое и новейшее время. Сборник к 70-летию Т.М. Исламова (Отв. редактор А.С. Стыкалин). М., 1998. С.226-229. См. в настоящем издании обновленный список.

¹⁰ См., например: Т.М. Исламов, В.И. Фрейдзон. Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1992. М., 1992. С.119-133; Т.М. Исламов. Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион (Отв. редактор А.И. Миллер). М., 1996. С.49-72.

¹¹ Исламов Т.М. Средняя Европа на начальном этапе модернизации. С.52. Статья «Империя Габсбургов: становление и развитие. XVI-XIX вв.» (Новая и новейшая история, 2001. N.2) явилась итогом многолетнего изучения истории полиэтничной дунайской державы и опиралась на новейшие достижения международной историографии.

Более двух десятилетий Т.М. Исламов по сути дела возглавлял направление отечественной историографии, сосредоточенное на изучении истории межэтнических взаимоотношений в Средней Европе в новое и новейшее время. Некоторые его замыслы были реализованы в коллективных трудах, подготовленных вместе с учениками и единомышленниками¹². В силу традиции, начавшей формироваться в отечественной исторической науке еще в XIX в. и получившей новые импульсы в середине 1940-х годов, в период господства сталинского неопанславизма, региональным подходом при изучении истории Средней Европы и Балкан нередко пренебрегали, тогда как явный приоритет отдавался систематизации изучаемых стран и народов по этническому признаку. Славянским народам иногда уделялось внимание непропорциональное реальному весу некоторых из них в полиэтничном государстве, что неминуемо приводило к искажениям. Габсбургский, имперский контекст, этнокультурная, этнополитическая среда существования отдельных славянских народов прорисовывались во многих славистических работах довольно слабо. Так, рассмотрение истории Словакии в XIX – начале XX вв. часто происходило в отрыве от более общих политических и социальных процессов, протекавших в Венгерском королевстве, неотъемлемой частью которого была вплоть до 1918 г. Словакия. Складывалось положение, на неестественность которого обратил в свое время внимание даже небезызвестный А.А. Жданов, увидевший в противопоставлении славянских народов неславянским опасность сужения базы советской внешней политики, препятствие для вовлечения неславянских стран в орбиту советского влияния. «Выдумывают славянскую экономику, поддерживают иллюзию, что этапы перехода от капитализма к социализму в славянских странах какие-то особые, чем в других странах», – с нескрываемым раздражением говорил главный сталинский идеолог 27 марта 1948 г. на совещании в ЦК ВКП (б) в связи с подготовкой конгресса ученых-славяноведов, так и не состоявшегося¹³.

Т.М. Исламов признавал, что существование самостоятельной области знания – исторического славяноведения способствовало более углубленному изучению многих конкретных проблем истории отдельных народов. Отдавал он себе отчет и в сугубо психологических причинах, заставлявших историков второй половины XX века (не только в СССР) уделять подчас несколько гипертрофированное внимание средневропейскому славянству (и в частности, в монархии Габсбургов): опыт Второй мировой войны не только делал затруднительным беспристрастное отношение к роли немецкого элемента в развитии региона, но и вел к непомерному возвеличению германо-славянского противостояния как фактора исторического процесса. Между тем, применительно к ряду периодов новой истории абсолютизация такого противостояния создавала не всегда адекватное представление о месте и значении русско-славянских связей в культурно-историческом развитии западных и южных славян. А самое главное, не обращалось должного внимания на сложность межнациональных отношений внутри империи Габсбургов, в которую часть славянства неплохо интегрировалась. Идеи славянской взаимности, замечал Т.М. Исламов, становились востребованными и популярными «в моменты национальных катастроф, когда та или иная славянская нация особенно ощущала потребность в дополнительной поддержке»¹⁴. Действительно,

¹² См., в частности, проблемные сборники: *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX века*. М., 1991; *Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30-70-е годы XIX в.)*. М., 1991; *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX века*. М., 1991; *Национализм и формирование наций: Теории – модели – концепции*. М., 1994; *Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства*. М., 1995; *Центральная Европа как исторический регион*. М., 1996; *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика*. М., 1997; *Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917 – 1990-е годы)*. М., 1999. Часть из них была подготовлена по итогам представительных международных конференций.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.77. Оп.1. Д.990. Л.2.

¹⁴ Исламов Т.М. *Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // Новая и новейшая история*. 1996. N.5. С.22.

они придавали сербам и болгарам сил в борьбе с турецким игом, выполняли защитную функцию в условиях, когда чехам, словакам, хорватам, словенцам угрожали германизация или мадьяризация. Повышение интереса к концепциям славянской общности было характерно для чешской интеллектуальной элиты в период Второй мировой войны. Стимулируя историческую память, повышая статус этнического самосознания малых общностей и облегчая преодоление локальной и религиозной разобщенности славянских народов в условиях чужеземного гнета, эти идеи, вместе с тем, иной раз уводили в сторону от понимания конкретных нужд национального развития. Как бы там ни было, сыграв свою позитивную роль в экстремальной ситуации, «увлечение славянским вопросом всегда быстро уступало место другим, не привязанным жестко к принципам и критериям языкового родства»¹⁵. Как ни болезненно это подчас воспринималось в России, ход истории постоянно свидетельствовал о том, что по мере своей политической эмансипации зарубежные славяне все более тянулись к Западу, к более прогрессивным формам жизни. И наиболее мудрые петербургские дипломаты кануна Первой мировой войны осознавали, что венгерский «гнет быть может есть лучшая гарантия любви венгерских славян к России. С прекращением его у них явятся другие интересы и – большой вопрос, будут ли последние соответствовать нашим»¹⁶. В одной из памятных бесед Тофик Муслимович горячо солидаризировался со словами известного филолога А.Н. Пыпина, писавшего где-то, что Россия может стать примером для других славянских народов не иначе как после значительной внутренней работы над самой собой, над условиями своего быта¹⁷. А как историк-практик, отдавая дань славистической тематике (и читая в 1990-е годы курс истории зарубежного славянства в Государственном университете гуманитарных наук), Т.М. Исламов последовательно отстаивал необходимость более сбалансированного регионального подхода к средневосточной истории, где судьбы славянских и неславянских народов были тесно переплетены. Он считал методологически ошибочным исследование любого народа изолированно, в отрыве от истории окружающих его этносов, равно как и от общих тенденций развития полиэтничных государственных образований, включавших в себя данный народ. К сожалению, усилия Тофика Муслимовича по созданию на базе Института славяноведения центра австро-унгаристики и комплексных средневропейских исторических исследований были в значительной мере сведены на нет в конце 1990-х годов, и отчасти по субъективным причинам. На каком-то этапе в процессе очередной реорганизации возникла даже идея вывести унгаристику из стен Института, в котором сложилась давняя традиция унгарологических исследований. Т.М. Исламов и его ближайший друг В.П. Шушарин (крупнейший отечественный медиевист-унгарист) реагировали на это не только с болью, но с иронией. Мадыяры, еще в IX веке вбившие клин между западным и южным славянством, настолько сплели свою судьбу с судьбами славянской общности, что игнорировать венгерский контекст при изучении славянского мира – пагубно для самой славистики.

В последние десятилетия круг научных интересов Т.М. Исламова охватывал три столетия. В ряде статей конца 1990-х годов он обратился к изучению международных отношений середины – второй половины XVIII в.¹⁸ Одной из излюбленных тем Тофика Муслимовича оставалась венгерская революция 1848 г., которую он неизменно рассматривал в общеевропейском контексте.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ненашева З.С. Словацкий вопрос в контексте национальных движений Венгрии в конце XIX – начале XX в. (По материалам российских дипломатических служб) // Славянский вопрос: Вехи истории. Отв. редактор М.Ю. Досталь. М., 1997. С.146.

¹⁷ См.: А.С. Стыкалин. Метаморфозы истории и славянское братство: Размышления над книгой // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С.236-246.

¹⁸ См., в частности, статью Исламова Т.М. Заговор против Польши. О роли русско-пруско-австрийского альянса 1772 – 1773 гг. в разделе Польского государства // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999. Т.М. Исламов был также среди авторов труда «Век Екатерины II: Россия и Балканы» (М., 1999).

На рубеже 1990-х – 2000 годов в работах некоторых известных историков, и, прежде всего И.В. Чуркиной, наметилась тенденция представить едва ли не магистральной тенденцией антиабсолютистской демократической революции 1848–1849 гг. столкновение на национальной почве славян в лице сербов и хорватов с «нехорошими» мадьярами, проводившими шовинистическую политику в отношении других народов. По мнению И.В. Чуркиной и ее единомышленников, именно венгры разрушили единый фронт народов Австрийской империи против Габсбургов и дали возможность последним укрепить свое положение¹⁹. Вступивший в дискуссию Т.М. Исламов писал о том, что произошедший в 1848–1849 гг. в Средней Европе необычайно мощный всплеск страстей на национальной почве впервые в мировой истории воочию продемонстрировал в масштабе всего региона взрывную силу национализма во всех его формах и проявлениях. Национальный момент, конечно, с самого начала присутствовал и в венгерском революционном движении, однако не был, по его мнению, доминирующим, играл подчиненную роль, по крайней мере, на первых порах. Программа Л. Кошута, относящаяся к весне 1848 г., ставила своей целью введение конституционного строя в масштабе всей обширной средневропейской империи. Не утрачивая своего национального характера, венгерская революция вместе с тем потенциально имела все шансы перерасти узконациональные рамки, поскольку совершалась во имя фундаментальных интересов всех народов монархии. Не удивительно, что венгерская инициатива была по достоинству оценена в либеральных, демократических кругах Австрии. Буржуазные по содержанию политические, социальные и экономические реформы, осуществлявшиеся в Венгрии в марте-апреле 1848 г., не имели специфической национально-мадьярской окраски. Полезные и необходимые, с точки зрения национального развития всех народов земель «венгерской короны», они не предусматривали никаких дискриминационных мер в отношении меньшинств. От аграрных преобразований, проведенных революционным венгерским правительством, выигрывали все национальности, но особенно славяне и румыны – крестьянские по своей социальной структуре народы многонациональной Венгрии. Их национальные движения весной 1848 г. развивались в русле общедемократической антифеодальной и антиабсолютистской революции. Но это было лишь начало широко развернувшегося демократического процесса, народы же ждали продолжения. Национальные элиты с особым нетерпением ожидали от венгерского правительства как минимум закрепления за этническими общностями специфических коллективных прав, создания гарантий национально-культурного развития в рамках венгерского государства. Правительство же не было готово пойти достаточно далеко навстречу специфическим, и справедливым, требованиям национальных меньшинств. Оно полагало, что общегражданских прав, политических свобод и освобождения крестьян без выкупа было достаточно, чтобы удовлетворить чаяния национальностей и сделать их союзниками революционной Венгрии. Политические элиты славянских народов, а также румын смотрели иначе. Это выяснилось через несколько месяцев после начала революции, в ходе формулирования национальных программ. С течением времени как хорваты, так и сербы все более решительно выдвигали требования широкой национальной автономии. Однако венгры видели в этом нарушение целостности своего государства. В условиях существования независимой Сербии предоставление автономии граничащей с ней Воеводине действительно могло быть воспринято как шаг к отделению, и Кошут не хотел здесь идти на компромисс. Как бы там ни было, участие хорватов и сербов в подавлении венгерской революции не имело ничего общего с подлинными национальными интересами названных народов. На первый план вышли ложно понятые национальные интересы, были выдвинуты лозунги, отнюдь не ориентировавшие на радикальную модернизацию социальных структур и политического строя общества. Верх одержал национализм, не способный дать адекватный ответ на вызовы времени в интересах собственного народа. В свою очередь абсолютистская реакция меньше всего была

¹⁹ См., в частности: Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений // Славяноведение. 2003. N.5. С.63-72.

озабочена национальными чаяниями сербов и других югославян, хотя и сумела использовать разрушительную энергию национализма в целях реставрации.

Хотя главная линия водораздела пролегла в 1848–1849 гг. не между отдельными народами, а между свободой и несвободой, между феодально-абсолютистским режимом и новым обществом, обострившиеся межэтнические противоречия так и не получили разрешения. Это в корне перечеркнуло заманчивую перспективу, открывавшуюся перед венгерской революцией, успех которой был бы сопряжен с уничтожением абсолютизма и исчезновением самой империи, а потому неминуемо должен был привести к радикальнейшему геополитическому сдвигу в средневропейском регионе и, более того, к кардинальной перестройке международных отношений и системы союзов во всей Европе²⁰.

В 1990-е – 2000-е годы Тофик Муслимович довольно много продолжал заниматься международными отношениями в Европе в XIX – начале XX вв. и особенно внешней политикой Австрийской империи (затем Австро-Венгрии), а также российско-австрийскими отношениями²¹. С момента ее основания в середине 1990-х годов он принимал активное участие в работе Российской ассоциации историков Первой мировой войны. О роли Австро-Венгрии в Первой мировой войне, о сараевском убийстве и австро-сербском конфликте Т.М. Исламов писал в целом ряде работ, включая разделы коллективных трудов²². В последнее десятилетие жизни Тофик Муслимович много размышлял не только над глубинными причинами распада монархии Габсбургов, но и над возможными альтернативами реализованному пути развития, а также над последствиями краха Австро-Венгрии для средневропейского региона. Да, правящие элиты обеих половин монархии, сопротивляясь любым проектам далеко идущей федерализации, оказались неспособны дать адекватный требованиям времени ответ на вызовы национализма. И в этом смысле опыт монархии Габсбургов дает сегодня нам больше предостережений, нежели позитивных образцов. Но нельзя забывать и о другом. В 1920-е годы, строя Версальскую систему, лидеры стран-победительниц не учли, что наднациональной монархии Габсбургов «надо было найти какую-нибудь замену, раз уж она должна была исчезнуть»²³. Между тем, и Малая Антанта, противостоявшая реваншистским устремлениям хортистской Венгрии, и Лига наций оказались еще менее способны, чем династия, выступить в роли некоего консолидирующего центра, примиряющего противоборствующие национальные идеи. Декларированный принцип «одна нация – одно государство» не был реализован, слишком велико было несовпадение между установленными государственными и этническими границами. Почти в каждой из стран большую долю населения составляли меньшинства с развитым национальным сознанием, для которых образованные унитарные государства никак не могли стать «своими», доктрины чехословакизма и югославизма показали в этом смысле свою неэффективность. Некоторые из меньшинств, в частности венгерское в Чехословакии, Румынии и Югославии, имели центры притяжения за границей, и в силу этого любое требование о

²⁰ О революции 1848–1849 гг. в Венгрии, сложных взаимоотношениях венгерского революционного движения с национальными движениями других народов монархии Габсбургов Т.М. Исламов писал в коллективном труде «Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии» (М., 2001).

²¹ См. одну из его позднейших, итоговых статей: Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 1. Отв. редакторы И.В. Крючков, О.В. Павленко. Москва – Ставрополь, 2004. С.4-63. Из других работ см.: Т.М. Исламов. Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII – XIX вв.) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика» (Отв. редактор О.В. Хаванова). М., 1997.

²² Т.М. Исламов был в числе авторов таких трудов, как: Первая мировая война и ее последствия. М., 1996; Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998; Мировые войны XX века. М., 2002. Т.1. Итоговой для автора в плане разработки данной темы была статья: Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. N.5.

²³ Исламов Т. Конец средневропейской империи... С.41.

расширении их прав воспринималось правящими кругами молодых государств как потенциальная угроза целостности. Нерешенная проблема национальных меньшинств и – шире – отсутствие эффективного механизма согласования национальных интересов (как внутри отдельных стран, так и в межгосударственных отношениях) на протяжении всего межвоенного периода оставались источником немалой напряженности в регионе. Таким образом, острые межэтнические конфликты в регионе не исчезли, были лишь перенесены в другую плоскость, вынесены за пределы отдельных государств, превратились в межгосударственные.

Логика творческого пути историка, заставляя его задуматься над неоптимальностью воплощенной с распадом монархии Габсбургов модели развития, приводила к тому, что центр тяжести в исследованиях Т.М. Исламова со временем все больше перемещался с новой истории на новейшую. Когда были сняты политические препятствия, стоявшие на пути изучения национально-территориальных споров в регионе, долгое время относившемся к советской сфере влияния, он в числе первых в российской историографии обратился к выявлению исторических истоков некоторых из них. Важным вкладом в науку явились опубликованные в России, Венгрии и Румынии его подлинно новаторские работы (по большей части выполненные в соавторстве с Т.А. Покивайловой) о румыно-венгерском споре из-за Трансильвании в условиях Второй мировой войны и послевоенного формирования Ялтинско-потсдамской системы международных отношений²⁴. В этих трудах, основанных на скрупулезном изучении документов Архива внешней политики России, румыно-венгерские территориальные противоречия рассматривались в контексте советской политики и отношений великих держав с учетом обстановки на фронтах Второй мировой войны. Венцом многолетних архивных изысканий явился сборник документов под редакцией Т.М. Исламова «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946» (М., 2000), вызвавший международную дискуссию, к которой подключился даже тогдашний министр иностранных дел Румынии и бывший премьер-министр этой страны Петре Роман²⁵. Статья Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой «СССР и трансильванский вопрос (1945–1946)» вышла буквально в последние дни жизни Тофика Муслимовича²⁶. В основном завершена и монография двух авторов «Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1947 гг.» Т.М. Исламов участвовал также в публикации документов из российских архивов, касающихся венгерской революции 1956 г.²⁷ Его статья по историографии венгерского восстания вызвала дискуссию²⁸.

Т.М. Исламов посвятил свою жизнь изучению региона, где испокон веков происходили острые национально-территориальные споры, и специфическая средневропейская ментальность, средневропейская идея, если и пробивали себе дорогу, то вопреки всем драматическим, подчас кровавым катаклизмам, которые разводили национальных политиков по разные стороны баррикад и наносили каждой из наций региона плохозаживающие раны. Причем центральноевропейские споры имели тенденцию к перерастанию в глобальные. Вершители судеб Европы всегда исходили из того, что регион нестабилен, и строили именно на этом свои планы по организации данного геополитического пространства в соответствии с собственными интересами. По образному замечанию одного из историков, «мешок, в который собирали этих беспокойных блох, как правило,

²⁴ Речь идет о журнальных статьях, а также главах в коллективных трудах «Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)». (М., 1994), «Война и политика. 1939-1941» (М., 1999), «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 гг.» (М., 1999) и др. В Румынии была опубликована монография: Т. Islamov, T. Pokivailova, O. Vinteler. Din culisele luptelor pentru Ardeal. Cluj, 2003.

²⁵ Новая и новейшая история. 2000. N.6.

²⁶ Вопросы истории. 2004. N.12. Ожидает выхода и коллективный труд с участием Т.М. Исламова «Между традицией порохового погреба» и порядком «железного занавеса». Территориальные проблемы на Балканах и в Дунайском бассейне в конце Второй мировой войны».

²⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.

²⁸ См.: Вопросы истории. 1997. N.11; 1998. N.10.

шили где-то вне Центральной Европы. Без внешних скоб и гарантов, которыми могли быть то Габсбурги, то Гогенцоллерны (Mitteleuropa), то Запад (Версальская система), то Восток (ялтинские решения), стабильность этого региона считалась невозможной или ненадежной»²⁹. Для выдающегося знатока истории межнациональных отношений в регионе Т.М. Исламова проблема национализма была не просто отстраненным объектом научного анализа, но предметом неустанных размышлений – питаемых как историческим опытом, так и, в не меньшей мере, современными впечатлениями³⁰. В контекст этих размышлений, особенно в связи с событиями в бывшей Югославии и вокруг нее, неизменно входила и Россия. Тофику Муслимовичу всегда была присуща нетерпимость к ущемлению национальных чувств, к любым проявлениям великодержавного шовинизма, который (в чем он был глубоко убежден) унизителен как раз для представителей большой нации. Человек, связавший себя с Россией и русской культурой, он болезненно реагировал на имперские, великодержавные жесты в политике царской России, СССР, постсоветской России, отнюдь не прибавлявшие стране авторитета и уважения соседей, а ее народу и народам самоуважения. И не менее болезненно – на стремление некоторых политиков следовать ложно понятым, искаженным национальным интересам. При этом, как и подобает настоящему профессионалу, Т.М. Исламов не мог уйти от исторических параллелей. Так, размышляя в одной из дискуссионных статей над событиями июля 1914 г., дилеммами, стоявшими перед российской политикой в тот период, он довольно провокативно обращался ко дню сегодняшнему. В том ли состоит национальный интерес России, чтобы дать себя вовлечь в явно авантюрные предприятия и во имя какой бы то ни было солидарности (не столь уж важно, в конце концов, какой – пролетарской, общеславянской, православной и т.д.) жертвовать собственной безопасностью? Где тот предел, до которого должна простирается поддержка Россией амбиций своих действительных или мнимых стратегических союзников, например, сербской политической элиты 1990-х во главе с Милошевичем?³¹ Столь категоричная постановка вопросов, обращенных не только к историкам, публицистам или политикам, а скорее к интеллигентскому общественному мнению, вызывала полемику некоторых коллег³², а иногда и яростную отповедь. Однако Тофик Муслимович, человек довольно мягкий в повседневной жизни, был непреклонен в своем убеждении: главный урок, который следует извлечь из исторического опыта европейского развития двух последних столетий, заключается в том, насколько не безобидна в своих крайних проявлениях национальная идея, и сколь недалеко видна, а подчас и огнеопасна политика поощрения национализма извне, даже под самым благовидным, казалось бы, предлогом. Но как бы там ни было (Т.М. Исламов оставался оптимистом), никакой агрессивный национализм не способен переломить тенденции к единению народов. И имеют ли реальную перспективу региональные интеграционные процессы (в рамках бывшей Югославии или бывшего СССР) при одновременном обособлении от остальной, быстро объединяющейся Европы или, того хуже, противопоставлении ей национальной исключительности с примесью идей славянско-православной солидарности? – задавался он вопросом в одном из своих выступлений.

Что же касается югославянских и – шире – балканских проблем, то в последние годы жизни они занимали все более значительное место в сфере интересов Т.М. Исламова. Почему в конце

²⁹ Кржен Я. Центральная Европа: какой она видится из Чехии // Европейский альманах. 1993. М., 1993. С.88.

³⁰ См.: Т.М. Исламов. Национализм как реальность и научная проблема XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С.3-10; Он же. О торжестве «национальной идеи» // Свободная мысль. 1997. N.8. С.95-104.

³¹ См.: Т.М. Исламов. История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. Памяти В.П. Шушарина (Отв. редактор А.С. Стыкалин). М., 2004. С.289-313.

³² См. в этой связи инициированную Т.М. Исламовым дискуссию о перспективах югославизма как программы политического объединения ряда южнославянских народов: Т.М. Исламов. Югославия: от объединения к разъединению // Вопросы истории. 2001. N.5; А.В. Карасев, И.В. Чуркина, А.Л. Шемякин. О статье Т.М. Исламова. Югославия: от объединения к разъединению // Там же. 2002. N.1

1990-х годов, как и в начале 1940-х, мир вновь стал свидетелем развала на составные части полиэтничного государственного образования, на предшествующем этапе своей истории доказавшего силу и жизнеспособность? Да, на определенных витках исторического процесса (в условиях Первой мировой войны, на заключительном этапе Второй мировой войны и не в последнюю очередь в обстановке сталинского вызова Тито в 1948 г.) хорватская и словенская национальные идеи подчиняли себя общему идеалу югославизма, а политики приносили национальные чаяния отдельных народов в жертву единому государству. Но искусственное объединение разнотипных по своему социально-экономическому и культурному развитию народов под единой государственной крышей не могло быть долговечным. Неудачу югославизма Т.М. Исламов связывал с неразрешимой проблемой соединения в одном государстве двух цивилизационных начал – балканско-православного (с сильным элементом османской политической традиции), с одной стороны, и латинско-среднеевропейского, с другой. Последствия искусственного симбиоза двух культурно-цивилизационных моделей не были устранены ни монархическим режимом межвоенной Югославии, ни коммунистическим режимом послевоенной (при всем дистанцировании Тито от интегралистской югославянской идеологии, тем более в ее великосербском варианте), что и стало главной причиной краха многонационального государства. Новое объединение югославян неотделимо от общеевропейских интеграционных процессов.

Т.М. Исламов, владевший основными европейскими языками, внимательно следил за современной мировой историографией, происходящими в ней дискуссиями как по общим теоретико-методологическим проблемам изучения отдельных европейских регионов, так и вокруг конкретных ключевых моментов истории стран Средней и Восточной Европы. При этом он старался не только творчески осмыслить результаты исследований зарубежных коллег, но и сделать их достоянием российской профессиональной аудитории. Показательна в этой связи его статья «Европейские историки о европейской истории» (Новая и новейшая история, 2003. N.5). В своих историографических работах Тофик Муслимович проявлял особый интерес к изучению в современной зарубежной (в первую очередь немецкоязычной, англоязычной, венгерскоязычной) исторической науке проблем нации и национализма. Реагировал он и на наиболее заметные достижения российских историков, такие, как например, подготовленный в Институте российской истории РАН многотомный труд по истории внешней политики России³³.

Ученый с международной известностью, Т.М. Исламов многократно представлял СССР и Россию на конференциях в разных странах мира. Первый раз он выехал за рубеж в 1957 г. – в Венгрию, через полгода после драматических, всколыхнувших весь мир событий. Он познакомился в тот свой приезд с молодыми историками – Ференцем Мучи, Анталом Йожей, крепкую дружбу с которыми пронес через всю жизнь. Еще в 1970-е годы Т.М. Исламов стал одним из основателей совместной комиссии историков СССР и Венгрии, долгие годы (до лета 2004 г.) возглавлял российскую часть комиссии историков России и Венгрии, работающей весьма плодотворно и после его смерти под руководством Ю.С. Пивоварова. В конце 1990-х годов он стоял у истоков другой совместной комиссии историков – российско-австрийской и в последние годы жизни отдавал ей немало сил. В своих выступлениях по проблемам истории Австрии и австрийско-российских отношений в XIX – начале XX вв. Тофик Муслимович не ограничивался политической тематикой, сотрудничеством и соперничеством двух монархий на международной арене, он проявлял все больший интерес к австронемецкой культуре. К сожалению, он уже не смог увидеть напечатанной свою принципиально важную статью «Модерн в Средней Европе. Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация», вышедшую в сборнике «Модерн. Модернизм. Модернизация» (М., 2004) по итогам конференции, посвященной эпохе модерна в российской, австрийской, германской культуре. Но переведенный и опубликованный по его инициативе сборник

³³ Пять веков внешней политики (В соавторстве с В.Н. Виноградовым и А.В. Ревякиным) // Новая и новейшая история. 2004. N.1.

избранных работ выдающегося венгерского политолога Иштвана Бибо на русском языке Т.М. Исламов все же успел подержать в руках³⁴.

Тесные связи Тофик Муслимович поддерживал с американскими научными центрами, занимающимися историей Австро-Венгрии. В солидном ежегоднике «Austrian History Yearbook», других научных изданиях США опубликовано несколько его статей – о балканской политике Габсбургов, об отношениях России и Австро-Венгрии в условиях Восточного кризиса конца 1870-х годов, о российской историографии монархии Габсбургов, о проблемах формирования венгерской политической нации³⁵. Работы Исламова многократно выходили в Венгрии, неоднократно в Австрии и ряде других среднеевропейских стран. Последнее публичное выступление Тофика Муслимовича состоялось в конце сентября 2004 г. на конференции в г. Черновцы. В течение двух часов украинские коллеги не отпускали с трибуны известного российского историка, выслушивая его мнение по острым проблемам межнациональных отношений в Средней Европе в прошлом и настоящем. Для Тофика Муслимовича поездка в Черновцы осталась, наверное, последним ярким жизненным впечатлением – так сложилось, что из всех австро-венгерских исторических земель он не бывал до тех пор лишь в Буковине и приглашение украинских коллег воспринял с нескрываемой радостью.

Свою эрудицию и профессиональные навыки Т.М. Исламов передавал молодым поколениям историков – не только в России, но и за ее пределами. С начала 1970-х годов он пишет разделы для университетских учебных пособий по новой истории и историографии истории нового времени, в 1990-е годы преподает в Государственном университете гуманитарных наук в Москве. Три десятилетия руководил аспирантами, многие из которых защитили под его руководством кандидатские диссертации. Очень много консультировал молодых иностранных ученых, приезжавших в Москву для работы в архивах. За месяц до кончины, случившейся под новый, 2005 год, прикованный к больничной койке после перенесенного тяжелого инфаркта, он писал, преодолевая боль, оппонентские отзывы на две диссертации, беспокоясь о том, что его неожиданная болезнь может отсрочить время защит...

Отзывчивость Тофика Муслимовича, его открытость поступающим с разных сторон предложениям о сотрудничестве помешали ему реализовать некоторые собственные сокровенные замыслы. Остались незавершенными монографии о внешней политике Австро-Венгрии и российско-австрийских отношениях в эпоху дуализма, о деятельности Союзной Контрольной Комиссии в Австрии в 1945-1955 гг. Супруге Т.М. Исламова (и его ученице) Елене Константиновне Вяземской придется еще долгие месяцы заниматься разбором архива и обширного научного наследия своего мужа и учителя. Пока же можно с горечью заметить: при всей внушительности списка публикаций (до 200 позиций) опубликованное Тофиком Муслимовичем несоразмерно его таланту и знаниям. Нельзя отделаться от мысли о неполной реализованности его дарования.

Как бы там ни было, вклад Т.М. Исламова в унгаристику был отмечен рядом венгерских правительственных наград. На его кончину отреагировали старейший венгерский исторический журнал «Сазадок», Институт истории Венгерской Академии наук и ее бывший президент Ф.Глатц. Откликнулись на эту горькую утрату и в других странах.

Дело Т.М. Исламова продолжают его ученики, которых он по-отечески пестовал, передавая им не только сугубо методологические навыки, но и свои представления о научной этике – в науке активно работают Е.К. Вяземская, А.Г. Айрапетов, А.И. Миллер, С.А. Романенко, О.В. Хаванова, О.В. Павленко, А.С. Стыкалин, И.В.Крючков и др.

³⁴ Иштван Бибо. «О смысле европейского развития» и другие работы. М., 2004.

³⁵ См., например: *The Balkan policy of the Habsburg Monarchy and Austrian-Russian relations // Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870-es*. Ed. by B. Kiraly and G. Stokes. Boulder (Colo). New York, 1985. 31-41 pp.; *From «natio hungarica» to Hungarian nation // Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the SU*. Ed. by R.L. Rudolph and D. Good. Minneapolis, 1992. P.159-184; *Soviet Historiography on the Habsburg Empire (в соавторстве) // Austrian History Yearbook. Vol. XXVI. 1995. P.165-188.*

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Т.М. ИСЛАМОВА

Т.М. Исламов принадлежал к тому типу истинных ученых, которые совершенствуются всю жизнь, для которых первоначальная «специализация» – только первый шаг на пути в большую науку. Начав с истории Венгрии, он написал в 60-х – начале 70-х годов книги о политической борьбе в этой стране, которые сразу вошли в золотой фонд отечественной историографии. Через несколько лет он становится признанным лидером современной российской хунгаристики. Коллеги и ученики даже называют его создателем российской школы венгероведения, которое именно с его приходом вышло на мировой уровень. При всем том, что Т.М. Исламов вел большую исследовательскую и педагогическую работу в изначально избранной области (читал спецкурс на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, руководил работой многих аспирантов и т.д.), его научные интересы вскоре распространились на всю империю Габсбургов. Владея основными европейскими языками, венгерским и некоторыми славянскими, Тофик Муслимович свободно ориентировался в многоязычной литературе региона, ему были доступны разнообразные источники. Его занимала как межвоенная история стран, образовавшихся в результате распада Австро-Венгрии, так и их судьбы после второй мировой войны. Но более всего его интересовал феномен Габсбургской монархии как пример «единства в многообразии». Многонациональная и поликонфессиональная империя существовала несколько веков и, несмотря на внутренние противоречия (присущие всякому живому организму!), последние сто лет своего бытия служила гарантом равновесия политических сил в Европе. Тофик Муслимович занялся не изучением «внешнеполитической» роли Австро-Венгрии на мировой сцене, а формированием этой удивительной общности, созданной не простым сосуществованием многих народов, а их естественным сближением в ходе экономического, политического, культурного развития. В рамках единого государства создавались возможности некоего «выравнивания» – как экономического, так и политического – различных провинций, но ограниченность ресурсов ставила этому известные пределы. Экономический «прорыв» случился лишь в первом десятилетии XX века, но то был уже канун первой мировой войны. Австро-Венгрия перестала существовать, а небольшие государства, возникшие на ее развалинах, стали разменной монетой в игре великих держав. После второй мировой войны эти государства, формально независимые, были поделены между двумя «блоками»; большинство их оказалось, как говорилось тогда, в «социалистическом лагере». Европа отныне делилась на Западную (капиталистическую) и Восточную (социалистическую). Отныне «третьего не было дано». Своеобразие громадного пространства, отличного как от Западной, так и от Восточной Европы, исчезло (по крайней мере, для советских ученых) в жестком идеологическом противостоянии с «буржуазной» наукой. Хотя отечественные исследования каждой из этих стран в отдельности проводились с большим успехом, обобщения в рамках – странным образом «исчезнувшего» – некогда единого пространства не поощрялись. История центральноевропейских народов, не имевших своей государственности или лишившихся ее в силу исторических причин, излагалась как «история национально-освободительной борьбы против господства Габсбургов». Советская историческая наука обогатилась множеством «страновых» исследований и, само собой разумеется, что количество должно было перейти, наконец, в качество. Создались и объективные предпосылки: распад «коммунистического блока» способствовал возвращению бывших «социалистических» стран в их историческое европейское лоно. Местонахождение этих стран между Западом и Востоком Европы определялось как *Mitteleuropa*, Средняя Европа.

Возвращение в отечественную науку этой дефиниции связано с именем Т.М. Исламова. В ежегоднике «Европейский альманах – 1992»¹ была опубликована теоретическая статья Т.М. Исламова и В.И. Фрейдзона «Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность?». Авторы выступили с открытым забралом против названия «Центральная Европа» для региона между Западной и Восточной Европой, поскольку центром Европы эти страны вовсе не были. Название «Средняя Европа» отвергалось на основании давно утратившего смысл стереотипа времени первой мировой войны. Тогда немецкий публицист Ф. Науман написал брошюру под таким названием, в которой обосновывал «обязанность» Германии руководить своим колеблющимся союзником – Австро-Венгрией, а заодно и всеми народами, населяющими империю. Позже этот вывод взяли в свой идеологический арсенал нацисты, что дало повод «изъять из обращения» само название «Средняя Европа».

В то же время факт существования особого европейского региона заставлял задуматься над его адекватным определением, и в вышеупомянутой статье доказательно утверждалась необходимость принятия термина «Средняя Европа». Авторы начали с географической характеристики: «Итак, в соответствии с этноязыковыми и этнополитическими критериями, Средняя Европа – часть континента, населенная народами малой и средней численности и расположенная между восточнославянским (прежде всего русским) гигантским миром и миром Германии»². В социокультурной характеристике, данной авторами этому региону, содержалась программа дальнейших исследований: «Именно длительность совместного проживания народов способствовала формированию характерной для Средней Европы наднациональной культурно-психологической общности. Ф. Энгельс писал о «наструге римского владычества» в странах, прилегающих к Средиземному морю. О «наструге австрийского владычества» можно сказать относительно большей части Средней Европы»³.

Еще до написания вышеупомянутой статьи, в 1985 г., Т.М. Исламов выступил с призывом расширять сферу сравнительно-исторических исследований, которые делают возможными «прорывы фронта страноведческих исследований». Только благодаря такому подходу, говорил он, удастся «дать обобщающую картину исторического процесса в рамках монархии без какого-либо ущерба для выявления национальной специфики развития каждого народа в отдельности – картину, которая представляет собой как бы большое мозаичное полотно, каждый элемент которого находится во взаимодействии со всем остальным»⁴. Он видел смысл сравнительно-исторического исследования не только и не столько в сопоставлении различных экономических, политических и других параметров национальной жизни, сколько в приближении «как по постановке исследовательских задач и целей, так и по степени законченности их решения, к искомой модели комплексности»⁵.

В 1996 г., обобщая результаты изучения стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики, он вновь возвращается к задаче комплексного изучения региона и, более того, определяет его направление: «До последнего времени внимание академической и университетской науки было сосредоточено преимущественно на выявлении национальной специфики историко-культурных процессов в регионе. Между тем давно назрела необходимость комплексного рассмотрения историко-культурного развития региона. Пришла пора заменить образ Австро-Венгрии как

¹ Т.М. Исламов напомнил в одном из своих выступлений, что «термином «Средняя Европа» пользовался наш замечательный ученый Сергей Данилович Сказкин» (Модерн. Модернизм. Модернизация. По материалам конференции: Эпоха «модерн». М., 2004. С. 55).

² Исламов Т.М. Фрейдзон В. Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992. С. 123.

³ Там же. С. 121.

⁴ Исламов Т.М. О сравнительно-исторических и междисциплинарных исследованиях // Сравнительно-историческое изучение и теоретические вопросы современных литератур. М., 1985. С. 204.

⁵ Там же. С.206.

«тюрьмы народов», очерченный в большинстве вузовских учебников, на многомерное изображение, в котором тенденции роста национального самосознания и зарождения национализма у отдельных народов региона сочеталось бы с объективно-исторической тенденцией к консолидации на основе процессов бурного экономического развития, укрепления социальных связей, урбанизации и культурной интеграции, ускорившихся на рубеже XIX–XX вв.»⁶. Пользуясь открывшейся для отечественной историографии возможностью вписаться в мировую науку, он намечает путь плодотворного сотрудничества: «На Западе, в общем и целом, уже преодолели присущий довоенной «буржуазной историографии» германоцентристский подход к изучению Средней Европы, нам еще предстоит это сделать со своим славяноцентризмом. Хотя вызванные им перекосы в настоящее время не настолько значительны, чтобы полностью заслонить перспективы целого»⁷.

В процессе комплексного изучения Средней Европы ученый выявил много интересных, мало освещенных и часто вовсе не занимавших нашу историографию вопросов. Кроме того, он внес много нового в казавшиеся рассмотренными со всех сторон сюжеты. К последним принадлежит освещение взаимоотношений двух великих империй европейского континента – России и Австро-Венгрии. Разумеется, они были непростыми, в иные периоды истории даже враждебными, но рассмотрение их в большой ретроспективе позволило ему сделать вывод о том, что взаимоотношения Вены и Петербурга были, скорее, добрососедскими, а противоречия – в частности на Балканах – вовсе не были фатально запрограммированы на войну⁸.

Говоря о войне как величайшей трагедии для всех народов, исследователь в особенности отмечает ее пагубные последствия для Средней Европы. Внимательно прослеживая пути формирования наций и национального самосознания у народов Габсбургской монархии, он выступил против ставшего штампом утверждения, что Австро-Венгрия распалась исключительно под натиском национально-освободительных движений населявших ее народов. Центробежные стремления, рожденные национализмом формирующихся наций, были еще недостаточно сильны, а программные установки всех национальных движений ограничивались требованиями предоставления равноправия с австрийцами и венграми в рамках общего государства. Непримиримы были лишь поляки, чье тысячелетнее государство было уничтожено разделом Польши между Австро-Венгрией, Германией и Россией.

Судьбу монархии решило поражение в войне. Раздел Австро-Венгрии был предписан Версальским мирным договором и, хотя при этом был провозглашен принцип «самоопределения наций вплоть до государственного отделения», интересы народов не были приняты во внимание. «Пора, наконец, признать, – писал Тофик Муслимович, – что в 1919 г. в Версале, где карта Средней Европы кроилась и перекраивалась, не идеалистическая идея национального самоопределения праздновала победу, а стратегические и военно-политические, экономические интересы великих и малых держав»⁹. В другой раз он вновь замечает: «Перекраивали карту Европы не национальные лидеры ее малых стран, а «сильные мира сего», абсолютно не считавшиеся с вильсоновским принципом «этничности», когда речь шла о притязаниях побежденных на их собственную, отторгнутую по Версальскому диктату территорию. Слепой национальный эгоизм и политическая близорукость стали прологом новой внеевропейской трагедии»¹⁰.

⁶ Исламов Т.М. Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 38.

⁷ Там же.

⁸ Исламов Т.М. Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII–XIX вв.) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 250–263; Он же. Крах Австро-Венгрии и судьбы Средней Европы // Россия и современный мир. М., 1995. № 1. С. 66–69; Он же. Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Русско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2004. С. 4–63 и др.

⁹ Исламов Т.М. Национализм как реальность и научная проблема XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе (драма национальных противоречий). М., 1994. С. 8.

¹⁰ Свободная мысль. 1997. № 8. С. 104.

Итак, Версаль был искусственным и далеко не самым лучшим решением национальных проблем Средней Европы. Тофику Муслимовичу это дало повод для размышлений о путях их естественного решения. В этой связи, имея в виду печальную судьбу среднеевропейских национальных государств, он критически рассматривает самый принцип «национального самоопределения вплоть до государственного отделения». Рассматривая старый и новый подходы к оценке империи Габсбургов¹¹, он вновь говорит о преимуществах многонационального государства (разумеется, разумно организованного).

Т.М. Исламов решительно выступал против «абсолютизации» идеи самоопределения, ее абстрактно-механического восприятия и бесконечно-расширительного толкования. «У нас нет никаких оснований идеализировать столь модные нынче понятия как суверенитет, национальное государство, самоопределение, особенно в тех случаях, когда это направлено на бездумное разрушение устоявшихся образований. Опыт истории (если ее «читать» правильно, без пристрастий), в том числе нашего ареала, дает множество примеров того, что нация может самоутвердиться, обеспечивать условия своего свободного развития во всех сферах жизни, не обязательно в рамках моноэтнического государства, а национальный вопрос вполне поддается решению и без отделения и выделения»¹².

Будучи одним из инициаторов комплексного изучения Средней Европы, Тофик Муслимович, благодаря своей эрудиции и умению организовать работу, стал самым лучшим исполнителем данного проекта. Он проследил судьбу этой уникальной многонациональной общности на протяжении трех веков (XVIII – начало XX вв.). В то же время он считал возможным говорить о двух предшествовавших этому периоду столетиях как об особом периоде генезиса Средней Европы: «Решающим в становлении (формировании) особого среднеевропейского региона были, как мне представляется, XVI–XVII вв. На рубеже XV–XVI вв. качественных различий, которые бы отделяли его от Запада китайской стеной, еще не было, главным образом потому, что именно в это время с достаточной четкостью проявилась основная тенденция общеевропейской значимости. Это, прежде всего, возвышение Запада с одновременным отставанием примыкающих к нему стран, расположенных в средней части континента, между Западной и Восточной Европой, совпадающей практически с территорией обитания восточных славян»¹³. Новое время было обозначено им как следующий этап этого процесса¹⁴. В границах этого большого периода ученый наметил основные вехи пути среднеевропейцев к общности, подчеркивая благотворную роль модернизации, которую изучил во всех ее проявлениях¹⁵. Ему же принадлежит еще несколько лет назад немислимая для отечественной историографии положительная характеристика австрийского «просвещенного абсолютизма»¹⁶, вывод о его благотворном влиянии на развитие культуры народов, населявших империю.

Противник всякой национальной обособленности, розни и – зачастую бессмысленного – разделения, Тофик Муслимович во всеоружии знания стремился к поиску всего, что народы объединяет. Его выступления и публикации были исполнены пафоса всеевропейского единства, органического вхождения Средней Европы со всеми ее особенностями в европейское пространство. Несколько последних лет он посвятил изучению культурно-исторических аспектов формирования и бытия среднеевропейского единения и здесь добился прекрасных результатов. В одном из выступлений Т.М. Исламов дал развернутое теоретическое определение этого явления: «Первое,

¹¹ Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 341-354.

¹² Очаги тревоги в Восточной Европе... С. 9.

¹³ Модерн. Модернизм. Модернизация... С. 56.

¹⁴ Исламов Т.М. Средняя Европа в новое время (XVIII в. – 1918) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 80-104.

¹⁵ Исламов Т.М. Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996. С. 46-72.

¹⁶ Модерн. Модернизм. Модернизация... С. 66-70.

самое общее методологическое соображение: духовная и историческая общность, или историко-культурная (культурно-историческая) общность, есть необходимое (родовое) свойство не только нации-государства, страны, любого этноса, но и историко-географических регионов (субрегионов), ибо не имело бы смысла выделять последние в качестве самостоятельных единиц, если бы они не обладали этим свойством (признаком). К таковым может быть отнесена и Центральная (Сердняя) Европа, самый спорный из всех существующих и признаваемых общественными науками регионов»¹⁷. Здесь же он характеризует завершающий период сложения средневропейской общности: «Главным, в каком-то смысле завершающим этапом формирования культурно-исторической общности региона следует считать, на наш взгляд, промежуток времени от 1867 до 1918 г., период австро-венгерского дуализма, когда культурные процессы в регионе были наиболее интенсивными и продуктивными»¹⁸.

Одно из последних выступлений Тофика Муслимовича содержит новые выводы о тенденциях развития национальных культур региона и общем итоге этого процесса. Статья, в сущности, программная, должна была быть развернута в большое исследование¹⁹. К несчастью, этому не суждено было сбыться. Надо надеяться, что младшие коллеги и ученики Т.М. Исламова поднимут знамя, впавшее из его рук.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Т.М. ИСЛАМОВА

Политическая борьба в Венгрии в начале XX века. М., 1959. 411 с.

Среди рецензий:

- Р.А. Авербух – Новая и новейшая история. 1961. N.2. С.155-157.

- Е.М. Кан – Вопросы истории. 1960. N.10. С.135-137.

- В.И. Фрейдзон – Институт славяноведения. Краткие сообщения, 1961. С.125-129.

Из истории социалистического рабочего движения в Венгрии в начале XX века // Революционное движение и строительство социализма в Венгрии. М., 1963. С.178-213.

История Второго Интернационала (Отв. ред-р Л.И. Зубок). Т.1-2. М., 1965-1966. Член авторского коллектива.

Az 1907 evi osztrak-magyar kiegyezes megkotesese // Szazadok. Bp., 1967. N.1-2. 3-36.o.

Памяти Эрика Мольнара // Новая и новейшая история. 1967. N.3. С.187-188.

Die ungarlandische Arbeiterbewegung zur Zeit der Koalitionsregierung (1907-1909) // Acta Historiae Scientiarum Hungariae. Bp., 1970. N.12. S.105-150.

Австро-венгерское соглашение. Внутриполитические и внешнеполитические предпосылки // Der osterreichisch-ungarische Ausgleich 1867. Bratislava, 1971. С.228-253.

История Румынии. 1848-1917. М., 1971. Гл. 1 (в соавторстве), 3, 6, 14.

История Венгрии в 3 томах. М., 1971-1972. Член редколлегии трехтомника, ответственный редактор 2 тома. Авторская работа: 2 том. Гл. 1, 2, 4, 6, 10 (в соавторстве); 5, 7, 8, 9.

Венгрия. Исторический очерк (до 1918 г.) // БСЭ, 3-е издание. Т.4. М., 1971. С.470-474.

Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. 1906-1914. М., 1972. 392 с. Опубликовано также в Венгрии (в сокращении): Politikai kuzdelmek Magyarorszagon az elso vilagaboru elott. 1906-1914. Bp., 1976. 121.o.

Рецензии, опубликованные в СССР:

- Р.А. Авербух, Э.Л. Галикман – Новая и новейшая история. 1973. N.1. С.177-179.

- А.И. Пушкаш – Вопросы истории. 1972. N.11. С.172-175.

¹⁷ Исламов Т. К вопросу о формировании центрально-европейской общности // Художественная культура Австро-Венгрии 1867-1918. СПб., 2005. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Модерн. Модернизм. Модернизация... С. 47-85.

Новая история (первый период). Учебное пособие для вузов. М., 1972 (дополненн. издания – М., 1983, 1986). Член авторского коллектива.

Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII – первой половины XIX века // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974. С.7-27.

Общественно-политические взгляды Петефи // Петефи в мировой культуре. М., 1975. С. 64-77.

A Magyarorszag tortenetevel kapcsolatos problemak es megoldasuk a szovjet tortenettudomanyban // A Magyar Tudomanyos Akademia filozofiai es tortenettudomanyi osztalyanak kozlomenyei. Вр., 1975. N.1. 47-61.о.

Новая история (второй период). Учебное пособие для вузов. М., 1976 (2-е, дополненн. изд. – М., 1984). Член авторского коллектива.

Освободительное движение славянских народов и национальные программы социал-демократии России и Австро-Венгрии // Советское славяноведение. 1977. N.1. С.16-30 (совместно с А.Х. Клеванским).

Проблемы истории Венгрии и их решение в советской исторической науке // Сотрудничество венгерских и советских историков. *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae* 129. Вр., 1977. С.67-85.

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки (Отв. ред-р Галкин И.С.). Учебное пособие для вузов. М., 1977. Член авторского коллектива.

Послесловие: Фекете Ш. Лайош Кошут. Документальная повесть. М., 1978. С. 292-301.

Освободительные движения народов Австрийской империи.

I. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849;

II. Период утверждения капитализма. М., 1980, 1981.

Член редколлегии, автор и соавтор многих разделов.

Идейная эволюция движения венгерских интернационалистов в Советской России // Великий Октябрь и Венгерская Советская Республика. М., 1983. С.87-98. Ответственный редактор сборника.

Социальное и национальное в освободительной борьбе народов Австрийской империи в эпоху перехода от феодализма к капитализму // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С.34-47 (в соавторстве с А.С. Мильниковым и В.И. Фрейдзоном).

От «нации хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984. С.40-59. Член редколлегии сборника.

Рецензия: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. Отв. ред-р В.Д. Королюк. М., 1982 // Советская этнография. 1984. N.4. С.157-161.

О сравнительно-исторических и междисциплинарных исследованиях, или еще раз о пользе комплексности в общественных науках // Сравнительно-историческое изучение и теоретические вопросы развития современных литератур. М., 1985. С.200-213.

Абсолютизм в странах Западной Европы и в России. Опыт сравнительного изучения // Новая и новейшая история. 1985. N.3 (совместно с Е.В. Гутновой и С.О. Шмидтом)

The Balkan policy of the Habsburg Monarchy and Austrian-Russian relations // Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870-es. Ed. by B. Kiraly and G. Stokes. Boulder (Colo) – New York, 1985. P. 31-41.

Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Новая и новейшая история. 1986. N.1. С.83-96 (совместно с В.И. Фрейдзоном)

Деятельность Бела Куна в Советской России в 1917-1918 гг. // Бела Кун – революционер-интернационалист. М., 1986. С.40-59.

Вступительная статья: Шпира Д. Четыре судьбы. К истории политической деятельности И. Сеченьи, Л. Баттяни, Ш. Петефи и Л. Кошута. М., 1986. С.5-17.

Международные отношения на Балканах. 1856 – 1878 (Отв. ред-р Виноградов В.Н.). М., 1986. Член авторского коллектива.

- Послесловие: Барт И. Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа. М., 1988. С.213-216.
- Послесловие: Нерсесов Г.А. Политика России на Тешенском конгрессе 1778-79. М., 1988.
- Чешская нация на заключительном этапе формирования (Отв. ред-р В.И. Фрейдзон). М., 1989. Член редколлегии и авторского коллектива.
- Osterreich und Russland. Zusammenarbeit und Gegensatz am Ende des 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts // Russland und Osterreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege / Ed. by A.M. Von Drabek. Vienna, 1989.
- Историография истории нового времени стран Европы и Америки (Отв. ред-р Дементьев И.П.). Учебное пособие. М., 1990. Член авторского коллектива.
- Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991. Отв. редактор; автор (гл. V-XIII, с.134-304). Отдельные главы публиковались также в других изданиях.
- Национализм в СССР и Восточной Европе // Общественные науки и современность, 1991. N.1. С.103-113 (совместно с А.И. Миллером).
- Федерализм как способ организации многонационального государства в восточной части Центральной Европы // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30-70-е годы XIX в.) (Отв. ред-р С.М. Фалькович). М., 1991. С.165-182.
- От ответственного редактора: Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991. С.3-6.
- Исторические условия и предпосылки зарождения национальных движений в Венгерском королевстве // Людовит Штур и его время (К 175-летию со дня рождения) (Отв. ред-р Смирнов Л.Н.). М., 1992. С.5-41.
- Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1992. М., 1992. С.119-133 (совместно с В.И. Фрейдзоном).
- Предисловие редактора: Полтавский М.А. История Австрии. Ч.1-2. М., 1992. С.7-12.
- From «natio hungarica» to Hungarian nation // Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the SU (Ed. by R.L. Rudolph and D. Good). Minneapolis, 1992. P.159-184.
- Вопросы нации, национального самопознания и национальной идеологии в австрийской историографии // Национализм и формирование наций: Теории – модели – концепции (Отв. ред-р А.И. Миллер). М., 1994. С.173-191.
- Национализм как реальность и научная проблема XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С.3-10.
- Трансильвания – яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Там же. С.54-136 (в соавторстве с Т.А. Покивайловой).
- Erdely a szovjet kulpolitikaban a masodik vilaghaboru alatt // Multunk. Bp., 1994. 1-2 sz., 17-50.o.
- «В.М. доктор Турок» (Воспоминания об историке В.М. Туроке, 1904-1981) // Славяноведение. 1995. N.1. С.89-91.
- Крах Австро-Венгрии и судьбы Средней Европы // Россия и современный мир. 1995. N.1. С.66-69.
- Проблемы нации и национализма в современной австрийской историографии // Новая и новейшая история. 1995. N.4. С.28-43.
- Конец средневропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства (Отв. ред-ры Исламов Т.М., Миллер А.И.). М., 1995. С.25-47.
- Soviet Historiography on the Habsburg Empire // Austrian History Yearbook. Vol. XXVI. 1995, pp. 165-188 (в соавторстве с М.А. Глазковой, А.И. Миллером, О.В. Павленко и С.А. Романенко).
- Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион (Отв. ред-ры Миллер А.И.). М., 1996. С.49-72.
- Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // Новая и новейшая история. 1996. N.5. С.19-39.

Средняя Европа в Новое время (XVIII в. – 1918 г.) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С.80-104 (совместно с С.М. Фалькович).

О торжестве «национальной идеи» // Свободная мысль. 1997. N.8. С.95-104.

Венгерское восстание 1956 г. в отечественной историографии // Вопросы истории. 1997. N.11. С.42-55.

Венгрия и Румыния: историческая тяжба из-за Трансильвании // Вестник РГНФ. 1997. N.3. С.87-97.

Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII – XIX вв.) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика (Отв. ред-р О.В. Хаванова). М., 1997. С.250-263.

Новая история стран Европы и Америки (Под редакцией И.М. Кривогуза и Е.Е. Юровской). Учебное пособие для вузов.

Первый период – М., 1997.

Второй период – М., 1998.

Член авторского коллектива.

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953 гг. Т.1-2. М.- Новосибирск, 1997-1998. Член редколлегии, коллектива составителей и авторов научных комментариев.

Распад Австро-Венгерской монархии и его последствия в политической эволюции среднеевропейского региона // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С.341-354.

См. также: Первая мировая война и ее последствия. М., 1996.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. Один из ответственных редакторов.

Венгерско-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 – июнь 1941 года // Война и политика. 1939-1941. М., 1999. С.456-471 (в соавторстве с Т.А. Покивайловой).

Век тоталитаризма (Вместо предисловия) // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917-1990-е годы). Редколлегия: Т.М. Исламов, А.С. Стыкалин. М., 1999. С.3-30.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 гг. Отв. ред-ры В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999. Член авторского коллектива.

Заговор против Польши. О роли русско-пруско-австрийского альянса 1772-1773 гг. в разделе Польского государства // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой (Отв. ред-р Б.В. Носов). М., 1999. С.124-145.

О состоянии изучения новой истории // Новая и новейшая история. 2000. N.4. С.86-87 (в соавторстве с В.Н. Виноградовым).

Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940-1946. Документы (М., 2000). Ответственный редактор.

Введение. С.3-12 (в соавторстве Т.А. Покивайловой).

Комментарии (совместно с Т.А. Покивайловой).

По поводу реакции в Румынии на книгу «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940-1946. Документы» // Новая и новейшая история. 2000. N.6. С.166-173.

Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии (Отв. ред-р С.М. Фалькович). М., 2001. Член авторского коллектива.

Югославия: от объединения к разъединению // Вопросы истории. 2001. N.5. С.147-158.

Империя Габсбургов: становление и развитие. XVI-XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. N.2. С.11-40.

Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. N.5. С.14-46.

Новая история стран Европы и Америки (Начало 1870-х годов – 1918). (Под редакцией И.В. Григорьевой). Учебное пособие для вузов. М., 2001. Член авторского коллектива.

- Венгерская революция 1848-1849 гг. в контексте европейских революций 1848 г. // Научные издания московского Венгерского Колледжа. Вып.1 (Отв. ред-р Й. Горетить). М., 2001. С.9-45.
- Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.
- Член авторского коллектива.
- Din culisele luptelor pentru Ardeal. Cluj, 2003.
- (Соавторы: Т. Pokivajlova, O.Vinteler).
- Европейские историки о европейской истории // Новая и новейшая история. 2003. N.5. С.3-22.
- Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений // Славяноведение. 2003. N.5. С.63-72. Обзор выступления.
- Пять веков внешней политики России // Новая и новейшая история, 2004, N.1. С.151-163 (в соавторстве с В.Н. Виноградовым и А.В. Ревякиным).
- Рецензия: Leidinger H., Moritz V., Schippler B. Schwarzbuch der Habsburger. Die unruhmlische Geschichte einer Herrscherhaus. Wien – Frankfurt a.M, 2003 // Новая и новейшая история, 2004. N.5. С.247-250.
- СССР и трансильванский вопрос (1945-1946) // Вопросы истории. 2004. N.12. С.26-40 (в соавторстве с Т.А. Покивайловой).
- История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. Памяти В.П. Шушарина (Отв. ред-р А.С. Стыкалин). М., 2004. С.289-313.
- Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып.1. Отв. ред-ры И.В. Крючков, О.В. Павленко. Москва-Ставрополь, 2004. С.4-63.
- Модерн в Средней Европе. Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация // Модерн. Модернизм. Модернизация. По материалам конференции «Эпоха «модерн». Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX-XX веков. Россия, Австрия, Германия, Швейцария». Отв. ред-ры Н.С. Павлова, О.В. Павленко. М., 2004. С.47-84.
- Новая история стран Европы и Америки. Учебное пособие для вузов. Издание 4-е. М., 2004.
- К вопросу о формировании центрально-европейской культурно-исторической общности // Художественная культура Австро-Венгрии. 1867-1918. Искусство многонациональной империи. СПб., 2005. С.7-17.
- Граф Иштван Тиса – «сильный человек» Венгрии // Славяноведение. 2005. N.3. С.47-53.
- Трансильванский вопрос. По материалам комиссии М.М. Литвинова, июнь 1944 года // Новая и новейшая история, 2006. N.2. С.58-70.

Составитель А.С. Стыкалин

РАЗДЕЛ II. СРЕДНЯЯ ЕВРОПА: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ В XVIII-XX ВВ.

О.В. Хаванова

(Институт славяноведения РАН)

СУТАНА И МУНДИР: К ВОПРОСУ О КАРЬЕРЕ ЭКС-ИЕЗУИТОВ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ¹

«Ваше сиятельство, соблаговолите присвоить мне хотя бы номинальный офицерский чин, без жалования..., чтобы я мог присутствовать на военных эзерцициях в более приличествующем виде или даже в них участвовать, ибо в аббатском облачении сие весьма затруднительно»², – просил в августе 1774 г. экс-иезуит Карл Хензелер боевого генерала графа Ференца Надашди³. Молодой человек вступил в Общество Иисуса в ранней юности, отдал духовной карьере девять лет жизни и связывал с ней большие надежды. После роспуска ордена в июле 1773 г. и повсеместного запрета его деятельности Хензелеру, как и сотням его сверстников, пришлось принимать важное решение: стать священником, учительствовать или, воспользовавшись представившимися обстоятельствами, радикально изменить ход своей жизни.

Передача рода деятельности по наследству уходит корнями в глубь столетий. Средневековые ремесленники передавали свое мастерство сыновьям и внукам. В раннее Новое время существовали чиновничьи или офицерские династии. Заслуги предков, унаследованные младшими поколениями, становились прочным фундаментом их карьеры и залогом ее успеха. Однако выбор жизненного пути лишь отчасти определялся семейными традициями. Свою роль также играли задатки и склонности индивида. В дворянских семьях сыновья (исходя из склада характера, личных предпочтений, интересов семьи) избирали один – армию, другой – чиновничью службу, третий – духовное звание и как можно раньше начинали изучать одни – математику и черчение, другие – латынь, риторику и философию. Это не просто повышало горизонтальную и вертикальную мобильность данного семейства, но и позволяло каждому в известных пределах предпочесть род занятий, к которому более всего лежала душа.

Вовремя начатая специализированная подготовка и внутренний настрой на определенную карьеру, выбранную (самостоятельно или по совету родителей) еще в ранней юности, позволяли уже к 30 годам состояться как чиновнику, офицеру или священнику, обзавестись полезными знакомствами, более или менее трезво оценивать свои возможности. В молодости случаи перехода из профессии в профессию не были редкостью. Например, Антон Фрейдхоффер, этнический немец из венгерского Дебрецена, прослужил три года кадетом в пехотном полку, затем окончил курсы бухгалтерского учета и поступил на службу в Венгерскую казенную палату⁴. В то же время добровольная или вынужденная смена рода деятельности в ту эпоху воспринималась не только

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Социально–политические трансформации и диалектика процессов адаптации в Центральной и Восточной Европе в эпоху перехода от традиционного к постиндустриальному обществу, XVIII–XX вв.» – Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

² Magyar Országos Levéltár (далее – MOL). P 507. Nádasdy család. B. X. Nádasdy Ferenc horvát bánhoz címzett levelek. 33. cs. № 347. Письмо от 29.VIII.1774 г.

³ См. военно-историческое исследование о Ференце Надашди: Thurzó K. Fogarasi Nádasdy Ferencz gróf tábornagy, a katonai Mária Terézia-rend nagykeresztese (1709–1783): Élet- és jellemrajz // Hadtörténelmi Közlemények. 1915. 1–58; 301–471.

⁴ MOL. Magyar Királyi Kamara levéltára. E 701. Gremialia. 3. k. «Acht Fragpunkte».

как уникальный шанс испытать себя (и, возможно, достичь большего) на новом поприще, но и как необходимость, начав с нуля, наверстывать годы, отданные другому занятию. Чем старше был соискатель, тем труднее становилось перейти в новую профессию. У 50-летнего вахмистра кирасирского полка Пала Мослера, тридцать лет жизни посвятившего военной службе, шансов найти «какую-нибудь маленькую должность» в гражданской жизни было немного⁵.

В этой связи интересно проследить, как роспуск ордена иезуитов в монархии Габсбургов повлиял на выбор дальнейшей карьеры его членами. В данной статье на примере нескольких экс-иезуитов, поступивших на военную службу, рассматриваются возможные побудительные причины такого шага, обстоятельства, способствовавшие принятию подобного решения, и трудности, с которыми пришлось столкнуться молодым людям, сменившим сутану на офицерский мундир.

Роспуск Общества Иисуса ни для кого не стал неожиданностью. Еще в 1767 г. Франция, Португалия, Испания и Неаполь, недовольные коммерческой деятельностью иезуитов, их вездесущей тайной дипломатией, пропагандой сомнительных моральных учений и преподаванием по устаревшим учебным планам, изгнали Общество из своих стран и потребовали от папы Климента XIII запретить деятельность ордена повсеместно в Европе. Тогда им не удалось настоять на своем, но ни у кого не вызывало сомнений, что при выборах нового папы предпочтение будет отдано тому, кто не побоится пойти на этот шаг. Так и произошло с избранием в 1769 г. Климента XIV, воспитанника иезуитов и монаха-францисканца, не питавшего особой симпатии к своим бывшим учителям. Для такого решительного шага необходимо было заручиться согласием Габсбургов – первой католческой династии Европы. Была ли к этому готова глубоко верующая Мария Терезия?

Период, когда иезуиты создали свою разветвленную и могущественную организацию, современные историки называют «эпохой конфессионализации»: именно в XVI–XVII вв. произошло государственное размежевание по конфессиональному принципу, а правители (как католики, так и протестанты) стремились свести религиозное многообразие, ставшее фактом в эпоху Реформации, к единому знаменателю официальной религии. Для монархии Габсбургов это на разных этапах ее истории означало преследование и изгнание протестантов, насильственное обращение в католичество, ущемление протестантов в религиозных и политических правах⁶. Ради насаждения религиозного единomyслия как основы социального контроля Габсбурги во второй половине XVII в. помогли Обществу Иисуса получить монополию в сфере образования, и вскоре иезуиты безраздельно господствовали на рынке образовательных услуг, от начальных школ до университетов⁷.

Не будет преувеличением сказать, что ни одна другая европейская католическая держава не выиграла от деятельности в ней ордена иезуитов больше, чем монархия Габсбургов. Их учебный план «Ratio studiorum» (1599 г.) был составлен столь удачно, его части были подогнаны друг к другу столь тщательно, а сам метод преподавания оказался настолько отточен многолетней практикой, что форму и содержание учебного процесса иезуитов охотно перенимали даже их конкуренты, например орден пиаристов («отцов благочестивых школ»). Идеалом иезуитов была повсеместная униформизация и синхронизация учебного процесса, так что, если посетитель входил в одну из иезуитских гимназий во время урока, он мог быть уверен, что во всех прочих гимназиях ученики этого класса изучали тот же самый материал. Содержание учебников строго распределялось по классам, полугодиям, неделям и даже дням, сопровождалось многочисленными примерами и детальными планами уроков, образцами письменных работ, практическими рекомендациями по отбору материала, вопросами для экзаменов. Хотя, по широко распространенному, вполне справедливому убеждению, иезуиты учили, прежде всего, и, главным образом,

⁵ MOL. Festetics Pál levéltára. P 245. 11. cs. IV. 9.

⁶ Evans R. J. W. The Making of the Habsburg Monarchy, 1500–1700. An Interpretation. Oxford, 1979; Winkelbauer T. Ständefreiheit und Fürstenmacht. Wien, 2003. 2 Bde.

⁷ Klingenstein G. Bildungskrise: Gymnasien und Universitäten im Spannungsfeld thesianischer Aufklärung // Maria Theresia und ihre Zeit. Zur 200. Wiederkehr des Todestages / Hrsg. von W. Koschatzki. Wien, 1980.

латыни и на латыни, позднее даже члены венской Придворной учебной комиссии в связи с запретом деятельности Общества были, например, вынуждены признать, что «мало кто умеет преподавать астрономию и математику лучше иезуитов»⁸.

Мария Терезия неоднократно заявляла, что ей не по нраву действия католических держав, что иезуиты в ее землях, вне всяких сомнений, не виноваты в преступлениях, послуживших поводом к их изгнанию из других стран, и что она считает их весьма полезным и уважаемым орденом⁹. В то же время ее явно беспокоили закрытая структура Общества Иисуса и полная невозможность контроля за его деятельностью со стороны светских властей. В 1750-е годы она фактически изъяла из ведения иезуитов медицинский и юридический факультеты Венского университета и ограничила влияние ордена в Комиссии по цензуре. И императрица, и ее сын Иосиф II (номинально – император, фактически – соправитель) не видели оснований противиться запрету ордена. В этой связи их заботили два вопроса: на кого возложить задачу воспитания и образования юношества и как поступить с членами запрещенного ордена.

Можно сказать, что ни в одной державе запрет на деятельность Общества Иисуса не был в большей мере обращен на благо подданных, чем в монархии Габсбургов. В отличие от других католических держав, Габсбурги не потребовали изгнания иезуитов, а напротив, позволили им продолжить педагогическую и пасторскую деятельность или же выбрать себе любой другой род занятий. Если, например, покинувшие Францию иезуиты рассредоточились по миру и многие нашли пристанище в России в качестве частных учителей в дворянских семьях, то интеллектуальный потенциал экс-иезуитов во владениях Габсбургского дома был бережно сохранен и поставлен на службу «общему благу».

Императрица добилась от Святого Престола специального разрешения не передавать собственность ордена церкви, как это предписывалось в папском бреве, но использовать на государственные нужды. Так в монархии Габсбургов появилась уникальная возможность осуществить полномасштабную реформу образования, для проведения которой ранее не было достаточных средств. В результате «Общим школьным уставом» 1774 г. для Австро-Чешских наследственных провинций и «Системой воспитания и образования», также известной как «Ratio educationis», для Венгерского королевства во владениях Габсбургского дома было введено обязательное начальное образование и выдвинуто требование преемственности между отдельными школьными ступенями¹⁰. Осуществление мер, предусмотренных этими документами, возлагалось, в том числе и на экс-иезуитов, отныне подконтрольных государству.

Большинство иезуитов в монархии Габсбургов после роспуска Общества предпочли остаться на прежних должностях. Те, кто к 1773 г. уже добился немалых успехов как педагог и ученый, как и было, обещано, не просто не подвергались гонениям, но и достигли вершин своей карьеры. Например, Дёрдь Праи (1723–1801) – выдающийся историк, основоположник традиции критического анализа источников в Венгрии – в 17 лет вступил в орден, преподавал в крупнейших учебных центрах монархии, после запрета деятельности ордена занимал должности придворного историографа Марии Терезии, директора университетской библиотеки в Буде, с 1790 г. и до самой смерти служил каноником в Надьварде¹¹. Другой экс-иезуит Людвиг (Лайош) Миттерпахер (1734–1814) в 15 лет вступил в Общество Иисуса, снискал себе заслуженную славу пропаган-

⁸ Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Kabinettsarchiv. Alte Kabinettsakten. Karton 1. Copia Vortrages des Baron von Kressel. См. также: Schuppener G., Mačák K. Prager Jesuiten-Mathematik von 1600 bis 1740. Leipzig, 2002.

⁹ Beales D. Enlightenment and Reform in Eighteenth-Century Europe. London – New York, 2005. P. 219.

¹⁰ Engelbrecht H. Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. Wien, 1984; Melton J. V. H. Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988.

¹¹ Надьвард – совр. Орадя-Маре в Румынии.

дой экономических знаний, после 1773 г. продолжил педагогическую деятельность и в 1801 г. был назначен ректором Пештского университета.

Тем, кто был существенно моложе, имел в глазах окружающих меньше заслуг и не располагал широким кругом полезных знакомств, определиться с дальнейшей судьбой было куда сложнее. Наиболее уязвимой возрастной группой оказались те, кому было от 25 до 30 лет: они уже отдали ордену лучшие (как им казалось) годы жизни и прекрасно понимали, что скромная должность приходского священника или школьного учителя не позволит им сделать карьеру, сопоставимую с той, что ждала бы их, не прекрати свое существование могущественное и влиятельное Общество Иисуса. Похоже, именно они решались на кардинальные перемены и начинали искать применение своим талантам и способностям в новых сферах деятельности.

Некоторые надеялись, что совершенное владение латынью – языком законодательства и администрации в Венгрии – откроет им путь к статской карьере. Иногда бывшим иезуитам удавалось устроиться на скромную должность. В 1778 г. Пал Пешти, диурнист¹² архива Венгерской казенной палаты, писал: «С первого дня в сем департаменте я веду протоколы или переписываю их начисто; тружусь усердно, слушаюсь начальство, не причиняю никакого беспокойства, со всеми коллегами живу в мире, по сему, по милости вашего сиятельства, надеюсь на лучшее». Но эти основания были сочтены недостаточными для назначения на более высокую должность¹³. Впрочем, даже место диурниста было большой удачей. В архиве Венгерской королевской канцелярии сохранилась запись о ходатайстве Михая Видича, который в феврале 1774 г. «желал бы получить какое ни на есть вспомоществование из средств Общества Иисуса для продолжения учебы или же быть принятым в сию королевскую канцелярию хоть на какую-нибудь должностишку, зарезервированную для хорватов, словенцев и сербов». Слово «должностишка» («*officiolum*») лишний раз подчеркивало, что соискатель был согласен на самый скромный чин. Однако сменяемость кадров в канцелярии была исключительно низкой, и даже в практиканты без жалования в этот совещательный орган при государе попадали обычно по особой протекции. На прошении Видича было начертано: «За отсутствием вакансии в сей королевской канцелярии прошение отклонить»¹⁴.

Хотя поступление на военную службу должно было казаться шагом во всех отношениях радикальным, он не был лишен смысла. Габсбургская армия во второй половине XVIII в. открывала невиданные в мирных профессиях возможности социального роста. Венгерский военный историк Й. Захар подсчитал, что с 1693 по 1815 гг. страна находилась в состоянии войны 87 лет. В таких условиях армии постоянно требовались честолюбивые молодые люди, готовые идти в бой ради воинской славы и сопутствующего ей повышения по службе. В XVIII в. даже сыновья аристократов начинали службу прапорщиками, постепенно восходя к высшим офицерским званиям. По подсчетам Захара, в вышеназванный период из 1 289 полковников императорско-королевской армии 550 человек (42,67 %) были мелкими, преимущественно безземельными дворянами, для которых военная служба оставалась едва ли не единственным доступным источником дохода. Недворяне в армии имели все шансы дослужиться до полковника и даже генерала, получив при этом дворянский, а в дальнейшем (не исключено) баронский и графский титул. Каждый пятый венгерский генерал, подсчитал историк, был недворянского происхождения¹⁵.

Удачной военной карьере недавних иезуитов могли существенно помочь влиятельные патроны. В раннее Новое время узы верности, связывавшие мелкодворянские семьи с могущественными аристократическими родами, поддерживались и укреплялись на протяжении многих поко-

¹² Диурнист – мелкий чиновник на поденной оплате в 1 фт.

¹³ MOL. E 47. Magyar Királyi Kamara levéltára. Cancellariae et registraturae negotia. 24. cs. № 664 ex Febr. 1778.

¹⁴ MOL. A Magyar Királyi Kancellária Levéltára. A 39. Acta generalia. 23/1774.

¹⁵ Zachar J. A katonai pálya mint karrierlehetőség a XVIII századi Magyarország előtt. Történeti-statisztikai adalék a társadalmi mobilitás kérdéséhez // Írott és tárgyí emlékek kutatója. Emlékkönyv Bánkúti Imre 75. születésnapjára / Szerk. Mészáros K. Bp., 2002. 249–259. old.

лений. Магнаты, занимавшие руководящие должности в королевских и сословных администрациях или содержавшие пешие и конные полки, нуждались в доверенных и проверенных людях и находили таких в семьях, испокон веков верой и правдой служивших их предкам. Вмешательством аристократов-патронов в судьбы клиентов из числа мелких дворян и простолюдинов объясняются многие события в жизни бывших иезуитов, пытавшихся обрести свое новое призвание.

Интересна судьба экс-иезуита Ласло Клобушицки, семья которого принадлежала к числу клиентов графов Каройи. Род Клобушицких вел свое происхождение из верхненвенгерского комитата Тренчен, однако ветвь, о которой пойдет речь ниже, в конце XVII – XVIII вв. проживала в комитатах Берег и Сатмар. Представители этого семейства занимали должности в комитатской администрации, подчиненных Казенной палате ведомств, системе судопроизводства. Ласло Клобушицки был третьим ребенком в семье, где росли еще четверо сыновей и одна дочь. Так или иначе, в судьбе едва ли не каждого из них огромную роль играл Антал Каройи (1732–1791), императорско-королевский камергер и королевский стольник, наследственный фёйшпан («губернатор») нескольких комитатов, в том числе Сатмарского, и владелец полка.

Не без участия или при прямой, в том числе финансовой, помощи со стороны графа Каройи два брата Клобушицки сделали внушительные административные карьеры: Антал дослужился до администратора 16-ти Сепешских городов (должность, сопоставимая с фёйшпанской), а Йозеф стал губернатором Фиуме¹⁶ и фёйшпаном комитата Боршод. Молодые люди, в свою очередь, считали Каройи вторым отцом, поверяли ему сокровенные мысли, обращались за советом и приглашали в крестные своих детей. Еще три брата Клобушицки – Дёрдь, Ласло и Петер – в ранней юности вступили в орден иезуитов. После 1773 г. двое из них предпочли остаться в духовном звании, став священниками: Дёрдь со временем дослужился до каноника в Надьвараде, Петер в конце жизни был возведен в сан калочайского архиепископа. Ласло же при поддержке родных решил стать военным и поступить в полк Антала Каройи.

В июле 1774 г. Антал Клобушицки писал графу: «Брат Ласло как раз сейчас в Вене ждет назначения, и Ее Величество выразила высочайшее удовольствие в том, если он начнет службу в пехоте, и вдобавок поинтересовалась, к службе в каком полку у него лучше лежит душа и к кому из владельцев собственных воинских частей он испытывает большее доверие. На что с нашей стороны последовал ответ, что с Божьей помощью все мы выросли под крылом и покровительством графа Каройи, и мой братец воспринял бы с глубочайшей благодарностью, если бы Ее Величество приписало его к полку вашего сиятельства. Весьма вероятно (о чем нас на днях должны известить), полк вашего сиятельства вскоре пополнится еще одним кадетом, так что, если его военная судьба не распорядится иначе, имею честь рекомендовать отеческой заботе и руководству вашей светлости моего бедного братца»¹⁷.

В конце августа 1774 г. прошение Ласло Клобушицки было удовлетворено, и он отбыл к месту службы, где постоянно испытывал отеческую заботу своего благодетеля. В марте следующего года новоиспеченный кадет писал своему командиру и благодетелю: «Во время вашего здесь пребывания у меня не было возможности облобызать ваши дражайшие руки и смиренно испросить помощь на кое-какую мелочишку. Ваше сиятельство! так ли, иначе ли сложится моя судьба, мне не на кого надеяться, кроме Вас, но и впоследствии, какого человека ни сделает из меня ваше сиятельство, во мне всегда будет живо почтение, что я стал тем, кого из меня сооблаговолило сделать ваше отеческое попечение. Ныне же молю ваше сиятельство выделить мне через полкового счетовода пару форинтов на какую-никакую одежку и прочее необходимое»¹⁸. Всего в архиве графов Каройи сохранилось 20 писем Ласло Клобушицки, датированных 1775–1790 г. Офицер не забывал поздравить патрона с Рождеством, Пасхой или именинами, не

¹⁶ Фиуме – совр. Риека в Хорватии.

¹⁷ MOL. Károlyi család. Missiles. P 398. № 40069.

¹⁸ Ibid. № 40463.

раз благодарил за денежное вспомоществование, заверял в вечной верности. Некоторые из этих цветистых по стилю писем кажутся списанными с письмовника: оставаясь знаками уважения и благодарности, они мало говорят о мыслях, чувствах, чаяниях бывшего иезуита.

Судя по этим письмам, карьера Ласло Клобушицки сложилась блестяще: через пять лет – старший лейтенант, еще через десять – капитан. Свет на то, как происходило продвижение офицера Клобушицки по службе, проливают письма его старшего брата Антала, который внимательно следил за успехами новоиспеченного офицера и не упускал случая замолвить за него словечко перед Каройи: «За продвижение моего брата Ласло по службе, которым он всецело обязан особой отеческой заботе вашего сиятельства, – писал он в марте 1779 г., – мы благодарим от всего сердца; поелику же доподлинно стало известно, что в полку вашего сиятельства после кончины капитана господина Ушовича на вакантную должность будет назначен один из старших лейтенантов, смиренно рекомендую вашему сиятельству поименованного брата моего, уповая, что при возможности не преминете оказать ему содействие». Не прошло и трех недель, как искренне или притворно удивленный Антал вновь писал к Каройи: «Поскольку в своем ответе ваше сиятельство сооблаговолило назвать брата моего старшим лейтенантом, я смею полагать, что случилось это из милости вашего сиятельства, и выражаю вам свою нижайшую благодарность, если только нескрываемая радость моя не вызвана опиской вашего секретаря»¹⁹.

Столь быстрое продвижение по службе – за пятнадцать лет из кадетов в капитаны – можно считать исключением из правил. При всем том, что социальная мобильность в армии была высока, сам факт поступления на военную службу никому не гарантировал головокружительного карьерного роста. Например, переписка Ференца Надашди с офицерами свидетельствует, что гораздо чаще молодые люди безуспешно осыпали генерала слезными мольбами принять во внимание их долгую безупречную службу, финансовые трудности и иные обстоятельства и присвоить им очередное воинское звание. Порой они не гнушались приводить в пример товарищей по полку, которым новый чин достался якобы незаслуженно. Некоторые так и выходили в отставку в звании прапорщика, потеряв всякую надежду сделать успешную карьеру военного²⁰. В этом отношении экс-иезуитам было, пожалуй, труднее других, так как более поздний старт военной карьеры оставлял меньше надежд (если только в их судьбу не вмешивался благосклонный покровитель) на успешную конкуренцию с однополчанами.

Рассмотрим сохранившиеся свидетельства о поступлении на военную службу экс-иезуитов Карла Хензелера и Якоба Шушича, в жизни, которых решающую роль сыграло знакомство с Ференцем Надашди. Как хорватский бан (королевский наместник) и боевой генерал граф Надашди пользовался в Вене непререкаемым авторитетом в вопросах, касавшихся зачисления выходцев из Хорватии – Славонии в учебные (прежде всего военные) заведения монархии. Не один кадет Военной академии в Винер-Нойштадте был обязан ему своим зачислением²¹. Осведомленный, вероятно, об этом Шушич прямо писал: «Трудно себе представить, что там отвергнут того, кого рекомендует ваше сиятельство»²². Оба экс-иезуита решили воспользоваться фактом личного знакомства, чтобы устроить свою дальнейшую судьбу.

И Хензелер, и Шушич принадлежали к тому самому поколению тридцатилетних, которым годы, отданные Обществу Иисуса, казались теперь вычеркнутыми из жизни. Позднее Хензелер писал своему патрону: «Нужно поскорее оставить позади те полностью потерянные девять лет, что я

¹⁹ Ibid. № 40080; 40081.

²⁰ См., например, письма графа Марии Непомука Энгельсхауса, пять лет прослужившего прапорщиком в полку Надашди и в 1778 г. вышедшего в отставку, не дождавшемуся производства в младшие лейтенанты: Ibid. P 507. 30. cs. № 255.

²¹ См., например, письма директора Военной академии в Винер-Нойштадте графа Антона Коллоредо: Ibid. 28. cs. № 211; а также петиции вдовы Катарины Хаммерин о зачислении в академию ее сына: Ibid. 33. cs. № 341.

²² Ibid. 41. cs. № 693. Письмо от 20.I.1774 г.

²³ Ibid. 33. cs. № 347. Письмо от 1.XI.1778 г.

ревностно употребил на службу государству в ордене иезуитов»²³. Шушич испрашивал повышения в звании едва ли не в тех же выражениях: «Это была бы наилучшая возможность вернуть те годы, что я потерял в духовном звании, и обрести счастье»²⁴. Армия стала для них средством реализовать амбиции и употребить жар души, с которым они подростками вступали в орден.

Хензелер, судя по письмам, после роспуска ордена иезуитов служил учителем при юных графах Фридрихе Патачиче и Иоганне Йозефе Хамаре-Харбувале, обучавшихся в венской Терезианской академии. Весной 1774 г. в доме матери одного из них, графини Катарины Патачич, молодой аббат (ему было, по всей вероятности, около 30 лет) познакомился с графом Надашди и загорелся идеей поступить в его полк прапорщиком. Графиня же со своей стороны желала отблагодарить Хензелера за заботы о воспитании ее сына, потому обещала всяческое содействие.

Об обстоятельствах, при которых Шушич познакомился с Надашди, письма умалчивают. Поскольку молодой человек ссылаясь на неоднократно оказывавшееся ему в прошлом великодушное покровительство генерала, можно предположить, что они были знакомы до того, как экс-иезуит в 1774 г. попросил направить его на учебу в Вену. Род деятельности молодого человека требовал познаний в математике: он упоминает некоего старшего вахмистра Орта и «прочих землемеров», которые подметили в нем способности к этой науке. Они же побудили Шушича обратиться к графу с такой просьбой, поскольку дома (письмо написано в хорватском городе Петрина) не было никакой возможности без необходимых книг и опытных учителей добиться значительных успехов.

Жажда познания и вера в то, что образование открывает путь к успешной карьере, похоже, объединяли молодых людей. Полный надежд Хензелер, едва только получил подтверждение, что Надашди зачисляет его в свой полк прапорщиком, начал с удвоенной энергией посещать лекции по геометрии, астрономии, фортификации, читавшиеся кавалерам в Терезиануме, и вообще «проводить время в усвоении всех тех знаний и наук, которые необходимы для молодого образованного офицера»²⁵. Первое письмо после присвоения воинского звания отправлено 4 апреля 1775 г. из Костайницы. Молодой человек казался полным решимости и далее пополнять свой багаж полезных знаний. «Я недавно сказал вашему сиятельству, что хотел бы научиться читать и писать на кириллице», – сообщал Хензелер генералу. И продолжал: «Вчера мне в руки попало письмо, адресованное вахмистру Бароновичу, и я обнаружил, что буквы во многом схожи с греческими; надеюсь, что мне хватит и недели овладеть этим искусством настолько, чтобы бегло читать входящую корреспонденцию». Скорее всего, молодой человек владел хорватским (что косвенно подтверждается его знакомствами в среде венгерско-хорватской аристократии), поэтому речь шла не об овладении новым языком, но лишь об усвоении правил чтения при кириллической транслитерации.

Просьба Шушича о направлении на учебу в Вену вскоре также была удовлетворена. В сентябре 1774 г. он поздравил графа с именинами письмом из Вены, подписавшись «кадет Якоб Шушич»²⁶. Однако жизнь в Вене оказалась полной тягот и лишений, не в последнюю очередь материальных. Уже в январе 1775 г. новоиспеченный кадет признавался, что, будь он моложе, с готовностью продолжал бы вести нищенское существование в имперской столице. Однако в его летах («мне уже тридцать лет, и какие перспективы могут меня ожидать?») учеба, казавшаяся в далекой Петрине пределом мечтаний, превращалась в препятствие на пути успешной карьеры: чем позднее он прибудет в полк, тем позднее получит право на повышение по службе. По этим причинам Шушич просил Надашди поскорее присвоить ему воинское звание и дозволить отбыть в распоряжение чasti²⁷. Последнее письмо из Вены отправлено в марте 1775 г. Следующее датировано уже 1778 г.: за это время Шушич окончил учебу, вернулся в полк и получил звание лейтенанта.

²⁴ Ibid. 41. cs. № 693. Письмо от 22.II.1778 г.

²⁵ Ibid. 33. cs. № 347. Письмо от 16.VIII.1774 г.

²⁶ Ibid. 41. cs. № 693. Письмо от 30.IX.1774 г.

²⁷ Ibid. Письмо от 26.I.1775 г.

Письма, сохранившиеся в архиве Надашди, позволяют утверждать, что оба экс-иезуита дослужились как минимум до звания лейтенанта. Последнее письмо от Хензелера было написано 1 ноября 1778 г. в Райхенберге²⁸ (шла Война за баварское наследство) и содержало просьбу о присвоении чина старшего лейтенанта²⁹. Новых писем от него в адрес генерала не поступало. Неизвестно, погиб ли Хензелер на войне, знаменитой тем, что в ней так и не было дано генерального сражения, подал ли в отставку, посчитав возможности карьерного роста в армии исчерпанными, или служил, не беспокоя более своего патрона новыми просьбами. Шушич весь 1778 г. настойчиво просил тот же чин, находясь в Петрине, где, кстати, судя по последнему письму от 8 ноября 1779 г., намеревался открыть подобие инженерной школы. Письма умалчивают, получил ли он искомое звание, и как сложилась его судьба.

Выяснение дальнейших обстоятельств службы этих и им подобных офицеров, изначально готовившихся к церковной карьере, потребует специального военно-исторического исследования. Здесь же подведем некоторые предварительные итоги. Орден иезуитов был знаменит своей железной, по сути военной, дисциплиной. Не случайно его глава носил звание генерала. Вероятно, молодые экс-иезуиты, прежде рассчитывавшие на быструю карьеру в Обществе Иисуса, сочли, что армия – самый быстрый путь наверстать упущенное и возместить утерянное. Хорошее образование и нескрываемое честолюбие сделали возможным, даже облегчили, переход из духовного звания в ряды офицерства.

Рассмотренные примеры ярко иллюстрируют господствовавшие в обществе представления о карьере как долгосрочном «капиталовложении»: ее следовало начинать как можно раньше и постоянно накапливать заслуги как основу успешного продвижения по службе. Смена рода деятельности (сама по себе свидетельствующая о высокой горизонтальной мобильности) открывала новые горизонты, но и налагала неизбежные ограничения – невозможность тягаться с теми, кто выбрал данную профессию с ранней юности. Отсюда и показное служебное рвение, и плохо скрываемые ноты отчаяния, столь отчетливо проявившиеся в цитированных письмах³⁰.

Наконец, приведенные выше случаи свидетельствуют о важной роли института патроната (вертикальных социальных связей), без которого подобные перемены в жизни и адаптация к ним вряд ли были бы возможны. Примечательно, что исследования о формах отношений между патронами и клиентами занимают все большее место в исследованиях последних лет³¹.

Дальнейшее изучение карьерных стратегий, побудительных мотивов при выборе и смене рода деятельности и тому подобных вопросов позволит приблизиться к пониманию мировоззрения и социального поведения человека раннего Нового времени.

²⁸ Райхенберг – совр. Либерец в Чехии.

²⁹ Ibid. 33. cs. № 347. Письмо от 1.XI.1778 г.

³⁰ Об офицерском корпусе Габсбургской монархии, его социальном составе и карьерных стратегиях в более поздний период см.: Deák I. Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg officer Corps, 1848–1918. New York – Oxford, 1990.

³¹ Ср.: Droste H. Patronage in der Frühen Neuzeit – Institution und Kulturform // Zeitschrift für Historische Forschung. 2003. № 30. S. 555–590.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ В ЧЕШСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

19 августа 1862 года в 10 часов в провинциальном чешском городке Борове (Немецкий Брод) началось торжественное шествие. Над площадью царил праздничная суета. Присутствовавшие выстраивались в колонны по заранее разработанному плану, повсюду развивались флаги. Впереди выступали известные политики и писатели, за ними музыкальный хор, физкультурное пражское общество «Сокол», делегации от чешских городов, хоровых обществ, представители студенческих организаций и многочисленные гости праздника. Сначала шествие двинулось к местному храму Пресвятой Богородицы, где прозвучал торжественный реквием в память уроженца здешних мест Карла Гавличка, затем – к дому, в котором он родился. Открытие памятной доски сопровождалось стихами, патриотическими песнями, выступлениями политиков и поэтов. Ян Неруда посвятил Гавличку такие строки:

«Ты был истинным сыном этого народа,
Что кровь свою отдал за свободу других,
Ты был не только апостолом свободы,
Ты был и ее святым мучеником»¹.

В стихотворении Иржи В. Яна вновь была продолжена тема мученического подвига Гавличка:

«Громада вечных льдов
Душит чувства, убивает воодушевление,
Неотвратимо свет пробивается впереди
И из бури выступает румяный день,
Одна мысль исчезает, новая возникает
И возвращает мученика,
Умирает один человек, но дело живет –
И мир продолжает свое развитие!»²

В речи Карла Сладковского, одного из лидеров младочешского направления, проводилось сравнение жизни Гавличка с Голгофой. После библейских аналогий следовало красочное описание состояния «чехославянского народа» до появления Карла Гавличка. Абстрактный образ народа, которого терзали «несчастные, разнесчастные разногласия», был одушевлен им такими словами: «Нет у меня языка, которым мог бы я неодолимым потоком красноречия пресечь бесправие, которое творят многочисленные и могучие враги народа чехославянского (именно чехославянского, а не чехословацкого. – О.П.)!». Деятельность Карла Гавличка в период революции 1848 года оратор с пафосом рисовал, как явление Мессии: «И стало мужественным лицо смятенного, со всей решительностью несломленного духа своего встал навстречу всему сонму врагов первый защитник за последние два века угнетения народа чехославянского, явился как создатель общественной печати прославленный наш, в памяти народа своего славный Карел Гавличек Боровский!»³.

Прошло всего шесть лет после смерти Карла Гавличка, в течение которых о нем мало вспоминали в патриотических кругах. И вот во время торжественного праздника в его честь образ

¹ Na památku Karla Havlicka a slavnosti Borovske dne 19. Srpnu roku 1862, v Praze, 1862. S.4.

² Ibid. S.8.

³ Ibid. S.13.

Карла Гавличка реконструировался уже сознательно и целенаправленно. Речь Карла Сладковского представляет интерес уже тем, что в ней были намечены контуры образа национального героя-ученика, отдавшего жизнь за свободу народа.

Такой образ-символ в начале 1860-х годов был необходим чешскому движению, постепенно приобретающему массовый масштаб. В материалах Славянского съезда 1848 года содержалось много идей, которые активно использовались в целях коллективной солидарности австрийских славян. Особое значение имели образы-фрустрации «врагов австрийского славянства», в роли которых выступали сторонники немецкого объединительного движения – «франкфуртисты», а также «мадьяры». Но на том уровне национальной агитации фактически отсутствовала идея национального чешского героя. В середине XIX века обращение к героической традиции гуситского движения стало своеобразной нормой патриотических выступлений. Но современных примеров, на основе которых возможно было бы персонифицировать национальную борьбу, в арсенале чешского движения тогда не было.

Торжественное шествие 1862 года феноменально тем, что впервые воссоздавался национальный образ героя-современника, «святого мученика». Неудивительно, что в книге, посвященной этому событию и изданной буквально по горячим следам, после стихов и политических речей в честь Карла Гавличка были помещены воспоминания доктора Подлипского о его болезни и последних минутах жизни. Он детально описал болезнь жены Гавличка – Юлии и ее смерть, затем – те же симптомы и смерть «великого, искреннего, самоотверженного, единственного нашего Гавличка»⁴. Доктор открыто писал, что причиной ранней кончины Юлии и Карла была ссылка в Бриксен. Идея жертвенного подвига Гавличка была поддержана всеми политиками патриотического направления. Эти черты усиливали эмоциональный заряд, заложенный в образе «святого мученика». Чешский историк Йозеф Кочи в книге «Возвращение Карла Гавличка из Бриксена» подробно описал его похороны 1 августа 1856 года на основе свидетельств близких, а также полицейских донесений. Среди нескольких тысяч участников похоронной процессии открыто обсуждался слух о том, что Гавличка отравили полицейские агенты. Возникновение этого домысла не случайно, представление об «убийстве» Гавличка надолго запечатлится в народной легенде, станет составной частью общего восприятия его «мученической смерти». Ранняя смерть стала ключевым мотивом героизации его образа.

К. Гавличка лично знали многие деятели чешского движения, и их взаимоотношения были достаточно сложными. Он был искренним и достаточно конфликтным человеком. Когда он вернулся из ссылки и посетил Прагу, то не узнавал любимого города. Его сестра Юлия вспоминала слова Гавличка: «Все меня как будто избегают, друзья обходят за несколько шагов. Что так изменилось? Неужели этот Бах сумел сделать из них таких баб? Только госпожа Немцова (Божена Немцова. – *О.П.*), когда меня увидела на Пршикопах, то подбежала ко мне. Я удивился и сказал: «Пожалуйста, не создавайте себе проблем», на что она мне ответила: «Ах, я с правительством ничего общего не имею»⁵. Даже Ф.Палацкий отказался обсуждать с ним политические новости, заявив, что обещал жене «больше не влезать в политику». Собственно за освобождение Гавличка из ссылки ходатайствовали перед правительством только родственники, ни одного коллективного протеста со стороны друзей и политических сторонников за три с половиной года не последовало.

Теперь же политики либерального толка сознательно участвовали в формировании его посмертного «культа». Кавычки здесь не случайны. Это не был культ в прямом смысле слова, скорее – устойчивый национальный миф о несгибаемом герое-мученике. Обращает внимание тот факт, что после поражения революции 1848–1849 гг. ведущие радикалы были по решению австрийского суда сначала осуждены на смертную казнь, затем ее заменили на пожизненное тюремное заключение. Они сражались на пражских баррикадах, претерпели суровые условия заключе-

⁴ Ibid. S.34.

⁵ Koci J. Navrat Karla Havlicka z Brixenu. Praha, 1986, S.15.

ния. Тем не менее, ни один из них не привлек такого внимания общества, и вокруг них не сложился ореол народных мучеников. Условия ссылки Гавличка в тирольской горной деревне были сравнительно благоприятными: он вызвал туда жену Юлию, большую туберкулезом, отмечая, что в Бриксене прекрасный альпийский воздух. Дом, который они снимали, имел пять комнат, у Гавличка был отдельный кабинет. В письмах к родным он признавал, что здоровье жены и его самого здесь улучшилось. Их мучили скорее моральные проблемы – трудно давалось общение с местными жителями-католиками, было болезненным ощущение собственной изолированности и оторванности от родины, угнетал постоянный полицейский контроль. Но в народной легенде ссылка Гавличка приобрела зловещий характер – мучения и жестокие лишения в тяжелых климатических условиях, приведшие к скоростижной смерти.

В историографии сложилось отдельное направление, исследующее видоые функции национальных мифов⁶. Мифы, по сути, представляют довольно жесткие идеологические конструкции, обладающие устойчивым набором качеств и ясно выраженной формулировкой цели. Национальные мифы, ориентированные на активизацию интеграционных процессов, как правило, имеют логичную завершенную форму.

В. Шнирельман в ряде работ убедительно доказывает, что процесс мифотворчества напрямую зависит от конкретной этнополитической ситуации⁷. Общества, переживающие стадии активной интеграции, естественно, нуждаются в зримых и доступных символах, усиливающих сознание коллективной солидарности. Процесс строительства нации неизбежно сопровождается реконструкцией исторической традиции, в ходе которой рождаются новые мифы, образы, представления, которые призваны противодействовать культурной и государственной нивелировке, аргументировать борьбу общества за повышение собственного административно-политического статуса, наконец, усиливать сознание коллективной солидарности и чувства национальной идентичности.

Миф о национальном герое Карле Гавличке-Боровском в 1860-е годы получил широкое распространение в чешской патриотической журналистике, особенно среди младочехов. Он стал фактически признанным посмертно лидером национального движения, образцом истинного патриота, личностью, авторитет которой стал безусловен для разных политических направлений. Староچهки конфликтовали с младочехами, радикалы критиковали и тех, и других, но все эти разнородные силы сходились в том, что Карел Гавличек стоял у истоков современной чешской истории и был организатором национального движения. Даже такой непримиримый радикал, как Йозеф Вацлав Фрич, сторонник революционного насилия, в своих мемуарах подчеркивал: «Всегда этот Гавличек был по натуре нашим человеком».

Осмысление личности Карла Гавличка и его творческого наследия имеет несколько уровней. Наиболее масштабный – образ национального героя, героически преодолевшего все трудности, несгибаемого борца за свободу своего народа, замученного абсолютистским режимом. Именно такой образ Гавличка был зафиксирован в публичных речах, патриотических статьях, произведениях искусства, именно таким Карел Гавличек сохранился в исторической памяти чешского народа.

Другой уровень осмысления деятельности Гавличка формируют научные исследования, которые насчитывают сотни работ, созданные за последние полтора столетия. В академической среде многознание об этом человеке до настоящего времени так и не дает возможности ответить на вопрос: в самом деле, кем же он был – «первым чешским диссидентом», по выражению чешс-

⁶ Реальность этнических мифов. Под ред. М. Олкотт, А. Малашенко. М., 2000; Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996; Eriksen Th. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London, 1993; Здравомыслов А. Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт. Под ред. М. Олкотт, И. Семенова. М., 2001. С.34-58.

⁷ Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. С.14-15; Он же. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С.12-13.

ко-австрийского историка Иржи Моравы, или носителем идеологии «многонационального австрийства», как считает чешский историк Иржи Коржалка; ревнителем славянской взаимности или убежденным противником России, основоположником чешской национальной идеологии или человеком с трагическим ощущением собственной несвоевременности, так и оставшимся до конца жизни непонятым современниками?»⁸

В этой статье не ставится цель разработать авторскую версию ответа на поставленный вопрос. В ряде работ я пыталась проанализировать взгляды Карла Гавличка на славянство и принципы соотношения «национальной свободы» и «свободы социальной» (этим термином в прессе середины XIX века определяли демократические права личности). Исследование его публицистики, а также материалов, свидетельствующих об особенностях развития чешского общества в 1840-е годы, показало, что Карел Гавличек во многом превзошел процесс национальной интеграции: не имея серьезного политического веса в годы революции 1848–1849 гг., он, тем не менее, обосновал фундаментальные принципы чешской национальной политики, признанные уже в шестидесятые годы.

Этот блестящий журналист не был теоретиком и мыслителем такого уровня, как Ф. Палацкий, не имел политического такта и осторожности, как Ф. Ригер, но обладал харизматической убежденностью и искренне верил в силу печатного слова. Противоречия и сомнения, ошибки и раскаяния, которыми насыщена биография Карла Гавличка, исчезнут из мифологизированной трактовки его образа. Уже во время торжеств 1862 года, затем в 1871 году, в 1906 году, когда отмечалась пятидесятая годовщина его смерти, образ Гавличка превратится в «интеллектуальный монумент», растиражированный на массовом уровне. Еще в 1862 году известный пражский песенник Франтишек Хайис написал слова и музыку к песне «Спи, Гавличек, в своей могилке», которая стала очень популярной. Ни одно общественное собрание не обходилось без этой незамысловатой песни, которую исполняли торжественно, с чувством народной любви и глубокого преклонения перед его мученическим подвигом.

Во второй половине девятнадцатого столетия его произведения будут неоднократно переиздаваться в серии «Библиотека чешских классиков беллетристов» и отдельными изданиями⁹. В 1876 году впервые издадут его сочинение, написанное в ссылке, «Крест святого Владимира», в котором он резко критиковал не только российскую монархию, но и всю систему неограниченной монархической власти. Ведущие чешские художники (В. Черны, А. Гоффмайстер, Ф. Бидло, Й. Лада и др.) считали за честь предложить в это издание свои иллюстрации. Очень скоро последует второе издание от крупнейшего чешского издательства «Одеон» с иллюстрациями Франтишка Геллнера.

В начале XX века помимо произведений Гавличка в чешских городах будут продаваться офорты его портрета кисти художника Т. Геверта по дешевой цене: в зависимости от размера офорта от 3 до 21 кроны. Рекламировались эти произведения как «лучшие украшения для домашних

⁸ Koralka J. Tschechen im Habsburgerreich und in Europa 1815-1914. Wien-München, 1991, S.28-37; Morava G. Dissident Karel Havlicek. Wien, 1989.

⁹ В 1851 году в Кутной Горе К. Гавличек издал сборник избранных статей, назвав его «Дух Народных Новин». Эта книга содержала передовые статьи из Народных новин 1848, 1849, 1850 гг., написанные Карлом Гавличком Боровским, редактором этой газеты. (Duch Narodnich Novin, spis, obsahujici uvodni clanky z Narodnich Novin roku 1848, 1849, 1850, sepsanych od Karla Havlicka Borovskeho, redaktora techto novin. Kutna Hora, 1851, 281 S.) Этот сборник, содержащий 81 статью, был переиздан в 1898 году. В 1886 году под редакцией Карла Тума были опубликованы избранные статьи Гавличка в трех томах [(Vybrane spisy Karla Havlicka Borovskeho. Porada Karel Tuma. Dil. 1., Kutna Hora, 1886, Dil. 2, s.a., Dil. 3, 1896). Это издание серьезно критиковалось за весьма вольное обращение с оригинальными текстами, объединение двух статей Гавличка в одну, изменение названий некоторых его работ. Наиболее полное издание было осуществлено Зд. Тоболкой в 1901 году в 2-х томах (Karla Havlicka Borovskeho Politicke Spisy. Dil. 1-2, Praha, 1901). В 1906 году были изданы «Кутногорские эпистолы и избранные политические статьи» (Karel Havlicek. Epistoly Kutnohorske a vybrane clanky politicke. Praha, 1906; Belletristicke spisy Karla Havlicka Borovskeho. In: Knihovna ceskych klassiku belletristu. Sv. 3, Praha, 1906).

комнат и присутственных мест». В обширном «Собрании стереоскопических картин» среди чешских замков, видов «Царьграда», старой Праги и Палестины выделялась серия «Памятные места из жизни Гавличка». Ведущий мотив народных картин о Гавличке – его ссылка в тирольскую деревню Бриксен, ставшая символом героических мук, которые он испытал за народную свободу. Арест, насильственная высылка, полицейский контроль, суровые условия жизни в Бриксене вдохновили чешского художника В. Оливу на создание нескольких картин о Гавличке. Затем они были отпечатаны на открытках и поступили в широкую продажу. Именем Гавличка назывались всевозможные просветительские общества, а с 1918 года – даже армейские подразделения. Почти в каждом чешском городе периода Первой Республики обязательно была улица Карла Гавличка. Антал Сташек, известный чешский писатель-реалист, в 1930-е годы пытался объяснить причины столь широкой народной популярности его личности: «По своему характеру он был и прототипом, и собирательным идеалом чешского человека, потому что понимал людей, и люди понимали его. Он разговаривал с ними не по душам, а из души»¹⁰.

В данной статье важно рассмотреть мотивы мифологизации образа Карла Гавличка в национальном сознании чешского общества. Почему именно из его биографии был создан образ национального героя? Какие основные позиции закладывались в персонифицированный образец истинного патриота и героя-мученика?

Вот краткая хронологическая сводка, составленная из личных и общих дат. Карел Гавличек родился 31 октября 1821 года в семье купца из Борова. С 17 лет он стал жить в Праге. Сначала хотел стать священником, штудировал богословие. Но затем увлекся славянской идеей. В Пражском университете на философском факультете центром притяжения патриотически настроенной молодежи была кафедра чешского языка и литературы, созданная в 1804 году. Примечательный факт: ее воспитанники были в основном выходцами из среднеобеспеченных городских слоев, а дети высокопоставленных родителей (адвокатов, высших чиновников, профессоров) составляли лишь 2%. Начало биографии Гавличка типично для представителя формирующегося в чешских землях среднего класса.

Увлечение славянством было искренним. Впоследствии он с иронией вспоминал «блаженное время» студенчества в пражском университете: «в то время, когда большая часть молодых людей была влюблена в девушек, другая, меньшая – в идею, осенило меня тогда нечто о великом Славянском народе, о братстве, одинаковом образе мысли различных племен... Отрывки из «Дочери Славы» мы декламировали тихо и вслух, мы также сами создавали стихи, учили различные алфавиты и грамматики разных славянских языков, мы почитали за великую честь спеть две польские, одну русскую и две иллирийские песни»¹¹. В 1842 году он получил место воспитателя в семье С.П. Шевырева, близкого друга М.П. Погодина. Гавличек жил в Москве, Петербурге и Киеве. Через два года пребывания в России окончательно «излечился» от всеславянских мечтаний и вернулся на родину, по его собственному выражению, «чехом, настоящим, необратимым чехом»¹². Начал работать в редакциях чешских газет «Чешска Вчела» и «Пражске Новины».

5 апреля 1848 года под влиянием начавшейся во Франции революции Гавличек стал издавать газету на чешском языке «Народни Новины». Собственных средств он не имел. Финансировал издание его друг граф Войтех Дейм. Тогда же Гавличек принимал самое активное участие в организации Славянского съезда в Праге, объезжал славянские провинции империи. В июне 1848 года он был вместе с восставшими на пражских баррикадах. После подавления революции в Вене и наступления реакции начал резкую антиправительственную кампанию в своей газете.

13 апреля 1849 года состоялся первый судебный процесс над Гавличком по обвинению в политическом подстрекательстве против закона и порядка. Это был его первый общественный триумф. Суд вынужден был признать Гавличка невиновным. Но преследования продолжались.

¹⁰ Koci J. Op.cit. S.37.

¹¹ Karel Havlíček Borovský. Slovan a Cech. In: Epistoly Kutnohorské a vybrané clanky politické. Praha, 1906, S.37.

¹² Ibid. S. 37.

Ему постоянно приходилось отстаивать право на издание газеты. 19 января 1850 года «Народни Новины» официально запрещают. Формальный повод – публикация статьи Ф. Палацкого «О централизации и национальном праве в Австрии». С 8 мая Гавличек начинает издание новой газеты «Славянин». И опять – сильное цензурное давление. К этому прибавляются неразрешимые финансовые трудности, равнодушие друзей и бывших единомышленников. На десять лет чешское общество, которое еще недавно сотрясали революционные брожения, впадает в «летаргический сон», именно так будут характеризовать 1850-е годы политики последующего десятилетия.

14 августа 1851 года Гавличек сам прекратил издание «Славянина». Но, один из немногих, не сдался. Вновь пытался наладить в Праге выпуск политической газеты. Безуспешно. Кругом боязнь и равнодушие. 12 ноября 1851 года его вновь обвинили «в нарушении общественного мира и порядка, а также в подстрекательстве народа против правительства». И снова суд. И вновь – победа. Его признали невиновным. Уникальный случай в тех условиях. Вскоре он все же был отправлен, без публичного суда, по личному приказу императора в ссылку в альпийскую деревню Бриксен, которую Гавличек в «Тиролевских эллегиях» назвал «моя Сибирь». В ссылке его морально поддерживали письма от Франтишка Палацкого, его советы написать популярную историю России, книги, которые ему посылали родные и друзья из Праги.

На родину вернулся лишь спустя четыре года. Смерть жены Юлии, разделившей с ним годы лишений, окончательно подорвала здоровье. Карел Гавличек умер 29 июня 1856 года¹³.

Вот и все о человеке, который прожил 35 лет, и только три года (с 1848 по 1851 гг.) активно занимался политикой. Вторая его биография – это многочисленные статьи в «Народних Новинах» и «Славянине» и их интерпретации в патриотической среде.

Попробуем выделить основные черты в трактовке личности Гавличка, которые заложили К. Сладковский и Э. Тоннер, первым описавший его биографию: 1) Гавличек – герой революции 1848 года, который «острым пером своим» защищал «национальную, гражданскую и религиозную свободу своего народа». Благодаря его усилиям австрийские славяне «спасли династию и империю» от немцев и венгров; 2) Гавличек провозгласил, что народ чехославянский должен искать свою свободу в Вене, только в границах Австрийской монархии; 3) Гавличек был «первым вождем народа чехославянского», его газета «Народни Новины» «стала духом защиты национальной свободы чехославянской», он вырвал народ из «духовной спячки». С пафосом Сладковский восклицал: «Выйдите сюда, чехи, мораване и силезцы, которые в духе «Славянина» здесь собрались, выйдите и провозгласите всему миру чехославянскому, провозгласите всем народам в пределах родины чешской, моравской и силезской, провозгласите в общинах и семьях своих, что нам явил дух «Славянина», чтобы верой в самого себя наш народ из лицемерного круга свободомыслия вышел и вступил на желанную родную почву свободы безусловной, и чтобы сегодняшнее торжество стало торжеством воскресения народа чехославянского»¹⁴.

Мифологизация образа Гавличка и столь пристальное обращение именно к его творческому наследию объяснялась, на мой взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, репрессии после революции 1848-1849 годов серьезно деморализовали национальных радикалов, имевших раньше популярность среди студенчества и средних городских слоев. Роль ведущей политической силы общества перешла к либеральным умеренным кругам, которые возглавляли Ф. Палацкий и Ф. Ригер. Гавличек принадлежал к этому кругу, поддерживал с семьей Палацкого тесные отношения и лично ему посвятил собрание своих политических статей «Дух Народних Новин», которое издал в 1851 году. Образ национального героя Гавличка фактически вытеснял из народной памяти некогда популярных радикалов. С другой стороны, его взгляды соответствовали новому национальному курсу, разработанному в конце 1850-х – начале 1860-х годов либералами.

¹³ Первые опыты подробных биографических исследований о Карле Гавличке – Chalupny E. Havlicek. *Obraz psychologicky a sociologicky*. Praha, 1908; Tum K. Karel Havlicek Borovský. *Kutná Hora, 1883-1885*.

¹⁴ Na památku Karla Havlicka, S. 17; 13-14; 16; 22-23; 28-29.

С началом конституционных экспериментов в Австрийской империи чешская журналистика патриотического толка стала активно использовать приемы национальной агитации, образы «чехославянского народа», созданные Карлом Гавличком. Формула новой чешской идентичности, впервые изложенная на страницах «Народных Новин», была воспринята умеренными либералами в шестидесятые годы как наиболее емкое отражение «национального духа». Апелляция к «Духу Народных Новин» воссоздавала новую историческую традицию. Особо обращает внимание, что образ Гавличка наделялся чертами не бойца-патриота, а именно мученика. В этом новом национальном мифе было выражено, по сути, кредо чешской политики второй половины девятнадцатого века, давшего отраженный свет и на историю двадцатого столетия. Идея мученичества включала не только осознанный протест и противостояние с абсолютистским режимом, но и «непротивление злу насилием», отказ от насильственного свержения этого режима. Герой-мученик – тот, кто до конца боролся за национальную свободу, претерпел мучения, но протестовал нравственно, а не с оружием в руках. Моральное влияние образа героя-мученика трудно переоценить, поскольку миф о Гавличке стал основой формирования нового типа чеха-патриота. В чешской политической традиции, поэтому так усилен образ «будителя» народа, а не революционера. Рассмотрим более подробно базовые принципы «национальной идеи», сформулированной Гавличком, и их развитие последующим поколением политиков.

«Кто мы, чехи?» – этот вопрос был ключевым как в сороковые, так и шестидесятые годы. Гавличек был, действительно, первым, кто развернул на страницах своих газет национальную агитацию, целью которой было формирование нового самосознания. Он целенаправленно выстраивал внеисторическую схему, представляя «единый народ» вечной и неизменной целостностью. Констатируя реальное существование этого народа, к которому относил и себя, Гавличек трактовал его образ как единый и монолитный, лишенный всяких внутренних противоречий.

В 1860-е годы, когда интенсивно формировалась национальная идентичность чешского народа, формула Гавличка и методы его национальной аргументации приобрели колоссальное значение. Младочешская популярная газета «Народни Листы», старочешский «Народ» и радикальная газета «Правда» активно использовали те этноцентристские мифологические конструкции, с которыми первым выступал Карел Гавличек.

Уже в статье «Славянин и чех», опубликованной в «Пражских Новинах» в 1846 году, он шокировал общество таким высказыванием: «Я с гордостью скажу «я – чех» и никогда «я – славянин». Близкий к Ф. Палацкому и имевший авторитет в интеллектуальной среде Якуб Малы открыто обвинил тогда Гавличка в отсутствии патриотизма и политического такта. Некоторое время он находился в своеобразной изоляции, знакомые и друзья прекратили с ним общение. Впоследствии ему приходилось неоднократно возвращаться к этой провокационной фразе, вновь и вновь объясняя ее смысл и оправдываясь за столь откровенный ригоризм. Тем не менее, с каждым десятилетием эта формула теряла свое первоначальное шокирующее значение. В шестидесятые годы ее уже понимали как выражение первичности национальных чешских интересов по отношению к идеям славянской солидарности. Т.Г. Масарик характеризовал знаменитую фразу Гавличка как отражение «*cesství*» – чешского национального самосознания, более высокого уровня развития нации по сравнению с первоначальным всеобщим увлечением славянской взаимностью¹⁵.

К. Гавличек писал о «чехославянах», которые, по его мнению, образуют единый народ из чехов, моравян, силезцев и словаков. По образу «единого иллирийского народа», в реальность которого он искренне верил, Гавличек считал, что целью освободительной борьбы должно стать объединение «чехославянского народа». Он разрывался между этим идеальным иррациональным образом единого сплоченного народа и, увы, неутешительной реальностью. С одной стороны, он с пафосом писал: «русских повсюду ненавидят, поляков жалеют (...), но на нас, чехов, смотрит

¹⁵ Masaryk T.G. Ceska otazka. Snahy a tuzby narodniho odrozeni. Praha, 1948. S.139-140.

мир с симпатией и уважением. Прекрасное, великое это зрелище – народ, героически и мужественно борющийся за собственное сохранение, за свою жизнь, за национальность!» По уровню образованности, в искусстве и литературе, чехославяне, по его мнению, превзошли и русских, и поляков. Но, с другой стороны, настоящая ситуация вызвала у него горечь и разочарование. Чехославяне более других «растратили свой особый характер и национальность, а деревенские паны Францы с гордостью заявляют, что по-чешски даже читать не умеют». Летом 1848 года издаваемые им «Народни Новины» имели только 1015 подписчиков. В «Слове редактора к своим верным подписчикам» он признавал с грустью, что большинство соотечественников предпочитают читать немецкие газеты: «Народ не понимает вас, потому что его язык на кухне, да в хлеву, не имеет слов для обозначения более высоких предметов, остальные же, неразумные, злобно посмеиваются над вами, те, о которых вы печетесь, не нуждаются в этом и не признают ваших стараний»¹⁶.

Тем не менее, за этот идеальный чехославянский народ Гавличек готов был бороться до конца и верить в его будущее, несмотря ни на что. Ради этой идеи он публично клеймил «словацкий сепаратизм», обрушивался с критикой на Г. Ваянского и Л. Штура и, уподобляясь немецким публицистам, намекал на то, что словацкие патриоты подкуплены российским правительством¹⁷. Весной 1848 года он совершил поездку в Моравию для того, чтобы добиться более тесного союза между чешскими и моравскими политиками и пропагандировать идею объединения Чехии и Моравии. «Наше племя чешско-моравское достигнет большой силы и признания в мире», «мы, славяне, моравско-чешские», «единственный народ чешский и моравский» – все эти определения, которыми Гавличек награждал будущую нацию, должны были аргументировать историческое единство двух ее составных частей. Но путевые впечатления от поездки по моравским городам и селам приносили большие разочарования. Он не мог их скрывать, откровенно признавая на страницах «Народних Новин»: «любой образованный человек выглядит как немец, славянство и пошлость там одно и то же»¹⁸.

Традиция, заложенная Гавличком, наиболее активно в шестидесятые годы была продолжена на страницах чешской политической газеты «Народни Листы» (редактор Юлиус Грегр). Использовался не только этноним, введенный Гавличком – «чехославяне», но и его базовые характеристики «единого народа». К примеру, в редакторской статье «Нашим политическим друзьям» Ю. Грегр указывал на огромное значение наследия К. Гавличка-Боровского для единого чехославянского народа. В статье «О моральных качествах народа» констатировалось, что «в настоящее время наш народ силен, сейчас он страшен для иностранцев, как святой Вышеград, стоящий на крутой горе». Основная идея 1860-х годов перекликалась с «Духом Народних Новин» – единый, могучий чешский народ достоин равноправного положения в империи, борьба его справедлива, а требования – законны. Лозунг «Будем единокорными!» отражал основную тактическую линию борьбы за конституционное устройство Австрии на основе представительства всех отдельных земель. Главными направлениями национальной деятельности признавалось развитие предпринимательства и образования, «борьба в храме науки и искусства», поскольку «вся сила нашего народа состоит в моральном и научном образовании»¹⁹.

Газета, созданная по примеру «Народних Новин» Карла Гавличка, стремительно завоевывала популярность, уже в первый год существования «Народни Листы» имели тираж до 6 000 экземпляров. Знаток истории патриотической прессы Карел Гох особо отмечал, что для Юлиуса Грегра «образцом для подражания была личность К. Гавличка. Он был очень упрямым, честолюбивым,

¹⁶ Havlicek K. Vykklad hesla Narodnich Novin // Narodni Noviny (далее-NN) 4.VI.1848.

¹⁷ Havlicek K. Slovan a Cech. S.38. См. подробнее об этом сюжете: Францев В.А. Чешско-словацкий раскол и его отголоски в литературе сороковых годов. Варшава, 1915. С.3.

¹⁸ Havlicek K. Nove volby do Frankfurtu // NN. 22. II. 1849; Zasady Narodnich Novin // NN. 5. VI. 1848; Pratelum nasim na venkove srdecne pozdraveni // NN 29.VI.1848; Z Moravy // NN 4.XI.1848.

¹⁹ O mravnich povahach v narode // Narodni Listy (далее -NL) 14.V.1862; Ceho nam nyní predevsim zapotrebi // NL, 5 I 1861; Nynejsi nase uloha // NL, 8.VI. 1862; Nasi mladezi // NL 10. I. 1863.

но действительно искренним»²⁰. Ю. Грегр будет во многом подражать Гавличку, его умеренная оппозиционность режиму станет, по сути, нормой для патриотической прессы шестидесятых годов. Редактор «Народных Листов» будет отбывать кратковременные заключения за слишком критические статьи, и выплачивать штрафы, широко информируя об этом общественность.

Второй важный мотив, привлекавший внимание либералов к творчеству Гавличка – это обоснование ненасильственных методов национальной борьбы. В его статьях второй половины 1840-х годов основным понятием для определения национальных идей было «humanita» – слово, заимствованное из тогдашней немецкой публицистики. В конце 1840-х годов пангерманское движение захлестнуло не только немецкие земли, но и владения Габсбургов. Под лозунгом объединения немецкой Австрии по всей стране создавались многочисленные общества, издавались журналы. Наиболее часто употреблялся тезис о великой роли германского культуртрегерства, поднявшего славянские народы Центральной Европы до цивилизационного уровня. В пангерманской публицистике весьма активно использовалось тогда понятие «humanitd» для того, чтобы подчеркнуть, «что этот Дух человечности был рожден в немецком народе»²¹. К. Гавличек, убежденный противник пангерманизма, нашел понятию «humanitd» чешский аналог – «Lidskost» (дословно – «человечность»). Он придал этому слову новое значение, связав его воедино с чешской национальной идеей.

В августе 1848 года, когда империя Габсбургов переживала тяжелейший революционный кризис, Гавличек сформулировал кредо чешской политики: «Нам нужна справедливость в национальном смысле и умеренность – в политическом»²². Политическая умеренность предлагалась, когда Прага была уже расстреляна пушками А. Виндишгреца, а австрофильский, верноподданный по своему характеру Славянский съезд был разогнан, когда венгерская революционная армия воевала за национальную свободу, а в самой австрийской столице едва удавалось сдерживать кровопролитие. Эти два принципа – справедливость в национальном вопросе и политическая толерантность – стали основой новой идеи «нравственной политики». За два года, с 1848 по 1850, Гавличек создал довольно четкую систему принципов национального движения.

Первый принцип – «политическая свобода без национальной не имеет смысла». «Справедливость», равно как и «нравственность», в политическом смысле являлась для Гавличка отражением демократического порядка, а демократия рассматривалась не только как строй с равными социальными гарантиями и суверенитетом личности, но, прежде всего как порядок, при котором все национальности уравниваются в правах. Идея борьбы за «национальную справедливость» занимала приоритетное положение, поэтому Гавличек выступал за то, чтобы патриотический лагерь не разделялся по политическому признаку – на либералов, консерваторов, радикалов или демократов. Гораздо важнее быть истинным патриотом своего народа, т.е. бороться против абсолютизма, аристократизма, бюрократизма.

Второй принцип – «свобода без образования народа невозможна». Разрушение абсолютистских основ государства, достижение демократического устройства возможны в понимании Гавличка только ненасильственным путем. Он был убежден в том, что народ должен быть внутренне подготовлен к новой демократической форме государства. Никаким насильственным, революционным путем достичь этого невозможно. Свобода должна вызревать из внутренней силы народа – и «такой плодотворной почвой для свободы являются образованность, благородство и мужественность граждан».

Отказ от радикальных форм борьбы, который проповедовал Гавличек, должен был сочетаться с активной национально-образовательной деятельностью. Став образованным народом, «мы, народ чешский, народ славянский, сможем оказывать огромное влияние на развитие всей Сре-

²⁰ Hoch K. Dejiny novinarstvi od r/ 1860 do doby soucastne// Ceskoslivenska vlastiveda (Praha, 1933) D.VII, S.453-454.

²¹ Эти идеи были отражены в передовой статье первого номера пангерманского журнала «Schwarz-Roth-Gold» под редакцией И. Рамка, А. Шопора (11. VII. 1848).

²² Havlicek K. Clanek, o kterem bych si pral, aby jej kazdy precetl a rozvazil // NN 30.VIII. 1848.

динной и Восточной Европы... Только так чехи смогут снискать славу, даже еще большую силу и славу, чем в давние времена Карла и Оттакара»²³.

Третье – справедливое решения национального вопроса и демократического общественного устройства «малые народы» смогут добиться в границах Габсбургской монархии. На первый взгляд, парадоксальное утверждение для человека, призывавшего бороться с консерватизмом и аристократизмом. Тем не менее, именно Гавличек, несмотря на гонения со стороны австрийского правительства, оставался убежденным австрофилом. Во время революционных потрясений австрофильство трансформировалось в программу австрославизма, которую провозгласил Славянский съезд в Праге. Австрославизм (с 1860-х годов – австрофедерализм) являлся, с одной стороны, программой федерализации имперских земель, в которой прослеживается стремление чехов стать ведущей политической силой обновленной Австрии, а с другой – концепцией центральноевропейской безопасности, построенной на принципе равновесия сил в регионе. Предполагалось, что реорганизованная Габсбургская монархия могла бы стать крепостью, сдерживающей натиск экспансионистских соседних держав – России и Германии. Действительно, союз австрийских славян с Габсбургами, за который так ратовал демократ Гавличек, мотивировался не столько романтической приверженностью трону или трогательным сознанием общей исторической судьбы, сколько трезвыми прагматичными расчетами.

Гавличек откровенно признавал, что чехам будет не по карману самим содержать армию, чтобы защищать государственную независимость. Да и революция обойдется народу слишком дорого. Поэтому его газета обрушивалась с критикой на радикалов (или, как он писал, «подстрекателей»), пытавшихся подтолкнуть народ к силовым действиям. Не вооруженное сопротивление предлагала она, а примирение с исторической властью, компромисс с ней на основе конституционной монархии и федерализации²⁴. В этом смысле австрославизм можно рассматривать как важную составную часть складывавшейся чешской национальной модели. Жертвуя идеей государственного суверенитета, Гавличек отстаивал суверенитет национальный, ограниченный федералистскими установками, более безопасный и более дешевый.

На протяжении девятнадцатого века вплоть до 1915 года чешские политики продолжали соблюдать легальность и лояльность – два основополагающих принципа, сформулированных Гавличком. Неоднократно они уходили в пассивную оппозицию, демонстративно отказываясь участвовать в заседаниях в представительских органах. Подобная форма протеста должна была заставить правительство и венский двор прислушаться к требованиям федералистского лагеря. Выступления чешских политиков на парламентских заседаниях, довольно резкие по форме, были обращены против непримиримых врагов – немецких централистов и венгерских сторонников дуализма, но никогда – против Габсбургского дома. Тактика пассивной оппозиции не смогла привести федералистов к победе. На первый взгляд, принципы «нравственной политики» не оправдали себя. Но, потерпев поражение в большой политике, чешские патриоты с успехом осуществили национальную консолидацию. Большое распространение получила тактика «малых дел», суть которой сводилась к тому, что «быть патриотом» – значит учиться, заниматься самообразованием, увеличивать свое материальное благополучие. За сравнительно небольшой отрезок времени в чешских городах были созданы физкультурные, хоровые, читательские общества, экономические товарищества. Всех их сближала культурно-просветительская ориентация и общее правило – члены обществ должны были разговаривать друг с другом только по-чешски. Действительно, чешское движение представляло собой яркий пример того, как патриотически настроенная интеллигенция смогла воспитать общество, привить ему определенные качества и ориентиры, составлявшие «национальную нравственность».

²³ Havlicek K. O smeru Narodnich Novin // NN 23. IX.1848.

²⁴ Havlicek K. Clanek o kterem bych si pral...// NN 30.VIII. 1848.

Идеи Гавличка были развиты Т.Г. Масариком, который придавал особое значение разработке проблем «демократической этики». В своей широко известной работе «Социальный вопрос» (1898) он подчеркивал важность отказа от насилия как метода решения конфликтных вопросов: «Демократизм – это не только политическая структура, но также нравственная, прежде всего нравственная... Эта этика имеет свой ясный и определенный, социальный и политический идеал». Это «работа, трудолюбие, энергия. Настоящая работа, которая противостоит всем несметным врагам, маленьким, суетным, ежедневным, всем микробам зла и нищеты физической и нравственной», это и «любовь, которая вообще не допускает насилия»²⁵.

В свое время К. Гавличек, перефразируя известную библейскую заповедь, сформулировал идею, которую Т. Масарик поставил во главу угла чешской идеологии – «не делай другим того, что не желал бы себе»²⁶. Таким образом, понимание «нравственности» приобретало новый оттенок – от сугубо индивидуального качества («возлюби ближнего как самого себя») к идее гармоничного социального и национального компромисса. Утопичная позиция. Но утопичность сознательная, имеющая компенсаторскую функцию. Еще в 1898 году Т. Масарик отчетливо определял смысл национальной идеи: «Палацкий нам показал, что наша чешская идея, действительно, является мировой идеей, наиболее важным жизненным вопросом, определяющим отношение человека к человеку, народа к народу *sub specie aeternitatis* – в смысле вечности»²⁷.

Континуитет традиции – главный принцип национальной политики – это отрицание насилия, причем, под «насилием» чешскими политиками понимался весьма широкий спектр политических действий – от революции до национальной самозащиты, отстаивание интересов своего народа вооруженным путем. Т. Масарик был категорически против «насилия» – «грубого политического материализма, который губит в человеке все нравственные основы и, прежде всего свободу духа». Если К. Гавличек аргументировал отрицание насилия чисто прагматичными соображениями, то у Масарика мотивация уже другая, в духе либерально-этических тенденций начала века – нравственность человечества торжествует над «материей» и кровью²⁸. Идея «ненасилия в политике, в экономике, в семье, в духовной работе» стала определяющей темой в трудах Т. Масарика в начале XX века.

Содержание персонифицированного мифа о Карле Гавличке как «святом мученике» отражает, на мой взгляд, специфику чешской идентичности. Этот миф сознательно реконструировался патриотическими кругами, стал важным структурным компонентом новой национальной идеологии и, что очень важно, был воспринят самыми широкими слоями чешского общества. Эффект глубокого распространения в массовом сознании образа героя-мученика, который боролся с историческим абсолютизмом исключительно интеллектуальными средствами, объяснялся конкретными целями национальной борьбы. Этот миф играл инструментальную роль, усиливал значимость патриотического наследия Гавличка и служил стереотипизации представлений об истинном патриоте – образованном, политически умеренном, занятом конкретными «малыми» делами на собственное благо и благо родины, склонном к компромиссам во имя сохранения социального мира.

²⁵ Masaryk T.G. Otazka socialni. Praha, 1898. S.581.

²⁶ Masaryk T.G. Karel Havlicek. Praha, 1896. S.236.

²⁷ Masaryk T.G. Palackeho idea naroda ceskeho // Nase doba. Praha, 1898. S.780.

²⁸ Masaryk T. G. Nase nynejsi krise. Praha, 1895. S.69-70.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И АВСТРО-НЕМЕЦКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

С точки зрения многих ученых, национализм – это, прежде всего, движение интеллектуалов и лиц свободных профессий¹. Именно представители интеллигенции давали определения и описания наций, были главными трансляторами идеалов наций, являлись создателями национальных мифов.

Роль интеллигенции в становлении и развитии национального самосознания у народов, населявших Австрийскую империю, не осталась незамеченной историками. При этом, если советские и российские исследователи сосредоточивали свое внимание, в основном, на деятельности интеллектуалов из так называемых «угнетенных» наций², то австрийские историки, вероятно, в силу сложившейся в Европейском Союзе и в современной Австрии установки на политкорректность, обращаясь к данной теме, и вовсе старательно избегали деления интеллектуальной и культурной жизни Австрии на национальные направления³. Во всяком случае, проблема влияния австро-немецкой интеллигенции на складывание национальной идентичности австрийских немцев в XIX – начале XX в. осталась в историографии без должного осмысления.

В начале XX в. один из современников как-то заметил: «Есть много способов возвеличить или унижить Австрию. Самым эффективным средством служит историография»⁴.

В начале XIX в. в Австрии, трижды пережившей нашествие Наполеона, с небывалой силой ожидают патриотические чувства. Неслучайно, в это время выходят в свет двухтомная «История Австрии с древнейших времен до современности» Антона Фердинанда Эдлера фон Гойзау (Вена, 1800), четырехтомная «История австрийской монархии» Франца де Пауля Рейзера (Вена, 1802), «История австрийской императорской власти» Иоганна Георга Галлети (Лейпциг, 1810), «История Австрии в шести периодах» Франца фон Грецимиллера (В 4 т. Вена, 1808), «История австрийской монархии» Иоганна Генерзиха (В 8 т. Вена, 1815), «Австрийская история» Карла Генриха Пётлица (Лейпциг, 1817), «Государственная история императорской власти Австрии от рождения Христова до свержения Наполеона Бонапарта» Юлиуса Шнеллера (В 4 т. Грац, 1817) и др.⁵

Австрийские писатели, черпавшие до тех пор сюжеты преимущественно из римской истории и мифологии, обращаются к историческому прошлому своей родины и находят в нем

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004; Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С.121-145.

² Освободительные движения народов Австрийской империи. В 2-х тт. М., 1980-1981; Миронова Н.М. Поиски национальных корней в искусстве Галиции рубежа XIX – XX вв. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 178-185; Чепелевская Т.И. Интеграционные и национальные процессы в Словении на рубеже XIX – XX вв. глазами писателя. (Творчество Ивана Цанкара) // Там же. С. 203-211; Шведова Н.В. Национальная проблематика в словацкой поэзии XIX – начала XX в. // Там же. С. 212-220.

³ Weiss W. Ausblick auf eine Geschichte österreichischer Literatur // Was heißt Österreich? Inhalt und Umfang des Österreichbegriffs vom 10. Jahrhundert bis heute / Hrsg. von R. Plaschka. Wien, 1995. S. 313-324; Fillitz H. Zum Problem des «österreichisches» in der Bildenden Kunst // Ibid. S. 325-337; Lengauer H. Kulturelle und nationale Identität // Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert: Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa / Hrsg. von H. Lutzund, H. Rumpfer. München, 1982. S. 189-211.

⁴ Цит. по: Heer F. Der Kampf um die österreichische Identität. Wien-Köln-Gratz, 1981. S. 12.

⁵ Lhotsky A. Österreichische Historiographie. Wien-Köln-Gratz, 1962. S. 197.

примеры величия и мужества. В 1809 г. Йозеф Гормайр приступает к выпуску серии героических биографий австрийских государственных деятелей под названием «Австрийский Плутарх». Его примеру последовала Каролина Пихлер: ее перу принадлежали романы «Графы фон Гознберг» (1811), «Осада Вены в 1683 году» (1824), а также драма с патриотическим сюжетом «Рудольф Габсбургский» (1818)⁶.

В XIX в. историческая наука становится объектом внимания и заботы со стороны австрийского правительства. В 1854 г. при непосредственной поддержке министра образования графа Лео фон Тун-Гогенштейна при Венском университете был основан Австрийский институт исторических исследований. Австрийское имперское государственное сознание надлежало утверждать и средствами исторической науки⁷. В 1868 г. богатейший в Европе Династический, дворцовый и государственный архив в Вене был открыт для использования историками его фондов. Началось издание многотомных публикаций источников, прежде всего по периоду Средневековья, истории первых Габсбургов и истории международных отношений. Эпоха Нового времени была представлена изданиями переписки Марии-Антуанетты с Иосифом II и Леопольдом II, документов по внешней политике Австрии в конце XVIII в. (4 т.), а также восьмитомной публикацией материалов личного архива князя К.Меттерниха. В 1893 г. во всех университетах Цислейтании в качестве обязательного предмета изучения для историков и юристов вводят историю австрийского государства и права⁸.

В 1853 г. австрийский историк Александр фон Хельферт в своем эссе «Национальная история, ее становление и современное состояние в Австрии» сделал своего рода набросок национально-исторической программы, положенной в основу деятельности Венского института исторических исследований. «Слово **национальный** (выделено А. Хельфертом. – Е.С.), – писал он, – в Австрии следует рассматривать с политической, а не с языковой точки зрения. Мы не можем стоять на стороне тех, для кого понятие «нация» исчерпывается языком. Мы должны воспринимать нацию в том же смысле, в каком могли ее воспринимать в античности грек, испанец или житель Малой Азии: *Civis Romanus sum* (Я – римский гражданин). Национальная история для нас не история какой-нибудь группы внутри многих рас человечества, а история объединенного, в силу географической и политической необходимости, народа, подчиняющегося одной и той же государственной власти и повинующегося одним и тем же законам. Национальная история Австрии для нас – это история австрийского государства»⁹. Таким образом, Хельферт предложил писать национальную историю всей Австрии, а не ее отдельных народностей. Для популяризации этой общей национальной австрийской истории в массах по инициативе все того же Хельферта в 1863 г. вышли в свет 17 книг «Истории Австрии для народа», а в 1864 г. появилось недорогое издание «История Австрии, рассказанная народу» Александра Патуши.

Венгерский магнат граф Йоганн Непомук Майлат – потомок одной из самых знатных венгерских фамилий (его дед, отец, да и он сам занимали важные государственные посты) – прославился своей пятитомной «Историей австрийского императорского государства» (1834-1854), которая в 1851 г. была издана в сокращенной редакции в одном томе под названием «История Австрии». Показательно, что эта книга была рекомендована правительством для изучения в учебных заведениях Австрийской империи. Начало истории Австрии граф Майлат относит к эпохе Римской империи: «Свет истории начинает озарять эти места в то время, когда проникли сюда *Римляне*... Мало-помалу из римских лагерей образовались города: так из лагеря Фабианской когорты, десятого легиона, возникла *Вена*». Одновременно с желанием подчеркнуть древние и

⁶ Краткая Литературная Энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М., 1964. Т. I. С. 65.

⁷ Fellner F. Die Historiographie zur österreichisch-deutschen Problematik als Spiegel der national-politischen Diskussion // Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert... S. 37.

⁸ Österreich: Von der Staatsidee zum Nationalbewußtsein: Studien und Aussprachen mit einem Bildteil zur Geschichte Österreichs / Hrsg. von G. Wagner. Wien, 1982. S. 384.

⁹ Цит. по: Die österreichische Nation: Zwischen zwei Nationalismen. Wien-Frankfurt-Zürich, 1967. S. 81-82.

независимые от соседей истоки собственно австрийской истории Майлат старался придерживаться в своем труде принципа исторической объективности, а потому распространенные в ту пору, в том числе и в исторических сочинениях, попытки возведения рода Габсбургов к легендарным полумифическим именам Хама, Гектора, Сципиона и другим, он называет «генеалогическими выдумками». Австрия в его «Истории» представлена как суверенное государство, независимое в своем историческом становлении, в том числе и от Германии, со своими особенностями развития. В целом же история Австрийской империи в изложении Майлата, так же как и во многих других произведениях австрийских историков того времени, представляет собой, по преимуществу, династическую историю Габсбургов¹⁰.

XIX в. был отмечен изданием добротных учебных книг по истории для австрийских средних учебных заведений в обработках Эдмунда Гроага и Генриха Монцка. О судьбе Австрии в них рассказывалось весьма конкретно, хотя, как правило, изложение ограничивалось государственно-правовыми и территориальными изменениями, происходившими в течение веков, не затрагивая иных сторон жизни государства и общества¹¹.

Тем не менее, исторические сочинения с оценками и трактовками австрийской государственности как самобытного явления в мировой истории составляли скорее исключение из общего правила. Во-первых, на австрийскую историографию XIX – начала XX в. по-прежнему продолжала оказывать сильное влияние германская историческая школа. Во-вторых, в результате запоздалого и замедленного процесса формирования непосредственно австрийской нации существенная часть австро-немецкой интеллигенции той поры, в том числе и представители исторической науки, продолжала причислять себя к германской нации. В итоге это приводило к тому, что великогерманские и пангерманские идеи в той или иной степени проникали в австрийскую историческую литературу всех направлений и оставались исключительно живучими, несмотря на то, что опасность такого рода воздействий была очевидна уже современникам. Граф Рехберг, занимавший в 1854–1864 гг. пост министра иностранных дел, будучи с миссией во Франкфурте в 1858 г., в своем подробном донесении на Бальхаузплац посчитал необходимым особо подчеркнуть, «что в наше время кафедры истории в Германии занимают людьми, которые, за малым исключением, принадлежат к либеральной малогерманской берлинской школе». Рехберг полагал, что имеет все основания предупредить австрийское правительство о серьезной опасности, грозящей Австрийской империи со стороны этого разрастающегося «научного и публицистического фронта». Следовало самым серьезным образом «противодействовать такому одностороннему представлению истории, если не сказать ее фальсификации»¹².

В австро-немецких кругах все чаще с середины XIX в. получает распространение тема «особой миссии Австрии», задача которой заключалась в «распространении немецкой культуры, языка и нравов вдоль Дуная вплоть до Черного моря»¹³. В момент окончания Крымской войны и почти одновременно с основанием Австрийского института исторических исследований цель этой «австрийской миссии» была сформулирована Лоренцем фон Штейном, следующим образом: «Австрия завершила эту войну в интересах Центральной Европы. Отныне ее миссия – стать носительницей цивилизации во вновь приобретенных для Европы землях...»¹⁴. Австрийский историк Альфонс Хубер, опубликовавший в 1896 г. пять из шести томов своей «Истории Австрии», рассматривал «государственную историю, в первую очередь, как культурную историю»¹⁵. Одну из главных задач своей работы он видел в возможности «показать, какое положение занимала Ав-

¹⁰ Майлат И.Н. История Австрии. Сочинения графа Майлата. М., 1858.

¹¹ Lhotsky A. Op. cit. S. 204-205.

¹² Heer F. Op. cit. S. 217.

¹³ Österreich und die deutsche Frage... S. 37.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Huber A. Geschichte Österreichs. Gotha, 1885-1921. 6 Bde.

стрия в различные периоды в культурном развитии Европы и, особенно, Германии, чью неотъемлемую часть она вплоть до новейшего времени составляла»¹⁶.

Максимилиан Бах в своем исследовании, опубликованном в 1898 г., одной из серьезнейших неудач австрийской революции 1848–1849 гг. называл нерешенность вопроса «об отношении Австрии к Германии и о возможных взаимоотношениях ее народностей», т.е. то, «что называют вопросами существования Австрии»¹⁷. Государственное развитие Австрии, с его точки зрения, могло протекать только в одном направлении – германизации, так как это была дорога к цивилизации для ее народов: «Когда Австрия начала превращаться в государство, она должна была превращаться в немецкое государство. Не потому только, что немцы составляли тогда единственный культурный элемент в государстве, но и потому, что развитие государственной культуры Австрии, было возможно лишь под воздействием Германской империи. Немецкая интеллигенция, немецкие чиновники, немецкие офицеры и не в последнем счете немецкие деньги содействовали созданию австрийского государства. Никакого другого пути к основанию этого государства не существовало. Но это был также и единственно возможный путь приобщить к культуре ненемецкие народности Австрии и сделать для них возможным духовное развитие или возрождение нации. Так называемая германизация, являясь единственно возможной формой цивилизирования Австрии, вместе с тем представляла собой могущественный рычаг развития национальностей Австрии» (выделено М. Бахом. – *Е.С.*)¹⁸. Сами нации, по убеждению Баха, это явление не древней, а новой эпохи: «Национальная идея, как она представляется нам в своей типической форме, есть побочный идеологический продукт буржуазного развития и принадлежит к самому прекрасному из всего, что вообще создано этим развитием»¹⁹. Вместе с тем М. Бах подчеркивает, что в немецкой части Австрийской империи – «самой передовой в культурном отношении» – австрийские немцы все-таки «не сделались германским племенем, но немцы Австрии стали австрийцами. В этом было огромное различие»²⁰.

В начале XX в. австрийский историк Рихард Хармац выступал безусловным сторонником гегемонии австрийских немцев. Он требовал обеспечения австро-немецкому населению привилегированного положения и сетовал как на притеснения со стороны венгров, так и на постоянные уступки правительства по отношению к славянскому населению империи, а ведь «... каждая национальная уступка славянам, – по его словам, – означала национальное ущемление немцев»²¹. Осознавая неотвратимость грядущих преобразований в многонациональной Габсбургской монархии и неизбежность отдельных компромиссов в вопросе об автономии народностей в государстве, Хармац предлагал идти лишь на самые минимальные уступки. По его мнению, с «оттеснением» немцев в Австрии последует «снижение умственного уровня», замедление промышленного развития и даже «упадок чувства свободы». По словам Р. Хармаца, «большие жертвы, возлагаемые на немецкую нацию, встречают у других народов вместо благодарного признания только пренебрежение и преуменьшение»²². В своих работах Хармац неизменно отстаивал идею наиболее тесного союза между Австрией и Германией.

Гегемонии австрийских немцев отстаивал и профессор государственного права в университете г. Граца Людвиг Гумплович, опубликовавший в 1885 г. «Очерк социологии». Следуя социал-дарвинистской концепции, Гумплович утверждал, что Австрия возникла в результате продвижения на Восток немецкого дворянства. Оно подчинило себе живущее на Дунае славянское население и совместно с венгерской расой начало господствовать над стоящими на ступеньку ниже по уровню развития славянскими племенами. При этом угнетенное большинство вынуждает завоевателей пе-

¹⁶ Ibid. Bd. I. S. IX.

¹⁷ Бах М. История австрийской революции 1848 г. М-Пг., 1923. С. 543.

¹⁸ Там же. С. 297.

¹⁹ Там же. С. 203.

²⁰ Там же. С. 297, 299.

²¹ Charmatz R. Österreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907. Leipzig, 1909-1912. Bd. I. S. 88.

²² Ibid. Bd. II. S. 174.

ренивать его язык, обычаи и нравственность. Но межгрупповые конфликты не исчезают, они лишь видоизменяются и продолжаются в виде борьбы классов, сословий и политических партий²³.

Приверженец великогерманской идеи историк Генрих Фридьонг был активным участником немецкого националистического движения Австрии. Позже, правда, будучи по своему происхождению евреем, Фридьонг покинет пангерманское движение Шёнераера из-за проповедуемого им расистского антисемитизма. В 1880 г. Фридьонг выступил на партайтаге Конституционной партии со своей программой²⁴. Сравнение воззвания программ Шёнераера и Фридьонга указывает на два пути, по которым пошло в дальнейшем немецкое националистическое движение в Австрии: пангерманский и проавстрийский.

Эти программы имели общие пункты: требования выделения Галиции, Буковины и Далмации из Австрии, расширения избирательного права, объявления немецкого языка государственным языком Цислейтании, а также установления более тесного союза с Германией.

Вместе с тем Фридьонг решительно отстаивал принцип равноправного союза Австро-Венгерской и Германской империй. Он, в отличие от Шёнераера, не требовал отмены австро-венгерского соглашения 1867 г. и установления личной унии Австрии с Венгрией. Он говорил только о необходимости усиления государственно-правового положения Австрии в дуалистической монархии путем отмены института делегаций и передачи их функций парламентам, что усилило бы влияние австрийского рейхсрата на внешнюю политику страны. Фридьонг полагал также необходимым заменить несколько туманное обозначение «Цислейтания» названием «Австрия» как более емким выражением единства этой части Монархии. Если Шёнераер считал таможенный союз Австрии с Германией лишь первым этапом (ближайшей задачей) своей пангерманской политики, то для Фридьонга таможенный союз – это конечная цель австро-германских отношений. Кроме того, Фридьонг подчеркивал «правомерность стремления народов Балканского полуострова к политической самостоятельности» и рекомендовал Австро-Венгрии проводить «дружественную политику» по отношению к ним: такая политика скорее сможет склонить их присоединиться «к великому средневропейскому народу».

Связи традиционно поддерживавшей католическую церковь Австрии с Германией, часть земель которой с XVI в. перешла под «протекторат» протестантской церкви, продолжали оставаться тесными. Более того, многие из австрийских немцев получали образование в университетах Германии, изучая там, в частности, теологию. С ростом могущества Пруссии во второй половине XIX в. в Австрии увеличивается число приверженцев протестантского вероисповедания, с которым часть австрийских немцев стала связывать не только успехи и прогресс объединенной Германии, но и будущее Австрии. На страницах германского историко-политического журнала Рудольф Хаум, «классический австро-немецкий либерал», противопоставлял Пруссию – олицетворение духа протестантизма, свободы и прогресса Австрии – воплощению «системы подавления и обскурантизма»²⁵. Известный австрийский историк Антон Шпрингер, по своему происхождению наполовину чех, считал своим святым долгом «очищение» как самого себя, так и других австрийских немцев «от славянской крови и римской бациллы». В своих мемуарах писал: «Я родился австрийцем, а завершаю свою жизнь хорошим немцем; я был крещен как католик, а умру как честный протестант, хотя и не такой, как правоверный евангельский Христос; славянское наречие было моим родным языком, в истории же немецкой науки, я надеюсь, мне завоевано маленькое местечко. Итак, трижды отступник, переменявший религию, язык и национальность, скажут мои враги»²⁶.

²³ Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895. С. 159.

²⁴ Molisch P. Geschichte der deutsch-nationalen Bewegung in Österreich von ihren Anfängen bis zum Zerfall der Monarchie... Mit einem Beitrage: Das Wesen der deutschnationalen Bewegung. Jena, 1926. S. 111; Fuchs A. Geistige Strömungen in Österreich 1867-1918. Wien, 1949. S. 179; Berchtold K. Österreichische Parteiprogramme 1868-1966. Wien, 1967. S. 189-192; Патнер Н.Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. М., 1970. С. 78-80.

²⁵ Heer F. Op. cit. S. 217.

²⁶ Springer A. Aus meinem Leben von Anton Springer. Berlin, 1892. S. 1-2.

Обращение к протестантизму оказалось тесно связанным с набиравшим силу «идолопоклонством» перед германским канцлером Бисмарком. Лидер немецко-националистического движения в Австрии Г. фон Шёнерер, покинув вместе со своим сыном католическую церковь, 31 августа 1900 г. перешел в протестантскую конфессию. Он объяснил свой шаг тем, что к этой конфессии принадлежал сам Бисмарк²⁷. Именно Шёнерер бросил клич своим немецким соотечественникам рвать с католичеством и переходить в протестантизм, хотя, без сомнения, это был весьма опрометчивый ход в архикатолической Австрии. Общее число протестантов двуединой монархии в то время не превышало и полумиллиона человек²⁸.

Антикатолическое движение смогло охватить в основном студенчество и преподавателей университетов, а также немецкую буржуазию в городах, прежде всего в Судетской области, Штирии и Каринтии²⁹. Фридрих Фундер – шеф-редактор газеты «Райхспост», являвшейся рупором Христианско-социальной партии, – в своих воспоминаниях отмечал, что это движение не играло большой роли, поскольку встречало решительный отпор со стороны немецкого крестьянства Австрии, а рабочий класс относился к нему с холодным безразличием³⁰. По данным Фундера, из 9 миллионов немецких католиков Австрии за период с 1898 по 1901 гг. лишь 14 835 человек решились порвать с католичеством³¹.

«Немецкая вера», «вера в Бисмарка», «вера в Германию» особенно культивировались в гимназических и студенческих корпорациях. В этой же среде радикально и одновременно романтически настроенной молодежи во второй половине XIX в. получает распространение культ языческого бога Вотана (или Водана) – верховного божества древних германцев, поклонение которому сопровождалось заявлениями о возвращении «их бога» на «свою родину». Именно студенчество и его организации оказались наиболее активными проводниками пангерманских взглядов, пруссофильских, а также антисемитских настроений³². Среди союзов и обществ, образовавшихся в конце 60-х гг., особенно выделялись два, в программах которых национальные требования были резко акцентированы. Это были «Немецкий народный союз» («Deutscher Volksverein») в Вене и «Союз немецких националистов» («Verein der Deutschnationalen») в Граце. Австрийский публицист А. Фукс указывает, что в некоторых студенческих обществах уже в то время стали проявляться пруссофильские настроения, а политика Бисмарка встречала у них одобрение и сочувствие³³. Пруссофильская ориентация среди студентов Вены особенно усиливается после поражения Австрии в 1866 г. и во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. Все больше студентов пытались «контрабандой», якобы с целью продолжения обучения в университетах Германии, попасть в прусскую армию. Ими устраивались также сборы денег для немецких борцов от «находящихся вдалеке сыновей великой матери» (Германии. – *Е.С.*)³⁴. Студент Риттер фон Лейтнер, выходец из Штирии, сочинил песню, вошедшую в книгу, которая увидела свет в Лейпциге в 1871 г., под названием «Пангерманство. Поэзия славных дней героической войны 1870–1871 гг.», в которой были следующие строки: «Немецкий австриец! Ты из братского союза, которому тысяча лет»³⁵. Схожие стихи и песни слагались в Тироле, где юная немецкая интеллигенция была настроена резко антиклерикально, антиитальянски и антиславянски³⁶.

²⁷ Heer F. Op. cit. S. 269.

²⁸ Туполев Б.М. Австро-Венгрия в планах пангерманцев в конце XIX – начале XX в. // Славяно-германские отношения. М., 1964. С. 116.

²⁹ Andics H. Das österreichische Jahrhundert. Die Donaumonarchie 1804-1918. Wien-München-Zürich, 1974. S. 243.

³⁰ Funder F. Vom Gestern ins Heute. Aus dem Kaiserreich in die Republik. 2 Aufl. Wien-München, 1953. S. 243.

³¹ Ibid. S. 226.

³² Heer F. Op. cit. S. 262.

³³ Fuchs A. Op. cit. S. 176.

³⁴ Heer F. Op. cit. S. 271.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

Следует, однако, отметить что среди австрийского студенчества, объединенного многочисленными корпорациями, все же не было единства взглядов ни в вопросах политических, ни в вопросах национальных. Существовало несколько австрийских клубов, например, «Аврора», «Немецко-австрийский читательский союз», и студенческих корпораций, которые не менее активно выступали против Пруссии-Германии³⁷.

Германия, впрочем, не стала лишь объектом поклонения для экзальтированных кругов интеллигенции, нередко она становилась также предметом острых насмешек и ироничных замечаний для тех австрийских немцев, которые были настроены более патриотично. Как раз в Германии они начинали особенно отчетливо осознавать собственную принадлежность к австрийству. Стефан Цвейг, который в конце XIX в. изучал философию в одном из германских университетов, не без доли сарказма отмечал отсутствие у берлинских жителей эlegantности в силу «исконной прусской экономности», а берлинские женщины, по его словам, ходили в театр в «самодельных, безвкусно сшитых платьях». «Повсюду, – впоследствии вспоминал Цвейг, – недоставало легкого, непринужденного, расточительного размаха, который в Вене... умеет создать очаровательное излишество из дешевого ничего. Во всем чувствовалась фридрихианская скупая домовитость: кофе был жидким и плохим, потому что экономили каждое зернышко; еда безвкусной, без сока и силы. Повсюду вместо нашей музыкальной круговерти царили чистота и строгий порядок»³⁸.

Еще более заметным для зоркого наблюдателя оказывались различия в характере и привычках немцев Германии и Австрии. «Ничто для меня, например, – продолжает Цвейг, – не было более показательным, чем противоположность между моими венской и берлинской хозяйками. Венская была бойкой болтливой женщиной и все содержала не в лучшем виде, легкомысленно забывая то об одном, то о другом, но всегда была готова помочь, чем только могла. Берлинка была корректной и все содержала в безукоризненном состоянии; но в первом же месячном счете я нашел учтенной ровным, четким почерком каждую мелкую услугу, которую она оказала: три пфеннига за то, что пришила к брюкам пуговицу, двадцать пфеннигов за то, что удалила со стола чернильное пятно, пока, наконец, под мощной, подводящей все усилия чертой не получилась сумма 67 пфеннигов...»³⁹.

Альберт Фукс (1905–1946), отец которого был ординарным профессором в одном из высших учебных заведений Австрии, вспоминая о своем детстве, рассказывал, что на летние каникулы они всей семьей, как правило, уезжали в Германию к берегам Балтийского моря. Недели, которые они проводили в Германии, по словам Фукса, не только расширяли горизонт его «этнографических и политических познаний», но и приводили к пониманию того, что между Австрией и Германией «существуют различия». Этому способствовали, прежде всего, суждения и поступки его отца, который «...был в своем роде совершенно насквозь австрийским. До тех пор пока мы оставались дома, он этого особенно не подчеркивал, так сказать, не пользовался этим. Другое дело, как только мы пересекали границу». Едва профессор Фукс оказывался на территории Германской империи, как он тут же находил причины для порицания германских и похвалы австрийских учреждений. Критических замечаний удостоивались от него сладкие блюда и кофе, по его словам, «ожидкий и очевидно неполноценный», предложенные ему в одном из германских ресторанов, так же как и само обслуживание. «Знакомство со швейцаром отеля, кельнерами, проводниками предоставляло различные поводы для проявления «энергии» в борьбе против «прусской заносчивости». Почти драматический случай произошел с ним однажды в Бинце. «Отец хотел отправить с бинцевского почтового отделения какую-то телеграмму в Тратенау. Но при этом он забыл указать на формуляре, что этот городок расположен в Богемии. Обслуживающий чиновник объяснил, что не знает такого места – Тратенау, и отказался принять телеграмму. Ничего больше и не требовалось для того,

³⁷ Ibid. S. 271, 275.

³⁸ Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М., 1991. С. 125-126.

³⁹ Там же. С. 126.

чтобы привести отца в ярость. Он был убежден, что видит перед собой образец прусской наглости, и закричал: «В 1866 году в Пруссии совершенно точно знали, где расположен Тратенау». Это был намек на единственное сражение, которое в 1866 г. завершилось победой австрийского оружия над прусским. Чиновник не мог понять, что имеется в виду, должно быть его историческое образование было не столь основательным, как географическое. Но он справедливо догадался, что намеревались унижить его отечество, и стал угрожать, что вызовет полицию. Отец едва избежал ведомственного вмешательства – «хлопот», как он это сформулировал»⁴⁰.

Мир художественной интеллигенции, как правило, далек от политически ангажированного национализма, что, впрочем, не означает, что ему чужды сами по себе национальные эмоции и убеждения. Скорее, австрийские писатели и поэты, не стремившиеся к тому, чтобы найти строгое научное определение для национального чувства, по-своему осмысливали неповторимое своеобразие национальной сущности австрийства.

По свидетельству Гуго фон Гофмансталя, только у Франца Грильпарцера (1791–1872) – великого поэта и драматурга Австрии – можно встретить «...такое проявление нашего чисто австрийского «Я», что мы почти вынуждены пугаться сверхтонкости и ясности этого процесса»⁴¹. Франц Грильпарцер стал провозвестником «австрийства» для Австрии.

В начале 1820-х годов им была написана пьеса «Оттокар». Основу сюжета пьесы составили события, происходившие в XIII столетии и связанные с борьбой богемского короля Пршемысла Оттокара II (1253–1278) с Рудольфом Габсбургом (1273–1291). Жестокости и властолюбию Оттокара Грильпарцер противопоставляет образ Рудольфа Габсбургского, который, по замыслу автора, представляет тип правителя, отнюдь не честолюбивого и любящего в первую очередь не себя, а свою страну. Перед решающей битвой с войсками короля Оттокара Рудольф Габсбург, будущий правитель Австрии, обращается к своему сыну со следующими словами:

«Восходит солнце из-за облаков:
Прекрасен будет день! Мой сын, впервые
Ты на австрийскую вступаешь землю.
Взгляни, как хороша твоя страна!»⁴².

И сама пьеса завершается отнюдь не прославлением Рудольфа Габсбурга и его воинов, а возвышением Австрии:

«Пусть славу Австрии провозгласят!
Да будет вольной Австрия вовеки!»⁴³.

Однако этот «патриотический» стержень трагедии не встретил ни восторга, ни поддержки у австрийского правительства: разрешение для показа на сцене этого сочинения Грильпарцера, несмотря на просьбы директора театра, так и не было получено. 21 января 1824 г. в дирекцию Бургтеатра эта пьеса была доставлена со следующей резолюцией: «Не допускать к постановке». А через пять дней Грильпарцер посетил своего друга Бетховена. «Разговорные тетради» глухого композитора сохранили одностороннюю запись беседы – слова драматурга (Бетховен отвечал устно). Вот отрывок из этой беседы:

« – Цензура запретила моего Оттокара.
– Даже опубликовать не разрешают.
– В ней слишком горячо говорится об Австрии.
– Кому есть дело до Австрии?
– К сожалению, это патриотическая пьеса»⁴⁴.

⁴⁰ Fuchs A. Op. cit. S. XIII-XIV.

⁴¹ Hofmannsthal H. v. Grillparzers politisches Vermächtnis // Hofmannsthal H. v. Österreichische Aufsätze und Reden. Wien, 1956. S. 140.

⁴² Грильпарцер Ф. Пьесы. М., 1961. С. 283.

⁴³ Там же. С. 296.

⁴⁴ Там же. С. 22.

В австрийстве Грильпарцера никогда не было чего-то проблематичного, неразрешимого; он никогда не вступал, как многие другие австрийские немцы, в роковой конфликт совести между австрийством и германством. «Я всегда гордился, что был австрийцем. Я никогда не печатался за границей, никогда мое слово не стояло в германских журналах»⁴⁵. И никогда он – в отличие от многих до и после него – не был готов идти на компромиссы из-за материальных интересов, если они не находились в согласии с его убеждениями. Так, перед публикацией своей «Сапфо» он писал в автобиографии: «Для издания пьесы я получил предложения от большинства германских книжных магазинов, но я отдал ее за самый умеренный гонорар тому же венскому книго-торговцу, который напечатал «Праматерь» по большей части из патриотических чувств. Мне досадно, что австрийский поэт непременно нуждается в чужой, пусть и германской, протекции»⁴⁶.

Тогда же Грильпарцер высказывает убеждение, что нет никого глупее тех австрийских великогерманцев, кто столь страстно желал присоединения к Германии. Ведь это означало, «как если бы кто-нибудь, неся собственный котелок, отправился бы за чужой стол» (выделено Ф. Грильпарцером. – *Е.С.*)⁴⁷. Не менее резко он писал о представителях австрийской интеллигенции, которые «мечтают о вхождении в Германию... надеясь, что германскую научную бурду без особого труда и полной ложкой можно будет заглотить в себя»⁴⁸.

Австрийство Грильпарцера включало в себя, в первую очередь, осознание культурного своеобразия и самобытности австрийцев. На это указывает самолюбиво-гордая (с оттенком заносчивости) запись в дневнике поэта от 5 марта 1828 г.: «Мне наплевать на язык лейпцигских магистров и дрезденского песенного круга. Я говорю на языке моего отечества»⁴⁹.

В день своего 75-летия Грильпарцер отозвался на «немецко-националистические аннексионистские устремления» следующим высказыванием: «Я не фанатичный немец, а фанатичный австриец»⁵⁰. А уже почти в восьмидесятилетнем возрасте он уточнит эту мысль, сказав 1 ноября 1870 г. своему другу Адольфу Фоглару: «Я – не немец, а австриец... и, прежде всего, венец»⁵¹. Так что с полным правом министр-президент князь Феликс Шварценберг мог писать о Грильпарцере, что тот поднял «упавшее национальное чувство благородства».

В национальном австрийском чувстве Грильпарцера не было ничего общего с шовинизмом и национальным сепаратизмом. «Национальность, – заявлял он, – я ненавижу это слово... Лучшее, чем может быть человек, это он как человек, и то, что различает нации, – скорее их недостатки, чем достоинства»⁵². В этой связи он резко выступал против позиции венгров, которые, по его мнению, воскресили «национальное надувательство» в Австрии, и полагал, что их стараниями «смешной национальный вопрос всех народностей австрийской Монархии принял черты центробежного движения»⁵³.

На националистические проявления в революции 1848–1849 гг. Грильпарцер откликнулся довольно едкой эпиграммой: «Дорога новейшего Просвещения ведет от гуманизма через национальность к варварству» («*Der Weg der neueren Bildung geht von Humanität durch Nationalität zur Bestialität*»).

Грильпарцером было подготовлено и выпущено в свет сочинение, своего рода манифест самоопределения австрийской словесности, под многозначительным названием «Чем отличаются австрийские писатели от остальных?». В грильпарцеровской статье «скромность, здравый человеческий рассудок и подлинность чувства»⁵⁴ австрийских писателей противопоставляются

⁴⁵ Цит. по: Österreich: Von der Staatsidee zum Nationalbewußtsein... S. 452.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid. S. 457.

⁵⁰ Цит. по: Österreich: Von der Staatsidee zum Nationalbewußtsein... S. 457.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Grillparzer F. Worin unterscheiden sich die österreichischen Dichter von den übrigen? // Grillparzer F. Gesammelte Werke: In 10 Bde. Wien, 1924. Bd. VII. S. 88.

склонности к абстрактным построениям, «мечтательности» германских немцев⁵⁵. Сходное разграничение «австрийской» и «берлинской» («северной») поэзии, с более резким неприятием последней, можно встретить и в письмах Адальберта Штифтера (1805–1868) к издателю его произведений Г. Хекенасту⁵⁶. Указанным противопоставлением Грильпарцер положил начало неизменно присутствующей у любого австрийского автора, сознающего себя таковым, тенденции отделять собственно «австрийские» культурные ценности – склонность к созерцательности, «покою», к приятию индивидом объективного порядка вещей – от «германских» культурных ценностей, связанных с традициями классической немецкой философии, творчеством Гете и немецких романтиков, – диалектики и динамики, субъективизма как идеализации возможностей эмансипированной личности, вмешательства в «порядок вещей», попыток изменить универсум.

Австрийский поэт и драматург Гуго фон Гофмансталь (1874–1929) представлял еще один тип интеллектуальной австро-немецкой элиты. О нем говорили: «Гофмансталь – только австриец» («Hofmannsthal, der Nur-Österreicher»). Его отношение к «германству» и к собственному австрийскому отечеству было внутренне гармоничным: не противопоставление «германства» («пруссачества») собственно «австрийству», а их сочетание при четком разделении этих понятий. Об осознании собственной непохожести на северогерманских «собратьев» свидетельствует составленная в 1917 г. Гофмансталем сравнительная схема отличий между австрийцами и пруссаками⁵⁷. Выглядела эта схема следующим образом:

ПРУССАКИ И АВСТРИЙЦЫ

В целом:

ПРУССИЯ:	АВСТРИЯ:
Создала искусственное строение в бедной от природы стране	Вырастила историческую паутину в богатой от природы стране
Все в людях и от людей	Все извне: природа и Бог
Отсюда как государственный образ мыслей	связующее: любовь к родине
Больше добродетели	Больше набожности
Больше деловых качеств	Больше гуманности

Единичное:

ПРУССАК:	АВСТРИЕЦ:
Актуальные убеждения (в 1800 г. – космополитические, в 1848 г. – либеральные, сейчас – бисмарковские, почти без возврата к предыдущим фазам)	Традиционные убеждения, почти неизменные на протяжении веков
Бедность в историческом смысле	Обладает историческим инстинктом
Сила абстракции	Незначительные способности к абстракции
Несравним ни с кем в упорядочении окружающего мира	Быстрота в восприятии
Действует по предписанию	Действует согласно традиции

⁵⁵ Ibid. S. 90.

⁵⁶ Полубояринов Л.Н. Поэтика австрийской прозы XIX века. Кемерово, 1995. С. 82-83.

⁵⁷ Hofmannsthal H. v. Österreichische Aufsätze und Reden. Wien, 1956. S. 124-125.

Сила диалектики	Отказ от диалектики
Большая ловкость в выражении	Больше сбалансированности
Больше последовательности	Больше способности находить себя в сущем
Чувство собственного достоинства	Самоирония
Кажется мужественным	Кажется подростком
Преобразовывает все в функцию	Все обращает в социальное
Утверждает и оправдывает самого себя	Предпочитает оставаться в состоянии неопределенности
Уверенный в собственной непогрешимости, высокомерно педантичный	Застенчивый, тщеславный, остроумный
Напористый в кризисной ситуации	Избегает кризисов
Борьба вокруг права	Небрежность
Неспособность понять других	Способность проникновения в других вплоть до бесхарактерности
Ожидаемый характер	Актерство
Каждый индивид носитель части авторитета	Каждый индивид носитель общечеловеческого
Карьеризм	Жажда наслаждений
Преобладает служебное	Преобладает личное
Склонность к преувеличению	Ирония вплоть до разрушения

В своей схеме Гофмансталь попытался выделить те рельефные черты, которые определяли духовный склад австрийца и делали его непохожим на немцев Германской империи. Близость в природе и Богу сделала австрийцев, по мнению Гофманстала, более гуманными и чувствительными, чем меркантильных, оперирующих исключительно абстрактными категориями северогерманских немцев. При этом добродетели дисциплинированных, последовательных, напористых пруссаков, действующих всегда в соответствии с имеющимися инструкциями, несут в себе какие-то неестественно механические черты. Австрийцы же, напротив, со своей непосредственной жадой удовольствий, остротой восприятия, совмещая в себе, казалось бы, несовместимые качества, сумели сохранить свою яркую человеческую индивидуальность. А потому и объединяли их отнюдь не властные институты, а, прежде всего чувство любви к Родине и преданность династии.

Гофмансталь подчеркивал, что в отношении Австрии он предпочитает оперировать «чисто духовным, нравственным понятием нации»⁵⁸. В Австрии же, пояснял Гофмансталь, имеет место «дуализм чувства: наша принадлежность к Австрии и наша культурная принадлежность к общей германской сущности...»⁵⁹.

Перед Австрией, по мнению Гофманстала, была поставлена особого рода задача – представлять немецкий дух в Европе⁶⁰. Ей самой судьбой было предназначено поле деятельности для претворения в жизнь «духовного империализма»⁶¹. При этом в силу своей исторической судьбы Австрия сложилась как «историческая индивидуальность» на пересечении Севера и Юга, Запада и Востока, став «по отношению к востоку и югу дающей, по отношению к западу и северу принимающей страной»⁶².

⁵⁸ Hofmannsthal H. v. Österreich im Spiegel seiner Dichtung // Hofmannsthal H.v. Op. cit. S. 99.

⁵⁹ Ibid. S. 99-100.

⁶⁰ Hofmannsthal H.v. Wir Österreicher und Deutschland // Hofmannsthal H.v. Op. cit. S. 121.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. S. 122.

Австро-немецкой интеллигенции удалось впитать в себя все то своеобразие, что коренилось в самих условиях жизни многонациональной державы, где отношение к чужому, инаковому изначально складывалось не так, как в странах с мононациональным составом населения. Ей удалось отразить в собственной индивидуальности пестроту взаимопроникновения, взаимовлияния и многоязычия германского, славянского и романского миров. Утрата этой полифонии ослабила бы Австрию и обеднила бы ее культурную жизнь, и это осознавалось интеллигенцией. С. Цвейг на примере Вены так описывал это мироощущение: «При дворе, у аристократов, в народе немецкое было кровно связано со славянским, венгерским, испанским, итальянским, французским, фландрским, и в том-то и состоял истинный гений этого города, чтобы гармонично соединять все эти контрасты в Новое и Своеобразное, в Австрийское, в Венское. Готовый воспринять и наделенный особым даром восприимчивости, этот город притягивал к себе самые полярные силы, разряжал, высвобождал, сочетал их, славно было жить здесь в этой атмосфере духовной благожелательности, стихийно каждый гражданин этого города воспитывался наднационально, как космополит, как гражданин мира»⁶³. Директор венского Бургтеатра Альфред Бергер радовался тому факту, что в его жилах помимо немецкой текла также славянская, а, кроме того, венгерская и еврейская кровь. Именно в этом смешении ему виделась гарантия того, что он является «действительно австрийцем»⁶⁴. Эден фон Хорват, сын австрийского дипломата, известный писатель и драматург, называл себя «типичной австрийской помесью», так как в нем лилась венгерская, чешская и хорватская кровь⁶⁵. Роберт Музиль высказывал убеждение, что «истинная Австрия – это весь мир»⁶⁶. А Йозеф Рот считал, что созданная Габсбургами империя представляла собой «... единственную сверхнацию, которая когда-либо существовала на земле»⁶⁷. К сожалению, для государства, которое на протяжении XIX – начала XX вв. все чаще становилось ареной столкновения различных направлений национализма, подобный космополитизм уже не мог стать панацеей.

Для австро-немецкой интеллигенции обращение к национальной идее, выбор между «Staatsnation» и «Kulturnation» оказались особенно трудными. Осознание своей специфики, своего отличия от остального германского мира пришло к ней довольно рано, но этому пониманию суждено было столкнуться с настроением эпохи, запечатленном в максиме Гердера и братьев Гримм (духовных основателей германистики): «Литература на немецком языке – есть немецкая литература. Все остальное – детали, которыми можно пренебречь»⁶⁸. «Интеллектуальный национализм» в Австрии не был столь монолитным, как в Германии. Его ядро постоянно оказывалось расколотым между стремлением одной части австро-немецкой интеллигенции к «своим подлинным германским корням», подчеркнутым «космополитизмом» другой ее части и, наконец, собственно «австрийством» третьей, самой небольшой по численности группы австрийских интеллектуалов. Отсутствие единой установки в интеллектуальном мире на формирование именно «австрийства», стало главным препятствием на пути необходимого идеологического обоснования консолидации австрийской нации.

⁶³ Цвейг С. Указ. соч. С. 51.

⁶⁴ Fuchs A. Op. cit. S. 39.

⁶⁵ Хорват Э. фон. Пьесы. М., 1980. С. 3.

⁶⁶ Музиль Р. Человек без свойств. М., 1984. Т. I. С. 208.

⁶⁷ Рот Й. Марш Радецкого. М., 1978. С. 13.

⁶⁸ Was heißt Österreich? S. 317

ВЗГЛЯД НА ЕВРОПУ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОЛЯКОВ XIX В.

Не так давно обозреватель «Известий» А.Архангельский писал, что распад социалистического блока и вступление в Евросоюз поставили перед Польшей задачу определить свое положение между Востоком и Западом: «Самая западная страна Востока стала самой восточной окраиной Запада; прежняя многовековая история окончена; новая только началась; майское вхождение в Европейский Союз окончательно поменяло статус Польши и поставило ее перед роковой проблемой: а мы-то теперь кто будем?»¹. На самом деле «роковой проблемы» для Польши не существует, ее ответ на вопрос давно готов: Польша – страна Запада, и каждый поляк осознает себя европейцем не со вчерашнего дня. Это сознание дала ему многовековая история, на протяжении которой Польша всегда играла роль именно самой восточной окраины Запада», выступала в качестве «щита» католической Европы, противостоя православному и мусульманскому Востоку и Югу. С Западом Польшу объединяли не только религия и династические связи королевской власти, но также насильственное и мирное проникновение на ее территорию западных соседей. Первостепенное значение имело восприятие поляками западноевропейской культуры, идей Просвещения, выдвинувшее Польшу на определенном этапе исторического процесса в авангард общественно-политической мысли, о чем свидетельствовало принятие Конституции 3 мая 1791 г. – первой в Европе конституции Нового времени. В Средние века Польшу объединяла с западными странами и общность социально-экономического и политического развития. Начавшиеся в XVII в. расхождения, формирование в Польше особого государственно-политического строя обусловили ее слабость, превратили ее из равноправного партнера западноевропейских соседей в объект их политики, а в конце XVIII в. привели к разделам ее территорий, в которых активное участие приняли опять-таки западные государства, включившие в свой состав часть польских земель.

Таким образом, к моменту гибели Польского государства ощущение причастности к Европе уже стало органичным компонентом национального сознания поляков. Сам факт утраты национальной государственности придавал этому ощущению еще большую остроту, сделав европейский фактор надеждой на восстановление Польши. Надежды возлагались на те страны Запада, которые не участвовали в разделах, и в первую очередь, они были связаны с революционной Францией и европейской политикой Наполеона. После разделов возникла мощная волна польской политической эмиграции; поляки, обосновавшиеся преимущественно во Франции, не только способствовали распространению в Польше общественной мысли Запада, но и непосредственно включились в бурные общественно-политические события, происходившие в Европе. Участие поляков в наполеоновских походах на переломе XVIII-XIX в., фактическое осуществление в 1807-1814 гг. французского протектората над Княжеством Варшавским, созданным по воле Бонапарта на польской территории, и пребывание там французской армии – все это приводило к тому, что европейский фактор ассоциировался в этот период польской истории с чисто французским и, более того, с личностью самого Бонапарта. Именно тогда возник наполеоновский миф, который до сих пор живет в сознании поляков как элемент польского европеизма. На протяжении многих десятилетий образ Наполеона связывался со свободой Польши: за сочетание двух букв – N (Napoleon) и W (Wolnosc) поляки провозглашали тосты. Они верили, что император жив и с острова Святой Елены шлет эмиссаров, чтобы «распространить возмущение среди монархов», что

¹ Архангельский А. Прощай и помни обо мне.// Известия. 24 мая 2004.

он готов вскоре вступить в Австрию. Об этом говорилось в донесениях царской полиции в начале 20-х гг. XIX в. И даже во время русско-турецкой войны 1829 г. польские офицеры распространяли слух, будто Наполеон находится в турецкой армии². Культ французского императора распространялся и на фигуру его сына герцога Рейхштадтского – «Орленка»: о симпатии к нему поляков сообщалось в том же 1829 г.³ А в самый канун Французской революции, в 1830 г. на праздновании в Париже дня рождения Т. Костюшко имя Наполеона упоминалось в ряду известных борцов за свободу Европы и Америки. Когда же революция разразилась, и слух о ней дошел до Варшавы, в толках молодежи вновь звучало это имя⁴.

После разгрома Наполеона участь Польши также решалась на европейском форуме в Вене. Для известной части польского общества это имело решающее значение, так как создавало правовую фундамент возрождения Польского государства, а в дальнейшем на решения Венского конгресса постоянно ссылались польские патриоты, апеллируя к европейским правительствам и общественному мнению Запада. Но большинство поляков не могли примириться с очередным переделом польской территории, произвольной перекройкой границ, рассматривая это как несправедливость и неблагодарность со стороны Запада. Польские идеологи указывали на принадлежность Польши к западноевропейскому католическому сообществу и на ее заслуги перед ним. Так, К. Бродзинский отмечал, что поляки соединились с другими европейскими народами путем принятия христианства, которое он, как и И. Лелевель, считал консолидирующим началом, обеспечивающим единство историко-культурного процесса. Он подчеркивал историческую роль Польши, на протяжении веков являвшейся защитницей католичества, служившей «щитом цивилизованной Европе» против иноверцев – мусульман, лютеран, православных и униатов⁵. «Безмятежная Европа, – писал он, – почти и не знала, какие полчища варваров сдерживали поляки своей грудью ... Их страна была только лагерем европейской охраны»⁶.

Такой образ польского христианского рыцаря шел еще от эпохи сарматизма и в XIX в. получил подтверждение. Если в 1807 г. Я.П. Воронич писал, что Польша «за Европу тонула в крови», имея в виду историческое прошлое⁷, то Бродзинский в 1835 г., говоря о Польше как «жертве», отдающей себя на заклятие ради других народов Европы, ссылался на недавние события: польское восстание 1830–1831 гг., утверждал он, спасло революционную Францию, спасло там «ростки свободы»⁸. Бродзинский считал, что поляки постоянно показывали Европе пример подлинной свободы, так как шляхетская демократия обеспечивала не «кровавое», а «спокойное» проведение «революции, расширявшей свободу»⁹. Но главный акцент в осмыслении роли и места Польши в Европе ученый делал не на том, что отличало ее от других стран Запада, а на сходстве с ними. Европа постоянно являлась у него «точкой отсчета и шкалой соотнесения для Польши», развитие которой на разных этапах он сравнивал с аналогичным развитием других европейских стран. Результатом сравнения был вывод о том, что уже в XV в. поляки стали «в ряд с наиболее цивилизованными народами», а в XVI–XVII вв. Польша по политическому влиянию и развитию науки «принадлежала к числу первых народов Европы»¹⁰. Подобные мысли содержались

² Archiwum Główny Akt Dawnych (далее AGAD). Policja Tajna WKs. Konstantego. 35.K.52; Kancelaria senatora Nowosilcewa. 565. K.51-58, 61-62.

³ AGAD. Policja Tajna WKs. Konstantego. 35. K.184.

⁴ Ibid. 37. K.241, 229.

⁵ Филатова Н.М. От Просвещения к Романтизму. Исторический лексикон К.Бродзинского. М., 2004. С.52-56, 62-63, 80, 138.

⁶ Цит. по: Филатова Н.М. Указ. соч. С.137.

⁷ Trybusiewicz J. Zagadnienia historyzmu w twórczości J.P.Woronicza. // Archiwum historii filozofii i myśli społecznej. T.4. Warszawa, 1959. S.46.

⁸ Филатова Н.М. Указ. соч. С.16-17.

⁹ Там же. С.138-139.

¹⁰ Там же. С.42-43, 46.

и в документах Я. Мауерберга и Л. Кёллера – участников возникшего в Варшаве в 1817 г. тайного общества «Панта Коина». Келлер напоминал о тех временах, когда «Польша подавала пример другим народам... несла свет в Европу»¹¹. Мауерберг, разделяя эту оценку в отношении прошлого, в то же время отмечал и недостатки, присущие польскому обществу в новую эпоху, и, прежде всего, писал об угнетении крестьян помещиками¹². Я.Л. Жуковский также указывал на такое явление, как барщина, и предупреждал, что пока она существует, «цивилизованные нации будут считать Польшу не европейской страной, а страной, худшей, нежели азиатские»¹³.

Осознавая поляков неотъемлемой частью сообщества европейских народов, польские мыслители задавались вопросом о его консолидации и организационном оформлении. Бродзинский предсказывал, что жертвы поляков «породнят народы», наступит «царство мира», означающее обновление и преобразование Европы¹⁴. Такие мысли возникли у него вскоре после Ноябрьского восстания 1830 г. в Королевстве Польском, а в момент самого восстания в Варшаве был создан документ, который заслуживал бы опубликования в наши дни. Детально прописанный проект «Конституции для Европы»¹⁵ содержал многие положения, перекликающиеся с принципами современного Евросоюза. Провозглашалось равенство всех 164 европейских народов, значившихся на том этапе, независимо от их численности и религиозной принадлежности. Если они «желали пользоваться прочным миром и счастьем», то должны были «отказаться от свободы и стать рабами закона». Европейские законы, «призванные служить фундаментом вечного союза между цивилизованными народами», объявлялись гарантией равенства. Предусматривалось, что их устанавливает Европа на своем конгрессе, в состав которого войдут полномочные представители всех народов. Он будет заседать постоянно, проводя свои сессии каждый год в одной из европейских столиц. Принятие законов, основанных на естественном праве, на принципах «человечности и справедливости», должно было осуществляться при равном представительстве народов на основе решения большинства конгресса, названного «стражем и исполнителем» этих законов. Принятие европейских законов объявлялось первой обязанностью конгресса, и, прежде всего, того из законов, который гласил: «мир в Европе прочный и вечный»; он был призван «на вечные времена пресечь пролитие людской крови, то есть положить конец варварству», и ему, как и другим законам, должны были повиноваться все народы, заключившие союз и получившие тем самым название «цивилизованных», в отличие от «варварских». При этом присоединиться к европейскому союзу мог «каждый народ из любой части света». В рамках глобализма провозглашался и лозунг «уничтожения навсегда» границ между странами как «главной причины пролитой крови европейцев»: «с этих пор, – говорилось в Конституции, – в Европе не будет вовсе стран, а только народы», подчиняющиеся единым законам.

Конституция постановляла, что «существование, независимость, собственность и честь каждого народа является предметом специального попечения европейских законов», а «свобода говорить, писать и печатать, не угрожающая принятым и освященным народами законам, будет неограниченной». Нарушение же законов грозило отдельному преступнику утратой на 50 лет национальных и европейских прав (смертная казнь даже для убийц отвергалась принципиально), а народу-нарушителю – исключением из европейского сообщества. Нарушением законов всей Европы считались попытки уничтожить вечный союз или оторвать от него какой-либо народ, а также нанесение вреда одному из членов союза другим народом – «цивилизованным» или «варварским».

¹¹ AGAD. Kancelaria senatora Nowosilcewa. 583. K.187-188, 198-200.

¹² Ibid. K.188-189.

¹³ Цит. по: Морозова О.П. Передовая польская мысль 30-60-х гг. XIX в. о международном революционном сотрудничестве // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30-70-е годы XIX в.). М., 1991. С.155.

¹⁴ Филатова Н.М. Указ. соч. С.134-135, 145.

¹⁵ Rozmaitości. T.YI.

Конфликты между народами-членами союза должны были разрешаться при посредничестве конгресса, он же вмешивался в случае насильственного захвата национальной собственности одного народа другим, квалифицируя это как «незаконный грабеж», а также при необходимости был обязан помочь какому-либо народу преодолеть препятствие для вступления в союз. Предусматривалось, что употребляться будут, главным образом, мирные средства, но в случае военной необходимости «каждый гражданин Европы» (этим именем называли человека, «в каком-либо отношении полезного для общества») должен был «по призыву европейского конгресса стать солдатом», которого разрешалось использовать только «для защиты законов Европы и ее безопасности». Институт постоянной армии отменялся, о чем конгрессу поручалось объявить на первом же заседании; воинам предоставлялось вознаграждение за прошлые заслуги, а все европейское оружие конфисковывалось, и из него выделялась часть, необходимая в случае оборонной необходимости; бремя военных расходов несли на себе все народы-члены союза пропорционально их численности.

Хранение оружия объявлялось нарушением европейских законов, так как под остракизм попадало все, связанное с пролитием крови. «Как до сих пор самым главным источником ... славы народов была война, – говорилось в Конституции, – так со времени заключения вечного согласия в Европе единственным предметом соревнования и источником славы у европейских народов будут только воспитание, законы, порядок, науки, знания, искусства и промысел в самом широком значении этого выражения». В этой связи «исторические воспоминания, способные возбудить неприязненные чувства между народами», предполагалось представлять молодежи в качестве «реликвий варварства»: «Исторические сообщения о славе, добытой оружием, окажутся забыты навечно либо будут приводиться лишь как отвратительная память о прошедших 59 варварских столетиях, – гласил пункт Конституции. – Слава, которая после заключения вечного согласия в Европе может быть добыта оружием, станет называться не славой оружия, а славой защиты законов». Употребление оружия в иных целях «влекло за собой вечный позор и проклятие народов» и каралось «самым суровым образом» по европейским законам.

Конституция провозглашала конечной целью «счастье и славу народов». Предполагалось, что в результате заключения вечного согласия на земле останутся только два новых народа – «цивилизованный», то есть руководствующийся данными Богом законами, и «варварский», движимый «страстями» – жадной кровопролития, стремлением возвысить себя и унижить других, пренебрежением к чужой собственности и свободе и т.п. От итогов борьбы между ними будет зависеть, установится ли на земле рай или она «навсегда останется проклятым местом, где живут несправедливость и убийства». Возможно, в момент воодушевления, вызванного вооруженным выступлением польского народа за свободу, патриотически-настроенный автор проекта надеялся на развитие положительного сценария, и значительная доля оптимизма была связана с обращением взоров на Запад. Главная и первоочередная надежда возлагалась на Францию. Польские патриоты, как, например, Мауерберг, высоко оценивали заслуги французских просветителей, пробудивших Европу, и особенно подчеркивали значение Великой Французской революции, которая окончательно уничтожила «летаргию» европейских народов, разбила «оковы рабства», и навсегда ниспровергла деспотизм¹⁶. Энтузиазм поляков возбуждала и новая французская революция. Их восстание явилось залогом для революционной Франции, и они этим гордились. В свою очередь, они ожидали от европейских стран поддержки в борьбе против царизма и обращались к их правительствам.

Так, маркиз Велёпольский в качестве представителя Польши выступил с нотой, адресованной лорду Пальмерстону, «О влиянии европейских кабинетов на польский вопрос на Венском конгрессе 1815 г.»¹⁷ В ноте говорилось о разделах Речи Посполитой, которые ввели Россию в систему европейских государств за счет исключения из нее Польши, а между тем польский народ,

¹⁶ AGAD. Kancelaria senatora Nowosilcewa. 583. K.189.

¹⁷ Rozmaitosci. T.YI.

подчеркивал Велёпольский, «является старейшим европейским народом и должен вновь занять место среди других народов». Он напоминал, что этот народ в течение целых веков заслонял Европу от нападения москалей и татар, был верным союзником Австрии и спас ее в битве под Веной; Польша выступала как «срединная держава» между Россией, Австрией и Пруссией и, не будучи опасной ни для кого из этих государств, «представляла достаточную силу, чтобы поддерживать между ними равновесие». Автор ноты доказывал, что созданная в 1815 г. конструкция симбиоза России и Польши рухнула, так как Россия нарушила обязательства в отношении Польши, взятые ею на себя перед лицом европейских государств, а потому Венский трактат потерял значение, и Европа имеет право создать новый проект для Польши. Предлагалось, чтобы Англия и Австрия признали ее независимость, Австрия присоединила бы захваченные ею польские земли к Королевству Польскому и призвала сделать то же с прусской частью Польши. Затем признать независимость Польши должны были Франция, Турция, Швеция и все европейские государства, а Англия, Австрия и Турция могли бы заключить с ней оборонное соглашение. Предполагалось, что все это заставит Россию прекратить военные действия в Королевстве Польском, а если она не отступится, то европейские страны пошлют полякам подкрепление, Англия выставит свой флот на Балтике, а также вместе с Турцией и на Черном море. В ноте утверждалось, что возвращение польской независимости и укрощение России лежит «в интересах всей Европы». То, что происходит в Польше, подчеркивал Велёпольский, «это европейское событие, касающееся всего общественного здания цивилизованного мира», оно «является важным вопросом для наиболее значительных европейских кабинетов, которые должны обдумать природу этого события, пользу, какую можно из него извлечь для мира и счастья европейских народов, а равно и опасности, могущие грозить Европе в ее современном состоянии, и, наконец, способ, при помощи которого можно извлечь пользу и избежать опасностей».

На одну из опасностей нота указывала непосредственно: «польская армия, – говорилось в ней, – не что иное, как передовая оборона французских войск»; если только царизм ее разобьет, он тотчас пойдет войной на Францию и Бельгию. Царизм не пошел на Запад, так как бросил все силы на усмирение Польши. Восстание было подавлено при поддержке европейских держав, участвовавших в разделах Польши, и при бездействии остальной Европы. Надежды на ее помощь не оправдались, рухнули планы по участию в постройке европейского здания, однако фактор Европы сохранил первостепенное значение в национально-освободительной борьбе поляков. Правда, различные течения в польском национальном движении трактовали его роль по-разному. В том, что для освобождения Польши важна международная ситуация – необходим определенный расклад сил в Европе и соответствующие позиции основных держав Запада – польский патриотический лагерь был един. Различия касались европейских ориентиров, тех сил, на которые рассчитывали польские патриоты.

Консервативное течение, представленное аристократической партией Чарторыских, продолжало линию, намеченную нотой Велёпольского. Политический штаб консерваторов, находившийся в Отеле Лямбер, парижской резиденции князей Чарторыских, рассчитывал на европейские правительства, которые в подходящий момент решат польский вопрос «сверху», и восстановление Польши станет, таким образом, законным международным актом. В связи со своей концепцией сторонники Отеля Лямбер делали упор на дипломатию, посылали ноты и обращения европейским правительствам, вели конфиденциальные переговоры с властными структурами и влиятельными фигурами западных государств, выступали с предложением различных вариантов замещения польского престола членами европейских монархических династий. Главный расчет был на Францию и Англию, но часть консерваторов, как, например, лоялистски-настроенные галицийские политики, обращались и к монархам тех держав, которые участвовали в разделах Польши. Так, в записке о польском вопросе, составленной Ф.Земляковским и А.Понинским в 1848 г. для представления в галицийский сейм, говорилось, что от австрийского императора ждут

сотрудничества в деле полного восстановления Польши¹⁸. Тогда же А.Чарторыйский, учитывая наличие революционной ситуации в Пруссии, призвал поляков объединить усилия не только со «старым союзником» Францией, но и с Германией¹⁹. В любых потрясениях европейского status quo Отель Лямбер видел шанс для Польши. Поэтому важным направлением его деятельности стали отслеживание происходивших в Европе национальных процессов и поддержка конфликтов в ее «горячих точках», которые могли бы спровоцировать войну, направленную против врагов Польши. В 30–40-х гг. «врагом №1» была Австрия, а после 1848 г. – Россия. Это заставляло партию Чарторыйских обращать особое внимание на славянские народы, которые тяготели к России и могли подпасть под влияние царского панславизма. Эмиссары Отеля Лямбер активно действовали среди славянского населения в Центральной Европе и на Балканах. Стремление «полонизировать Славянщину» партия Чарторыйских представляла как меру защиты Запада от угрозы царизма. «Славянщина без Польши, имеющей большинство в ее лоне, – писал главный агент Отеля Лямбер на Востоке М.Чайковский, – является прирожденным врагом Запада»²⁰. Старый тезис о миссии Польши быть «щитом», «форпостом Европы на пути вторгающихся в нее рабства и тьмы» постоянно повторялся в пропаганде консерваторов, как в Галиции, так и в эмиграции. В борьбе за европейское общественное мнение использовался пиар – французская, английская, итальянская пресса. Принимая во внимание широко распространявшиеся и популярные в Европе лозунги, такие как «свобода», «равенство», «братство», «выборность власти», «мир между различными религиями», «союз свободы и национальности», деятели аристократической эмиграции утверждали, что все эти современные европейские понятия – «самородные» польские, веками исповедовавшиеся поляками²¹.

Утверждая, что крик о справедливости для Польши разносится по всей Европе, сторонники Чарторыйских по-прежнему апеллировали к постановлениям Венского конгресса. На Венский трактат ссылались также и польские депутаты прусского парламента, защищая в 1848 г. национальные права Великого Княжества Познаньского. А еще раньше во Франкфуртском собрании Я.Х.Янишевский, протестуя против раздела Познанщины и включения ее части в Пруссию, доказывал, что нельзя менять границы, гарантированные Европой²². Что же касается демократического лагеря в польском национально-освободительном движении, то для них важны были иные аргументы и апеллировали они к иным авторитетам. Так, в связи с резолюцией Франкфуртского собрания по вопросу Познанщины от имени Централизации Польского демократического общества (организации польских демократов в эмиграции) было направлено обращение к немецкому народу, где говорилось, что решение франкфуртских депутатов осудила «вся либеральная Европа»²³. Именно на ее поддержку рассчитывали польские демократы в своей борьбе за возрождение родины. Они координировали планы своих вооруженных выступлений с планами европейского освободительного движения, заключали союзы, вели подготовку к одновременным действиям.

Польские патриоты участвовали во всех революционных событиях, происходивших в XIX в. в Европе – в Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Франции и других странах, и везде они сражались за свободу Польши. Национальные устремления того или иного народа они рассматривали с точки зрения значения их для общеевропейской ситуации, а значит, и для Польши. А.Мицкевич

¹⁸ AGAD. Biblioteka Waworowskich. 276. K.168-170; Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С.226.

¹⁹ Европейские революции... С.265-266.

²⁰ Там же. С.268; Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. 5387 III. K.24.

²¹ Европейские революции... С.266.

²² Там же. С.205-206; Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main. Bd. 2. Frankfurt, 1848. S.1163-1167.

²³ Европейские революции... С.265; Müller M.G., Schönemann B., Wawrykowa M. Die Polen «Debatte» in der Frankfurter Paulskirche. Darstellung, Lernziele, Materialien. Frankfurt am Main. 1995. S.32-34 (далее: «Die Polen Debatte»...).

в 1848 г. выступал за объединение Германии, считая, что создание «народной империи» в центре Европы принесет пользу полякам. Речь, таким образом, шла о демократическом преобразовании Европы. Один из первых шагов на этом пути Мицкевич видел в объединении славян, венгров и итальянцев и создание на пространстве между Адриатикой, Балтикой и Черным морем «федерации свободных обществ, живущих по принципам подлинной демократии»²⁴. В дальнейшем содружество европейских народов должно было разрастись, выработать общие правила и законы. Проект манифеста Славянского съезда в Праге в 1848 г., подготовленный при активном участии К.Либельта, выдвигал идею созыва общеевропейского конгресса народов для решения всех международных вопросов²⁵. По мысли польских демократических деятелей, Польша предназначалась важная роль и место в будущем европейском сообществе: она призвана была стать «связующим звеном в цепи братства, которое должно объединить Восток и Запад Европы в общем прогрессе»²⁶. Эту роль Польши, ее значение для Европы в качестве независимого государства, исповедующего европейские ценности свободы и демократии, польские демократы подчеркивали, разъясняя европейской общественности цели своей борьбы. Они также обращались к ней с воззваниями, участвовали в митингах и собраниях, выступали со статьями в заграничной печати, публиковали брошюры и книги на польском и иностранных языках. В заголовках книг часто фигурировали сочетания слов «Польша» и «Европа». В частности, можно назвать книгу Л.Мерославского «О польской национальности в европейском равновесии» или книгу Г.Каменьского «Россия и Европа. Польша», где автор противопоставлял союз с европейскими народами союзу с правительствами западных держав.

Ведущую роль в связях с Западом играла польская политическая эмиграция, как аристократическая, так и демократическая. Она сама по себе была уникальным европейским явлением, выделяясь и по численности, и по политической активности. Поляки жили во всех частях света, но в Европе и, особенно, во Франции их насчитывалось больше всего, здесь находился и центр их активной деятельности. Эмигранты представляли собой как бы передовой польский отряд, выдвинутый на запад. Они несли в Европу правду о Польше, но осуществляли и обратную связь между ними: эмиграция впитывала европейские идеи и культуру, через ее посредство они проникали в Польшу, усваивались польским обществом. Поляки ощущали себя призванными нести эти европейские ценности дальше на восток, приобщая к ним другие народы. Объектом своей цивилизаторской миссии они считали русских, а также другие народы Восточной и Юго-Восточной Европы, прежде всего славянские. В среде демократической эмиграции развивалась идея Польши как «солнца» для славянского мира²⁷.

Усвоение и распространение европейских идей поляками было творческим процессом. Они отнюдь не безоглядно принимали все, с чем сталкивались на Западе. Еще в 1831 г. Бродзинский, назвавший поляков «народом цивилизации XIX в.», развивавшимся под влиянием западно-европейской цивилизации и культуры, отмечал и связанные с этим отрицательные моменты: стирание национальных особенностей и «порчу» нравов²⁸. Негативной стороной современной цивилизации Бродзинский, Мицкевич и другие считали диктат эгоистических интересов власти, наживы, определявший лицемерие европейской политики, выбор европейскими правительствами тех или иных политических ценностей и приоритетов. Одно из подтверждений этого факта Мицкевич видел в несправедливом разделе мира на Венском конгрессе²⁹.

Кризис современного мира и ценностей европейской политики рассматривался К. Бродзинским, А. Мицкевичем, А. Цешковским сквозь призму Апокалипсиса, через религиозные образы.

²⁴ Европейские революции... С.263, 261.

²⁵ Там же. С.210.

²⁶ Die Polen «Debatte»... S.32-34.

²⁷ Koberdowa I. Pierwsza Międzynarodówka i lewica Wielkiej Emigracji. Warszawa, 1964. S.276.

²⁸ Цит по: Филатова Н.М. Указ. соч. С.81.

²⁹ Там же. С.130-131.

В этом они сходились с европейскими мыслителями различных направлений, в том числе с Дж. Мадзини, Ж. Мишле, Ж. де Местра. На идеологию Ж. де Местра, Л. де Бональди, Ф. фон Савиньи ориентировались и польские консерваторы, чьи позиции были сильны в Галиции. В 60–70-е гг. это течение раскололось на «старых» и «молодых». Последние тяготели уже не к идеям пессимизма и катастрофизма, а к реформизму А. де Токвиля, Э. Бёрка. Их не устраивал западный вариант развития капитализма, и они стремились скорректировать его в отношении Польши. При этом обращалось внимание на такие ее социально-политические особенности, как наличие общины, особая роль шляхты в жизни страны, сильные позиции католической церкви, не подорванные ни расколом, ни секуляризацией. Отмечалось, что географическое положение Польши на границе Востока и Запада уберегло ее от западной «заразы» – либерализма и социализма³⁰.

На пороки общественного устройства, связанные с развитием капитализма в Европе, указывали и польские демократы, как следуя за западными критиками, так и на основе самостоятельного анализа. В 60–70-е гг. XIX в. многие из них писали о «язвах капитализма». То было время становления международного рабочего движения, создания международной, выходящей за пределы Европы пролетарской организации, в которой активное участие приняли поляки. Кажется бы, это ослабляло значение для Польши европейского фактора как такового, но на самом деле он продолжал играть важную роль: ведь именно в Европе находились главные узлы противоречий, в том числе и классовых. И хотя после победы Пруссии над Францией в 1870 г. польский вопрос перестал стоять в повестке дня актуальной европейской политики, тем не менее, противоречия между европейскими государствами сохранялись. Сохранялись и надежды поляков на европейскую войну и создание условий для возрождения Польши. Они стали живее под конец XIX в., но реализовались уже в следующем веке в результате не европейской, а Первой мировой войны, когда спустя 103 года после Венского конгресса мирная конференция в Версале приняла решение о создании независимого Польского государства. Активную роль в принятии такого решения играл опять-таки концерт европейских стран-победительниц, правда, в несколько ином составе и при участии Соединенных Штатов Америки.

³⁰ Миллер А.И. Основные тенденции и этапы развития социальной доктрины консерваторов в Польше XIX в. // Общественно-политическая мысль в Европе в конце XVIII – начале XX в. Тезисы докладов межинститутской конференции молодых ученых. М., 1987. С.57-58.

РАЗДЕЛ III. НАРОДЫ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ XVII-XX ВВ.

Ш. Гебеи

(Педагогический институт г. Эгер (Венгрия))

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТРАНСИЛЬВАНСКИМ КНЯЖЕСТВОМ И ЗАПОРОЖСКИМ ВОЙСКОМ В 1648 Г.

В последнее десятилетие разгорелась острая полемика между русскими и украинскими историками о проблеме объединения России с Украиной. Историки независимой Украины – в первую очередь В. А. Смолий, В. С. Степанков, В. М. Горобец и другие – отказались от официального тезиса советского времени о «воссоединении братских украинского и русского народов». Упомянутые авторы уже в 1990–1991 гг. предложили на страницах периодического издания «Украинський історичний журнал» по-новому рассматривать национальную = украинскую историю.

В качестве исходного пункта они пересмотрели международное значение переяславских и московских статей 1654 г. и пришли к выводу, несмотря на сдержанность русских коллег, что в 1654 г. суверенные государства (Россия и Украина) заключили между собой государственный договор. Таким образом, в результате начавшейся в 1648 г. освободительной войны казачества = украинского народа против Речи Посполитой к 1654 г. родилось юридически свободное украинское национальное государство. В 1995 г. на конференции, посвященной 400-летней годовщине со дня рождения гетмана Богдана Хмельницкого, эта точка зрения, можно сказать с одобрения Украинской Академии Наук, стала официальной.

Своей статьей мы не намерены вмешиваться в спор русских и украинских коллег, только хотели бы предоставить информацию о роли Трансильванского Княжества в сложной международной ситуации середины XVII в. Трансильванское Княжество, по сути дела, только дважды, в 1648 и 1657 гг., получало возможность играть более важную роль на международной арене, когда, пытаясь получить польскую корону, установило весьма тесные дипломатические связи с Запорожским Войском. Свою короткую статью, которая, надеюсь, получит продолжение в новой работе, касающейся 1657 г., мы предлагаем вниманию русских и украинских историков, главным образом, для того чтобы привлечь их интерес к дипломатическим маневрам гетмана Богдана Хмельницкого в данный период.

Одним из краеугольных камней много раз упоминаемой свободы Речи Посполитой являлось свободное избрание короля, ставшее летом 1648 года таким же актуальным, как и нормализация отношений с Украиной. На трон правившего 16 лет и умершего в возрасте 56 лет, носившего титул польско-шведского короля Владислава IV претендовали два его брата: Ян Казимир и Карл Фердинанд. Были шансы и у Филиппа Вильгельма, нойбургского герцога, мужа дочери Сигизмунда III, и у «Леопольда из австрийского дома». В мемуарах советника трансильванского князя Яноша Кеменя в качестве претендента на престол фигурируют также «сам римский император», «московский царь, шведский король», «бранденбуржец», «угоуваривают также и князя» Дёрдя Ракоци I¹. Во главе сторонников Ракоци в Польше был князь Януш Радзивилл, который объединял диссидентов (лютеран, унитариев), однако среди его сторонников многие были и «греческой веры»². Янош Кемень причислял к непосредственным сторонникам даже само казачество, поскольку «оно к Радзивиллу было весьма склонно»³.

¹ Temberski St. Annales 1647-1656. (Wydal: W. Czermak) In: Scriptorum rerum Polonicarum t. XIV. Kraków, 1897. (Temberski: Annales), Kemény János művei (A szöveggyűjtés és a jegyzetek V. Windisch Éva munkája) Budapest, 1980. 295.

² Kemény János művei 295-296.

³ Ibid. 296.

Связанные с польским королевством устремления и представления трансильванского князя Дёрдя Ракоци I рассмотрены в монографии, написанной в начале века венгерским историком Имре Лукиничем, который, однако, из-за недостаточного количества данных не увязал эти планы с изменениями, произошедшими на Украине⁴.

Мысль о польской короне со времен Стефана Батория, польского короля из Трансильвании, не была новым явлением в трансильванской политике, но шаги, предпринятые в середине XVII века для достижения этого (по сравнению с более ранними), были абсолютно новыми и непривычными. Мы можем быть уверены, что настоящая роль Радзивилла и диссидентов в католическом государстве не вводила в заблуждение трансильванских политиков, но они не могли отказаться от этих связей, ведь именно посредством их они могли связаться с казачеством, которое играло ключевую роль в антитурецких планах покойного польского короля Владислава IV, с тем Запорожским Войском, которое в 1648 году причинило чувствительные потери Речи Посполитой.

Однако вести из Приднестровья основательно перемешали заботливо выстроенные политические комбинации, ведь Запорожское Войско вступило в союз с будущим врагом – с татарами. С какой целью? Встал вопрос: не помешает ли казацко-татарское сотрудничество антитурецкой войне? Напрасна ли была подготовка Трансильвании к войне? Можно ли воспользоваться военными успехами казачества в борьбе за польский трон?

Князь Дёрдь Ракоци I, для того чтобы получить успокаивающие ответы на волнующие его и влияющие на направление политики Трансильвании вопросы, 3 июня 1648 г. отправил из Мукачево к казакам человека по имени Пал Бенчер по направлению Сколе – Стрий – Днестр – Бар «во владения гетмана». Согласно его указанию, надо было прозондировать суть казацко-татарских отношений на предмет того, «есть ли корреспонденция с колчанниками» у Войска, на каких условиях было заключено соглашение, закреплено ли оно письменно? Интересно отметить, что князь назвал два лица, которые могут способствовать успеху послания. Один из них – служащий у гетмана «знакомый по имени Дёрдь Рац», который «был пленен колчанниками» и от них попал к казакам, а другой – вице-лейтенант «по имени капитан Дюрица», много раз бывавший в Крыму⁵. К сожалению, из-за отсутствия данных мы не можем говорить здесь о подробностях известных нам самых ранних казацко-трансильванских отношений. Однако мы знаем, что дюлафехерварский (Алба Юлия) двор серьезно приступил к углублению начатых отношений.

Сын старого князя, молодой Дёрдь Ракоци, 2 сентября 1648 года отправил своего посла Миклоша Шебешши через Молдавию к казакам. Исходя из вынужденности избрания этого маршрута, молдавского воеводу Василия Лупула в некоторой степени также посвятили в планы Трансильвании. Юный Ракоци обратился к воеводе с просьбой «дать своего человека нашему человеку, чтобы наш человек весьма в большой тайне тоже пошел в лагерь казаков, туда, где находится их главный гетман», чтобы они принесли точные известия в Трансильванию и Молдавию. Наследник княжеского престола подчеркивал, что князю необходимо вступить в отношения с казацким гетманом, потому что «обиженные как во внешних свободах, так и в вере (польские. – Ш.Г.) сословия» обратились за помощью к Трансильвании, а также, для того чтобы казацкий гетман согласился с «непапистскими» сословиями и совместными усилиями восстановил «попранные свободы». Возможность для объединения сил есть, ведь «действуют они из одинаковых побуждений» – делает вывод об общности религиозных интересов диссидентов (Радзивилл) и казаков молодой Дёрдь Ракоци⁶.

Мысль о том, чтобы собрать диссидентов и казаков в одном лагере и с их помощью посадить на польский трон младшего сына князя, Жигмонда Ракоци, казалась в окружении князя реальной. А привлечение на свою сторону Молдавии представлялось возможным из-за родствен-

⁴ Lukinich Imre. I. Rákóczi György és a lengyel királyság. Budapest, 1907.

⁵ Székely oklevéltár. (Szerkesztette: Szádeczky Lajos). t. VI. Kolozsvár, 1897. 182.

⁶ Erdélyi országgyűlési emlékek. t. X. (Szerkesztette: Szilágyi Sándor) Budapest, 1884. 498-499. (EOE).

ных отношений Лупула и Радзивилла (тесть – зять). Миклошу Шебешши необходимо было уверить Хмельницкого в том, что князь Трансильвании – «подлинный доброжелатель» казачества, и что он охотно примет послов Хмельницкого при своем дворе. В подтверждение этого намерения послу следовало рассказать о страшной клятве папистов: «они с корнями стремятся вырвать их (казаков)», так как ксендзы все равно дадут им отпущение всех грехов. Поэтому надо быть с некаатоликами, ведь они не являются врагами казаков. И, наконец, «им не во вред, а на пользу» трансильванский князь хотел бы знать и то, с каким ответом казаки отправили назад послов Речи Посполитой «и какие обязательства есть с татарами»? Останутся ли татары с казаками, несмотря на запрещающий приказ Порты?⁷

Линию Радзивилла, тогда еще наиболее важную, поддерживал сам князь. Поручение, данное Палу Гёчу, говорило о том, что ему надо посетить литовского князя и кальвиниста Ежи Нимерича и в зависимости от условий встретиться с Адамом Киселем и гетманом казаков. Суть послания Дёрдя Ракоци I в Литву можно резюмировать в двух пунктах:

1. Князь должен «и в дальнейшем способствовать», то есть и в дальнейшем поддерживать претензии Жигмонда Ракоци на польский трон и действовать в интересах этого.

2. Князь обещал послать деньги для вербовки войска, чтобы партия Ракоци в случае необходимости могла выставить нужные силы. Нимерича просили о посредничестве и через него обещали Киселю «порядочные» подарки. Материальное обеспечение поддержки казаков брал на себя также «Старый» князь⁸.

Трансильванское письмо, адресованное казакам, по всей вероятности, прибыло в лагерь Хмельницкого после продолжавшегося неделю сражения под Пилявцами⁹.

Огромное сражение, состоявшееся между рекой Пилявка и Старым Константиновым 13 (23) сентября 1648 года (100 тысяч казаков, татар и приблизительно столько же поляков), закончилось постыдным поражением Речи Посполитой. Один из поляков – участников сражения причиной поражения считал исключительно трусливое, предательское поведение великого гетмана Заславского, который, бросив войска, первым бежал с поля боя¹⁰. Заславский, стремясь оправдать себя и переложить ответственность на других, защищался в сенате следующим образом: «нас постыдно подвело проклятое тщеславие, так как каждый солдат хотел быть ротмистром, ротмистр – полковником, а полковник – гетманом»¹¹. Казаки захватили 100 тысяч телег с продовольствием, порохом, муницией и господским имуществом, далее 80 пушек, множество ружей и холодного оружия. Даже гетманская булава стала военным трофеем. «Наши потери составили более 7 миллионов, – подвел итоги рядовой солдат, – но позор – тысячу миллионов, ведь под хорошим командованием, с богобоязненными командирами могла бы родиться счастливая победа»¹².

Первые 9 месяцев 1648 года привели к огромным изменениям в жизни Украины. Потребовалось всего три четверти года, чтобы столетняя связь Польши и Украины прервалась. Казачество, до 1648 года ведшее смертельную борьбу за существование то против польских феодалов, то против грабительских набегов татар, в трех значительных сражениях уничтожило военную силу Речи Посполитой, сконцентрированную на украинских рубежах. Одной из причин этих

⁷ Ibid. 499, 500.

⁸ Ibid. 494.

⁹ Кордуба М. Борьба за польский престол по смерти Володислава IV. – Жерела до истории Украины – Руси. (Материалы до истории украинской козащини) Т. XII. Львов, 1911. 56., Бутич И. До истории украинского-трансильванских взаимин (1648 – 1656) // Архив Украины. 1966/3. 63.

¹⁰ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Выпуск II. (первая половина XVII ст.) Киев, 1896. С.432.

¹¹ Документы Богдана Хмельницкого (1648-1657). Киев, 1961. С.117 – 119, 140 – 145.

¹² Документы, 117-119., Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. II. М., 1953. С.67,78, Szilágyi Sándor: Erdély és az északkeleti háború. Levelek és okiratok. t. I. Budapest, 1890. 11. (Szilágyi: Erdély I.), Rudawski J. Historia Polska od śmierci Władysława IV. aż do pokoju oliwskiego. t. I. Petersburg-Mohylew, 1855. 40-41.

успехов, несомненно, был казацко-татарский союз, однако массовое оказачивание и присоединение к казацкому войску населения Белоруссии, Волынии, Подолии также угрожало находящейся по-прежнему в состоянии интеррегнума (без короля) Речи Посполитой.

Хмельницкий максимально использовал выгоды побед, расширил дипломатическое поле деятельности. Его послы побывали в Константинополе и в Яссах. Он усилил союз Крым – Запорожское Войско военной мощью Порты, обещав султану за помощь значительные территории Польского Королевства «от Дуная до Люблина». По его представлению, «Украина будет сама Речью Посполитой»¹³.

В Молдавии воевода Лупул с большим почетом принял послов Хмельницкого и дал слово выполнить требования гетмана. Он обещал, что Молдавия по примеру России не будет предоставлять убежища бегущей с Украины шляхте¹⁴. Лавирующий до сих пор между поляками и турками молдавский воевода, чтобы исправить щекотливое положение, пригласил к себе влиятельного господина советника Яноша Кеменя для доверительной беседы и предложил свои услуги Трансильвании: «он (Лупул. – Ш.Г.) тоже готов сотрудничать в продвижении дел через своих знатных польских доброжелателей и разными другими путями, только князь тоже должен относиться к нему с доверием и поддерживать с ним корреспонденцию и т.д.»¹⁵. Предложение и уступчивость Лупула мотивировалось коренным изменением внутривосточной жизни Речи Посполитой. Уничтожение польских армий на Украине реально приблизило возможность того, что трансильванский князь или кто-нибудь из его сыновей может получить польский трон. О тактическом чувстве Лупула говорит то, что в ходе переговоров с Кеменем он согласился на свободный проход трансильванских войск через Молдавию в Польшу. Он даже не отклонил мысль о вербовке молдавских наемников. За поддержку польского похода воевода обещал Трансильвании кредит в 100 тысяч золотых, а также и то, что он применит все свое влияние на Порту для продвижения трансильванского дела. Для подкрепления ориентации на Ракоци представлялась брачная перспектива: «было бы весьма к случаю Жигмонду Ракоци жениться на младшей дочери воеводы»¹⁶.

Признаком большого согласия и зрелищного сотрудничества было и то, что Янош Кемень именно отсюда отправил в путь «знающего, видящего и слышащего придворного воина и благородного человека» Гергея Мошу и Дёрдя Раца, «который языки знает и греческой веры», с письмом от воеводы и со своим письмом к Хмельницкому¹⁷. Несмотря на то, что содержание писем нам неизвестно, их можно реконструировать на основе последующих событий. Дёрдь Ракоци I просил гетмана поддержать избрание его сына Жигмонда польским королем и предлагал ему военное сотрудничество против Польши¹⁸. Украинский историк Мирон Кордуба упоминает и предложение о захвате Кракова, так как князь, – утверждает он, – хотел захватить хранящуюся в древней польской столице корону¹⁹. Моша и Рац встретились с Хмельницким в лагере казаков под Львовом, куда казаки продвинулись за это время. Хмельницкий вовсе не спешил отпускать трансильванских послов. После двадцатидневного штурма, получив контрибуцию в 100 тысяч золотых и на 500 тысяч золотых сукна, Хмельницкий прекратил атаки против этого торгового города²⁰. Он выступил с войском под расположенное на польской границе Замостье, куда увез с собой и трансильванских послов.

¹³ Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. Т. 1. Тернополь, 1888. С.173.

¹⁴ Крипьякевич И.П. Богдан Хмельницкий. Киев, 1954. С.391-392.

¹⁵ Kemény János művei, 297-298.

¹⁶ Ibid. 298-299.

¹⁷ Ibid. 299.

¹⁸ Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria. t. XXIII. (Szerkesztette: Szilágyi Sándor) Budapest, 1874. 3. (МННД).

¹⁹ Жерела XII. 56-57.

²⁰ Документы. С. 192-193.

Трудно объяснить (точнее, может быть много объяснений) прибытие Хмельницкого на польско-украинскую границу. Одно из возможных объяснений можем цитировать из программы гетмана, обрисованной Киселем: «Мне удалось добиться того, о чем я даже и не думал, позже я покажу, что я придумал. Я освобожу весь русский (понимай: украинский. – Ш.Г.) народ из польского рабства. Сначала я сражался только за свои обиды, теперь буду бороться за нашу православную веру. Вся чернь до Люблина и Кракова поможет мне в этом, и я не откажусь от крестьянства, ведь оно – наша правая рука. *За границу с войной не пойду* (курсив мой. – Ш.Г.), саблю на турок и татар не подниму. Нам достаточно добра на Украине, Подолии, Волыни, в нашем княжестве, протянувшемся до Львова, Галича, Хельма»²¹.

По сути дела прибытие под Замостье означало освобождение украинского народа, расширение западных и северо-западных границ Украины, функционирование общественного союза казаков и крестьян, обеспечение турецко-татарского политического фона. Но как будет дальше? Ответ Хмельницкого – не отделение от Польши, не организация самостоятельного суверенного государства, как считал венгерский историк Шандор Силади в своей имеющей большое значение работе, опубликованной в 1890-1891 годах²², – но стремление *вынудить под давлением силы польского короля на соглашение*. Подчеркиваем, соглашение с королем, а не с панами и шляхтичами. Гетман чувствовал себя подданным, но равным со всеми королевскими подданными. Его целью была централизованная монархия, свободная от дворянского влияния. Хмельницкий полагал, что сильный государь будет способен возместить обиды, нанесенные ранее казакам и крестьянам, обеспечить полученные ранее привилегии. После смерти Владислава IV не было короля, не к кому было обратиться, не с кем было вести переговоры по существу! Выяснилось, что Речь Посполитая послала к Хмельницкому Киселя затем, чтобы он за время переговоров мог собрать необходимые войска для уничтожения «кровавой радуги». Польское дворянство как политический фактор после пилявского сражения окончательно потеряло доверие у Хмельницкого, избрание короля было необходимо в ближайшее время.

Гетман узнал о намерениях Ракоци уже в сентябре от Немерича, человека Радзивилла, под Львовом же эта комбинация снова вышла на передний план. Он не испытывал антипатии по отношению к трансильванцам, но для него не было желательно участие литовского князя в формирующихся отношениях между ним и Ракоци. Совместное выступление против католицизма не являлось такой сплачивающей силой, как союз казаков и крестьян, их взаимная зависимость в антифеодалной борьбе (имения Радзивилла тоже не избежали опустошения белорусскими крестьянами-повстанцами и разграбления со стороны пришедших на помощь крестьянам казаков). Поэтому предложение Ракоци принималось с осторожностью, и, может быть, поэтому своим походом к Замостью Хмельницкий хотел поторопить решение открывшегося 24 октября сейма, призванного выбрать короля (на нем присутствовали и казацкие депутаты). Общее мнение – Хмельницкий вообще не думал о короле иностранного происхождения. Он поставил на весы избрание младших братьев Владислава IV, и был сторонником избрания Яна Казимира. Карл Фердинанд был всем известен как «фанатичный католик, заклятый враг всякой другой веры», к тому же его поддерживала группа Вишневецкого – Конецпольского, что заранее определило поведение Хмельницкого.

Но на поведение гетмана могло повлиять и письмо, которое написал ему Ян Казимир, еще, будучи наследником престола, в котором утверждал: «если я стану королем, я усмирю войну, не стану мстить Запорожскому Войску и тебе, ваши привилегии обеспечу лучше, чем было до сих пор»²³. На всякий случай вождь казаков в письме, адресованном сенаторам, заявил, если Яна Казимира изберут королем, тогда он подчинится, «но если изберут кого-нибудь другого, тогда

²¹ Воссоединение. Т. II. С.108-109.

²² Szilágyi: Erdély I. 5.

²³ Ibid.130.

он, Богдан, с Запорожским Войском и татарами начнет против них большую войну»²⁴. Помимо открытой угрозы сенаторы могли познакомиться с требованиями и других казаков: всеобщая амнистия, 12-тысячное Запорожское Войско, зависящее только от короля и не от Речи Посполитой, свобода вероисповедания, за исключением униатской (грекокатолической) веры, восстановление казацких свобод. Сенат был и удовлетворен, и нет. Он согласился на амнистию, на 15-тысячное (а не 12-тысячное) казацкое войско, на свободу православия, однако весьма решительно потребовал разрыва союза с татарами, отделения казаков от крепостных, возвращения крестьян к помещикам. Прежде, чем эти торги обострились, 7 (17) ноября 1648 г.²⁵ Яна Казимира избрали королем. Таким образом, под давлением новых факторов отправление учителя Хмельницкого, львовского иезуита Хунцель-Мокрского, на сейм уже потеряло значение²⁶.

Дню избрания короля следует уделить серьезное внимание, так как даты 7, 17 ноября по Григорианскому календарю могут дать повод для ошибки, как это и случилось с венгерским историком Шандором Силади. Этот известный историк в своем сборнике архивных материалов в части, касающейся событий 1648 года, пишет: «не считая вероятным, что может своими силами завоевать независимость, он (Хмельницкий. – Ш.Г.) решил всеми силами поддерживать избрание королем Ракоци, и 17 ноября 1648 года призвал Ракоци вместе отправить свои войска в Польшу, на выборы короля. (курсив мой. – Ш.Г.)»²⁷. Позже Силади замечает: Дёрдь Ракоци I «если бы преждевременно не умер, стал бы серьезным конкурентом для Яна Казимира, который 17 ноября, совершенно неожиданно, без большого противостояния был избран королем (выделено мной. – Ш.Г.)»²⁸. Повторяющаяся в выделенных частях дата 7 (17) ноября на самом деле – время избрания короля, а дата письма Хмельницкого к Ракоци – 17 (27) ноября. Разница в 10 дней, по нашему мнению, делает несостоятельным утверждение Силади, что Хмельницкий подбивал Ракоци на участие в выборах короля. Трудно представить ситуацию, что за такое время известие о важном решении не достигло бы Замостья. Даже нельзя исключить и предположение – данных об этом у нас нет, – что Хмельницкий каким-то образом узнал от своих послов в Варшаве о смерти Дёрдя Ракоци I. Даже если предположить, что делегаты казаков непосредственно и не общались с послами князя Ференцем Бетленом, Андрашем Клобушицким, они могли заметить, что трансильванцы отодвинулись за задний фон, оставались только свидетелями варшавских событий. Я даже не боюсь предположить, что гетман казаков – зная о смерти Ракоци и об избрании нового короля – намеренно послал письмо Дёрдю Ракоци.

В письме от 17 (27) ноября Хмельницкий положительно реагировал на предложение Трансильвании, даже упомянул Стефана Батория, который пожаловал «multa privilegia et libertates» Запорожскому Войску. Казаки «всем сердцем и душой» поддерживают «Illustrissimam Celsitudinem», «patronum et regem Poloniae patriae nostrae supimus», писал гетман и одновременно просил, чтобы из Трансильвании как можно быстрее отправили бы войска в Польшу, куда он сразу же пошлет и свои (militibus suis quam citissime aggredi iubeat Poloniam, nos quoque cuncti cum toto exercitu nostro)²⁹. Сопоставив содержание письма с деятельностью гетмана в интересах Яна Казимира, мы найдем поразительное противоречие. Хмельницкий торопил избрание на королевский трон Яна Казимира, оказывал давление на сенат, и в то же время питал надежды трансильванцев. Почему и с какой целью?

²⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга пятая, том десятый. М., 1961. С.541., Бранке Н. Богдан Михайлович Хмельницкий. М., 1877. С.25., Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С.177., Он же. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1962. С.138–139.

²⁵ Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. С. 277.

²⁶ Жерела XII. 58 – 59.

²⁷ Szilágyi. Erdély I. 4.

²⁸ Ibid.5.

²⁹ Ibid.6.

Мы думаем, это дипломатическое предвидение талантливое политика. Хмельницкий основательно обдумал, по крайней мере, три круга проблем:

1. Несмотря на избрание Яна Казимира королем, борьба за власть между королем и всесильными господами Речи Посполитой не прекратилась. Правда, что Пилявцы означали временное поражение военной фракции, но было бы наивно предполагать, что Вишневецкий, Конецпольский, Заславский и др., а также украинская шляхта примирились с потерей своих богатых имений. По сути дела, причина войны сохранилась, затишье, сложение оружия были только временным явлением, прикрывающим подготовку к новой войне.

2. Так как Ян Казимир с 7 (17) ноября стал избранным, но не коронованным королем Речи Посполитой, наступил своеобразный период между *interregnum* и *regnum*, который и дальше поддерживал в Хмельницком чувство неопределенности. Пушки пока молчали, однако никакого перемирия не было подписано, готовность к войне была постоянной.

3. В отношении смены войны миром у казаков и поляков были принципиально разные позиции. Если поляки упорно придерживались восстановления состояния до 1648 года путем уважения казацких вольностей и православной веры, то казаки требовали увеличения своей численности, расширения своей автономии. Конфликтность этих противоположных принципов рано или поздно должна была привести к войне.

Можно видеть, что закрытие любой из вышеупомянутых проблем подводило фактического государя Украины к неизбежности войны. Таким образом, обстоятельства закономерно инспирировали единственную возможность решения проблемы — установление контактов с соседями Речи Посполитой. В перспективе Запорожское Войско рассчитывать на татар не могло, поскольку, с одной стороны, договоры между христианами и неверными в любое время могли быть разорваны, а с другой — потому что татары были заинтересованы только в получении добычи, а не в успехе политических замыслов. Пока крымцы и присоединившиеся к ним ногайцы и белгородцы отправлялись в поход в поисках ясыра (добычи), стабильность казацко-татарского союза не подвергалась опасности.

Хмельницкий не мог заручиться поддержкой России как дипломатического союзника, потому что московское правительство не могло рисковать «вечным миром» с Польшей, действующим с 1634 года. То, что Россия симпатизировала борьбе «православных», среди прочего подтверждает и царский указ, запрещавший воеводам приграничных Путивля и Хотмыжска принимать беглых шляхтичей. Русские закрывали глаза на бегство к казакам «русских», поставляли на Украину продовольствие и муницию³⁰. Официальный «доброжелательный нейтралитет» фактически поддерживал антипольскую войну.

От Молдавии Запорожское Войско не могло ожидать значительной поддержки, но она могла принудить пропольскую ориентацию к умеренности.

Конкретные предложения Трансильванского княжества дипломатически изолированная Украина не могла оставить без внимания. За обещанное взаимодействие, предложение Трансильванией, Хмельницкий должен был ухватиться даже, несмотря на то, что выборы короля уже прошли. Трансильванское княжество казалось подходящим и для союза, могущего заменить вынужденное сотрудничество с татарами. Несмотря на то, что Хмельницкий не был знаком с дипломатическим полем деятельности князя, стремящегося наладить систематические отношения, он охотно шел навстречу обещающему быть плодотворным трансильванскому предложению. Из обострения отношений между Речью Посполитой и Трансильванией Украина могла извлечь только выгоды. Например, краковский воевода, узнав о первом обмене послами между Трансильванией и казаками, сразу ударил в набат. В письме от 13 декабря 1648 года он сообщил канцлеру Оссолинскому о том, что «Ракоци питает большие надежды по отношению к Хмельницкому» и обещает ему коронное гетманство. По всей Трансильвании идет вербовка наемников, армии

³⁰ Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России. Т. III. СПб., С. 217 – 218., 223 – 225., 226 – 227.

князя находятся в боевой готовности. Стране угрожают времена «безбожника Габора Бетлена», такие времена, когда «Бетлен в наших краях» был господин. Краковскому магнату было известно и то, что возвращающихся от Хмельницкого Мошу и Раца «3 тысячи казаков проводили до самого Мукачева»³¹.

Со стороны казаков во главе посольства стоял попавший в плен в сражении под Желтыми Водами шляхтич, «нотариус войска, кто после гетмана по авторитету и по всему первый – Иоханнес Выговский»³². Посвященный в государственные дела Янош Кемень пишет о том, что Выговский вместе с товарищем «уговаривали на королевство князя или его младшего брата, поскольку отец уже был мертв» и вели долгие переговоры о способе осуществления этого плана³³. Снова появилась утраченная было надежда получить польскую корону.

Время терять было нельзя. Новый князь, Дёрдь Ракоци II, развернул деятельность, направленную на претворение отцовского наследства в жизнь, на приобретение польской короны. Его снабженный подробной программой делегат уже в январе 1649 года произнес речь в канцелярии переяславских казаков об устремлениях Трансильвании. Условием для углубления переговоров являлось то, что Хмельницкий, несмотря на произошедшие изменения – избрание Яна Казимира польским королем, – не откажется от своих обещаний конца ноября – начала декабря, то есть останется сторонником польского королевства для Ракоци. Убедившись в неизменности намерений гетмана, трансильванский посол торопил отправление в Трансильванию такого уполномоченного казака, верительные письма которого были бы составлены на имена Дёрдя Ракоци II и Жигмонда Ракоци, и который с полной ответственностью мог бы вести переговоры обо всех деталях. Жигмонда Ракоци во главе казачества можно представить только в том случае, подчеркивал дипломат Ракоци, если руководители Запорожского войска присягнут ему на верность и послушание, как «по свободной воле избранному законному королю». Им надо было признать, что они будут сражаться за успех, «пока голова на плечах», и что безоговорочно примут все пункты заключенного в будущем мира. Запорожское войско должно без промедления вторгнуться в Польшу, помешать коронации, взять Краков в кольцо, чтобы «не увезли корону».

На этом требования Трансильвании не заканчивались, от казаков ожидали военного обеспечения «горных перевалов в Карпатах», аннулирования избрания Яна Казимира королем. Юридической основой этого, по мнению трансильванцев, являлось то, что условия свободного избрания короля не были соблюдены, «во время нахождения государства под ружьем» не могло быть свободной борьбы за трон, к тому же налицо был *tertius competitor* (третий кандидат на престол). Если «это по господнему благославлению будет, мы тоже будем в готовности, сразу же отправим нашего господина младшего брата по желанию их превосходительств», – заявил старший из братьев Ракоци³⁴. Братья Ракоци хотели от Хмельницкого нереально много, по сути дела, они пытались осуществление всего предприятия взвалить на плечи Хмельницкого. Штурм Кракова, предотвращение коронации, аннулирование выборов как условие будущего королевства Жигмонда Ракоци – все это превышало силы казачества, каких бы в европейских масштабах успехов оно не достигло.

³¹ Жерела XII. 96 – 97.

³² Kemény János művei, 307, Соловьев С.М. История России V/10. 556.

³³ Kemény János művei, 307-308.

³⁴ МННД т. XXIII. 4-5.

КАУНИЦ И «ВТОРАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»¹

В данной статье будет рассмотрено отношение одного из крупнейших европейских политиков второй половины XVIII в., австрийского государственного канцлера в 1753–1792 г. князя Венцеля (Венцеслава) Антона Кауница к произошедшему в 1791 г. сближению между двумя «заклятыми врагами» – Австрией и Пруссией, которое в современной литературе часто называют, с некоторой долей иронии, «второй дипломатической революцией», в отличие от первой дипломатической революции, или «ниспровержения альянсов» 1756 г. Автором и мотором первой дипломатической революции, приведшей к союзу между враждовавшими в течение двух с половиной столетий Габсбургами и Францией, был Венцель Кауниц, видевший в этом союзе противовес Пруссии, сблизившейся с Великобританией, и средство для возвращения Австрии утерянной в результате агрессивных действий прусского короля Фридриха II Силезии. Из последних работ о роли Кауница в создании дипломатической революции 1756 г. следует упомянуть обстоятельную монографию Л.Шиллинга, который склонен все же называть ее «ниспровержением альянсов». Но дело не только в австро-французском союзе. Второй стороной дипломатической революции 1756 г. было сближение с Российской империей, которое, несмотря на разного рода союзы и соглашения Петербурга с Берлином, к концу 70-х гг. все больше и больше становилось реальностью в силу общих интересов России и Австрии в войнах против Османской империи и нежелания обеих сторон всего того, что могло привести к усилению Пруссии. Соправительница и мать императора Иосифа II Мария Терезия не была большой сторонницей тесного союза Австрии и России, но император и Кауниц, старавшиеся заблокировать Пруссию с запада и востока, настойчиво проводили эту линию. После смерти в декабре 1780 г. Марии Терезии подписание российско-австрийского союза становилось вопросом времени, что и произошло в мае-июне 1781 г. Но дело не только в создании антитурецкого союза. Австро-российское партнерство означало также более активное, чем у Франции, участие России в политической жизни Священной Римской империи в качестве великой державы – гаранта имперской конституции. Во Франции были недовольны австро-российскими переговорами, но император был непреклонен. Тайный договор существовал до 1783 г., после чего было официально объявлено о его подписании. Кауниц не стал возражать против действий императора Иосифа не только потому, что опасался за свой пост. Без Кауница Иосиф никак не мог обходиться: старый князь был не только его помощником, он был главным мозговым центром политики реформ и борьбы с Пруссией, да и сам план сближения с Россией первоначально принадлежал именно Кауницу. Ведь идеей этого плана было не просто сближение с Россией против Османской империи, это была идея ослабления российско-прусского союза и одновременно опоры на Россию и Францию, сделавшая Россию на много лет надежным союзником Вены. Сам Кауниц считал, что этот союз укрепит положение императорского Дома в Европе и в Империи, о чем он писал в очередном докладе Иосифу II 11 мая 1781 г. В то же время Ф.Сабо склонен думать, что, по мысли Кауница, войны с турками не столько должны были служить территориальному расширению ядра владений Габсбургов, сколько защите их границ ввиду рас-

¹ Статья написана при финансовой поддержке стипендии ДФГ для работы в Институте европейской истории (г. Майнц, Германия, 2005 г.).

ширявшейся экспансии России на Балканах и в Восточной Европе². Правда, в инструкции 1783 г. французского министерства иностранных дел своему послу в Вене маркизу де Ноайлю указывалось, главным образом, на то, что австро-французский союз в ближайшее время может пережить революцию, а император полностью подчинился идее союза с Россией: он и российская императрица хотят совершить завоевания в Османской империи, вследствие чего французский король хочет укрепить позиции Турции³. Ближе к концу 80-х гг. Версаль снова стал склоняться к идее сближения с Хофбургом и Петербургом вследствие агрессивного поведения Пруссии в Голландии и слухов о возможном заключении нового англо-прусского союза. Кауниц, старый сторонник союза с Францией, готов был содействовать новому австро-французскому сближению, по-прежнему считая его серьезнейшим противовесом союзу Лондона и Берлина, но только был несколько обескуражен тем, что французская дипломатия ищет пути сближения с Россией без его участия. Впрочем, три договаривающихся стороны так и не пришли к согласию, так как интересы Вены и Петербурга недостаточно учитывались Версалем. Во всяком случае, политический курс Вены не изменился, в чем можно усмотреть некоторую победу Кауница, хотя порой и высказывается мнение, что заключение австро-русского союза 1781 г. было концом эпохи особых отношений габсбургской монархии с Францией и в целом глобальной дипломатической стратегии Кауница⁴.

Положение Вены осложнялось также неудачными попытками с помощью России любыми способами ослабить Пруссию и снова вернуться к варианту обмена Баварии на австрийские Нидерланды, за которыми определенно стоял Кауниц. Но любые попытки изменить соотношение сил в Империи могли рассматриваться как нарушение имперской конституции, что давало повод Фридриху II выступить в качестве защитника порядка и мира в Империи. Кроме того, прусский король настраивал не только протестантских, но и католических князей против Австрии, а имперский эрцканцлер курфюрст Майнцский Карл Фридрих фон Эрталь, по своим взглядам фебронианист, откровенно симпатизировал Пруссии⁵. Тем не менее, Кауниц и император решили, заручившись тайной поддержкой российской императрицы, осуществить идею обмена. Теперь уже они делали это через посредника, которым стал российский посол в Вене граф Н.П.Румянцев, передавший герцогу Карлу Августу Цвейбрюккенскому депеши Кауница с предложением обменять Баварию на Южные Нидерланды, к которым будут присоединены Рейнский Пфальц, Цвейбрюккен и Юлих-Берг, причем за герцогом будет сохранено положение курфюрста (он был к тому времени курфюрстом Баварским). Герцог выразил опасение, что социально опасные Южные Нидерланды, к тому же открытые для вторжений со стороны Франции и Голландии, не представляют для него ценности, и

² Schilling L. Kaunitz und das Renversement des alliances. Studien zur außenpolitischen Konzeption Wenzel Anton von Kaunitz. Berlin, 1994; Hochedlinger M. Krise und Wiederherstellung. Österreichische Großmachtpolitik zwischen Türkenkrieg und «Zweiter Diplomatischer Revolution» 1787-1791. Berlin, 2000. S.107-109; Donnert E. Joseph II und Katharina II. Ein Beitrag zu Österreichs Russland- und Orientpolitik 1780 bis 1790. – Österreich im Europa der Aufklärung. Kontinuität und Zäsur in Europa zur Zeit Marias Theresias und Joseph II. Bd.1. Wien, 1985. S.581-592; Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel. Hrsg. von A.Beer. Wien, 1873. S.51-52; Szabo F. Wenzel Anton Kaunitz-Rietberg. – Staatskanzler Wenzel Anton von Kaunitz-Rietberg 1711-1794. Neue Perspektiven zu Politik und Kultur der europäischen Aufklärung. Hrsg. von G.Klingenstein und F.Szabo. Graz–Esztergom–Paris–New York, 1996. S.18-19.

³ Recueil des instructions donnée aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française. I. Autriche. Avec une introduction et des notes par A.Sorel. Paris, 1884. P.334-335.

⁴ Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780-1790). СПб., 1907. С.174-175; Beales D. Die auswärtige Politik..., – Österreich im Europa, Bd.1, S.572-573; Scott H. Kaunitz and the Western Powers after the Seven Years War. – Staatskanzler... P.115.

⁵ Press V. Friedrich der Grosse als Reichspolitiker. – Press V. Das Alte Reich. Berlin, 1997. S.282-283; Scharf C. Katharina II, Deutschland und Deutschen. Mainz, 1995. S.426; Aretin K.O. von. Das Alte Reich. Bd.3. Das Reich und österreichisch-preußische Dualismus (1745-1806). Stuttgart, 1997. S.216-217.

в возмущенном письме Румянцеву заявил, что предложенный ему план подрывает основы имперской конституции, тем более что российская императрица является ее гарантом. Содержание письма стало вскоре известно всей Европе, что спровоцировало Фридриха II создать Княжеский Союз 23 июля 1785 г. Императору пришлось отказаться от идеи обмена. Этот союз стал политической победой прусского короля, выступившего еще раз в качестве защитника имперской конституции, которую он сам не раз ранее нарушал. Равновесие сил в австро-прусском дуализме было, таким образом, восстановлено. Так или иначе, Иосиф II показал себя как не очень ловкий политик, что нанесло ущерб внешнеполитическому престижу Вены⁶. Фридрих II пережил свой последний триумф, но это был триумф, приблизивший конец Священной Римской империи⁷.

Присоединение к Княжескому Союзу имперского эрцканцлера и ряда католических князей, конечно, еще больше ослабило позиции императора и австрийского канцлера в имперских делах. Мало того, вскоре наступило еще одно разочарование. Избранный коадьютором, т.е. прижизненным заместителем и преемником архиепископа и курфюрста Майнцского, следовательно, имперского эрцканцлера, Карл Теодор Дальберг, фебронианист, как и сам фон Эрталль, и, казалось бы, идейный сторонник австрийского канцлера, которого сам Кауниц считал своим доверенным лицом и которого поддерживали Иосиф II и Екатерина II, после избрания, ставшего возможным благодаря этой поддержке, вступил в Княжеский Союз и начал разрабатывать планы имперской реформы, которая усиливала роль съезда князей и не могла оставить безучастной российскую императрицу как гаранта имперской конституции. Но из этой затеи ничего не получилось, а Кауницу пришлось пережить неудачу с идеей использования Дальберга как орудия венской политики⁸.

Не получилась у Кауница и попытка отколоть от Княжеского Союза Саксонию. В начале 1786 г. австрийский канцлер увидел, что на стороне императора почти не осталось союзников внутри Империи: чины опасались возвышения Австрии и нарушения равновесия сил в Империи. Даже римский папа Пий VI поддерживал прусского короля. После смерти Фридриха II в 1786 г. соперничество между Австрией и Пруссией оставалось краеугольным камнем центральноевропейской политики практически до смерти Иосифа II в феврале 1790 г. Но суть дела заключается не только в том, что умерли два главных соперника. Антипрусская политика была основой внешнеполитической стратегии Кауница практически до конца его канцлерства. Просто в конце 80-х – начале 90-х гг. в результате начавшейся Великой Французской революции произошли огромные изменения в системе отношений между великими державами. Но еще до начала этой революции взлелеянный Кауницем австро-французский союз стал давать течь. Французская дипломатия при министре иностранных дел Верженне еще пыталась оказывать влияние на состояние дел в Империи, играя роль посредника в отношениях между Австрией и Пруссией, что, естественно, вызывало недовольство в Вене. Общественное мнение во Франции считало австро-французский союз причиной поражения Франции в Семилетней войне. Французскую королеву Марию-Антуанетту, сестру императора, открыто ненавидели и называли австрийской шпионкой. Поддержка Версалем Османской империи раздражала Вену, тем более что императору не удалось подвигнуть Францию одержать реванш над Пруссией, использовав в качестве повода вторжение прусских войск в Голландию в 1787 г. Франция была дискредитирована как союзник императора⁹. Но и с Россией все обстояло не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд.

⁶ Трачевский А.С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II. 1780-1790. СПб., 1877. С.153-166; Aretin K.O. von. Das Reich. Friedensordnung und europäische Gleichgewicht 1648-1806. Stuttgart, 1992. S.341-342,346; Duchhardt H. Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700-1785. Paderborn-München-Wien-Zürich, 1997. S.391-394.

⁷ Aretin K.O. von. Das Alte Reich, Bd.3, S.329-333; Press V. Friedrich der Grosse als Reichspolitiker, S.286.

⁸ Aretin K.O. von. Das Reich, S.356-358,362-364,383-400.

⁹ Aretin K.O. von. Das Alte Reich. Bd.3, S.329-331,350-351; Scheehan J. Der Ausklang des Alten Reiches. Deutschland seit dem Ende des Siebensjährigen Krieges bis zur gescheiterten Revolution 1763 bis 1850. Berlin, 1994. S.199; Hochedlinger M. Krise..., S.99-101; Buddruss E. Die französische Deutschlandpolitik 1756-1789. Mainz, 1995. S.286-287.

Конечно, в Петербурге были разочарованы созданием Княжеского Союза и усилением Пруссии, но, с другой стороны, Кауниц, опасавшийся сближения Петербурга с Берлином, отнюдь не стремился благоприятствовать установлению российского влияния в Империи, что, несомненно, мешало императору осуществлять свои политические цели в Империи с помощью России. В Петербурге долго недоумевали, почему Иосиф II так быстро отказался от планов обмена; просто он не был готов преодолевать сопротивление имперских чинов. Определенные трудности возникли и в связи с координацией общих усилий в войнах с турками, так как австрийский канцлер с настороженностью рассматривал неконтролируемую российскую экспансию на Балканах, задевавшую австрийские интересы¹⁰.

Триумвират Мария Терезия – Иосиф II – Кауниц, чередовавшийся внутри него меняющимися коалициями, при том, что канцлер вплоть до смерти Иосифа, по меньшей мере, пять раз официально угрожал отставкой, с 1780 г. мог превратиться в дуумвират. Но незадолго до кончины Марии Терезии император приблизил к себе в качестве гофканцлера и австрийского вице-канцлера графа Иоганна Филиппа Кобенцля, порой заменявшего Иосифу капризного Кауница, особенно когда тот в конце 80-х гг. не часто появлялся при дворе и не находился рядом с тяжело больным после неудачного похода 1788 г. против турок императором. Но заменить Кауница в качестве многоопытного политика и советника, умевшего находить выходы из сложнейших ситуаций, императору никто не мог. Хотя Кауниц уже был менее самостоятелен, нежели при Марии Терезии, он иногда мог сдерживать поспешность и излишнее рвение Кобенцля. Суждения его были ясными, но груз лет и провалы в памяти мешали работать в полную силу. Он уже сам не читал документы, как сообщил в 1788 г. Кобенцль императору, и отсылал обратно информацию, которую он хотел скрыть от сотрудников Государственной Канцелярии. Поэтому даже его доверенным служащим было трудно готовить решения. Его собственноручных записок последних лет службы нет, он только подписывал продиктованные им тексты. Тем временем международная ситуация и внутреннее положение сильно изменились, что требовало большей активности. Отношения с Францией ухудшались из-за ее стремления сохранить Пруссию и Османскую империю, чтобы не усиливать Австрию и Россию. Английская дипломатия искала в лице Австрии и России новых союзников после потери североамериканских колоний в 1783 г. в результате образования Соединенных Штатов Америки, а в Хофбурге опасались «двойственности» политики английского короля как короля Великобритании и ганноверского курфюрста. «Пруссофобия» сохранялась в деятельности Государственной Канцелярии, но уже в сентябре 1787 г. в инструкциях австрийским послам указывалось на то, что «первым политическим принципом» Вены является сохранение мира ввиду неприятнейших процессов в некоторых частях Европы. В том, что имелась в виду Франция, сомневаться не приходилось, поскольку не прошло и двух лет, как там грянула революция. Но «холодная война» между Австрией и Пруссией не закончилась. Австро-пруссский дуализм укрепился, и Кауниц, размышляя в своих докладах императору о том, могут ли Австрия и Пруссия играть роль арбитров в Европе и сохранять мир в Империи, продолжал рассматривать потерю Силезии как незаживающую рану, делаая тем самым традиционную уже вражду основой внешнеполитической концепции Австрии в целом. Тем временем в самой Пруссии при короле Фридрихе Вильгельме II по инициативе кабинет-министра графа Эвальда Фридриха Херцфельда начала разрабатываться новая внешнеполитическая доктрина, в которой важное место занимало примирение с Австрией и втягивание Австрии и России в войну против Османской империи с тем, чтобы те захватили много земель на Балканах, но освободили руки Берлину для расширения его влияния в Польше. Но Кауниц планировал как можно быстрее закончить турецкую кампанию в союзе с Россией и тогда мобилизовать все силы против Пруссии. Тем временем началось определенное сближение Петербурга с Берлином с целью расширения их владений за счет Польши. Август и сентябрь 1788 г. были неудачными для Австрии в турецкой кам-

¹⁰ Aretin K.O. von. Das Reich, S.345-346; Duchhardt H. Balance of Power..., S.405-406.

пани, и император стал склоняться к заключению «хотя бы какого-нибудь мира», тем более что прусская дипломатия подстрекала венгров к восстанию. Кауниц писал российской императрице, что Австрия готова к войне с Пруссией в союзе с Россией, но тем временем положение на турецком фронте ухудшилось. Кроме того, в начале апреля 1789 г. умер султан Абдул Хамид и на султанском престоле оказался активный сторонник продолжения войны Селим III, что заставило Вену продолжать военные усилия. С другой стороны, сближение Берлина и Варшавы давало повод для усиления связей между Венной и Петербургом, не желавших расширения Пруссии за счет Польши¹¹.

Военные успехи в войне с турками во второй половине 1789 г. побудили Кауница энергичнее выступать за продолжение военных действий, но подозрительные скопления прусских войск на границе с Чехией и призрак русско-турецкого сепаратного мира заставили направить сильные воинские контингенты в Чехию и Моравию и предложить в декабре этого же года оборонительный союз Англии, искавшей после нескольких лет «блестящей изоляции» союзников на континенте и не доверявшей Пруссии. В январе 1790 г. фельдмаршал Лаудон принял командование крупной армией с опорным пунктом в Моравии. Между тем тяжело больной, истощенный и физически, и психически император пытался сохранить союз с Россией, закончив короткую переписку с Екатериной II в примиренческом духе. За три недели до своей смерти, уже чувствуя ее дыхание, Иосиф II передал функции управления на переходный период до вступления на престол его брата Леопольда Тайной Конференции. Это могло означать усиление позиций ведущих министров (военного, внутренних дел, полиции) и некоторое ослабление положения Кауница, сохранившего пост государственного канцлера и сосредоточившегося теперь больше на внешних делах, Нидерландах и Италии. Но старый канцлер дважды в течение правления Леопольда II (во время коронации того императорской короной в сентябре 1790 г. во Франкфурте-на-Майне и коронации его сына в Праге в августе 1791 г. чешской короной) был наделен широчайшими полномочиями¹². Все же это были последние маленькие триумфы великого политика.

Реформы, которые он начал проводить и по собственным убеждениям, и по воле его монархов, особенно Иосифа, наталкивались на широкое сопротивление. Отмена цензуры вызвала поток критической по отношению к властям литературы, с которой пришлось бороться полицейскими мерами, распространившимися затем на все сферы политической и общественной жизни. Аристократия, которую император не любил, была настроена против него за стремление ограничить ее привилегии. Высший слой чиновничества выступал на стороне аристократии, остальные чиновники оказались не готовыми к такому повороту дела, крестьянство, которое стараниями реформаторов получило свободу, больше верило врагам императора — дворянам. Наконец, начались движения в Южных Нидерландах и Венгрии, на знаменах которых были написаны лозунги независимости от Габсбургов. Вследствие создавшегося положения Кауниц и министр полиции граф Иоганн Антон Перген в ультимативной форме потребовали от Иосифа отказаться от проведения реформ. Многие из них были свернуты, но император настоял на сохранении патента о веротерпимости и отмене крепостного права. Движение в Венгрии, особенно разгоревшееся в 1790 г. и носившее дворянский характер, добивалось сохранения сословного общества и ограничения бюрократизации, а также восстановления крепостного права, явив собой образец дворянского национализма, имевшего место в некоторых странах до эпохи модернизации¹³.

Иосиф II скончался 20 февраля 1790 г., не дожив до возраста сорока девяти лет. Интересна реакция Кауница, человека, знавшего императора еще ребенком и игравшего роль политическо-

¹¹ Hochedlinger M. Krise...S.52-55,138-145,202-251.

¹² Ibid. S.294-301,308-314.

¹³ Bérenger J. Die Habsburgermonarchie als Ständestaat: Zäsur und Kontinuität zur Zeit Maria Theresias mit besonderer Berücksichtigung Ungarns. — Österreich im Europa... Bd.1, S.437-445; Митрофанов П. Политическая деятельность... С.584 и далее; Баумгарт П. Иосиф II и Мария Терезия (1765-1790). / Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя. Австрия. Германия. Ростов-на-Дону, 1997. С.328-330; Хаванова О.В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 г. М., 2000.

го ментора и советника императора. «Это было очень хорошо с его стороны», – такова была фраза государственного канцлера, оставшаяся в анналах истории. Хотя император и канцлер были едины в вопросах внешней политики, именно в создании союзов с Францией и Россией, Кауниц не был во всем согласен с Иосифом в вопросах государственного строительства. Еще в 1761 г. он доказывал в одном из своих меморандумов, что попытка превратить комплекс наследственных владений Габсбургов в унитарное государство трудна и опасна. Показательными также стали попытки расширить влияние Вены в Империи, которые были сведены на нет постоянными нарушениями имперской конституции. Впрочем, через шесть недель тот же Кауниц назвал Иосифа II великим человеком, и сомневаться в искренности его слов не приходится. Предположительно в мае 1790 г. в докладе (сохранился недатированный рукописный набросок) императору Леопольду II он как бы в предостережение новому государю говорил о том, что его предшественник, обладая великими качествами, возбудил всеобщую нелюбовь и недоверие не только своих подданных, но также всех держав Европы своей жесткостью, непреодолимыми стремлениями, своевольными поступками, недостатком постоянства и опасными решениями. Канцлер рекомендовал Леопольду сохранять хорошие отношения с союзниками (Францией и Россией. – Ю.И.), избегать созыва всеобщего национального собрания, в чем сказался опыт созыва Генеральных Штатов во Франции годом ранее, и провести переговоры с представителями отдельных провинций австрийских владений. Этот доклад так и не был прочитан императору. Но Леопольд учел сложившуюся ситуацию, пойдя навстречу сословным собраниям австрийских владений, сделал монархию в Венгрии выборной, пошел на некоторые мелкие уступки церкви, например, разрешил религиозные процессии, освободил от должности некоторых крупных представителей иосифовской бюрократии, разрешил собраниям провинций подавать жалобы императору. Но во многих принципиальных позициях Леопольд сохранил реформы своего брата в неприкосновенности. Скорее эту политику можно характеризовать как шаг назад, два шага вперед, поскольку сохранилось движение в направлении создания правового государства¹⁴. Необходимо учитывать, что для Леопольда теперь была важна стабильность в его владениях и в Империи ввиду желания многих имперских чинов лишить Габсбургов императорской короны. Кроме того, ухудшались отношения с революционной Францией, и усиливалось влияние Французской революции на общественные движения в Империи.

Кауниц, несмотря на почтенный возраст, оставался в должности государственного канцлера и был главным политическим советником Леопольда II. Но новому императору нужны были более послушные исполнители его воли, нежели богатый, независимый и строптивый Кауниц. Он приблизил к себе исполнительного и прилежного государственного советника Антона Шпильмана, которого в свое время выдвинул сам Кауниц. Шпильман не был продажным бюрократом, но, по характеристике российского дипломата князя А.К.Разумовского, канцеляристом, а не государственным деятелем. Он и Кобенцль, ведший по распоряжению Леопольда дела государственного канцлера, поспешили провести переговоры о заключении соглашения с Пруссией о создании коалиции против Франции. Император, имевший совершенно другие взгляды на внешнюю политику, нежели Кауниц, и не всегда понимавший принципы политики равновесия сил, стал поддерживать линию на постоянное сближение с Пруссией с начала 1791 г. Успешное завершение военных действий против турок в 1790 г. требовало новых воинских контингентов, что навело Леопольда на мысль о примирении с Фридрихом Вильгельмом II, тем более что прусский король вознамерился лично возглавить армию на границе с габсбургскими владениями. На Рейхенбахской конференции в Силезии летом 1790 г. было решено урегулировать при посредничестве морских держав, в первую очередь Англии, австро-прусский конфликт. Пруссия не получила ничего

¹⁴ Blanning T. Joseph II. L. And N.Y., 1994. P.198; Aretin K.O. von. Heiliges Römisches Reich 1776-1806. Reichsverfassung und Staatssouveränität. Teil II. Aktenstücke. Wiesbaden, 1967. S.202-205; Vocolka K. Österreichische Geschichte 1699-1815. Glanz und Niedergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 2001. S.386-389.

из польских территорий, а Австрия была вынуждена согласиться подписать мир с Турцией на основе *status quo ante bellum*. В Южных Нидерландах была восстановлена традиционная конституция и вскоре австрийские войска без кровопролития вновь заняли эту провинцию. Попытка прусской дипломатии добиться нейтралитета Австрии в случае войны между прусско-английской коалицией и Россией вызвала замечание Кауница, что это «наиболее абсурдная из претензий, которая когда-либо возникала с сотворения мира». Позиция канцлера вызвала недовольство императора, и раздоры между ними стали причиной разговоров о конце «эры Кауница» в австрийской политике. Между тем, Кауниц не без оснований полагал, что еще сохранявшаяся ось Вена – Петербург являлась наилучшим средством сохранения позиций Австрии ввиду ослабления Франции как великой державы и нарушения вследствие этого европейского равновесия. С другой стороны, в это же время Кауниц не изменил свое ранее позитивное мнение о возможности в 1791 г. усиления польского королевства. Великий политик оценил польскую революцию 1791 г. как профессионально плохо подготовленную из-за несогласованности действий с задающими тон в европейской политике соседями. Польша, говорил он незадолго до своей кончины в 1794 г., оказавшись в поле напряженности между тремя великими державами, для того, чтобы «быть счастливой, должна изменить место на земном шаре». Мало того, Польша получает заслуженную плату за то, что позволила слишком близко связаться с Пруссией, и как за свою беззаботность, так и за резкий отход от России, с которой ей было бы лучше идти вместе. Но с конца 1790 г. в Лондоне и Берлине хорошо уяснили себе, что Леопольд II опасается дальнейшего развития революционных событий во Франции и готов с целью их предотвращения пойти на союз с Пруссией и перенести внешнеполитическую активность Австрии в западном направлении. Неудавшееся бегство французской королевской семьи в июне 1791 г. способствовало заключению предварительного австро-прусского соглашения 25 июля того же года в Вене. После пятидесяти лет вражды Габсбурги и Гогенцоллерны зарыли меч войны в землю, чтобы объединиться против общей опасности. Некоторые историки даже пишут, что это была «вторая дипломатическая революция». Польша была сохранена в качестве буферного государства, прусские территориальные притязания на польские земли не были удовлетворены. В соглашении чувствовались некоторые антироссийские нотки, которые шли явно с прусской стороны. Так как Австрия категорически отказывалась стать частью прусского «восточного барьера» против России и настаивала на участии той в антифранцузской коалиции, Фридрих Вильгельм II попытался привлечь Леопольда II обещанием поддержки в борьбе против революционной Франции. Но австрийская дипломатия, сформировавшаяся под влиянием блестящего профессионала Кауница, не дала перехитрить себя любительской дипломатии нового прусского короля. Главным результатом этого соглашения было скорее признание факта раздела территории Империи на две сферы влияния: австрийскую и прусскую. А в конце августа император и прусский король подписали в Пильнице, загородной резиденции саксонских курфюрстов неподалеку от Дрездена, конвенцию с обязательством при поддержке европейских держав оказывать помощь французской монархии¹⁵.

Идея присоединения к этой коалиции со стороны России сопровождалась только словесными декларациями и призывами к контрреволюционной интервенции во Францию, которыми Екатерина II вводила в заблуждение обе великие немецкие державы для того, чтобы направить их силы в западном направлении, а самой под предлогом стабилизации положения в Польше после провозглашения Конституции 3 мая 1791 г. вмешаться в польские дела. 29 декабря 1791 г. был подписан Ясский мирный договор между Россией и Османской империей об окончании второй русско-турецкой войны, который развязывал российской императрице руки в Речи Посполитой.

¹⁵ Митрофанов П. Леопольд II Австрийский. Внешняя политика. Т. I. Часть I. Пг., 1916. С. 58-63, 448-460; Aretin K.O. von. Das Alte Reich. Bd. 3, S. 378; Hochedlinger M. Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683-1797. L.-N.Y., 2003. PP. 393-396; ejusd. Krise..., S. 342-357, 400-401, 414-415, 430-443, 456-461.

Поэтому Вена не торопилась развязывать агрессию в отношении Франции¹⁶. Проницательный Кауниц прекрасно видел и понимал игру Екатерины. Когда русский посол во Франции И.М. Симолин передал императору Леопольду и Кауницу записки Марии-Антуанетты и ее устные просьбы об организации вторжения войск антифранцузской коалиции во Францию, старый австрийский канцлер в неторопливом и размышляющем стиле дал очень характерный ответ, в котором подчеркнул, что восстановление старого порядка во Франции уже невозможно, а интервенция сделает французскую нацию «еще омерзительнее, чем раньше». В конце этой беседы Кауниц обратил внимание собеседника еще на одну причину осторожности венской дипломатии во французском вопросе, сказав, что Екатерина «ждет – не дожидется, чтобы Австрия и Пруссия завязли во Франции, чтобы перевернуть все в Польше». Российская императрица, конечно, в эти годы больше опасалась действий Австрии и Пруссии в Центральной и Восточной Европе, нежели маловероятного тогда стремления Франции к гегемонии в Европе¹⁷. Этот разговор происходил незадолго до того, как император Леопольд II внезапно заболел воспалением легких и вскоре умер, как подозревали, не без помощи врачей-масонов, 1 марта 1792 г., не дожив совсем немного до сорока пяти лет. Несколько раньше, 7 февраля 1792 г., Австрия и Пруссия в дополнение к ранее заключенным соглашениям заключили договор об оборонительном союзе, согласно которому должны были в случае агрессии со стороны Франции выставить по 20 тысяч войск с каждой стороны. Спустя десять дней Леопольд отправил в Париж ноту, в которой писал, что совсем не желает войны и предлагает создать наблюдательный совет великих держав для решения вопроса о восточных границах Франции. В основе этой ноты лежала идея Кауница о возобновлении созданного им австро-французского союза. Насколько же старый канцлер не хотел сближения Австрии с Пруссией и опасался северного соседа даже в этой непредсказуемой обстановке! 20 апреля 1792 г. французское Национальное Собрание, большинство которого состояло из радикалов, объявило войну теперь уже новому императору Францу II как королю Чехии и Венгрии (избрание его императором произошло в июле того же года во Франкфурте-на-Майне). Новый император отстранил Кауница от руководства Государственной Канцелярией, хотя должность государственного канцлера была за ним сохранена. 25 июля командующий войсками австро-прусской коалиции герцог Брауншвейгский провозгласил свой знаменитый манифест, вызвавший бурю негодования во Франции. А 20 сентября войска коалиции потерпели поражение от французской революционной армии в сражении при Вальми. Пруссия, ничего не получив во Франции, незамедлительно присоединилась к России для участия во втором разделе Польши 23 января 1793 г., от которого Австрия ничего не получила¹⁸.

Политика Франца II во многом была непоследовательной. С одной стороны, он, противник вообще всяких революций, стремился усилить влияние Вены в Империи и расширить владения Габсбургов, с другой стороны, одобрял союз с Пруссией, что было отклонением от линии Кауница. Император удалил Кобенцля и Шпильмана от руководства внешнеполитическими делами с помощью обычного средства, т.е. переместив их на другие важные должности. Поскольку Княжеский Союз фактически прекратил свое существование, имперским чинам ничего более не оставалось, как следовать в фарватере более жесткой антифранцузской политики австро-прусского союза. Но ради территориальных приобретений венские политики готовы были пойти на конфликт с Пруссией и имперскими чинами. Инициаторами этой политики были Кауниц, считавший необходимым использовать вновь завоеванный престиж Хофбурга в Империи, что нашло отражение в объявлении имперской войны Франции 22 марта 1793 г. как реакции на казнь 21 января Людовика XVI, и преемник Кобенцля с 27 марта того же года барон Иоганн Амадей фон Тугут, получивший официальную должность генерального директора иностранных дел. Кауниц по-прежнему

¹⁶ Scharf C. Katharina II, Deutschland..., S.436-437.

¹⁷ Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С.114-117.

¹⁸ Миколецкий Л. Леопольд II (1790-1792) / Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры... С.344-345; Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy 1618-1815. Cambridge, 1994. PP.220-223.

сохранял должность государственного канцлера, и Тугут считался с его мнением. Сам барон долгое время до этого был агентом Франции, получая за свою работу по 12, позднее 13 тысяч ливров пенсионера ежегодно. Впрочем, информация, которую он передавал Верженну, не всегда была достоверной. Тугут, типичный трудолюбивый и лишенный чувства юмора карьерный дипломат, восемь последующих лет возглавлял тяжелую для внешней политики Вены работу по борьбе с революционной Францией и по урегулированию сложных отношений с союзниками по антифранцузской коалиции – Пруссией и Россией¹⁹.

Собственно, отношения между Австрией и Пруссией в эти годы были чрезвычайно сложными. Осенью 1793 г. прусская казна была пуста, что Кауниц предвидел уже в 1787–1788 гг., говоря, что Пруссия уже не в состоянии предпринять крупный военный поход. Фридрих Вильгельм II для организации кампании 1794 г. потребовал от Англии, Австрии и Империи 22 миллиона талеров. В Австрии провал прусской политики был встречен с немалым удовлетворением, а ведь Берлину надо было содержать еще одну армию в Польше. Во время своей последней болезни Венцель Кауниц делился своими мыслями с часто посещавшим его графом Себастьяном Айялой, послом республики Рагуза. Резюме этих бесед сводилось к следующим предложениям: заключить мир с Францией, освободить французскую королевскую семью и позволить ей отправиться в изгнание, возместить нанесенные немецким княжествам французскими войсками убытки, отказаться от будущих завоеваний и освободить все захваченные в последней войне территории. По его мысли, союзники должны были отказаться от всех выдвинутых по отношению к Франции требований и обязаться не вмешиваться в ее внутренние дела²⁰. Преемник и последователь Кауница Тугут столкнулся с новой ситуацией в международных отношениях, когда привычные для XVIII в. принципы вследствие Французской революции не работали. Вследствие этого он и Австрия были обречены на поражение, не сумев остановить воодушевленную революционным энтузиазмом Францию и восстановить политический баланс в Европе. Австрийская армия 90-х гг. не была способна к быстрым переменам, как и армии ее союзников, а ее руководство противодействовало попыткам Тугута что-либо изменить. Имперская армия была мало пригодна к войне, плохо вооружена, имперские чины чаще склонялись к заключению сепаратного мира с Францией. Французские правительства чаще пытались заключить мир с Австрией, чем с Пруссией. Тугут пытался даже использовать помощь Франции против Пруссии, но главной его целью было нанесение поражения революционной Франции²¹. Как бы повел себя в эти годы Кауниц, сказать трудно, но можно только утверждать, что как дипломат и политик он был несравненно выше, нежели Тугут. Очевидно также, что «вторую дипломатическую революцию» он так и не принял, считая самым подходящим для Австрии союз скорее с Францией, чем с Пруссией. Однако положение в Европе к концу столетия резко изменилось, произведя значительные изменения как в самой Пентархии, так и в системе равновесия сил, одним из адептов которой являлся Кауниц.

¹⁹ Циглер В. Франц II (1792-1806)/ Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры... С.353-354; Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy... P.223; Aretin K.O. von. Das Alte Reich. Bd.3... S.404.

²⁰ Циглер В. Франц II... С.355; Aretin K.O. von. Das Reich... S.441; Wangermann E. Kaunitz und der Krieg gegen das revolutionäre Frankreich. – Staatskanzler... S.117-141.

²¹ Poider K. Baron Thugut and Austria's Response to the French Revolution. Princeton. 1987, PP.XIV-XIX, 386-387.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. И ПРОБЛЕМА КОНКУРЕНЦИИ СО СТОРОНЫ РОССИИ И СТРАН ЗАПАДА

Османская империя, несмотря на свою огромную территорию и значительную численность населения, принадлежала к числу наиболее отсталых стран Европы. Она относилась к периферии международных экономических связей. Европа в империи видела аграрный придаток для своих экономик. Примерно 25% всей аграрной продукции империи экспортировалось, главным образом, в индустриальные государства Европы. Показателем тяжелого экономического положения страны стало, по сути, установление контроля Великобритании и Франции над ее внешним долгом и финансовыми ресурсами. Через «Имперский Оттоманский банк», который находился под управлением французских и британских инвесторов, Франция и Великобритания контролировали 73,7% внешнего долга империи¹.

В 1879 г. Османская империя окончательно была объявлена банкротом. В 1881 г. султан по требованию европейских кредиторов и государств был вынужден подписать Мухарремский декрет. Согласно декрету учреждалась специальная Комиссия Оттоманского государственного долга, тем самым финансовая система страны и юридически была поставлена под международный контроль. В состав Комиссии вошли Великобритания, представлявшая одновременно интересы Голландии, Франция, Германия, Австро-Венгрия и Италия, Турция в Комиссии имела только совещательный голос². Россия, не будучи членом Комиссии, тем не менее, оказывала влияние на работу Комиссии³. Экономическая отсталость ослабляла положение страны на международной арене и служила источником внутривнутриполитической нестабильности.

Долгое время страна не могла в полной мере использовать даже свои богатые природные ресурсы. К началу XX в. в Османской империи насчитывался всего 61 рудник, в том числе 14 рудников по добыче свинца, 13 – хрома, 9 – наждака, 4 – сурьмы, 4 – магнезия, 3 – каменного угля и т.д. Это явно не соответствовало потенциалу страны. На рубеже XIX – начала XX вв. в Османской империи добывалось около 44 тыс. тонн полезных ископаемых. Причем, в империи оставалось всего 1 500 тонн, все остальное ввиду отсутствия металлургической продукции экспортировалось за границу. Главным потребителем природных ресурсов Османской империи на рубеже XIX – XX вв. являлась Великобритания (24 000 тонн), затем шли Германия (10 700 тонн), Бельгия (2 750 тонн), Франция (1 840 тонн), США (965 тонн), Россия (946 тонн), Австро-Венгрия (595 тонн)⁴.

Разработку минеральных ресурсов вели как иностранные, так и османские предприниматели. Согласно горному уставу империи, предприниматели получали концессию на разработку полезных ископаемых сроком на 99 лет. В случае невыполнения технических и других условий использования концессии предпринимателей могли лишиться права на разработку рудника. Надзор за концессиями осуществляли особые полицейские управления.

¹ Шеремет В.И. Османская империя в международных отношениях на Балканах / В «пороховом погребе Европы» 1878-1914 гг. М., 2003. С.33.

² Миллер А.М. Краткая история Турции. М., 1940. С.98-100.

³ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894-1896. М., 1991. С.401.

⁴ Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. V. СПб., 1901. С.395.

Горнодобывающая промышленность в начале XX в. переживает подъем, относясь к числу наиболее быстро развивающихся секторов промышленного производства османской империи. Это было связано с заинтересованностью европейских стран в импорте минеральных ресурсов из Турции. В горнодобывающую промышленность страны приходят значительные британские и германские инвестиции, что привело к увеличению роста добычи минерального сырья в Турции. В среднем в год прирост производства в горнодобывающей промышленности составлял 8-10%⁵. В других отраслях народного хозяйства страны, ведущие позиции также занимали иностранные инвесторы, например, в производстве хлопка-сырца – из Великобритании и Германии, в ковроделии – из Великобритании, в производстве шелка-сырца и табака – из Франции.

Сельское хозяйство, основа экономики империи, отличалось низким уровнем производительности труда и товарности. Сельскохозяйственная техника, удобрения, племенной скот практически не применялись в аграрном секторе страны. Потенциально Анатолия и Месопотамия, с плодородием почвы и близостью к портам Средиземного моря, могли стать одними из ведущих поставщиков сельскохозяйственной продукции на мировой рынок, конкурируя с аграриями из России и Австро-Венгрии. Однако этого не могло произойти ввиду существовавших в Османской империи социально-политических и экономических порядков. Землевладельцы страны имея низкие доходы, не предпринимали усилий для интенсификации своего хозяйства. Незрелость транспортной инфраструктуры и перерабатывающей промышленности снижали экспортный потенциал аграрного сектора империи.

В банковской сфере страны доминировали германские, британские, французские, австро-венгерские и итальянские банки. Особенно больших успехов на данном поприще достигли германские банки. В 1888 г. «Дойче банк» открыл свое представительство в Стамбуле, вскоре в столице империи появляются представительства «Немецкого палестинского банка» и «Немецкого восточного банка». «Дойче банк» действовал на территории Османской империи динамично, сделав ставку на строительство в Турции железных дорог. К 1914 г. 49% зарубежных инвестиций в железные дороги принадлежало Германии, 39% – Франции и только 11,4 % – Великобритании⁶. Британские и французские инвесторы по-прежнему ориентировались на капитальные вложения в сельское хозяйство Турции и ее традиционные секторы промышленного производства. Порта гарантировала зарубежным инвесторам определенный уровень доходов от эксплуатации железных дорог. Эти гарантии ложились тяжелым бременем на имперский бюджет.

Проникновение зарубежных инвесторов в Османскую империю с целью строительства железных дорог начинается с 1871 г., когда барон М.Гирш, австрийский банкир, при поддержке властей Австро-Венгрии получил концессию на строительство железной дороги от р.Сава до Стамбула, и с проведением отдельной линии до важнейшего порта империи на северном побережье Эгейского моря г. Салоники⁷. Кроме порта, в районе Салоник была сосредоточена значительная часть горнодобывающей промышленности Османской империи. К тому же дорога имела и важное военно-стратегическое значение. В случае войны турецкую армию можно было быстро перебросить по морю с Ближнего Востока в Салоники, а затем по железной дороге перевезти на север. К 1875 г. Стамбул был соединен железной дорогой с Эдирне, Салониками, Тырново, Скопье, Белово и Митровицей. Однако соединения с австро-венгерской железной дорогой не произошло.

В 1886 г. создается международный консорциум, который должен был объединить железнодорожные сети Османской империи, Сербии, Болгарии и Австро-Венгрии. Решающую роль в консорциуме играло французское общество «Контуар насьональ д' Эсконт». В консорциум также

⁵ Шерemet В.И. Османская империя в международных отношениях на Балканах / В «пороховом погребе Европы» 1878-1914 гг. М., 2003. С.32.

⁶ Шерemet В.И. Османская империя в международных отношениях на Балканах / В «пороховом погребе Европы» 1878-1914 гг. М., 2003. С.32.

⁷ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. М. –Л., 1960. С.226-227.

вошли некоторые германские фирмы и банки, в том числе «Берлинер хандельсгезельшафт», банки Мендельсона, Варшауэра, компания Эрлангера. К международному объединению присоединился и австрийский «Винер лендербанк»⁸. В 1888 г. этот проект был успешно завершён. В Австро-Венгрии многие политические силы с подозрением относились к активному строительству Германией железных дорог в Турции. В Будапеште и в Вене ряд политиков и экономистов опасались, как бы за железными дорогами на Балканы не пришли германские товары, которые могли потеснить продукцию из Дунайской империи⁹.

Германские инвесторы, опираясь на поддержку своего правительства, на этом не остановились. В 1889 г. «Дойче банк», «Дрезднер банк» и ряд других германских банков учреждают «Оттоманское общество Анатолийских железных дорог». Это общество должно было построить железную дорогу от Измита до Анкары. В этом же году «Дойче банк» и «Венский банковский союз» выкупают «Общество восточных железных дорог» М.Гирша и получают концессию на строительство железной дороги от Монастира до Салоник, тем самым «Дойче банк» и другие германские финансовые структуры установили контроль над основной частью железнодорожной системы Османской империи¹⁰. И с 1903 г. германские инвесторы приступают к своему главному проекту – строительству Багдадской железной дороги. В 1913 г. германские капиталы в Турции достигли 1,24 млрд. марок, из них 520 млн. приходилось на частные предприятия и 722 млн. марок приходилось на государственные ценные бумаги Османской империи. Больше всего германских инвестиций пошло на строительство железных дорог – 368 млн. марок¹¹.

Внешняя торговля Османской империи отличалась определенной спецификой. Таможенные пошлины в империи составляли в среднем 8%. В то же время, согласно султанским «ирадэ» от 1873 г., в империи устанавливался льготный режим для импорта сельскохозяйственной техники и промышленного оборудования, которые полностью освобождались от уплаты таможенных тарифов. Любой предприниматель для этого должен был подать соответствующую заявку в Министерство общественных работ и получить от министерства разрешение на беспошлинный ввоз в страну необходимой техники.

Одновременно существовал список товаров, импорт которых был полностью запрещен или ограничен. Прежде всего, сюда входили табак и соль, на продажу которых была введена государственная монополия. Допускался ввоз в страну только нюхательного табака с уплатой очень высокой 75% таможенной пошлины. Кроме этого, существовали запреты на импорт стрелкового оружия, пороха, электрических приборов, хлопкового масла, периодически свинца, мыла. Были введены ограничения на ввоз оливкового масла и муки. В частности, импорт муки разрешался при условии, что в муке содержалось не менее 9% клейковины, а оливковое масло ввозилось только в чистом виде¹².

Зачастую турецкие аналоги значительно уступали по качеству импортным товарам, отсюда и следовали запреты на их ввоз, так как Порты боялась потерять свои доходы. В частности, порох для охоты извлекался из старых разрывных ядер артиллерийского управления империи. Разумеется, качество этого пороха не выдерживало никакой критики.

Внешняя торговля империи сильно зависела от морских перевозок. Поэтому торговый флот империи стремительно увеличивался, причем это касалось и численности пароходов. С 1888 по 1898 гг. их численность увеличилась с 1 548 до 3 074, а тоннаж с 711,8 тыс. тонн до 1 480,8 тыс. тонн¹³.

⁸ Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961. С.81.

⁹ АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп.482. Д. 582/1. Л.3.

¹⁰ Туполев Б.М. «Дранг нах Зюд-Ост» / В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С.74.

¹¹ Туполев Б.М. Германская политика на Балканах накануне Первой мировой войны / В «пороховом погребке Европы» 1878-1914 гг. М., 2003. С.272.

¹² Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып.V. СПб., 1901. С.393.

¹³ Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып.V. СПб., 1901. С.397.

Мировые судоходные компании вели жесткую конкурентную борьбу за морские перевозки в Османскую империю, которые приносили хорошие прибыли. В этом сегменте рынка преобладали британские судоходные компании. В 1898 г. в порты Османской империи вошло 4 627 британских судов, в то время как у ближайших конкурентов эти показатели были весьма скромные: Италия – 697, Австро-Венгрия – 658, Греция – 468, Россия – 439. Франция – 356¹⁴.

В начале XX в. в области морских перевозок позиции Великобритании все больше теснили Германия, Австро-Венгрия и Италия. Австро-венгерские компании взяли под свой контроль судоходство в порту Салоники, имевшем важное стратегическое значение не только для Османской империи, но и для остальных Балканских государств. Германия устанавливает прямое морское сообщение между Гамбургом и портами Османской империи¹⁵.

Следует подчеркнуть, что острая конкуренция за морские перевозки в Восточном Средиземноморье развернулись и между союзными Германией и Австро-Венгрией. До XX в. австрийским компаниям принадлежала значительная доля морских перевозок в регионе. В 1890 г. с созданием в Германии «Deutsche Levante Linie» у австрийских компаний появился грозный конкурент. В 1890 г. у компании было всего 4 парохода, в 1902 г. – уже 27 с общим тоннажем 91 600 тонн. Если в 1890 г. суда компании совершили только 24 рейса в порты Черного и Средиземного морей, то в 1902 г. этот показатель уже составил 115 рейсов. Это сразу сказалось на торговых отношениях Германии со странами региона. С 1890 по 1902 г. вывоз товаров из Гамбурга в черноморские порты России увеличился на 621%, в Румынию – на 95%, в порты Европейской Турции – на 891%, в порты Азиатской Турции – на 1 556% (!), в Грецию – на 307%¹⁶. Конкурируя с «Австрийским Ллойдом», германская компания предлагала потребителям дешевый фрахт и ряд других льгот. Это привело к оттоку клиентуры от «Австрийского Ллойда» к «Deutsche Levante Linie».

Преобладание британского судоходства среди иностранных компаний было неслучайно. Великобритания оставалась основным внешнеторговым партнером Османской империи в конце XIX – начале XX вв. В конце XIX в. на Великобританию приходилось 931,5 млн. пиастров экспорта в Османскую империю, затем шла Франция – 274,2 млн., Россия – 165,1 млн. Австро-Венгрия по этому показателю занимала всего лишь 8-е место, уступая даже таким странам, как Бельгия, Италия, Персия, Румыния. Австро-венгерский экспорт составлял 48,6 млн. пиастров¹⁷. Некоторым утешением для Австро-Венгрии могло служить то обстоятельство, что у извечного конкурента империи на рынках Балкан и Ближнего Востока дела обстояли еще хуже, Германия по экспорту занимала только 10-е место. Несколько лучше выглядели показатели Австро-Венгрии и Германии в импорте товаров из Османской империи. Здесь также лидировала Великобритания, на нее приходилось 595,3 млн. пиастров османского импорта, затем шла Голландия – 332,2, Австро-Венгрия – 131,7, Италия – 47,5, Россия – 40¹⁸. Импорт в Германию из Османской империи не вошел даже в число 15-ти лидирующих по этому показателю стран.

Для координации своей внешней торговли в Османской империи представители австро-венгерского бизнеса создают в Стамбуле в 1870 г. Австро-венгерскую торговую палату, кстати, это было первое учреждение такого рода. Для сравнения Английская торговая палата была учреждена только в 1897 г. В состав палаты входили действительные и почетные члены. В число дей-

¹⁴ Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. V. СПб., 1901. С.397.

¹⁵ Вестман А. Экономическое положение Германии по отчетам гамбургской торговой палаты в 1898 г. / Сборник консульских донесений за 1899 г. Вып. II. СПб., 1899. С.137.

¹⁶ Арсеньев С. Торговля Германии за 1902 г. по отчетам гамбургской торговой палаты за 1902 г. / Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. II. СПб., 1903. С.167.

¹⁷ Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. V. СПб., 1901. С.393.

¹⁸ Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. V. СПб., 1901. С.394.

ствительных членов входили австро-венгерские подданные, проживавшие в рамках консульского округа, которые самостоятельно вели торговлю в Османской империи или были официальными представителями австро-венгерских фирм. Почетными членами палаты становились лица, зачастую не занимавшиеся торговлей и проживавшие за пределами консульского округа.

Все члены палаты платили ежегодный взнос в 20 франков в год. Общее собрание действительных членов проводилось не реже одного раза в год. Собрание избирало комитет из 12 членов и 3 заседателей не моложе 24 лет, который занимался текущей работой.

Австро-венгерское консульство в Стамбуле следило за деятельностью палаты. Консульство отслеживало нормативные акты палаты, чтобы они не противоречили государственным интересам Австро-Венгрии. Посольство Австро-Венгрии в Стамбуле утверждало на должности, избираемые общим собранием палаты президента и вице-президента палаты. На всех собраниях палаты всегда присутствовал представитель консульства. Таким образом, Австро-венгерская торговая палата в Стамбуле находилась под жестким контролем со стороны дипломатических миссий Австро-Венгрии в Османской империи. Для сравнения Английская торговая палата являлась автономной структурой, так как британское посольство в Стамбуле не вмешивалось в деятельность палаты.

Основные виды деятельности Австро-венгерской торговой палаты сводились к: 1) содействию развитию торговых отношений между Австро-Венгрией и Османской империей; 2) консолидированному представлению интересов австро-венгерского бизнеса в дипломатических представительствах Дунайской империи в Турции; 3) сбору коммерческих сведений об Османской империи; 4) защите интересов австро-венгерского бизнеса в дипломатических представительствах иностранных государств, судах, правительственных и административных учреждениях Османской империи и при столкновении интересов с представителями других турецких и иностранных фирм. В целом, деятельность палаты была довольно эффективна. Кроме Австро-Венгрии и Великобритании, свои торговые палаты в Стамбуле имели Италия, Франция и Греция.

Главными морскими воротами Османской империи оставалась Смирна (Измир), через которую проходила значительная часть внешнеторгового оборота Турции. В 1898 г. через Смирну в страну было ввезено спиртных напитков из Австро-Венгрии на 12 тыс. франков, Франции – на 5 тыс. франков, масла из Италии на 8 тыс. франков, Франции – на 280 тыс. франков, Австро-Венгрии – на 1 тыс. франков, Великобритании – на 16 тыс. франков. Важной статьёй импорта стал ввоз в Турцию через Смирну строевого леса: из Румынии – на 1 млн. 120 тыс. франков, Греции – на 285 тыс. франков. Австро-Венгрия всегда занимала весомые позиции в торговле лесом и лесоматериалами, поэтому отсутствие экспорта леса в Турцию через Смирну компенсировалось поставками в страну досок и других лесоматериалов, которые Австро-Венгрия ввезла на 71 тыс. франков¹⁹. Правда, лидирующие позиции Румынии здесь были незыблемы. Она поставила досок и лесоматериалов на 1 млн. 780 тыс. франков. Из австро-венгерских товаров в Смирну ввозились: мука и зерно – на 3 тыс. франков (лидером ввоза здесь был Египет – 55 тыс. франков), веревок и пеньковых изделий – на 28 тыс. (из Великобритании – на 322 тыс. франков, Италии – на 13 тыс. франков, Бельгии – на 2 тыс. франков, Франции – на 8 тыс. франков), кожи – на 99 тыс. франков (из Египта – на 5 млн. 40 тыс., Италии – на 237 тыс., Греции – на 68 тыс., Великобритании – на 32 тыс. франков), сыра – на 3 тыс. франков (из Греции – на 72 тыс. франков, Румынии – на 198 тыс., Голландии – на 17 тыс., Италии – на 103 тыс., Великобритании – на 12 тыс., Франции – 9 тыс. франков), растительных масел – на 18 тыс. франков (из Великобритании – на 102 тыс., Франции – 74 тыс., Италии 15 тыс.), рыбы и солений – на 2 тыс. франков (из Греции – на 79 тыс. франков, Великобритании – на 47 тыс., Франции – на 17 тыс., Голландии – на 8 тыс., Италии – на 3 тыс., Германии – на 2 тыс. франков)²⁰. В 1899 г. общий

¹⁹ Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. V. СПб., 1901. С. 400.

²⁰ Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. V. СПб., 1901. С. 400.

экспорт Великобритании в Смирну составил 52 млн. 424 тыс. франков, Австро-Венгрии – 10 млн. 305 тыс., Голландии – 6 млн. 075 тыс., Франции – 5 млн. 420 тыс., Германии – 4 млн. 265 тыс., России – 4 млн. 125 тыс., Италии – 4 млн.²¹

Через порты Бейрута Австро-Венгрия наряду с Румынией поставляла строевой лес (на 5 млн. франков), наряду с Великобританией, Францией и Грецией кожу и ремни. Россия через Бейрут ввозила муку и керосин, конкурируя здесь с нефтяными компаниями США и американскими аграриями.

Значительная часть экспорта на Ближний Восток шла через порт г. Яффа. В 1898 г. через этот порт из Австро-Венгрии было ввезено товаров на 1 млн. 943 тыс. франков, в том числе леса – на 290 тыс. франков, консервов и солений – на 30 тыс., сукна и полотна – на 215 тыс., шерсти – на 40 тыс., сахара – на 600 тыс., вина – на 200 тыс. и т.д.). За Австро-Венгрией по объему экспорта в Яффу следовала Великобритания, которая ввезла через порт товаров на Ближний Восток на 1 млн. 498 тыс. франков, в том числе консервов и солений – на 52 тыс. франков, сукна и полотна – на 40 тыс., шерсти – на 12 тыс., хлопчатобумажных изделий – на 30 тыс., вина и спирта – на 30 тыс. За Великобританией следовала Франция с показателем 1 млн. 421 тыс. франков и четвертое место занимала Россия – 1 млн. 147 тыс. франков. Главными статьями российского экспорта в Яффу являлись краски и обои (320 тыс. франков), мука (230 тыс. франков), лес (180 тыс.), сахар (60 тыс.). Пятерку лидеров завершала Германия – 762 тыс. франков²².

Накануне первой мировой войны позиции Австро-Венгрии в Палестине были несколько потеснены ближайшими конкурентами. В 1913 г. на первое место по экспорту в Яффу выходит Великобритания – 2 млн. 193 тыс. руб., Великобритания занимала первое место и по импорту из Османской империи через Яффу – 1 млн. 950 тыс. руб., на втором месте находилась Австро-Венгрия – 1 млн. 340 тыс. и 263 тыс. руб. соответственно, на третье место вышла Россия, вплотную приблизившись к Австро-Венгрии, – 1 млн. 125 тыс. и 450 тыс. соответственно, на четвертое место отесняется Франция – 1 млн. 78 тыс. и 375 тыс. руб. соответственно. Германия завершала пятерку лидеров – 956 тыс. экспорт и 215 тыс. импорт²³. Россия по-прежнему, главным образом, через Яффу в это время ввозила керосин. Однако накануне первой мировой войны набирает силу экспорт из России в Яффу текстильных изделий, что задевало интересы Австро-Венгрии, так как экспорт текстиля из Дунайской империи охватывал значительную часть рынка Ближнего Востока.

На Востоке Османской империи центром внешней торговли являлся Эрзерумский вилайет. Лидирующие позиции в экспорте в данном регионе также занимала Великобритания, которая в 1898 г. ввезла товаров на 3,5 млн. франков, затем шли Франция – 1, 8 млн., Россия – 1,7 млн., Австро-Венгрия – 1.65 млн., Персия – 1 млн., Германия – 850 тыс.²⁴

Австро-венгерские товары проникали в самые отдаленные уголки Османской империи, в частности, в Триполийский вилайет. В Ливию Австро-Венгрия поставляла сахар-песок, фасоль, бревна и даже фески²⁵. Фески, произведенные в Австро-Венгрии и Германии, пользовались большой популярностью среди местных жителей, они отличались высоким качеством и относительно низкой ценой. В Ливии Австро-Венгрия являлась одним из ведущих экспортеров фесок.

²¹ Няга Л. Торговля Смирнского рынка / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. II. СПб., 1900. С.136-137.

²² Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. V. СПб., 1901. С.401.

²³ Донесение Управляющего Российского Императорского вице-консульства в Яффе / Донесения Императорских Российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. Вып. 42. Пг., 1914. С.27.

²⁴ Петряев А. Статистико-экономический очерк Турции (донесения студента посольства в Константинополе) / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. V. СПб., 1901. С.402.

²⁵ Сипягин П. Экономическое положение Триполийского вилайета / Сборник консульских донесений за 1902 г. Вып. I. СПб., 1902. С.83.

Особой зоной столкновения экономических интересов стран Европы и США стал бассейн Персидского залива и Аравийский полуостров. Долгое время это район относился к периферии международной торговли. Регион не имел богатых минеральных ресурсов, представлявших интерес для европейских стран. Местное население имело низкий уровень жизни, что существенно ограничивало покупку им импортных товаров. Однако постепенно ситуация начинает меняться в сторону оживления экономических связей региона с зарубежными странами. Если в 1841 г. в порты Персидского залива зашли суда с общим тоннажем в 45 000 тонн, то в 1897 г. этот показатель уже составил 280 000 тонн. Лидерами торговли в бассейне Персидского залива и на Аравийском полуострове были Индия, Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия и Россия.

Россия, в основном, поставляла в регион керосин, пока богатейшие запасы нефти на Аравийском полуострове и в Персии были малоизвестны. Российский керосин через Бомбей поставлялся в Басру, а оттуда уже он расходился по региону. Впервые российский керосин в Басре оказался в 1888 г., его поставками занялся «Торговый дом Манташева». Керосин из России довольно быстро вытеснил керосин из США. Это привело к увеличению поставок керосина из России в Басру: если в 1890 г. в порт было ввезено 45 000 пудов керосина, то в 1897 г. уже 190 000 пудов²⁶. Только 25% всех товаров ввезенных в Басру оставалось в городе и округе, остальное расходилось по Месопотамии и даже Персии.

Австро-Венгрия доминировала в поставках в регион шерстяных изделий, пользовавшихся большим спросом у местного населения, и изделий из стекла. В начале XX в. Австро-Венгрия заняла доминирующие позиции в поставках лесоматериалов в Басру. Правда, накануне первой мировой войны набирал оборот экспорт леса из России. В 1913 г. Россия ввезла леса на пароходах «Русского общества» на 200 000 руб., но лидером по-прежнему оставалась Дунайская империя²⁷.

В торговле с Хиджазом доминировали Великобритания и Россия. В 1905 г. в Джидду вошло 236 британских судов общим тоннажем 334 852 тонны, 14 российских (тоннаж 22 051 тонна) и 3 австро-венгерских (тоннаж 9 759 тонн)²⁸. С 1905 г. Россия начинает активно продавать в Хиджазе свой керосин, вступив в острую конкурентную борьбу с США. Попытки России и Австро-Венгрии отвоевать позиции у Индии в поставках муки на местный рынок, которой развивался довольно динамично, терпели неудачу. Один мешок индийской муки (75-80 кг.) стоил 8-9,6 пиастров, в то время как российская и австро-венгерская мука стоили более 12 пиастров²⁹. Дело в том, что мука из России и Австро-Венгрии отличалась высоким качеством, отсюда она и стоила дороже, но местных жителей качество муки не волновало, их главным требованием к товару была дешевизна. Поэтому индийская мука, пусть даже худшего качества, арабов полностью устраивала.

В Джидду Австро-Венгрия поставляла доски, кожу, в доставке этих товаров Дунайская империя была практически монополистом. Попытки организовать торговлю сахаром в Западной Аравии Австро-Венгрии не удалось, так как Франция поставляла более дешевый сахар, правда, хуже по качеству. Основным экспортером в Аравию являлась именно австрийская половина империи, так как все суда из Австро-Венгрии приходили из Триеста. Через другие порты Аравии (Мухаммар, Шустер, Джульфа) в регион доставлялось мыло из Австро-Венгрии, пользовавшееся большим спросом среди арабской элиты, и ряд других товаров³⁰. Кстати, новых успехов в Аравии накануне первой мировой войны добивается российский экспорт, в регион начинает проникать текстиль из России, в частности из Лодзи.

²⁶ Адамов А. Очерк международной торговли в Персидском заливе / Сборник консульских донесений за 1900 г. Вып. II. СПб., 1900. С.113.

²⁷ Донесения Управляющего Имперским Российским консульством в Басре / Донесения Императорских Российских консульских представителей по торгово-промышленным вопросам. Вып.42. Пг., 1914. С. 55.

²⁸ Никольский М. Торговля Геджаза / Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. I. СПб., 1906. С.8.

²⁹ Никольский М. Торговля Геджаза / Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. I. СПб., 1906. С.11.

³⁰ Миллер Б. Очерки Арабистана / Сборник консульских донесений за 1907 г. Вып.III. СПб., 1907. С.212.

Аравия и Месопотамия вывозили в Европу, главным образом, финики, сухофрукты и ковры. Бум в экспорте фиников начался с приходом во второй половине XIX в. в регион британских судоходных компаний. Компании поставляли производителям специальные ящики, выдавали кредиты, получая от этого большие прибыли. Но было бы неверно утверждать, что местные жители ничего не получали от экспорта фиников. Организация экспорта в Европу способствовала росту доходов местных производителей фиников. В начале XX в. монополия Великобритании начала подрываться. Коммерсанты из Австро-Венгрии организовали вывоз фиников из бассейна Персидского залива напрямую в Триест и Нью-Йорк. «Австрийский Ллойд» с помощью своих судов, в частности большого парохода «India», доставлял финики в другие страны Средиземноморья и даже в Стамбул. «Австрийский Ллойд» установил довольно выгодный для всех участников торговых операций фрахт на перевозку фиников. В Стамбул он составлял 27,5 шиллингов за тонну, в Бейрут – 22,5-25, в США – 45, в Триест – 35, в Лондон – 15³¹.

Кроме этого, Австро-Венгрия взяла под свой контроль поставку ящиков для упаковки фиников. Это оказалось весьма прибыльным делом. На каждую тысячу ящиков прибыль составляла 2-3 турецкие лиры, в год требовалось от 800 тыс. до 1 млн. ящиков и все они производились в Австро-Венгрии. Только Россия поставляла небольшое количество ящиков – около 40 тыс. в год. Успеху Австро-Венгрии способствовал учет австро-венгерскими предпринимателями специфики ведения бизнеса в регионе. В данном случае они охотно поставляли ящики в кредит производителям фиников. Они получали 50% ящиков в кредит и 50% после реализации урожая³². Австро-Венгрия активно занималась реэкспортом фиников в другие страны, в том числе в Россию.

Во всех вышеприведенных данных практически полностью отсутствуют США. Следует подчеркнуть, что долгое время внешнеторговые связи США с Османской империей были нестабильны и незначительны по объемам, но с 1898 г. в данных отношениях наступает прорыв. Если в 1893 г. американский экспорт в империю составлял всего около 180 тыс. франков, а импорт превысил 2,5 млн. франков, то в 1898 г. эти показатели составили 500 тыс. и 6,7 млн. франков соответственно³³. США поставляли в незначительных объемах в Турцию муку и зерно, а основная масса американского экспорта приходилась на сельскохозяйственную технику. Первый пароход с американской мукой прибыл в Стамбул в 1899 г. и с этого времени американцы начинают активно проникать на турецкий рынок зерна и муки, представляя угрозу для аграриев Австро-Венгрии, России, Румынии и Франции. Из Османской империи США вывозили египетский хлопок, ковры, опиум, кожу, шкуры, марганец, хромовую руду.

Несмотря на географическую близость Османской империи к России, удобство транспортных путей и наличие товаров высокого качества, Россия, тем не менее, долгое время проигрывала своим западным партнерам в борьбе за турецкий рынок. Причина этого явления заключалась в отсутствии представительств российских фирм в Османской империи, которые бы активно занимались изучением особенностей местного рынка и выявлением запросов турецкого потребителя, в то время как британские, австро-венгерские, французские и германские фирмы отводили этому первостепенное внимание. Некоторые регионы, такие как Месопотамия и Аравия, вообще были неведомы русскому бизнесу, если не брать в расчет поставки керосина и лесоматериалов³⁴.

³¹ Адамов А. Финиковый сезон 1902 г. в Басре / Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. III. СПб., 1903. С.227.

³² Адамов А. Финиковый сезон 1902 г. в Басре / Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. III. СПб., 1903. С.228.

³³ Шлиппенбах А. Торговые сношения Северо-Американских Соединенных Штатов с Турцией / Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. I. СПб., 1901. С.42-43.

³⁴ Адамов А. Русская торговля в Месопотамии / Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. V. СПб., 1903. С.503.

Несмотря на все трудности и проблемы, Австро-Венгрия к 1912 г. вышла на второе место во внешнеторговом обороте Османской империи, о чем свидетельствует следующая таблица³⁵:

Страна	Ввоз в Турцию (в млн. руб.)	Вывоз из Турции (в млн. руб.)	Всего (в млн. руб.)
Великобритания	76,4	48,3	124,7
Австро-Венгрия	68,9	19,7	88,6
Франция	35,4	39,6	75,0
Германия	35,1	11,8	46,9
Италия	32,8	13,3	46,1
Россия	25,2	8,2	33,4
США	5,8	9,1	14,9
Сербия	4,2	2,7	6,9
Общий объем	383	198,7	581,7

Обострение ситуации на Балканском полуострове в начале XX в. самым негативным образом сказывалось на экономических связях империи Габсбургов с балканскими государствами. Первым испытанием стала аннексия Боснии и Герцеговины. В ответ на эти действия Вены и Будапешта по всей Османской империи развернулась мощная кампания по бойкоту австро-венгерских товаров. Причем, в этой кампании активное участие приняла не только мусульманская часть населения Османской империи, но и православные сербы, македонцы, греки, болгары. Политика бойкота оказалась очень эффективной. Потери австро-венгерского бизнеса исчислялись миллионами крон, особенно были чувствительны потери в австрийской половине империи Габсбургов.

Венгерская половина Дунайской империи страдала в меньшей степени от бойкота австро-венгерских товаров в Османской империи. Однако и Венгрия понесла значительные убытки от бойкота. С 1902 по 1907 гг. венгерский экспорт в Османскую империю увеличился с 6,2 млн. крон до 11,8 млн. крон. Венгрия имела положительное сальдо в торговле с Турцией в 2,8 млн. крон³⁶. Более 38% венгерского экспорта в Турцию приходилось на сахар, остальные статьи экспорта составлял вывоз спиртных напитков, мебели, обуви, сельскохозяйственной техники и промышленного оборудования. Импорт из Турции приходился, главным образом, на табак: его доля в импорте из Османской империи в Венгрию составляла почти 70%. В 1908 г. из-за бойкота венгерский экспорт в Османскую империю сократился на 75%³⁷. Место Венгрии быстро занимали экспортеры из Италии, Франции, России и даже Румынии.

Дальнейшая дестабилизация политической ситуации на Балканском полуострове накануне первой мировой войны тормозила развитие экономических связей Австро-Венгрии со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока. Начало итало-турецкой войны привело к временному закрытию черноморских проливов. Это ударило по экономическим интересам не только Австро-Венгрии, но и России и стран черноморского бассейна. Резко сокращаются объемы внешней торговли Османской империи практически со всеми странами Европы. Беспорядки в Аравии и Месопотамии накануне первой мировой войны негативно отразились на европейской торговле в регионе³⁸.

³⁵ Наши соседи и некоторые другие главнейшие государства. Обзор их военной мощи. М., 1913. С.452.

³⁶ АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп.482. Ед.хр. 582/1. Л. 260.

³⁷ АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп.482. Ед.хр. 582/1. Л. 260.

³⁸ Донесения Управляющего Имперским Российским консульством в Басре / Донесения Императорских Российских консульских представителей по торгово-промышленным вопросам. Вып.42. Пг., 1914. С.52.

Балканские войны окончательно дестабилизировали экономическую систему Балкан и Ближнего Востока. Торговля Австро-Венгрии с Сербией и Болгарией резко сокращается. Все это сочетается с морской блокадой Албании и переброской воинских частей Австро-Венгрии на южные границы империи, в том числе и через Триест, что на время парализовало работу морского порта в Триесте. Сокращение внешней торговли привело к спаду промышленного производства в Австро-Венгрии и, прежде всего в тех секторах, которые сильно зависели от экспорта, в частности текстильная промышленность. Текстильная промышленность империи переживала подъем с 1908 г., что во многом было вызвано увеличением экспорта австро-венгерского текстиля в страны Балканского полуострова и на Ближний Восток. Правда, от Балканских войн выиграли производители оружия в Австро-Венгрии.

Таким образом, несмотря на жесткую конкуренцию со стороны европейских государств Австро-Венгрия сохранила свои ведущие позиции в экономике Османской империи. Внешнеторговый оборот двух империй уступал только Великобритании. Австро-венгерские банки играли важную роль в финансовой жизни страны. Угроза экономическим интересам Австро-Венгрии в Турции в основном исходила не от ее оппонентов (Великобритания, Франция, Россия), а от ближайшего союзника в лице Германии, которая в начале XX в. достигла больших успехов в деле проникновения в турецкую экономику, обойдя к 1914 г. по объемам экспорта в Турцию Францию и выйдя на третье место. Однако все страхи по поводу германского проникновения оказались несколько преувеличены. К первой мировой войне Германия исчерпала ресурсы для дальнейшего столь активного проникновения в Османскую империю. Эта проблема была во многом политизирована, а ее масштабы были явно раздуты, что находит отражение и в современной историографии. Успехам австро-венгерского бизнеса в Османской империи способствовали хорошее знание специфики местных рынков и бережное отношение предпринимателей из Австрии и Венгрии к своим турецким клиентам. Перспективы дальнейшего развития экономических связей двух империй накануне первой мировой войны можно было оценивать довольно оптимистично. Австро-Венгрия и Османская империя были «обречены» на сотрудничество и в силу географического и исторического факторов.

М.Ю. Чуканов
(г. Курск)

ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ПО ВОПРОСАМ ДЕЛИМИТАЦИИ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ И ВЕНГРИЕЙ (НАЧАЛО ФЕВРАЛЯ – 21 МАРТА 1919 Г.)

В российской исторической периодике уже обращалось внимание на изданные в Будапеште в 1993 и 1995 гг. первые два тома четырехтомной публикации «Французские дипломатические документы по истории Карпатского бассейна 1918–1932»¹. Основными источниками, использованными при написании настоящей статьи, стали 8 опубликованных в первом томе этого издания протоколов заседаний Комиссии по чехословацким делам (КЧСД) – одной из территориальных комиссий, образованных в ходе работы Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., – или, соответственно, в 3-х случаях из 8-ми, Подкомиссии КЧСД. Еще 2 протокола заседаний КЧСД, опубликованных в томе, относятся ко времени уже после 21 марта 1919 г. – дня установления большевистского режима в Венгрии, который является верхней хронологической границей проводимого автором более обширного исследования. Все эти протоколы, как и другие документы Комиссии, хранятся в Архиве Министерства иностранных дел Французской Республики, серия: Европа 1918–1940: Акты Мирной конференции, том 48: Комиссия по чехословацким делам. Их публикация на языке оригинала, предпринятая Институтом исторических наук ВАН при содействии французской Школы высших исследований по общественным наукам, значительно расширила исследовательские горизонты.

Определение рамок работы КЧСД в том, что касается границы между Чехословацкой республикой (ЧСР) и Венгрией, произошло еще до того, как эта Комиссия была образована, и даже до того, как 18 января 1919 г. в Париже открылась Мирная конференция². «...Мы вошли на мирную конференцию, – вспоминал во второй половине 1920-х гг. министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш, – имея свои территориальные проблемы (за исключением спора с поляками из-за Тешинской области и за исключением Подкарпатья, на которое мы раньше не претендовали)... полностью подготовленными к благоприятному для нас решению. Для мирной конференции же оставались... прежде всего, переговоры о подробном прохождении границы»³. Что касается Словакии, то до 1918 г. она «не имела точно определенных границ. На севере и западе существовали исторические границы Венгерского королевства с австрийскими землями монархии; на востоке в 1919 г. была определена административная граница между Словакией и Подкарпатской Русью, которая была присоединена к Чехословакии. Граница с Венгрией на юге... была определена с использованием этнических, экономических и военно-стратегических элементов»⁴.

¹ Documents diplomatiques français sur l'histoire du bassin des Carpates 1918-1932. Vol. I. Octobre 1918 – août 1919. Budapest, 1993. Vol. II. Août 1919 – juin 1920. Budapest, 1995. В дальнейшем ссылки на номера опубликованных в первом томе этого издания документов и соответствующие страницы делаются непосредственно в тексте статьи.

² См.: Beneš L. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z boje za svobodu národa. Díl II. Praha, 1929. S. 479-499; Fogarassy L. Hodža Milán és a Károlyi-kormány. (Miért nem jött létre megegyezés a Károlyi-kormány és a Szlovák Nemzeti Tanács között?) Palocföld, 1990. 5. sz., 72-87. old.; Vzájemna neoficiální korespondence T.G. Masaryka s Edvardem Benešem z doby pařížských mírových jednání (říjen 1918 – prosinec 1919). Sv. 1-2. Praha, 1993-1994; A Concise History of Slovakia. Bratislava, 2000. P. 241-243.

³ Beneš E. Světova válka...díl II... S. 498.

⁴ A Concise History of Slovakia...P. 243.

На состоявшемся 5 февраля 1919 г. заседании руководящего органа Парижской мирной конференции – Верховного совета – министр иностранных дел ЧСР был *persona grata*. Достаточно сказать, что, когда Бенеш упомянул, что от обращенного к югу изгиба Дуная до реки Тисы граница является «отчасти естественной, а отчасти искусственной» и «непременно должна включить много мадьяр», а это представляет собой «проблему, которая должна быть разрешена Конференцией», британский премьер-министр Д. Ллойд-Джордж, как значится в протоколе, заявил, что «не существует никакого сомнения относительно требования на собственно Словакию. Если это так, он предложил бы, чтобы д-р Бенеш ограничил свои замечания пунктами, вызывающими сомнения»⁵. Далее в протоколе заседания Верховного совета имеется примечательная запись: «Все согласились, что требование на Словакию не представляет трудностей и что единственные пункты, требующие освещения, относятся к границам с Венгрией»⁶.

На том же заседании Верховного совета от 5 февраля было решено, «что вопросы, поднятые в заявлении, сделанном г-ном Бенешем относительно чехо-словацких территориальных интересов в мирном урегулировании, будут направлены для рассмотрения в первой инстанции Комиссии экспертов (*to an expert Committee*), в состав которой будут входить по два представителя от Соединенных Штатов Америки, Британской Империи, Франции и Италии.

Обязанностью этой Комиссии будет сведение вопросов, с целью их решения, в самые узкие возможные рамки и предоставление рекомендации в целях справедливого урегулирования.

Комиссия уполномочена консультироваться с представителями заинтересованных народов»⁷.

Состав Комиссии. Председателем КЧСД был первый делегат Франции в этой территориальной комиссии, видный дипломат Жюль Камбон (не путать с его братом Полем Камбоном, тоже известным дипломатом). На протяжении своей дипломатической карьеры Ж. Камбон являлся французским послом в Вашингтоне, Мадриде, Берлине, в 1915-1919 гг. был генеральным секретарем МИД Французской Республики. Сравнивая А. Тардые и Ж. Камбона в качестве председателей Комиссии по румынским и югославским делам (КРЮД) и, соответственно, Комиссии по чехословацким делам, французский второй делегат в обеих этих комиссиях Жюль Лярош в своих мемуарах отдавал некоторое предпочтение Ж. Камбону: «Его сочетающаяся с улыбочивостью ловкость, с которой он умел утвердить свой авторитет, обогащалась долгим опытом. В то время как Тардые подходил к трудным [вопросам] с жаром чистокровной лошади, [на пути которой] встретилось препятствие, старый посол стремился повернуть их [другой стороной], чтобы помирить самых упрямых противников»⁸. Впрочем, как видно из опубликованных в венгерской тематической публикации протоколов КЧСД, Ж. Камбон был склонен уступить руководство этой комиссией формально не входившему в ее состав, но принимавшему активное участие в ее работе (как и в работе КРЮД) французскому генералу Анри Ле Рону; о нем британский второй делегат в КЧСД Гарольд Никольсон оставил в своем дневнике (и затем опубликовал) следующую запись: «Замечательный человек; интеллигентные военные вообще лучше всех»⁹.

Помимо Ляроша и генерала Ле Рона, в работе КЧСД участвовали также еще 2 лица, принимавшие участие в работе КРЮД, – первый делегат США в обеих этих комиссиях Чарльз Сеймур и британский первый делегат в КРЮД сэр Эйр Кроу (не имея в КЧСД официального статуса, он присутствовал на ее заседаниях, чтобы в случае необходимости подстраховать британских делегатов в ней). Сведения обо всех четырех лицах, участвовавших сразу в двух этих комиссиях, содержатся в сообщении «Из истории дипломатической борьбы по проблемам мирного

⁵ Deák F. Hungary at the Paris Peace Conference. The Diplomatic History of the Treaty of Trianon. New York, 1942, Doc. 7. P. 391.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. P. 394.

⁸ Laroche J. Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré 1913-1926. S.1., s. a. (Paris, 1957). P. 80.

⁹ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945. С. 215.

урегулирования с Венгрией на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг.», опубликованном автором этих строк на страницах журнала «Вопросы истории».

Американским вторым делегатом в КЧСД был Аллен У. Даллес, впоследствии получивший известность в качестве директора Центрального разведывательного управления США. Получив диплом магистра искусств в Принстонском университете в 1916 г., он служил затем на различных дипломатических должностях; на Мирную конференцию он прибыл, согласно воспоминаниям Никольсона, несколько позже других американских представителей. В апреле 1919 г. ему исполнилось 26 лет.

Первым делегатом Британской империи в КЧСД был премьер австралийского штата Новый Южный Уэльс сэр Джозеф Кук; британский второй делегат Г. Никольсон должен был разъяснять ему, «каковы его функции». О характере разъяснения можно судить по дневниковой записи Никольсона о первом заседании КЧСД: Кук «принял позу добродушного, но скучающего человека, иногда на его устах появляется улыбка презрения. Это должно означать, что хотя Кук не знает ни географии, ни французского языка, он представляет молодую прогрессивную страну, тогда как все другие – «вырожденцы». И все же Кук – приятный и толковый человек...»¹⁰.

Прежде чем перейти к итальянским делегатам в КЧСД, необходимо остановиться на еще одном утверждении Никольсона, сделанном им на этот раз уже не в подготовленных к печати дневниковых записях периода Мирной конференции, вошедших в качестве второй части в его книгу «Peace-making 1919» (русс. изд. – «Как делался мир в 1919 г.») и озаглавленных «Как это казалось тогда», а в первой части этой книги, написанной по прошествии времени (английское издание вышло в 1933 г.) и озаглавленной «Как это представляется теперь». В пятой главе этой первой части Никольсон повествовал о тайных переговорах между американскими и британскими делегатами во время конференции и утверждал следующее: «В так называемых «cabinets particuliers» у «Максима» (должно быть: в «Максиме». – М. Ч.) были разработаны англо-американские позиции, которые охватывали вопросы о границах Югославии, Чехословакии, Румынии, Австрии и Венгрии... Взаимопонимание между «Крийоном» и «Асторией» было более тесным, чем между какими-либо другими двумя делегациями в Париже»¹¹. Разбор этих утверждений во всем их объеме выходит за рамки настоящей статьи, поэтому следует ограничиться общим замечанием, что, не оспаривая факта секретных контактов между двумя делегациями, все же не представляется возможным говорить о согласованных позициях, которые отстаивались бы американскими и британскими делегатами в территориальных комиссиях, а что касается конкретно КЧСД, то, как показывает изучение ее опубликованных протоколов, в ней фронт борьбы по вопросу о чехословацко-венгерской границе пролегал отнюдь не между англо-саксами, с одной стороны, и французами и итальянцами – с другой.

Итальянским первым делегатом был маркиз Джузеппе Сальваго Раджи – многое повидавший на своем веку дипломат, побывавший послом в ряде столиц (Мадриде, Петербурге, Берлине, Константинополе, Пекине). Как и Ж. Камбон (в 1891–1897 гг. – генерал-губернатор Алжира), Сальваго Раджи также имел, наряду с дипломатическим опытом, опыт управления колонией – в 1907–1915 гг. он был губернатором Эритреи. В 1916–1917 гг. Сальваго являлся итальянским послом в Париже. Его ни разу не упоминает Никольсон, зато о нем пишет в своих мемуарах Лярош: «Всегда оказываясь мало благосклонным к чешским претензиям, он дискутировал с умеренностью и учтивостью, не пренебрегая тем, чтобы проявить, в случае хорошего настроения, немного беспечности»¹². К сожалению, не удалось установить ни биографических данных, ни даже имени итальянского второго делегата – Страньери. Хотя он играл не столь уж незаметную роль на заседаниях КЧСД и ее Подкомиссии, этих сведений не содержится ни в справочном аппарате венгерской тематической публикации французских дипломатических документов, ни в других изданиях.

¹⁰ См.: Никольсон Г. Как делался мир... С. 208, 215.

¹¹ Там же. С. 98.

Для оперативного рассмотрения стоявших на очереди вопросов была образована Подкомиссия КЧСД, председателем которой вскоре стал генерал Ле Рон; в ее состав входили также А. Даллес, Никольсон, Лярош и Страньери. На заседании Подкомиссии от 7 марта 1919 г. Лярош отсутствовал, зато с американской стороны вместе с А. Даллесом присутствовал Сеймур. Хотя в опубликованных в венгерской тематической публикации протоколах не проводится различие между заседаниями Комиссии и заседаниями Подкомиссии (в заголовке каждого протокола, помимо порядкового номера, значится лишь, что это протокол Комиссии по чехословацким делам), все же такое различие просматривается при внимательном чтении. На заседаниях как КЧСД, так и ее Подкомиссии присутствовали, но, как правило, не выступали также и другие представители великих держав, участвовавшие в работе Парижской мирной конференции.

Наконец, согласно русскому изданию книги Никольсона, сэр Эйр Кроу требовал от него называть территориальные комиссии «комитетами», говоря при этом: «Дорогой Никольсон, комиссия – это организация, которую направили в определенное место, а комитет – это организация, заседающая в центре»¹³. В данном случае имела место игра слов: *commission* (*co-mission*) – совместная поездка, *committee* (*co-meeting*) – собрание; но даже с этой точки зрения КЧСД можно считать и комитетом, и комиссией: ее члены собрались в центре (Париже) ради решения общей задачи (фр. *mission*). В дальнейшем Комиссия по чехословацким делам, в соответствии с буквой основного источника, по-прежнему будет именоваться Комиссией или обозначаться аббревиатурой КЧСД, за исключением случаев цитирования русского перевода дневниковых записей Никольсона, где она называется «Чешским комитетом».

Начало работы Комиссии. Первое заседание КЧСД состоялось 27 февраля 1919 г., через день после того, как КРЮД, заслушав делегацию Королевства СХС, завершила «слушания заинтересованных». В дневнике Никольсона о ходе этого заседания КЧСД значится: «Обсуждаем [внешние] границы Чехословакии в Чехии и Моравии. Полное соглашение (очевидно, должно быть: согласие. – М. Ч.). Затем – Силезия. Я указываю, что мы не можем обсуждать этого вопроса, пока не будем знать решения Польского комитета. Заседание откладывается»¹⁴. Хотя, согласно тому же дневнику, во второй половине дня Никольсон участвовал в заседании Комиссии по греческим делам, протокол заседания КЧСД, напечатанный в венгерской тематической публикации и датированный 27-м февраля, начинается словами: «Комиссия приступает затем к рассмотрению вопроса о Словакии» (док. 200, с. 359). По-видимому, в данном случае допущена неточность в датировке, так как в дневниковой записи Никольсона от 28-го февраля говорится: «Все утро – чехи... Во второй половине дня – снова чехи. Присутствует генерал Ле Рон... Мы обсуждаем границу Словакии и приходим к соглашению о соединении чехов и румын украинским (читай: русинским. – М. Ч.) коридором. Для точного определения границы мы создали подкомиссию»¹⁵. В этой записи правильно излагается содержание протокола, датированного 27-м февраля, и, следовательно, нужно признать, что к обсуждению границы между ЧСР и Венгрией приступили все же 28-го числа, а соответствующее заседание было – в зависимости от того, считать ли утреннее и послеобеденное заседания, разделенные перерывом, одним или же двумя заседаниями, – вторым или, соответственно, с учетом того, что 27-го февраля состоялось только утреннее заседание, третьим.

¹² Laroche J. Au Quai d'Orsay..., P. 80-81. В книге приводится следующий пример:

«Когда один из делегатов пожаловался на медлительность наших работ, он (Сальваго Раджи. – М. Ч.) ему ответил хорошо известной итальянской поговоркой: «Chi va piano va sano», к которой я (Лярош. – М. Ч.) добавил следующий оборот: «Chi va sano va lontano». ([Вместе это значило:] Кто идет медленно, идет уверенно, кто идет уверенно, идет далеко). Один молодой чиновник из его делегации (Страньери? – М. Ч.) тогда сказал: «Внимание! Есть продолжение: «Ma non arriva mai (Но никогда не приходит)». Маркиз был первым, кто рассмеялся, но заключил, что в отношении нас это было бы не так» (Ibid. P. 81).

¹³ См.: Никольсон Г. Как делался мир... С. 207.

¹⁴ Там же. С. 215.

¹⁵ Там же. С. 215-216.

При обсуждении вопроса о Словакии первым выступил Сеймур. В своей речи он сказал, что имеются две точки зрения, в соответствии с которыми следует обсуждать этот вопрос: этническая, с одной стороны, и географическая и экономическая – с другой. Присоединившись к первой из них, он высказал мнение, «что [нужно] позволить войти в [состав] чехо-словацкой Республики как можно меньшему числу мадьяр. В этом новом государстве будет уже много чуждых элементов (*beaucoup d'éléments étrangers*), и для него будет трудной задачей ассимилировать их». Однако, продолжал первый делегат США, если руководствоваться второй точкой зрения, «мы увидим, что невозможно точно (*d'une façon précise*) следовать этнической границе. В экономическом отношении, необходимо предоставить новому государству некоторое равнинное пространство, чтобы обезопасить его пути сообщения».

По словам Сеймура, линия, предлагаемая американской делегацией, «предоставляет Пресбург чехо-словакам с тем, чтобы оставить им доступ к Дунаю. Она не выходит за пределы острова Большая отмель, который является, следовательно, исключенным так же, как [и] город Комаром, идет по малому Дунаю до Дуная и даже до устья Эйпеля, вновь поднимается по долине Эйпеля и идет по линии разделения вод, проходя к югу от Римасомбата, затем, через долину [реки] Шайо, направляется к северу и востоку. Она идет затем по линии разделения вод до [реки] Унг, подходит к Унгвару, который оставлен чехо-словакам, затем идет по линии разделения вод и по границе (*ligne*) комитата Унг до границы (*frontière*) Галиции, в нескольких километрах к востоку от Ужокского перевала. Она идет затем по административной границе (*par la frontière administrative*) между Галицией и Венгрией до места, где она соединяется с границей Силезии» (док. 200, с. 359-360).

Так как в только что изложенном выступлении упоминается остров Большая отмель (фр. *l'île de la Grande Schütt*), необходимо разъяснить, что это такое.

Вопрос об острове Большая отмель. В окрестностях города, который с 1918 г. называется по-словацки Братислава (прежнее немецкое название – Пресбург, венгерское – Пожонь), река Дунай раздваивается: собственно Дунай (Большой Дунай) течет на юго-восток, а затем поворачивает на восток к расположенному на левом берегу портовому городу Комарно (венгерское название – Ревкомаром, т. е. порт или пристань Комаром), напротив которого на правом берегу находится город, сохранивший старое венгерское название – Комаром (до установления границы между ЧСР и Венгрией так назывались оба этих города). Далее Дунай в своем течении на восток достигает городов Эстергом и Вац, и у Ваца поворачивает резко на юг, пересекая в этом своем течении всю территорию Венгрии в ее трианонских границах, затем снова поворачивает на юго-восток и далее в основном последовательно течет в восточном направлении вплоть до своего впадения в Черное море. Другой рукав Дуная – Малый Дунай, – извиваясь, течет от Братиславы в направлении на восток с небольшим отклонением к северу, затем, также извиваясь, поворачивает на юго-восток и течет почти параллельно Большому Дунаю, пока не впадает в р. Ваг, которая течет на юг, затем на юго-восток, пока не впадает у Комарно в Дунай. Территория, заключенная между Дунаем, Малым Дунаем и Вагом, на немецкоязычных картах, которыми пользовались участники заседаний КЧСД и ее Подкомиссии, называлась *Grosse Schüttinsel*, т. е. Большая отмель-остров. Так как по-французски основное значение слова *gros* (ж.р. *grosse*) – толстый (-ая), во франкоязычных протоколах КЧСД, соответственно Подкомиссии КЧСД, эта территория называется *l'île de la Grande Schütt*, т. е. остров Большая отмель. Сохраняя верность источнику, мы будем называть его по-русски островом Большая отмель или просто Большой отмелью. Словаки называют его Великий Житный остров, а венгры – Чаллокёз (по имени племени Чурла, участвовавшего в обретении венграми родины). В новейшем венгерском энциклопедическом издании говорится, что остров этот «со времени обретения родины является местностью, населенной мадьярами»¹⁶.

¹⁶ См.: Magyar Nagylexikon. Ötödik kötet. C-Csom. Budapest, 1997. 720. old.

Отвечая Сеймуру, Никольсон сказал, что, принимая в принципе американскую линию до слияния Малого Дуная с Вагом, он также «считает, что 95 000 мадьяр, которые проживают на острове Большой отмели, должны быть исключены из [состава] Чехо-Словакии». Вместе с тем, исходя из того, что нужно, напротив, «предоставить чехо-словакам безусловный контроль над всем течением Вага», британский второй делегат в КЧСД заявил: «Уместно, следовательно, рассмотреть возможность отделить от Венгрии восточную часть Большой отмели (la partie Est de la Grande Schütt), чтобы предоставить чехо-словакам город Комаром со всем течением Вага до его слияния с Дунаем». И, словно спохватившись, что он внес предложение, идущее вразрез со стремлением к тому, чтобы в состав ЧСР вошло как можно меньше мадьяр, Никольсон, как значится в протоколе, заключил, что в отношении линии к востоку от Комарома он «разделяет мнение своего коллеги из Соединенных Штатов. Вопрос о путях сообщения, о железных дорогах нужно сочетать с заботой о том, чтобы придать Чехо-Словакии по возможности наименьшее количество мадьяр» (док. 200, с. 360).

Довольно путано выступил итальянский первый делегат Сальваго Раджи. Сказав, что «нельзя полагаться на австро-венгерские (sic!) статистические данные», он обнаружил незнание того, что в эпоху дуализма переписи проводились *раздельно* властями обеих составляющих частей Австро-Венгерской монархии, поэтому ни данные австрийской переписи не могли содержать сведений о населении венгерской части монархии, ни данные венгерской переписи – о населении австрийской. Критике методов проведения австрийских переписей была, в частности, посвящена речь, с которой 18 февраля 1919 г. на заседании Совета десяти выступил полномочный делегат Королевства СХС И. Жолгер¹⁷ – единственный за всю историю монархии Габсбургов словенец, бывший министром без портфеля в правительстве австрийской части монархии. Нет гарантии, что Сальваго не отождествил это правительство с общим (австро-венгерским) советом министров, и также нет гарантии, что он не перепутал словенцев и словаков, приняв Жолгера за представителя этих последних; во всяком случае, он сказал: «Бывший австрийский министр, г-н Жолгер, сам признал недавно, что австрийское Правительство фальсифицировало все (sic!) статистические данные; он должен знать это, раз он был министром еще полгода тому назад». Такова была «беспечность» итальянского первого делегата, о которой в столь снисходительном тоне вспоминал Лярош (см. выше)! По существу же линии, предложенной Сеймуром от имени американской делегации, Сальваго Раджи, заметив, что она является «в большей или меньшей мере той, которую требуют чехи», сказал, что «принимает ее до Комарома с предложенным (Никольсоном. – М.Ч.) небольшим видоизменением. Но затем линия кажется ему произвольной... Этнографическая линия проходит намного севернее» (док. 200, с. 360).

На это Сеймур возразил, что «если граница проходит к югу от действительной этнографической линии, [то] это для [того, чтобы] обеспечить сообщение по железной дороге между устьем Эйпеля и рудниковыми центрами Римасомбата». Кроме того, чисто этнографическая линия «имела бы... то неудобство, что отделила бы группы населения, проживающие на севере (т. е. словаков. – М.Ч.), от крупных торговых артерий, направляющихся к реке» (док. 200, с. 361).

В своем выступлении генерал Ле Рон согласился с Сеймуром относительно этнического и экономического принципов (при этом он интерпретировал первый из них как учет, по мере возможного, этнических элементов, а в связи со вторым призвал оставить стране – т. е. ЧСР – «пути сообщения, которые ей необходимы для того, чтобы местности были связаны между собой»). В дополнение к этим принципам генерал призвал учитывать и третье соображение, на которое «много раз обращал внимание Президент Вильсон»¹⁸, а именно: необходимо «избегать, при про-

¹⁷ Протокольную запись речи см. в: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference 1919. Vol. IV. Washington, 1943. P. 48-49.

¹⁸ Выступая на совместном заседании обеих палат Конгресса США 18 февраля 1918 г., президент США В. Вильсон выдвинул 4 принципа, подлежащих применению при мирном урегулировании. Согласно последнему из них, «всем вполне определенным национальным притязаниям будет предоставлено наибольшее удов-

ведении границ, обвинений в местных трениях, могущих породить будущие трудности (*des accuses de frictions locales successibles de donner naissance à des difficultés futures*)». В продолжение выступления Ле Рон остановился на изложенной Никольсоном позиции британской делегации, которая «придерживается мнения о предоставлении чехо-словакам городов Пожони (Пресбурга) и Комарома и... предлагает в качестве границы... малый Дунай». Генерал Ле Рон, значителен далее в протоколе заседания КЧСД, «признает, что остров Большая отмель, этнически говоря, является более мадьярским, чем чешским, но, если учитывать второй и третий принципы, которые он указал, имеются серьезные причины для того, чтобы оставить этот остров чехам». Он привел также аргументы в пользу применения экономического принципа и соображения (принципа) относительно целесообразности границы. «Группы населения острова Большая отмель, – сказал генерал, – отделяет от [правого берега] правого потока Дуная очень большая ширина реки. Напротив, малый Дунай пересекается многими путями, так что группы населения острова Большая отмель имеют сношения только с северной страной (*le pays du Nord*)». Принцип же целесообразности границы, выдвинутый им со ссылкой на Вильсона, он предложил применить следующим образом: «Если... мы считаем, что мадьярские группы населения острова будут заключены между чешскими (т. е. призванными принадлежать ЧСР. – М. Ч.) городами Пресбург и Комаром, от которых они будут зависеть экономически и через которые они будут обязаны проходить, то он опасается, как бы мы не подверглись риску локальных конфликтов, если мы не включим эти группы населения в [состав] Чехо-Словакии». Относительно второй части предлагаемой границы – от Дуная до границы Галиции – Ле Рон высказал пожелание «иметь на самой карте линию для указания» (док. 200, с. 361).

В этой связи сэр Эйр Кроу, для упрощения работы Комиссии, предложил создать Подкомиссию (или, как значителен в решении, приведенном после записи его выступления, «Комитет»), «чтобы специалисты, которым поручено составлять карты, встречались в перерыве между заседаниями с целью прийти к согласию относительно границ. Там, где они не были бы согласны, они указали бы, по крайней мере, на карте, различные решения (*les differentes solutions*)». Комиссия приняла это предложение и назначила первое заседание Подкомиссии на 18 часов 1-го марта 1919 г. (док. 200, с. 361).

Дискуссия о Подкарпатье. Далее КЧСД перешла к вопросу об угорских русинах (*les Ruthènes de la Hongrie*). Во вступительном слове по этому пункту порядка дня Сеймур сказал, что в отношении их имеются три возможности: 1) «присоединение русинов к Украинскому государству (*à l'État de l'Ukraine*)», 2) «сохранение русинов в [составе] Венгрии», и, наконец, 3) «учреждение [автономной] провинции или автономного государства в [составе] чехо-словацкой Республики». Американская делегация, подчеркнул выступающий, «отклоняет два первых решения и высказывается в пользу третьего, то есть создания автономного образования (*d'une entité autonome*)» в составе ЧСР, однако делает это только с некоторыми оговорками. Прежде всего, «нужно, чтобы чехо-словаки дали гарантии (соблюдения русинской автономии. – М. Ч.) Мирной конференции». Далее, нужно будет «быть уверенными в том, что это решение (*solution*) будет хорошо принято русинами». Наконец, отметил американский первый делегат, «не нужно забывать, что русины представляют собой народ, который является, политически говоря, малоразвитым¹⁹.

летворение, которое может быть предоставлено им без введения новых или увековечивания старых элементов несогласия или антагонизма, которые могли бы в [свое] время нарушить мир в Европе и, следовательно, во всем мире». См.: *The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace. Presidential Messages, Addresses and the Papers (1917-1924). Vol. I, N.Y., 1970. P. 183.* По-видимому, эту мысль Вильсона имел в виду генерал Ле Рон.

¹⁹ Заявление Сеймура отражало следующую ситуацию. Исходя из возможности распада Австро-Венгерской монархии, лидер чехо-словацкого зарубежного сопротивления Т.Г. Масарик не забывал и о «небольшой венгерской территории, где жили русины». Выход России из войны толкнул Масарика и Бенеша к тому, чтобы после распада монархии заявить о своих правах на Подкарпатье и подкарпатских русинов, включив их в состав ЧСР. Чехословацкие власти не хотели предоставить русинам даже автономию, несмотря на то, что к этому их обязывала статья 53 Сен-Жерменского мирного договора с Австрией от 10 сентября 1919 г. и

Он не является, во всяком случае, достаточно многочисленным для того, чтобы образовать независимое государство. Американская Делегация думает все же, что их (русинов. – М.Ч.) экономическое развитие будет более быстрым под руководством чехо-словаков». Создание автономного образования в составе ЧСР, продолжал Сеймур, «привело бы русинов в соприкосновение одновременно с румынами и чехо-словаками и сделало бы из них постромку (*le trait*) союза между этими двумя государствами». В качестве границы в этой области делегация США предложила линию, проходящую к югу от железной дороги Чоп – Кирайхаза. При этом американский первый делегат пояснил: «Речь идет – не говоря о том, что, если это решение [будет] принято, [это] будет необходимо прежде всего для русинов, – о том, чтобы создать и обеспечить дружественные отношения между румынами и чехо-словаками» (см. док. 200, с. 361-362).

Возражая Сеймуру, итальянский первый делегат маркиз Сальваго Раджи выразил свое непонимание того, как можно достигнуть дружественных отношений между ними, предоставляя ЧСР «этот угол территории, который будет мешать всем (*qui déraugera tout le monde*)». «...Этим решением, – заметил маркиз, – мы (он)отрежем от Румынии и Венгрии весь путь сообщения с Польшей и наоборот» (док. 200, с. 362). Сэр Эйр Кроу принялся доказывать, что предложенное решение представляет это неудобство, а председатель Комиссии Ж. Камбон спросил у Сальваго, «к кому, по его мнению, должны были бы отойти русины?». Итальянский первый делегат ответил в суггестивном ключе: так как решено, сказал он, «что русины, во всяком случае, останутся независимыми (по-видимому, должно быть: автономными. – М.Ч.), почему бы их не присоединить снова (*rattacher*) к тем из их соседей, с которыми у них были бы некоторые экономические, стратегические или политические основания объединиться, – к венграм». На это Кроу ответил, что «это именно то, чего мы не хотим (*c'est justement ce que l'on ne veut pas*), [ибо] нужно помешать тому, чтобы Венгрия вклинилась между чехо-словаками и румынами» (док. 200, с. 362).

Британского дипломата поддержали Ле Рон и Лярош, причем генерал рассмотрел вариант объединения русинов с Румынией, а французский второй делегат в КЧСД – с Польшей. Иное решение, чем присоединение русинов к ЧСР, заметил Ле Рон, «состояло бы в том, чтобы присоединить русинов к Румынии. Но румыны не очень хотят этого, а русины не выразили такого желания». Он отметил также, что между русинами и румынами «имеется религиозное различие (*une différence de religion*), следовательно, причина конфликтов». Напротив, с этнической точки зрения, «русины – это славяне, а их наиболее близкими соседями, [принадлежащими] к той же расе, являются чехи»²⁰. Решение, предложенное американской делегацией, «не совершенно, но является самым практичным. Чехо-словаки желают его, а некоторые просвещенные элементы русинских групп населения (*de la populations ruthènes*) заявили, что они добровольно объединились

заклученный в тот же день специальный договор между великими союзными и ассоциированными державами, с одной стороны, и ЧСР – с другой, а также абз. 2-9 § 3 Конституционной хартии Чехословацкой Республики от 29 февраля 1920 г. (См.: Сен-Жерменский мирный договор. М., 1925. С. 26; Конституции буржуазных стран. Т. II Средние и малые европейские страны. М.-Л., 1935. С. 14-15). Первые попытки предоставления русинам автономии относятся лишь к 1938 г. С другой стороны, нельзя не сказать и о том, что, как отмечается во вступлении к Энциклопедии Подкарпатской Руси, изданной в Ужгороде в 2001 г., история русинского народа «фальсифицирована украинскими псевдоучеными», что в Киеве «создаются проекты решения подкарпатско-русинской проблемы в форме ускоренной ассимиляции русинов». (См.: Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С.7). Автор настоящей статьи благодарит доктора исторических наук Б.Й. Желички за помощь, оказанную при формулировании данного примечания и, в особенности, за указание двух последних принципиально важных положений.

²⁰ Ближайшими соседями русинов на западе являются словаки. По-видимому, генерал Ле Рон разделял довольно распространенное накануне и в годы первой мировой войны представление, которое Т.Г. Масарик в своем меморандуме «Самостоятельная Чехия» («*Independent Bohemia*»), написанном в Лондоне в мае 1915 г., выразил следующим образом: «Словаки – это чехи, несмотря на то, что они используют свое наречие в качестве литературного языка. Словаки равным образом борются за самостоятельность и принимают программу объединения с чехами». (См.: Beneš E. Světova válka... Díl III. Dokumenty. 2. vyd. Praha, 1929. dok. 77. S. 246-247.

бы с ними. С точки зрения путей сообщения, это один и тот же регион». Со своей стороны, упомянув о том, что «кое-кто советовал, равным образом, объединить русинов с Польшей», Лярош заметил: «Если бы мы (on) позволили Польше абсорбировать этот русинский уголок (ce petit coin ruthène), мы (on) придали бы ей географически совсем необычную форму. Русинская земля образовывала бы, внутри границ Польши, островок, отделенный от остальной страны, расположенный по другую сторону гор и не имеющий никакого *raison d'être*». Решение, заключающееся в присоединении русинов к Чехо-Словакии, «придает, несомненно, этому государству довольно вытянутую форму, но сообразуется с его общей системой коммуникаций» (док. 200, с. 362-363).

Заметив, что никто, кроме Кроу, прямо не высказался против предложенного им присоединения русинов к Венгрии, Сальваго Раджи осторожно заметил, что «имеется, может быть, заинтересованность в том, чтобы не отказываться, не рассматривая его вновь, от венгерского решения (*la solution hongroise*)». Присоединяя русинов к ЧСР, продолжал он, «мы отнимаем у Венгрии все ее пути сообщения с Польшей», а это «рискует вызвать страшное потрясение в экономической жизни страны». Но тут взял слово до тех пор молчавший сэр Джозеф Кук, который резко заявил, что, по его мнению, «вопрос заключается в том, чтобы спросить себя, собираемся ли мы передать (*si l'on va remettre*) русинов в руки друзей или в руки врагов». Ответ на этот вопрос, дал понять британский первый делегат, «не мог бы быть двусмысленным, так как русины сами предпочитают объединиться скорее с чехо-словаками, чем с венграми, и так как чехо-словаки, со своей стороны, желают иметь русинов под своим контролем» (док. 200, с. 363).

Сразу же после выступления Кука председатель КЧСД Ж.Камбон констатировал: «Так как большинство Комиссии благоприятно [настроено по отношению] к объединению (*l'union*) русинов и чехо-словаков, принципиальный вопрос (*la question de principe*) оказывается урегулированным...». Он спросил также, делает ли итальянская делегация оговорки в этой связи. Сальваго Раджи ответил, что он «всегда полагал, что это плохое решение (*une mauvaise solution*); но так как оно, в итоге, неблагоприятно для вражеского государства, он не противится ему формально». В качестве примирителя выступил А. Даллес, обративший внимание «г-на первого итальянского Делегата (M. le premier Délégué italien)» на то, что условия присоединения угорских русинов к ЧСР еще не определены. В особенности нужно будет, сказал второй делегат США, «рассмотреть вопрос о свободе транзита между Венгрией и Польшей. Комиссия могла бы равным образом внести в Верховный совет Союзников предложение (*une motion*) в пользу защиты меньшинств и автономии русинов внутри чехо-словацкой Республики». Частично удовлетворенный Сальваго должен был признать, что «это – замечание, которое могло бы примирить многие вещи. Если мы (on) достигнем, с помощью международных правил, гарантии свободы транзита в этих странах, одно из главных возражений [против] предлагаемого решения окажется устраненным». О будущей судьбе русинов он не упомянул. Председатель КЧСД констатировал, что все делегации согласны относительно этого пункта, о чем «будет сообщено Комиссии, которая занимается режимом международных путей» (док. 200, с. 363).

Доклад Подкомиссии КЧСД. Как и было условлено, Подкомиссия собралась 1-го марта в 18 часов, но, несмотря на более узкий, в сравнении с Комиссией, состав участников заседания, вопрос о границах, как отмечается в соответствующей дневниковой записи Никольсона, «не очень-то продвинулся». «У кого нет опыта настоящей комитетской работы, – отметил далее британский второй делегат в КЧСД, – тот не может понять, как трудно заставить француза, итальянца, американца и англичанина прийти к какому бы то ни было соглашению»²¹. Заседание Подкомиссии было возобновлено 2-го марта в 17 часов, причем ее председателем был избран генерал Ле Рон, что было отмечено Никольсоном как позитивный факт²². Далее у Никольсона разбирается

²¹ Никольсон Г. Как делался мир... С. 216.

²² См.: Там же.

ход дебатов в Подкомиссии, итог которых и был изложен Ле Роном в докладе, сделанном от имени Подкомиссии на заседании Комиссии по чехословацким делам 3 марта 1919 г. Этот доклад состоял из 11-ти пунктов; пункты 5-10 в венгерской тематической публикации не приводятся, так как они не касаются Венгрии (см. док. 206, с. 382, примеч. 1).

После того, как КЧСД заслушала доклад в целом, ее председатель Ж. Камбон заявил, что можно перейти к деталям, и попросил генерала «повторить свой доклад раздел за разделом, чтобы можно было, в отношении каждого из содержащихся в нем предложений, заслушать мнение Делегаций» (док. 206, с. 383).

Пункт первый доклада Подкомиссии КЧСД гласил: «Присуждение острова Большой отмели (между Дунаем и Малым Дунаем) нужно отложить до установления будущей границы между Австрией и Венгрией» (док. 206, с. 382). Такая запись была сделана по настоянию Никольсона, оставившего в своем дневнике по этому поводу следующие два предложения: «Французы хотели отдать Г.Ш. (Grosse Schütt, т. е. Большую отмель. – М.Ч.) чехам, американцы – мадьярам. Я резервировал наше решение, заявив, что оно будет зависеть от другого и в частности от того, будут ли немецкие округа Венгрии переданы Австрии»²³. Под словом «другое» подразумевался эвентуальный коридор между ЧСР и Королевством СХС, который проектировал еще Масарик в Лондоне в мае 1915 г.²⁴ и пожелание о создании которого вновь высказал Бенеш, излагая чехословацкие территориальные требования на заседании Верховного совета Союзников в Париже 5 февраля 1919 г.²⁵ Свое отношение к проекту создания чехословацко-югославского коридора – которое, надо полагать, совпадало с официальной позицией Форин офиса по этому вопросу, – Никольсон выразил в день начала работы КЧСД в ходе обеда с Бенешем и премьер-министром ЧСР К. Крамаржем, сказав последнему: «Это глупость»²⁶. По-видимому, и присоединение Чехо-Словакией острова Большой отмели он рассматривал в качестве первого этапа территориального распространения этого государства навстречу Королевству СХС с целью создания коридора.

После того, как генерал Ле Рон вновь изложил вывод, к которому пришла Подкомиссия по вопросу о присуждении Большой отмели, первый делегат США Ч. Сеймур кратко заявил, что «американская Делегация колеблется присоединиться к этому мнению. На острове Большой отмели, – пояснил он, – имеется 95 000 мадьяр, и здесь ставится вопрос права, который невозможно поставить в зависимость от будущих территориальных урегулирований» (док. 206, с. 383).

Сразу же после Сеймура выступил Кук, озабоченный тем, чтобы утвердить себя в качестве первого делегата Британской империи при всем том, что он слабо разбирался в дипломатических тонкостях Форин офиса. Он подчеркнул, что вопрос об острове Большой отмели должен быть изучен немедленно. «Что касается его [лично], – значится в протоколе заседания КЧСД, – он придерживается мнения о предоставлении этого острова Чехо-Словакии. Естественная граница в этой области образуется Дунаем». Кук сказал, что в случае оставления острова Большой отмели мадьярам он «будет представлять собой стратегическую угрозу против Чехо-Словакии». Поэтому он предпочел бы «скорее позволить чехо-словакам управлять этой территорией, чем сделать ее бесконечным источником конфликтов». «Этнические соображения (*les raisons ethniques*), – заявил британский первый делегат, – должны быть подчинены более возвышенным соображениям (*à des considerations plus élevées*). Комиссия должна руководствоваться (*s'inspirer*) соображениями всеобщего интереса и добиться решения (*rechercher la solution*), которое будет наиболее эффективно способствовать обеспечению мира во всем мире (*la paix du monde*)». «Решение, которое лучше всего отвечает этому идеалу, – сказал в заключение Кук, дезавуируя тем самым позицию, занятую Никольсоном в Подкомиссии, – это решение, которое предоставит остров Большую отмель чехо-словакам» (док. 206, с. 383).

²³ Там же.

²⁴ См.: *Álníř L. Světova válka... Díl III. Dokumenty. 2. vyd. Praha, 1929. dok. 77. S. 250-251.*

²⁵ См.: *Deák F. Hungary..., Doc. 7. P. 394.*

²⁶ См.: Никольсон Г. Как делался мир... С. 215.

Итальянский первый делегат маркиз Сальваго Раджи также высказался против откладывания вопроса о присуждении острова до времени после делимитации границы между Австрией и Венгрией. Мирная конференция, сказал он, не направляла вопрос об этой границе ни в одну комиссию, и увязка с ним вопроса о присуждении Большой отмели означала бы откладывание решения этого последнего на неопределенный срок. Вместе с тем маркиз подверг критике выдвинутые Куком аргументы экономического и стратегического порядка в пользу присоединения Большой отмели к ЧСР. По поводу экономического аргумента он спросил британскую делегацию, «разве не было ли бы достаточно железной дороги, которая существует к северу от Малого Дуная, чтобы обеспечить коммуникации чехо-словаков?». По поводу стратегического аргумента, или, как он выразился, «вопроса об ослаблении противника», Сальваго Раджи сказал, что «это, очевидно, хороший аргумент, но [все же такой], который может увлечь далеко». В заключение итальянский первый делегат заявил, что он «будет полагать [необходимым], что касается его [лично], присоединиться к мнению американской Делегации» (см. док. 206, с. 383-384).

Красноречие Сальваго пропало даром, так как Ле Рон в своем ответе не удостоил его даже упоминанием. Генерал признал «правильность, с этнической точки зрения, замечаний американской Делегации. Но с политической и экономической точки зрения, — продолжал он, — бесспорно, что остров Большая отмель связан с северным берегом, а не с южным. Французская Делегация, — заключил председатель Подкомиссии КЧСД, — согласна... с британской Делегацией в том, чтобы присоединить остров Большую отмель к Чехо-Словакии» (док. 206, с. 384).

Ввиду явного нежелания Ле Рона дискутировать с итальянским представителем, отвечать ему оказался вынужден Сеймур, который изложил причины, не позволяющие американской делегации присоединиться к предложению о присуждении Большой отмели ЧСР. Прежде всего, 95 000 мадьяр «вряд ли (*difficilement*) ассимилировались бы с чехо-словаками», причем эти «посторонние (*étrangers*) более опасны для чехо-словаков, если они понимают друг друга на этой территории (*sur le territoire*), чем если они остаются вонне». Кроме того, эти 95 000 «посторонних», будучи присоединены «к 700 000, которых уже имеет это Государство (ЧСР. — *М.Ч.*), рискуют образовать в нем опасный очаг ирредентизма». Наконец, товарообмен на Большой отмели «происходит не с юга на север через два рукава реки, а по железной дороге, которая проходит (*parcourt*) по острову с востока на запад». «Так что, — заключил американский первый делегат, — присуждение острова чехо-словакам или, напротив, его сохранение за Венгрией немного изменили бы (*ne changeraient pas grande chose*) в экономических отношениях его жителей» (док. 206, с. 384).

На это генерал возразил, что хотя верно то, что «железная дорога отчасти переориентировала (*a drainé en partie*) [торговые] отношения [в направлении] с востока на запад, но не менее верно то, что прежние отношения, отмеченные шоссейными дорогами и мостами (*par les routes et les ponts*), являются отношениями между островом и севером, а вовсе не [отношениями, направленными] к югу...» (док. 206, с. 384).

Видя, что дальнейшая дискуссия по данному разделу доклада Подкомиссии уже не даст ничего нового, председатель КЧСД Ж. Камбон констатировал наличие трех предложений и попросил Ле Рона ознакомить его с мотивами, побудившими Подкомиссию выдвинуть предложение отложить вопрос до установления границы между Австрией и Венгрией. Генерал ответил, что «британская Делегация (читай: Никольсон. — *М.Ч.*) уведомила, что существуют требования с обеих сторон границы между Австрией и Венгрией, и что могло бы произойти то, что эта граница не будет прежней линией Лейты. Подкомиссия, — уточнил Ле Рон, — спросила себя, что должны были бы [делать] в этом случае мадьяры Большой отмели, если бы, случайно, Австрия распространилась на восток» (док. 206, с. 384-385).

Отметив про себя, что внутри британской делегации существуют противоречия, и что, по-видимому, возьмет верх точка зрения, выраженная Куком, и имея в виду перетянуть на свою сторону также американскую делегацию, французский второй делегат Ж. Лярош спросил, нельзя ли было бы отложить вопрос «по крайней мере, до заслушивания чехо-словацких Делегатов.

Они могли бы своими замечаниями предоставить Комиссии элемент уточнения». Это обреченное на успех предложение встретило общее одобрение, и председатель КЧСД заявил, что Комиссия «решает отложить (*réserver*) вопрос об острове Большой отмели до заслушивания чехо-словацких Делегатов» (док. 206, с. 385).

Предложение принять на участке от впадения Вага в Дунай до впадения Эйпеля в него же в качестве границы тальвег Дуная не вызвало разногласий в Подкомиссии, и, в конечном итоге, было принято. Однако при обсуждении границы на третьем участке – от р. Дунай до р. Шайо – со стороны американской делегации имел место ход, аналогичный тому, который был предпринят со стороны британской делегации при рассмотрении вопроса о Большой отмели: если тогда Кук дезавуировал Никольсона, то теперь Сеймур – А. Даллеса.

Уже генерал Ле Рон в качестве докладчика Подкомиссии КЧСД сообщил, что, по его предложению, британская и американская делегации (соответственно Никольсон и А. Даллес) «согласились принять компромисс: они решили принять британскую линию (*tracé*) в западной части и американскую линию (*tracé*) в восточной части. Американская, британская и французская Делегации, таким образом, пришли к согласию по одной и той же линии (*un même tracé*), а итальянская Делегация резервировала свое мнение». Уже Сальваго Раджи заявил, что «со времени, когда американская Делегация присоединилась к мнению других Делегаций, он равным образом присоединяется к нему» (док. 206, с. 385). Но тут взял слово Сеймур и указал, что «американская Делегация... действительно обеспокоена большим числом мадьяр, которые вскоре будут включены в [состав] Чехо-Словакии. В целях примирения она присоединилась к британскому предложению в том, что касается долины Эйпеля. Но она очень колеблется принять совет той же самой Делегации по поводу Шаторальяуйхея (*au sujet de Satoralja-Ujhely*)²⁷. Она сожалеет, следовательно, что пока что не может заявить о своем согласии и временно отзывает уступку, которую она сделала в обмен на британскую уступку» (док. 206, с. 385).

В ответ на это сэръ Эйр Кроу спросил Сеймура, «не могла бы американская Делегация присоединиться к британской точке зрения по вопросу о Шаторалья[уйхее]?). Железная дорога Шаторальяуйхей – Чоп, пояснил он, «очень важна для сообщений между Чехо-Словакией и Румынией, а американская линия (*tracé*) помещает ее на венгерской территории». Не приходится говорить, отметил британский дипломат, о том, чтобы «построить участок (*un tronçon*) железной дороги севернее (*plus au Nord*), чтобы произвести соединение железных дорог на словацкой территории». Кроу напомнил также о том, что в Комиссии по румынским и югославским делам «британская Делегация уступила в вопросе о железной дороге подобному факту. Он просит, – значит в протоколе заседания КЧСД, – чтобы американская Делегация уступила взамен в вопросе о железной дороге из Шаторалья[уйхее]» (док. 206, с. 385-386).

Признав, со своей стороны, «жертву, принесенную британской Делегацией в этом случае (*en cette circonstance*)», Сеймур заметил, что «на отношения между Румынией и Чехо-Словакией не оказала бы влияния линия, предложенная американской Делегацией, так как между обеими странами существует другой путь сообщения, хотя и более длинный» (док. 206, с. 386).

На помощь Кроу поспешил Лярош, который спросил, «не уменьшилась бы щепетильность американской Делегации, если бы кто-то (*si l'on*) нашел средство предоставить железнодорожную линию чехо-словакам, без того, чтобы они взяли сам город Шаторалья[уйхей]. Мы, – сказал французский второй делегат, – исключили бы, таким образом, из чехо-словацкой территории довольноно

²⁷ В данном случае Сеймур правильно, если отвлечься от дефиса в середине слова, назвал этот населенный пункт, в отличие от других участников заседаний КЧСД и ее Подкомиссии. В переводе с венгерского языка его название означает «новое место под шатром», и, следовательно, употребление окончания «-ujhely» (новое место) обязательно. Другие ораторы называли этот пункт «Шаторалья». Возможно, кому-то из них это искаженное название напоминало французское «château royal» (королевский замок), но ни о каком замке в данной местности не могло быть речи.

большое количество мадьяр» (док. 206, с. 386). Со своей стороны, Кроу признал «занимательность (l'intérêt) предложения г-на Ляроша. Вопрос, – сказал он, – дошел до [той] точки, когда было бы хорошо, чтобы он вновь оказался перед Подкомиссией..., и он [сэр Эйр Кроу] вполне надеется, что мы (qu'on) могли бы прийти к тому, чтобы найти почву согласия» (док. 206, с. 386).

Председатель КЧСД Ж. Камбон спросил, «придерживается ли Комиссия мнения, [что нужно] возвратить вопрос на рассмотрение Подкомиссии», и, получив положительный ответ, предложил «попросить Подкомиссию собраться по возможности раньше, например, завтра, 4 марта, в 14 часов 30 [мин.]. Она, – сказал Ж. Камбон, – сможет заслушать г-на Бенеша». Это предложение также встретило одобрение Комиссии, которая решила провести свое следующее заседание в среду 5 марта в 15 часов (см. док. 206, с. 386).

Министр иностранных дел ЧСР перед Подкомиссией КЧСД. Пока Подкомиссия утверждала список вопросов, которые предстояло задать Э. Бенешу, последний находился за дверью. Когда его впустили, генерал Ле Рон поздравил его с прибытием и уведомил, что Подкомиссия «была бы счастлива получить кое-какие разъяснения относительно некоторого числа вопросов, касающихся чехо-словацких территориальных требований». Бенеш поблагодарил Ле Рона и ответил, что он «в полном распоряжении Подкомиссии» (док. 209, с. 388).

Из всех вопросов, заданных Бенешу генералом Ле Роном в качестве глашатая Подкомиссии КЧСД, и ответов, данных на них министром иностранных дел ЧСР, в венгерскую тематическую публикацию вошли только те, которые относились к острову Большой отмели.

На вопрос, каковы экономические связи (relations) этого острова, Бенеш ответил, что «западная часть острова может рассматриваться как пригород Пресбурга: здесь многие занимаются огородничеством, которое служит тому, чтобы снабжать город. Что касается восточной части острова, она связана с Комаромом». Министр иностранных дел ЧСР признал, что население Большой отмели «является, бесспорно, в [своем] большинстве мадьярским», но тут же добавил, что «у словацкого населения гор есть тенденция спускаться вниз к Большой отмели по долине Вага, который является единственной судоходной рекой в Словакии».

Когда генерал спросил его, сколько может быть мадьяр на Большой отмели, Бенеш обнаружил, что он не в ладах с арифметикой. Так, он сказал, что остров «насчитывает приблизительно 90 000 жителей: 25 000 немцев, 10 000 словаков, остаток, состоящий из мадьярского населения, который включал бы [в себя], следовательно, от 50 000 до 60 000 индивидов». При этом, чувствуя конъюнктуру, Бенеш добавил, что «считает себя обязанным указать..., что эти статистические данные – венгерского происхождения, следовательно, очень тенденциозные, и... они должны уменьшить на 33 % долю словацкого населения». Когда же Ле Рон спросил, не видит ли Бенеш «каких-либо неудобств, с политической точки зрения, в присоединении всех этих мадьяр», сколько бы их ни было, министр иностранных дел ЧСР ответил, что «дело идет здесь о населении сельском, следовательно, мирном (paisible) и спокойном». В этой связи он подчеркнул «большую важность (l'importance capitale), которую представляет для экономического будущего чехо-словацкого Государства владение Большой отмелью. Чехо-словаки возлагают всю свою надежду, с экономической точки зрения, на Пресбург, так как только здесь они могут иметь большой речной порт... Если бы Большая отмель была отдана мадьярам, Пресбург оказался бы словно задушенным» (док. 209, с. 388).

Далее, отвечая на вопрос о значении для Чехо-Словакии реки Ваг, Бенеш, в частности, сказал: «Мы не можем допустить, чтобы город Комаром был мадьярским: он представлял бы собой плацдарм, направленный против нашей страны. Мы также не можем быть лишены острова Большой отмели под страхом того, что будут взяты за горло Пресбург и Комаром» (см. док. 209, с. 389; слова Бенеша изложены автором в прямой речи).

В этом месте министр иностранных дел ЧСР отбросил все условности и, связав вопрос о Большой отмели с тешинской проблемой в чехословацко-польских отношениях, занял позицию: не смей-

те мне перечить, иначе я не отвечаю за последствия. В данной связи в протоколе заседания Подкомиссии КЧСД зафиксировано:

«Наконец, есть политическое основание, которое г-н Бенеш просит Подкомиссию учитывать и которое должно склонить ее к предоставлению Большой отмели Чехо-Словакии. Если бы чехо-словаки узнали, что они должны отказаться от этой территории, среди них возник бы, несомненно, серьезный внутренний кризис.

Г-н Бенеш обращает внимание на то, что чехо-словаки уже должны были отказаться от Тешена²⁸ и что этот отказ вызвал в Праге большое волнение. Если бы они должны были уступить еще в вопросе о Большой отмели, это было бы для них новым унижением, и г-н Бенеш не отвечает за последствия, которые могли бы произойти из этого» (см. док. 209, с. 389).

Несколько удивленный таким напором генерал, прежде чем закончить, задал Бенешу итоговый вопрос: «каково было бы общее количество мадьяр, которые оказались бы включенными (incorporés) в границы чехо-словацкого Государства, если бы удовлетворили совокупность территориальных требований этого Государства?». Министр иностранных дел ЧСР ответил, что он оценивает число этих мадьяр в 860 000. «Зато, – сказал он, – Чехо-Словакия отказалась бы от 630 000 словацких подданных».

От имени Подкомиссии, Ле Рон поблагодарил Бенеша «за очень интересные объяснения, которые он благоволил ей предоставить». Чтобы успеть к очередному заседанию КЧСД, назначенному на 15 часов 5 марта, он предложил назначить следующее заседание Подкомиссии на 14 часов 30 мин. того же дня (см. док. 209, с. 389).

Генеральская дипломатия в действии. На заседании Подкомиссии, помимо самого Ле Рона, присутствовали американские и итальянские делегаты, и военные представители, а именно А. Даллес и майор Джонсон от США и Страньери и капитан Романьоли от Италии. Ни Ляроша, ни Никольсона, ни британского военного представителя не было, но генерал в своем вступительном слове упомянул лишь ключевую в данном контексте фигуру – Никольсона, сказав, что «отсутствие британского Делегата мешает Подкомиссии приступить к порядку дня, который она себе установила». Словно спохватившись, он добавил: «Она могла бы, однако, рассмотреть два из [тех] вопросов, которые ей представлены на рассмотрение, вопрос о Шаторалья[уйхее] и вопрос о Мораве, и принять по поводу их принципиальные решения, при том условии, если попросить затем утверждения г-на Никольсона». Судя по тому, что в протоколе заседания Подкомиссии сразу же после этого в скобках стоит «*Assentiment*», данное предложение было принято присутствующими.

Далее в протоколе значится: «Генерал Ле Рон просит майора Джонсона благоволить ознакомить его с мнением американской Делегации по вопросу о Шаторалья[уйхее]» (док. 211, с. 393). Таким образом, генерал открыто игнорировал А. Даллеса как невоенного человека. В данном случае, однако, существенно слово «его» (его, Ле Рона, а не Подкомиссию в целом и, в особенности, не итальянских представителей). По-видимому, в основу протокола была положена рабочая запись, в которой обращение Ле Рона к Джонсону начиналось по-военному: «Майор, доложите мне...».

Майор Джонсон заявил, что американская делегация «очень внимательно изучила британское предложение... провести границу к югу от города Шаторальяуйхея (au Sud de la ville Satoralja-Ujhely) так, чтобы включить в чехо-словацкую территорию железнодорожную линию Шаторалья[уйхей] – Чоп и сохранить таким образом сообщения по железной дороге между Словакией и территорией русинов». Американские эксперты предлагали построить севернее соединительный путь, который «стоил бы около 500 000 долларов и мог бы быть построен в течение одного года». При этом они исходили из того, что не следует «увеличивать число мадьяр, которые будут инкорпорированы в чехо-словацкое Государство».

Здесь майор Джонсон приступил к самой трудной части своего выступления, которая, однако, еще до заседания Подкомиссии была согласована с Сеймуром и А. Даллесом. «И все-таки, – сказал

²⁸ Так в тексте (Teschen).

он, – с целью примирения, американская Делегация была бы расположена сделать уступку по вопросу [о линии] Шаторалья[уйхей] – Чоп, если бы британская и французская Делегации сами пожелали уступить по вопросу об острове Большой отмели». Далее в протоколе значится: «Но, даже в этом случае, майор Джонсон считает, что нужно было бы попытаться убрать (qu'il faudrait chercher à retrancher) с чехо-словацкой территории некоторое число мадьяр» (док. 211, с. 394).

Проявленная Джонсоном твердость в сочетании с готовностью к компромиссу произвели впечатление на генерала, и вот уже он, согласно протоколу заседания Подкомиссии, «просит итальянскую Делегацию ознакомить со своей точкой зрения на вопрос о линии Шаторалья[уйхей] – Чоп». Но итальянский второй делегат Страньери ушел от прямого ответа, сказав, что он «обязан резервировать свое мнение, подождав сведений, которые он считает необходимым спросить у г-на Крамаржа или у г-на Бенеша» (см. док. 211, с. 394). В действительности Страньери считал необходимым проконсультироваться не столько с премьер-министром и министром иностранных дел ЧСР (второй из них выступал перед Подкомиссией днем ранее), сколько с венгерскими представителями в Париже.

А как же «утверждение» принципиальных решений Подкомиссии Никольсоном, предложенное генералом в начале заседания? О нем забыли.

Заседание Подкомиссии закончилось в 16 часов 30 мин. 5 марта 1919 г., и сразу же началось заседание самой Комиссии по чехословацким делам. На нем, будучи поставленным на голосование, было одобрено «сформулированное Подкомиссией предложение относительно того, что касается линии Моравы» в качестве границы между ЧСР и Австрией (см. док. 210, с. 390).

Вопрос о компенсациях Венгрии. Снова разгорелись дебаты об острове Большой отмели, на этот раз в увязке с вопросом о городе Шаторальяуйхей. В протоколе заседания КЧСД при изложении выступления американского первого делегата в данной связи значится: «Если бы, следовательно, Комиссия приняла решение, в конечном счете, в пользу присоединения Большой отмели и области Шаторалья (sic!) к Чехо-Словакии, д-р Сеймур считает, что нужно было бы искать в других пунктах границы компенсацию для Венгрии и предоставить ей некоторое число мадьяр, так, чтобы число мадьяр, включенных в [состав] Чехо-Словакии, не возросло». Со своей стороны, британский первый делегат напомнил, что «в отношении вопроса о Шаторалья[уйхее] кое-кто (Лярош. – М.Ч.) указал на возможность оставить этот город вне чехословацкой территории. Но вопрос об острове Большой отмели, – подчеркнул Кук, – должен быть разрешен сам по себе». Кука поддержал председатель КЧСД, заявивший от имени французской делегации, что «остров Большая отмель кажется ей предназначенным [самой] природой составлять часть Чехо-Словакии. Тем не менее, чтобы пойти навстречу заботам д-ра Сеймура, г-н Жюль Камбон подает мысль, что мы (suggère qu'on) могли бы попросить Подкомиссию исследовать компенсации, которые могли бы быть найдены на других участках (par d'autres parties) границы и которые позволили бы передать Венгрии некоторое число мадьярских [групп] населения, в настоящее время связанных с Чехо-Словакией» (см. док. 210, с. 391).

Камбона поддержал его тезка Лярош, чье выступление прозвучало как напутственное слово генералу Ле Рону и возглавляемой им Подкомиссии. Хотя желательно, сказал он, в интересах самой ЧСР, предоставить ей как можно меньше мадьяр, все же необходимо «присудить ей территорию и пути сообщения, которые настоятельно необходимы (sont indispensables) для ее развития. Подкомиссия должна будет руководствоваться (s'inspirer) этим двойным соображением...». В порядке компенсации за остров Большую отмель и железную дорогу Шаторальяуйхей – Чоп, продолжал французский второй делегат, Подкомиссия «должна будет постараться отнять у чехо-словаков в других областях число мадьяр, столь же возможно равное тому, которое им (чехо-словакам. – М.Ч.) будет присуждено в силу этих двух уступок». Но далее в протоколе следует весьма существенная оговорка: «И все-таки г-н Лярош просит не делать из вопроса о компенсации абсолютное условие. Другими словами, если мы (on) предоставляем, например, 80 000 мадьяр Чехо-Словакии и если мы приходим к тому, что находим их только 60 000, он (Лярош. – М.Ч.) считает, что нужно будет

остановиться на этом (la), не стремясь любой ценой найти эквивалентное число и не рискуя нанести ущерб ради этого жизненно важным соображениям». В заключение выступающий попросил также «не утрачивать из виду, что всегда возможно уступить сам город Шаторалья[уйхей] венграм, что представляет собой уже некоторое число мадьяр» (док. 210, с. 392).

Сальваго Раджи признал, что «наилучшее решение состоит, в самом деле, [в том, чтобы] оставить Подкомиссии заботу о [том, чтобы] поискать компенсацию». Он обратил внимание на то, что само по себе названное Бенешем число 860 000 «не является чрезмерным, но оно является таковым по отношению к чехо-словакам, которые относительно малочисленны» (док. 210, с. 392).

В ответ на констатацию председателя КЧСД, что «все согласны поручить Подкомиссии поискать компенсацию, приняв в качестве принципа своей работы [то], что Большая отмель перейдет к Чехо-Словакии», – сэр Эйр Кроу уточнил, что «то, чего требует британская Делегация для Чехо-Словакии, – это одновременно остров Большая отмель и [город] Шаторалья[уйхей]». Со своей стороны, Сеймур заявил, что «американская Делегация не может заранее обещать признание острова Большой отмели Чехо-Словакии. Она оставляет за собой [право] изучить вопрос, исходя из того принципа, что число мадьяр в чехо-словацком Государстве не должно быть ощутимо (materiellement) увеличено». Видя, что констатацию Ж. Камбона пытаются утопить в оговорках, генерал Ле Рон пришел ему на помощь, сказав, что «стало быть, согласовано, что Комиссия откладывает вопрос о Большой отмели и вопрос о линии (tracé) между [рекой] Шайо и Чопом, в частности, вопрос о Шаторалья[уйхее]» (док. 210, с. 392).

Затем генерал перешел к границам русинской территории, причем после его сообщения Сальваго Раджи также предложил сказать, что «линия (le tracé) отложена от места, где она отходит от чехо-словацкой границы, до места, где мы (ош l'on) нагоняем румынскую границу». Ле Рону и Лярошу пришлось заверить Сальваго, что «предложенная линия не предрешает решение Комиссии по румынским делам и что она, впрочем, дана только в качестве простого наброска (indication)» (док. 210, с. 392-393). Тут же генерал отметил, что «маркиз Сальваго Раджи наметнул на 860 000 мадьяр, которые, согласно заявлениям г-на Бенеша, будут включены в [состав] Словакии. Но не нужно забывать другую сторону (la contre-partie). Г-н Бенеш соглашается отказать от примерно 630 000 словаков, которые разбросаны более или менее компактными островами на венгерской территории» (док. 210, с. 393).

Генеральская дипломатия в действии II. Заседание Подкомиссии КЧСД от 7 марта 1919 г. открылось в 14 часов; согласно дневниковым записям Никольсона, ему предшествовало совещание британской делегации с участием А. Даллеса²⁹.

На этом заседании генерал Ле Рон, в частности, заявил, что он готов пожертвовать некоторыми интересами ЧСР, но он не считает возможным принести эти жертвы «ни по вопросу о Большой отмели, ни по вопросу об Эйпельской железной дороге... Все, что он может... сделать, – это предложить, чтобы граница, по-прежнему оставляя целиком на чехо-словацкой территории железную дорогу от Дуная до железнодорожного узла (jonction) близ Путнока, прижимала бы эту железную дорогу наиболее близко, так, чтобы выиграть дюжину километров по отношению к первоначально принятой линии» (док. 217, с. 404).

В ответ американский военный представитель, майор Джонсон, предложил интернационализировать Эйпельскую железную дорогу на несколько лет. «Эта интернационализация – сказал он, – позволила бы Чехо-Словакии и Венгрии одновременно пользоваться железной дорогой, в то время как кое-кто (читай: ЧСР. – М.Ч.) построил бы линии, необходимые для того, чтобы создать железнодорожный соединительный участок севернее. Граница определялась бы Эйпельской линией». На это Ле Рон возразил, что «в долине Эйпеля дороги во многих местах преодолевают реку, и граница, если бы она шла по руслу реки, должна была бы каждый раз пересекать их» (док. 217, с. 404).

²⁹ См.: Никольсон Г. Как делался мир...С. 219.

В продолжение дискуссии генерал сказал, что «ему кажется, что американская Делегация обеспокоена не только числом мадьяр, которые могут быть включены в [состав] Чехо-Словакии, — она, по-видимому, опасается равным образом соседства этой границы с Будапештом. Он предлагает Подкомиссии компромиссное решение (*une solution transactionnelle*)...; оно состоит в том, чтобы провести границу, в общем, в одной миле к югу от железной дороги...». Ле Рон подчеркнул: «С этой линией (*tracé*), мы (он) устранили бы любую мысль об агрессии со стороны чехов против венгров и возвратили бы Венгрии около 80 000 мадьяр, в то время как на острове Большой отмели их имеется от 60 000 до 80 000» (док. 217, с. 405).

В этом месте А. Даллес спросил генерала, «не было ли международное соглашение (*l'arrangement international*), о котором только что стоял вопрос в отношении Шаторалья[уйхей]³⁰, возможно равным образом в отношении железной дороги, [идушей по] долине Эйпеля?». Ле Рон справедливо расценил это как очередной зондаж американской делегации и, со своей стороны, обратил внимание на то, что «линия, которую он предлагает, отвела бы любую угрозу от Будапешта, так как чехо-словаки были бы возвращены в долины Эйпеля, а венгры владели бы хребтами (*les crêtes*)».

Тут наступил кульминационный момент заседания — Сеймур задал вопрос: «если бы американская Делегация уступила британской Делегации в вопросе о Шаторалья[уйхей] и французской Делегации в вопросе о Большой отмели, приняли бы французская и британская Делегации линию Эйпеля в том виде, как она была указана американской Делегацией?» (док. 217, с. 405).

Попросив «хорошенько уточнить условия этого предложения», генерал Ле Рон сам дал описание границ во всех трех случаях, отметив, в частности, что город Шаторальяуйхей находился бы в Венгрии, а город Чоп — в Чехо-Словакии, и по одному железнодорожному узлу находилось бы, в этой области, на чехо-словацкой и на венгерской территории. Далее он заявил, что «в том, что касается французской Делегации, она готова согласиться с линией, предложенной американской Делегацией, при... условиях, призванных облегчить функционирование Эйпельской железной дороги», и предложил принять одновременно с американским предложением две протокольные записи, касающиеся Эйпельской железной дороги на чехо-словацкой и двух железных дорог (идушей из Торны через долину Бодвы до узла в тех милях к северу от Мишкольца³¹ и восходящей от этого узла по долине р. Шайо до соединения с линией, идущей из Пелшёца) на венгерской территории, составленных по следующей форме: железные дороги «должны будут управляться под контролем Союзников, так, чтобы обеспечить их свободное использование заинтересованными соседними государствами (т.е., ЧСР и Венгрией. — *М.Ч.*) в течение времени, необходимого для строительства на чехо-словацкой территории» соединительных участков (см. док. 219, с. 405-406).

Для того чтобы более наглядно показать генеральскую дипломатию в действии, необходимо привести следующую выдержку из протокола заседания Подкомиссии КЧСД от 7 марта 1919 г.:

«Генерал Ле Рон спрашивает американского, британского и итальянского Делегатов, принимают ли они линию, указанную выше, с приложением двух протокольных записей.

Д-р Сеймур (*Соединенные Штаты Америки*) отвечает, что он принимает [ее, имея] в виду достигнуть единогласия.

³⁰ В своих выступлениях на заседании Подкомиссии Ле Рон сравнивал железнодорожную линию Шаторальяуйхей — Чоп с Эйпельской железной дорогой, говоря, что осуществить интернационализацию первой из них было бы легко, а второй — трудно.

³¹ Упоминание о Мишкольце наводит на мысль о максимальных территориальных требованиях ЧСР по отношению к Венгрии, разработанных перешедшим на чехо-словацкую службу бывшим австро-венгерским офицером, подполковником Рудольфом Калгоусом. «В качестве военного советника Бенеша, 11-го января 1919 г. он прибыл (из Парижа. — *М.Ч.*) в Прагу. Он и разработал те карты, которые известны из литературы и которые показывали, что требуемый пожоньский плацдарм (*hidfő*) касался бы озера Фертл и заключал бы в себе Мадьярвар, далее плацдарм был бы у Комарома и Эстергома, а границей между Дунаем и Тисой были бы горные хребты Бёржён, Матра и Бюкк, причем Мишколец также принадлежал бы Чехословакии». См.: Fogarassy L. *Hodža Milán és a Károlyi-kormány*. Palocföld, 1990. 5. sz., 80. old.

Г-н **Никольсон** (*Британская империя*) заявляет, что британская Делегация принимает [ее] равным образом.

Г-н **Страньери** (*Италия*) уведомляет, что итальянская Делегация равным образом согласна.

Генерал **Ле Рон** (*Франция*) заявляет, что, следовательно, граница с Венгрией принята на всем ее протяжении» (док. 217, с. 406).

На этом заседании Подкомиссии было в основном завершено.

На заседании КЧСД от 8 марта 1919 г. предложенная Подкомиссией линия границы, будучи поставленной на голосование, была принята (см. док. 219, с. 409).

При обсуждении протокольных записей, касающихся железных дорог, британский первый делегат Кук спросил, «не было ли бы уместно включить оговорку (*une clause*), обязывающую чехо-словаков построить соединительный путь (*un raccordement*) в течение определенного времени?». Генерал Ле Рон ответил, что он думал об этом, но, поразмыслив, отказался от этого. «После того, как мы выйдем из этой войны³², – сказал он, – условия с рабочей силой, оборудованием и транспортом будут таковы, что... невозможно навязывать срок для строительства железной дороги».

После обмена мнениями, КЧСД решила дополнить протокольные записи о железных дорогах следующей оговоркой: «Условия контроля и длительность срока, в течение которого свободное пользование железнодорожными магистралями будет обеспечено в одинаковой мере заинтересованным нациям, будут установлены союзными Правительствами, которые получают задачу осуществлять этот контроль» (см. док. 219, с. 410).

Далее в протоколе заседания КЧСД значится: «Генерал **Ле Рон** очень хочет уточнить, что включение этой оговорки не будет обязывать чехо-словаков строить соединительный путь (*un raccordement*). Им просто обеспечивается свободное распоряжение железной дорогой в течение стольких-то лет. В течение этого срока они будут или не будут строить (*ils construiront ou ne construiront pas*)».

Председатель КЧСД Ж. Камбон обратил внимание на то, что «слово «контроль» имеет одно и то же значение в английском и французском [языках]. Здесь дело идет о том, чтобы осуществлять надзор, и переводом слова «*contrôle*» на английский [язык] будет «*supervision*». После этого текст двух протокольных записей был поставлен на голосование и принят с предложенным изменением (см. док. 219, с. 410).

Позиция Комиссии по вопросу о «коридоре» между ЧСР и Королевством СХС. Этот вопрос поднял итальянский первый делегат Сальваго Раджи, который спросил, относится ли он к компетенции Комиссии или Подкомиссии, и попросил принять по нему принципиальное решение (*une décision de principe*). Ему ответил Никольсон, заметивший, что вопрос относительно «коридора» (*le «couloir»*) состоит в том, «должна ли связь между Чехо-Словакией и Юго-Славией быть территориальной или экономической. Британская Делегация..., – подчеркнул он, – против территориальной связи». На помощь Никольсону поспешил Сеймур, равным образом, как значится в протоколе заседания КЧСД, не поколебавшийся заявить, что «американская Делегация в принципе враждебна идее «коридора» (см. док. 219, с. 410). Стрелка индикатора соотношения сил в КЧСД, если бы такой прибор существовал, качнулась бы в другую сторону, так как возникла опасность формирования американо-британо-итальянского блока, направленного против французской делегации, и Ж. Камбон, Лярош и Ле Рон сочли за благо промолчать.

Удовлетворенный Сальваго подчеркнул, что «чехо-словаки не потребовали в этой области территорий; они просто рекомендовали территориальное решение, которое облегчило бы их сообщения с морем». По его мнению, КЧСД «вполне правомочна разрешить этот вопрос (*la question*) утвердительно или отрицательно».

³² Дальше по смыслу должно было бы быть: «и вступим в состояние мира». Иначе говоря, по завершении мирного урегулирования.

В этот момент подал реплику Лярош; по его словам, он «придерживался бы того мнения, чтобы отклонить территориальное решение, но выразить желание увидеть, как этому вопросу (la question) будет дано экономическое решение».

И Сальваго не оставалось ничего другого, как предложить декларацию следующего содержания: «Комиссия отклоняет территориальное решение (solution), но решает указать (décide de signaler) Комиссии, которой поручено изучение международного режима портов, водных путей и железнодорожных магистралей, [на] необходимость обеспечить, посредством специальных конвенций, экономические связи между Чехо-Словакией и Юго-Славией».

Путем голосования это предложение было принято (см. док. 219, с. 411). Следующее заседание КЧСД было назначено на 16 часов 11 марта 1919 г, а ее Подкомиссии – на 9 часов 30 мин. того же дня. Протоколы этих заседаний в венгерскую тематическую публикацию не вошли.

Аллен Даллес проявляет инициативу. К 13 марта был подготовлен проект статей юридического характера, подлежавших включению в прелиминарный мирный договор с Венгрией (см. док. 226, с. 431-432), и в тот же день состоялось заседание КЧСД, из протокола которого в венгерской тематической публикации приводятся выдержки, относящиеся к обсуждению трех вопросов: о правах меньшинств, о русинской автономии и о Тешине. Все эти вопросы должны были быть так или иначе отражены в отчете КЧСД Верховному совету Союзников.

По первому из них американский второй делегат А. Даллес сказал, что «вопрос о меньшинствах немного отличается от других» и «мог бы быть беспрепятственно доведен до сведения Верховного совета». Отвечая ему, французский второй делегат Лярош заметил, что «в конце отчета можно было бы указать, что сам состав чехо-словацкого Государства» придает особое значение «мерам, которые должны быть приняты в пользу прав меньшинств». Одновременно, продолжал Лярош, следовало бы «привлечь внимание к форме чехо-словацкого Государства, к его географическому положению с тем, чтобы они были учтены в специальных комиссиях и чтобы придали (et que l'on donne) особенное значение мерам, которые должны быть приняты, чтобы обеспечить сообщения (les communications) нового Государства с соседними государствами». Британский первый делегат Кук высказал мнение, что главная цель КЧСД – «наметить (tracer) границу и указать этнические, экономические или стратегические соображения, которые привели ее к принятию такой линии (tracé)». «Перечисление этих причин, – сказал Кук, – неизбежно привлечет внимание Верховного совета к вопросам, на которые только что намекал г-н Лярош». Итальянский второй делегат Страньери напомнил о решении КЧСД по вопросу о «коридоре», интерпретировав его так, что, мол, «было решено указать специальным Комиссиям все вопросы этого рода» (см. док. 228, с. 440).

По второму вопросу А. Даллес обратил внимание на то, что «отчет должен трактовать равным образом вопрос об угорских русинах, которые должны образовать независимое Государство (sic!) под покровительством (sous la protection) Чехо-Словакии. Было бы хорошо, – сказал он, – если бы Редакционный комитет был осведомлен (fut fixé) относительно намерений Комиссии». В ответ Лярош предложил «использовать немного неопределенную формулу, подчеркивающую, что ввиду расового сходства (des affinités de race), которое объединяет русинов с чехо-словаками, и тенденций, проявившихся в некоторых русинских кругах, Комиссия считает, что присоединение угорских русинов к Чехо-Словакии лучше всего отвечало бы интересам этих групп населения» (док. 228, с. 440). Со своей стороны, американский первый делегат Сеймур высказал мнение, что «было бы достаточно указать, что Комиссия установила границу чехо-словацкого Государства, границу русинской территории и что она предлагает, чтобы русинская территория была автономной и образовывала отдельную единицу (une unité distincte)» (док. 228, с. 441). Итак, даже на одной из заключительных стадий работы КЧСД в американской делегации проявились разногласия по русинской проблеме.

По третьему вопросу А. Даллес спросил, не было бы «уместно указать в отчете, что на решение, принятое Комиссией по поводу Тешена, несколько не повлиял тот факт, что чехи оккупировали город [с помощью] вооруженной силы (à main armée)?». Ему ответил Кук: «было бы лучше

не упоминать это дело (la chose). Здесь заключается крайне острый политический вопрос (une question politique extrêmement brûlante), который предпочтительно не поднимать». Это мнение разделил Лярош, который напомнил, что «Союзные Правительства позаботились, впрочем, [о том], чтобы уведомить, что оккупации территории, осуществленные живой силой (de vive force), никак не влияют на решения Конференции» (см. док. 228, с. 441).

Таким образом, инициативы американского второго делегата по всем трем вопросам оказались блокированными.

Вопрос о нейтральной зоне между ЧСР и Венгрией. Согласно дневниковой записи Никольсона, 14 марта 1919 г. отчет КЧСД был зачитан перед Верховным советом и получил его одобрение³³, а 18 марта, словно по горячим следам, во французских военных кругах – по всей вероятности, при участии военной миссии в Праге – появилась на свет записка неизвестного автора (хорошо информированного, однако, о ситуации), которая была посвящена вопросу о чехословацко-венгерской границе.

Записка состояла из четырех разделов. В первом из них излагалась история установления демаркационных линий между чехо-словацкими и венгерскими войсками, начиная с декабря 1918 г. Во втором разделе записки излагалась просьба чехо-словацкого правительства относительно «исправления демаркационной линии с Венгрией по чисто экономическим соображениям (свободное распоряжение поперечными железнодорожными коммуникациями, чтобы позволить... обеспечить снабжение центральных и восточных областей Словакии)». Пражское правительство, подчеркивалось в записке, «объявляет это продвижение (cette avance) *временным* и не предопределяющим решений Мирного конгресса». Хотя и несколько неуверенно, выражалось убеждение в заинтересованности французской стороны «дать удовлетворение чехам», в частности, для того, «чтобы избежать в Словакии большевизма, развитию которого способствовали бы нынешние трудности со снабжением этой провинции».

Автор записки подумал и о последствиях предлагаемого им решения (третий раздел записки так и озаглавлен – «Вероятные последствия»). «Нельзя не признаться..., – отмечал он, – что принятие во внимание просьбы Чехо-Словацкого правительства приведет к новым трудностям с Венгерским правительством. Однако необходимо избежать вооруженного конфликта между чехами и мадьярами и нельзя (on ne peut) рассчитывать, в отношении поддержания порядка в этих областях, на части Восточной армии».

В заключительном разделе записки предлагалось «принять *modus vivendi*, аналогичный примененному в Трансильвании на железной дороге Арад – Гроссвардейн – Надь-Карой – Сатмар-Немети, которую румыны могут использовать для своих торговых и военных перевозок, но не могут оккупировать».

Чехи могли бы иметь тождественные права на железнодорожные линии (les lignes ferrées), но до [установления] мира венгры оставались бы владельцами железных дорог» (док. 241, с. 464-465).

Записка имела следующий постскрипту: «Для сведения: штаб Маршала Фоша уведомил, что он был поражен вопросом, и решение, за которое он ратует, – это создание нейтральной зоны между заинтересованными, действительно предполагающей межсоюзническую оккупацию. Это, впрочем, решение, предложенное генералом Пеле»³⁴ (док. 241, с. 465).

Нетрудно догадаться, каким вопросом был поражен маршал Фош.

Автор или авторы записки искали большевизм в Словакии, а он вспыхнул в Венгрии, на которую наседали со всех сторон.

До коммунистического coup d'état в Будапеште оставалось 3 дня.

³³ См.: Никольсон Г. Как делался мир... С. 223.

³⁴ Генерал Морис Сезар Жозеф Пелле – глава французской военной миссии в Праге.

ПРОБЛЕМА «ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ» И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕМЦЕВ В СИЛЕЗИИ В 1918-1939 ГГ.

После окончания Первой мировой войны остро встала проблема положения немецкого национального меньшинства в так называемых восточных территориях, которые по решениям держав Антанты отходили от Германии Польше. Особо сложной была ситуация вокруг Верхней Силезии.

Силезия – это область с трудной исторической судьбой. Она входила в состав Великой Моравии. В X в. область была присоединена к Польскому государству Мешко I. Здесь были основаны древнепольские города, такие как Бреславль (Вроцлав). Пользуясь слабостью польских правителей в условиях феодальной раздробленности, сокращением численности польского населения и кризисом городов (особенно после монгольского нашествия 1241 г.), немецкие переселенцы активно осваивали польские территории, особенно на Западе, где на месте старых польских городов, по сути, возникали новые немецкие населенные пункты, например, польская Познань стала германским Позеном, Вроцлав – Бреслау, Гданьск – Данцигом. В XIV в. (1369 г.) Силезия вошла в состав земель Богемской (Чешской) короны и вместе с ними с 1526 г. оказалась под сенью державы Габсбургов. В 1742 г. основная территория Силезии (за исключением оставшейся у Австрии Тешенской Силезии) перешла Пруссии. С этого времени область рассматривалась как часть немецкого королевства, местное славянское население подвергалось германизации. Таким образом, на момент окончания Первой мировой войны и провозглашения независимости Польской республики Силезия представляла из себя пограничную область Германии, в которой проживали и немцы, и поляки, и так называемые силезцы (силезяне) – особая этническая группа. Силезия была одним из важнейших промышленных центров и не случайно стала объектом борьбы между Германией и Польшей.

После начала Германской революции 1918 г. и окончания Первой мировой войны встал вопрос о будущем пограничных территорий Германской империи, в первую очередь, так называемых восточных территорий, населенных немцами и поляками: Восточной и Западной Пруссии, Поморья с Данцигом, Познани и Силезии. В начале декабря 1918 г. состоялся сейм польских представителей от земель бывшей империи Гогенцоллернов, который постановил ожидать решения судьбы западных польских территорий на мирной конференции. Однако на местах с конца декабря 1918 г. между поляками и немцами начались столкновения. В конце декабря 1918 г. произошло антинемецкое восстание в Познани, в результате которого большая ее часть оказалась в руках поляков. Лишь южно-познаньские округа Лисса, Фрауштадт и Равич оставались под немецким управлением и в начале января 1919 г. были включены в состав Силезии.

Верхняя Силезия, где большинство населения составляли немцы, стала одним из главных районов противостояния между ними и поляками. В Бреслау – центре провинции – сразу же после Германской революции 1918 г. конституировались местные (немецкие) органы самоуправления – Народный Совет в Бреслау и Центральный Совет провинции Силезия. Большинство мест в этих советах принадлежало социал-демократам, которые оказались в непривычной для себя роли защитников национальных интересов немецкого населения. Признанным лидером социал-демократов был Пауль Лёбе, который родился и вырос в Бреслау, был журналистом, а позднее – редактором социал-демократического органа «Фольксвахт» (Бреслау). Он принимал участие в городском самоуправлении в «рабочем округе Немецкого Национального собрания»¹, от которого

¹ Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung Bonn-Bad Godesberg. (далее – AdsD). Nachlaß Paul Löbe, M.20. Nr. 5.

в 1919 г. был избран в Национальное собрание Германии, став его вице-председателем. В 1920 – 1932 г. Лёбе – депутат и президент германского рейхстага. Выступая от имени силезских немцев, Лёбе неоднократно подчеркивал: «Мы желаем при любых обстоятельствах оставаться в составе Германии»². Хотя, с другой стороны, он не исключал возможности создания независимого силезского государства или автономии, но только в крайнем случае.

Особую роль в развитии ситуации в Силезии сыграли солдатские Советы. Дело в том, что Бреслау был центром дислокации германских войск, отведенных туда в середине ноября 1918 г. С одной стороны, это означало, что город и вся Силезия находились под защитой войск на случай, если поляки попытаются взять эту провинцию под контроль. К тому же многие германские офицеры были родом из этих мест. С другой стороны, солдатские массы плохо слушались своих командиров и были восприимчивы к радикальным призывам и идеям, чем пользовались лидеры возникшей в конце 1918 г. компартии Верхней Силезии. Однако социал-демократы сумели удержать ситуацию под своим контролем, используя помощь со стороны германского командования, в частности генерала Хёфера.

Особый вопрос, который неоднозначно оценивается в историографии, это проблема так называемого верхнесилезского сепаратизма (автономизма). Так, Э. Бирке говорит о «маленькой группе» сторонников отделения Силезии и от Германии, и от Польши³. Другой германский историк Г. Доозе, напротив, считает, что верхнесилезский сепаратизм, который «носил в равной степени как антиреволюционный, так и антипольский характер», разделялся большинством германских политических партий и организаций в этом регионе⁴. А исследователи из бывшей Восточной Германии занимали промежуточную позицию, признавая наличие сильных тенденций в пользу польско-немецкого сотрудничества и возвеличивая роль коммунистов⁵.

Идеи сепаратизма в Верхней Силезии возникли вскоре после окончания мировой войны. Так, в начале декабря появились проекты независимого государства, которые различались в вопросе о его конфигурации. Согласно одному из них предполагалось объединить пограничный между Польшей и Германией район (Верхнюю Силезию, Восточную Пруссию, часть Великой Польши), согласно другому – присоединить территории Богемии и Моравии⁶.

Видными представителями автономистов были д-р Латац, К. Регинек, генеральный директор Вернер дер Шаффготшверке. В январе 1919 г. они основали «Верхнесилезский союз», целью которого была борьба за самоопределение «верхнесилезского народа». Под давлением автономистов Народный Совет в Бреслау и Центральный Совет провинции Силезия были вынуждены пойти на компромисс, приняв так называемые «Бреслаусские постановления», которые предполагали преимущественное право верхнесилезцев – в первую очередь, католиков, знающих польский язык – при занятии ведущих должностей и постов в провинции, особую роль католической церкви, договорные отношения с «центральной правительством», должность специального комиссара по Верхней Силезии⁷.

Верхнесилезский сепаратизм, правда, в несколько своеобразной форме, был принят на вооружение и местными коммунистами, которые добивались отторжения этой области от Германии.

² Protokolle der Sitzungen der Parteiausschusses der SPD 1912 bis 1921. В. Bonn, 1981. Bd. 2. S. 827. Подробнее о взглядах П. Лёбе по национальному вопросу см., Кретинин С.В. Немецкий и национальный вопрос и социал-демократия, 1918-1939 гг. Воронеж, 2001. С. 69-72.

³ Birke E. Schlesien – Die deutsche Ostgebiete zur Zeit der Weimarer Republik. Köln – Graz, 1966. S. 154.

⁴ Doose G. Die separatistische Bewegung in Oberschlesien nach dem Ersten Weltkrieg (1918-1922): Diss. Wiesbaden, 1987. S. 12-13.

⁵ См., Schumann W. Oberschlesien 1918/19. Vom gemeinsamen Kampf deutscher und polnischer Arbeiter. В., 1961. S. 164-169; Schattkowsky R. Grenztreffen als Form internationalistischer Zusammenarbeit deutscher und polnischer Kommunisten in Oberschlesien während der Weltwirtschaftskrise // Polen im Schatten von Versailles. Rostock, 1981. S. 83-101.

⁶ Schlesische Zeitung. 5.12.1918.

⁷ Doose G. Op. cit. S. 110-111.

Мотивируя свою позицию тем, что Верхняя Силезия – это «колония германского империализма», «второй Камерун» и т.п., коммунисты выдвинули лозунг «Верхняя Силезия – для верхнесилезцев» и были ориентированы, как особо подчеркивает германский исследователь Г. Штробель, на создание «Советской Силезии»⁸. Близкую позицию занимали и местные «независимцы» (члены Независимой социал-демократической партии Германии), которые подчеркивали, что «пролетарии Верхней Силезии, независимо от того, немцы они или поляки, прекрасно понимают, что в одиночку им не победить в борьбе с таким врагом, каковым является буржуазия»⁹.

Надо признать, что в Верхней Силезии существовали определенные условия для автономистских настроений, что было связано как с особым экономическим положением области, так и со спецификой межнациональных отношений, в частности, с наличием смешанного населения. Однако на практике шансов на успех сепаратизма в этом регионе не было (при этом нельзя не признать, что благодаря автономистскому движению Верхняя Силезия получила затем автономию): польское руководство не желало терять верхнесилезский индустриальный район, стремясь дестабилизировать там обстановку.

17 августа 1919 г. началось первое верхнесилезское восстание. Главной ударной силой была «Польская войсковая организация», но польское наступление было отбито немецкими частями самообороны. В феврале 1920 г. державы-победительницы учредили Межсоюзническую правительственную и плебисцитную комиссию и ввели в Верхнюю Силезию французские, итальянские и английские войска.

Второе верхнесилезское восстание (17 – 28 августа 1920 г.) было спровоцировано результатами плебисцита в пограничных районах Восточной и Западной Пруссии, где подавляющее большинство населения проголосовало за воссоединение с Германией (11 июля 1920 г.). Германопольские противоречия вылились во всеобщую забастовку рабочих Верхней Силезии, объявленную польским плебисцитным комитетом. Ситуация усугубилась появлением третьей силы – в октябре 1920 г. была создана интернациональная Коммунистическая партия Верхней Силезии.

20 марта 1921 г. под контролем держав Антанты в Верхней Силезии состоялся плебисцит, в ходе которого 40% населения высказались в пользу присоединения к Польше, а 60% – за воссоединение с Германией (причем, за это решение голосовали и многие поляки). Поскольку решение судьбы спорных территорий затягивалось, началось третье верхнесилезское восстание (май – июнь 1921 г.). Повстанческая рабочая организация, являвшаяся ударной силой восставших, попыталась занять Верхнюю Силезию, создав свое правительство во главе с «диктатором» В.Корфанты. Однако в бою под Аннабергом 30 мая 1921 г. поляки были отброшены немецкими отрядами. По требованию держав Антанты боевые действия были приостановлены, произошло разъединение враждующих сторон.

20 октября 1921 г. державы Антанты поделили территорию Верхней Силезии между Польшей и Германией: около 30% территории области, на которой проживало 46% населения, было передано Польше. С июля 1922 г. в этом регионе установилась польская администрация. Такое решение верхнесилезской проблемы было подвергнуто критике, как с польской, так и с германской стороны. Отошедшая к Польше часть Верхней Силезии образовала вместе с бывшей в составе Австро-Венгрии другой частью Силезии воеводство Силезия с центром в Катовице, которое получило автономию. Таким образом, немцы в Верхней Силезии оказались на положении национального меньшинства.

В Польской Силезии в межвоенный период проживало около 330 тыс. немцев и около 800 тыс. поляков. Между немцами в различных регионах новообразованной республики существовали значительные различия, в том числе и по вопросу об отношении к этой республике. Если силез-

⁸ Strobel G.W. Nationalitätenprobleme in Ostmitteleuropa, Räte-Großdeutschland und Grenzfragen als Mittel Kommunistischer Revolutionsstrategie // Nationales Selbstverständnis und politische Ordnung. Abgrenzungen und Zusammenleben in Ost- Mitteleuropa bis zum Zweiten Weltkrieg. Bonn, 1991. S. 121.

⁹ Schlesische Arbeiterzeitung. Breslau. 11.09.1920.

кие, поморские и восточно-прусские немцы сопротивлялись вхождению их территорий в состав Польши, то немцы из бывшего Королевства Польского изначально были настроены лояльно, и в период советско-польской войны они воевали в составе польской армии, в то время как многие немцы из Силезии бежали в Германию, спасаясь от призыва в польскую армию, выражали симпатии Красной армии¹⁰. Все это осложняло процесс интеграции немцев в Польшу, что проявилось, в частности, в политической сфере.

Характерной особенностью развития немецкого национального меньшинства в Польшу было то, что оно не сумело консолидироваться вокруг особой немецкой политической партии или организации. Хотя подобные попытки неоднократно и предпринимались, на деле они разбивались о несовпадение интересов немцев в различных польских районах, разные политические симпатии и амбиции отдельных политических лидеров.

Пример Силезии в этом плане показателен. Здесь еще до окончательного разделения между Польшей и Германией был создан Немецкий народный союз. После 1922 г. в Силезии возникли и действовали Католическая народная партия (клерикалы) и Немецкая партия (националы). Обе были созданы на базе местных отделений бывших общегерманских партий – Центр и Немецкой народной партии соответственно. С 1921 г. глава клерикалов – сенатор д-р Эдуард Пант. Одним из лидеров был Конрад Кунсдорф. Позднее партию возглавляли сенатор Томас Сцецепоник, который руководил местным школьным советом, и барон Карл фон Райтценштайн, аристократ и крупный помещик, который возглавлял также Немецкий народный союз в Катовице. Центральным печатным органом партии клерикалов была катовицкая газета «Обершлезисше Курьер» (тираж – 30 тыс. экз. в середине 1920-х гг.). Клерикалы пользовались поддержкой католического населения из числа сельских собственников, а также представителей буржуазии.

Немецкую партию, основанную в августе 1922 г., возглавлял директор билицкой гимназии и депутат местного сейма Роберт Пиш и депутат сейма Отто Улиц. Депутатом сейма от партии был инженер Йоханн Розумек, а также Гуго Новак. Националы имели в Билице собственное отделение во главе с депутатом Карлом Фухсом. Партия контролировала газеты «Катовицер Цайтунг» (15 тыс. экз.) и «Шлезисше Цайтунг» (2 тыс. экз.)¹¹. Ее позиции были сильны среди представителей крупной и средней буржуазии как бывшей Германской Силезии, так и в бывшей Австрийской Силезии. На первых выборах в силезский сейм клерикалы получили 8 мандатов, националы – 4.

Индустриально развитая Силезия была центром профсоюзного движения, где наиболее крупной организацией являлись формально независимые Свободные рабочие профсоюзы (более 6000 членов), возглавляемые д-ром Вильгельмом Вольфом. Профсоюзная организация христианских социалистов насчитывала около 5000 членов (один из руководителей – Бернар Янковский). Она имела тесные связи с германскими профсоюзами, а также пыталась распространить свою деятельность за пределы Силезии. Большую роль играли так называемые хирш-дункеровские профсоюзы (названные по именам своих основателей в 1868 г. – германских либералов М. Хирша и Ф. Дункера), возглавляемые сенатором Мейром и объединявшие 4000 рабочих. Чисто экономической организацией, свободной от партийно-политических и религиозных пристрастий, был Профсоюз служащих (около 4000 членов), который разорвал отношения с «материнской» германской организацией и объединился с билицким Союзом частных служащих.

Верхняя Силезия была центром социал-демократического движения. В Тешенской Силезии (округ Билитц-Биала) после 1918 г. была создана местная немецкая организация во главе с Й. Лукасом, С. Глюксманом, Й. Кархом. Эта организация ранее входила в состав силезской организации немецкой социал-демократии Австрии и стояла на близких идейных позициях с немецкой организацией Верхней Силезии (лидерами ее были К. Бухвальд и Й. Коволь). Лишь в 1929 г. произошло организационное объединение основных групп немецкой социал-демократии в Польшу в единую партию, но при этом ее региональные отделения сохраняли свою специфику.

¹⁰ См., Strobel G.W. Op. cit. S. 125.

¹¹ Stolinski Z. Stolinski Z. Die deutsche Minderheit in Polen. Warszawa, 1928. S.52.

Силезские социалисты сформулировали концепцию культурно-национальной автономии для национальных меньшинств Польши. Автором ее был Сигизмунд Глюксман – ведущий теоретик немецкой социал-демократии в Польше, разработавший концепцию национально-культурной автономии. Она предусматривала, в первую очередь, борьбу за права немецкого национального меньшинства на национальную школу, на развитие собственной культуры; немецкий язык предполагалось сделать обязательным для изучения в областях со смешанным населением. Вопрос о выделении особых самоуправляющихся территориальных автономий для меньшинств ставился партией лишь декларативно и рассматривался в тесной связи с борьбой за «политику самоуправления», за «общее для всех наций избирательное право»¹².

Другой немецкий социалист из Верхней Силезии Й. Коволь указывал на особое положение и значение Силезии для развития «немецкого социалистического движения», которое существовало в условиях пограничья между Германией и Австрией, между «берлинской и венской партийными организациями», между германской прагматической моделью социализма и австромарксизмом¹³.

Таким образом, в 1920-е – начале 1930-х гг. силезские немцы развивались как составная часть немецкого национального меньшинства в Польше, хотя и с целым рядом особенностей, производных от особой исторической судьбы и положения Силезии на границе с Германией. Ощущение оторванности от прародины Германии было здесь крайне острым. Неслучайно, что именно здесь в 1930-е гг. проявили себя сторонники германского национализма и фашизма.

Приход Гитлера к власти привел к резкой активизации реваншистских настроений как в самой Германии, где нацисты получили большое количество голосов именно в верхнесилезских районах, так и среди польских немцев, особенно в Познани, Поморье и Силезии. Именно в Силезии возникло близкое нацистам политическое объединение – Младонемецкая партия.

Еще в мае 1918 г. в Австрии возникла Немецкая национал-социалистическая рабочая партия (затем ее название было позаимствовано А. Гитлером для обозначения своей партии). Затем в ставшей независимой Чехословакии была создана Немецкая национал-социалистическая рабочая партия в ЧСР, отделением которой был билицкий Немецкий национал-социалистический союз, выражавший интересы радикально-националистически настроенных немцев¹⁴. З.Столинский в 1928 г. фиксирует это объединение как Немецкую национал-социалистическую партию Польши и связывает ее образование с судеето-немецкими национал-социалистами, а также с партией Гитлера. Комично, но в те годы лидер германских нацистов был мало известен даже в соседней Польше, и Столинский написал его фамилию с ошибкой – с двумя «тт»!¹⁵

Национал-социалисты действовали в районах Тешена (Цешена) и Билица. Их центральным печатным органом была газета «Фрайе Форт», редактировавшаяся Карлом Хоффманом. Председателем партии был инженер Рудольф Виснер. Национал-социалистов поддерживали, в основном, кустики и некоторые рабочие. Сама партия на конец 1920-х гг. представляла собой незначительную организацию праворадикального толка. Однако в 1929 г. на ее базе создается Младонемецкая партия Польши (Jungdeutsche Partei für Polen).

Младонемецкая партия Польши (МНПП) выступала за интеграцию всех польских немцев и немецких этнических групп в зарубежье вообще. Главными лозунгами младонемцев были обновление и активизация всей немецкой этнической группы в Польше, создание единой и централизованной политической организации всех немцев в стране. Вожди МНПП получали поддержку от германских нацистов, в частности, от СД, подчеркивали, что борются против марксизма и сионизма. К кандидатам в члены партии предъявляли строгие этнически-расовые требования: наличие

¹² AdDSAP. A-a1. Nr. 198.

¹³ AdDSAP. A-a1. Nr. 273. Bl. 378.

¹⁴ См.: Кретинин С.В. Указ.соч. С. 85-87.

¹⁵ Stolinski Z. Op.cit. S. 54.

немецких предков как минимум в трех поколениях. С 1933 г. МНПП резко активизировала свою деятельность, даже располагала специальными военизированными отрядами и группами¹⁶.

Однако значение этой политической организации не стоит преувеличивать: ее численность не была велика (крупнейшая региональная секция МНПП в Катовицах насчитывала к концу 1938 г. 6,5 тыс. членов). К тому же младонемцы не пользовались поддержкой основных немецких политических партий в Польше, более того, вели против них активную борьбу.

Тем не менее, именно противоборство с младонемцами привело к некоторой консолидации национально ориентированных партий и объединений. В октябре 1934 г. на базе Немецкого объединения Западной Польши (создано в сентябре 1934 г.), Немецкого народного союза в Польше (июнь 1921 г.) и Немецкого народного союза Верхней Силезии (ноябрь 1921 г.) возник Немецкий Совет в Польше под руководством Эрвина Хасбаха. Лидеры Совета («советисты») противопоставляли радикальным методам политической агитации и идеологии младонемцев традиционные, «консервативные» национально-политические приоритеты и ценности польских немцев.

Попытки Берлина повлиять на младонемцев и «консерваторов» и склонить их к формальному объединению в рамках единой организации успехом не увенчались. Германское руководство через Центральное национальное немецкое отделение, которое контролировалось Рудольфом Гессом, на протяжении весны 1938 г. неоднократно пыталось добиться образования «Союза немцев в Польше»¹⁷. При этом в основе противоречий между младонемцами и «консерваторами» лежали не столько вопросы политической практики и идеологии, сколько сложные межличностные отношения. Так, Р. Виснер и Л. Вольф (Немецкий Совет в Польше) придерживались сходных взглядов и были близки национал-социалистическим идеалам, но не могли договориться друг с другом. Тем самым, у польских немцев не было единого признанного вождя, как, скажем, К. Генлейн в Чехословакии. Неслучайно, Г. Роде назвал Польшу «страной без Квислинга»¹⁸.

В то же время с середины 1930-х гг. МНПП получала поддержку со стороны ряда видных немецких политиков в Польше, в частности, в ее ряды вступил бывший председатель партии немецкой социал-демократии в Польше Артур Крониг, адресовавший своим бывшим соратникам по социал-демократической партии письмо, в котором возражал против политики блокирования с партиями и организациями других национальностей Польши. «С самого начала партия придерживалась четкой тактики ... – главная задача партии заключалась в том, чтобы выступать на выборах как самостоятельная немецкая партия и вести борьбу за то, чтобы стать главной выразительницей интересов немецкого народа в Польше...»¹⁹, – писал Крониг.

Накануне Второй мировой войны в МНПП возникли серьезные разногласия. В ноябре 1938 г. вместо Виснера сенатором от МНПП стал малоизвестный член этой партии торговец Макс Вамбек. Руководство потребовало от Вамбека отказаться от сенаторского мандата, а когда Вамбек отказался сделать это, то исключило его из партии. Вамбек, тем не менее, оставался сенатором вплоть до сентября 1939 г.²⁰

В начале 1939 г. партию покинула группа членов из Верхней Силезии – Вильгельм Шнайдер, Герхард Решке, Эмиль Шютц, д-р Райхельт. Эта группа примкнула к Немецкому народному блоку, председателем которого и стал Шнайдер. Эта организация попыталась скооперироваться с немецкими политическими объединениями Средней Польши и образовать Немецкий народный

¹⁶ Подробнее см.: Heike O. Das Deutschtum in Polen, 1918-1938. Bonn, 1955. S. 61-62; Broszat M. «Jungdeutsche Partei» und «Deutsche Vereinigung» in Posen-Pommern // Gutachten des Instituts fuer Zeitgeschichte. Muenchen, 1958. S. 404-407; Staniewicz R. Mniejszość niemiecka w Polsce – V Kolumna Hitlera? // Przegląd Zachodni. 1959. Nr.2; Potocki S. Położenie mniejszości niemieckiej w Polsce 1918-1939. Gdansk, 1969.

¹⁷ См.: Bierschenk T. Die deutsche Volksgruppe in Polen 1934-1939. Kitzingen, 1954. S. 45-47; Breyer R. Das Deutsche Reich und Polen 1932-1937. Aussenpolitik und Volksgruppenfragen. Wuerzburg, 1955. S. 252-254.

¹⁸ Rhode G. Deutsche und Polen von der Reichsgründung bis zum Warschauer Vertrag. S.163.

¹⁹ AdDSAP. A.-a-1- Nr. 275.

²⁰ Heike O. Das Deutschtum in Polen, 1918-1938. S. 212.

союз²¹. Гитлер и его окружение делали ставку на «советистов», но МНПП отказалась признать руководящую роль Вольфа среди польских немцев. В итоге им не было суждено стать «пятой колонной»: 27 августа 1939 г. руководство Совета во главе с Вольфом и его заместителем Ойгеном Ниппе было арестовано польским руководством и заключено в лагерь под Брестом²².

Обострение весной 1939 г. германо-польских отношений вылилось в открытое противостояние между немцами и поляками в Польше. В польской Верхней Силезии, где симпатии нацистам были особо сильны, накануне войны отделение германского генштаба в Бреслау организовало две военизированные группы, которым было предписано в первый день войны захватить мосты, железнодорожные станции и электростанции. Одной группе лейтенанта Херцнера в составе 70 бойцов по ошибке было сообщено, что война начнется 26 августа, и вечером 25 августа она заняла железнодорожный тоннель возле станции Яблонкова, который играл роль «калитки» на территорию польской Верхней Силезии. 26 августа польские войска выбили не получившую поддержки группу Херцнера со станции²³.

Благодаря помощи агентов из числа польских немцев нацистские айнзатцгруппен устроили в сентябре-октябре 1939 г. настоящую резню в западно-польских областях: в Поморье было уничтожено около 30.000 поляков, в Познани – 10.000 и в Силезии – 2.000. В итоге еще в сентябре 1939 г. Р. Гейдрих заявил, что в западно-польских районах уцелело не более 3% польского политического руководства. Но даже и эти люди были затем брошены в концлагеря или депортированы в Генеральное губернаторство²⁴.

В годы Второй мировой войны польская Верхняя Силезия была воссоединена с германской, и эта область развивалась как часть «тысячелетнего рейха», откуда вытеснялись поляки, а местные смешанные этнические группы (силезцы) подвергались германизации.

В 1945 г. державы-победительницы постановили передать Верхнюю Силезию восстановленной Польше, а немецкое население депортировать. Выселенные из Силезии немцы образовали Силезское землячество, которое входит в «Союз изгнанных». В его программе упор делается на «праве на родину» для изгнанных немцев, на то, что «судьбы депортированных и здесь, в Польше, оставшихся немцев принадлежат к Вашему польскому бремени и являются тяжелым наследием прошлых времен»²⁵. Звучат и откровенно реваншистские требования возврата «восточных территорий», компенсаций для «жертв депортации» и т.п. Однако в области германо-польских отношений проблема границы по Одру и Нейсе на данный момент не стоит: Польско-германский договор о границах от 14 ноября 1990 г. признает сложившиеся после 1945 г. границы, а договор от 17 июня 1991 г. о дружбе и сотрудничестве признает права национальных меньшинств (как немецкого в Польше, так и польского в Германии), гарантии их национально-культурного развития.

Таким образом, завершилась многовековая история немцев в Силезии. Эта была история непростых взаимоотношений между поляками и немцами, которая знала как примеры сотрудничества и взаимодействия, так и изобиловала острыми конфликтами и столкновениями, такими как три силезских восстания. В результате последнего и наиболее острого из них в годы Второй мировой войны произошло окончательное размежевание между немцами и поляками, что было объективно и неизбежно. Справедливости ради следует сказать, что далеко не последнюю роль в определении новых границ Польши и политике выселения немцев сыграли великие державы, которые просто навязали их полякам. Это, в свою очередь, привело к трагедии силезских немцев, депортированных и погибших после 1945 г. Их политическая история в Польше закончилась, но не закончилась историческая память депортированных и их потомков. Хотя, это уже тема отдельного исследования.

²¹ Ibid.

²² Ibid. S.442.

²³ Aurich P. Der deutsch-polnische September 1939. Eine Volksgruppe zwischen den Fronten. Muenchen, 1969. S. 117.

²⁴ Radziwonczyk K. «Akcja Tannenberg» grup operacyjnych Sipo i SD w Polsce jesienia 1939 r. // Przegląd Zachodni. 1966. Nr. 2. S. 103, 112. См., также: Lichtenstein H., Spiess A. Das Unternehmen Tannenberg. Muenchen, 1979.

²⁵ Polen und Deutsche – Der Weg ins neueste Jahrtausend [<http://www.bund-der-vertriebenen.de/politik.html>], July 2001.

РАЗДЕЛ IV. АВСТРО-ВЕНГРИЯ / АВСТРИЯ В МИРОВЫХ ВОЙНАХ XX ВЕКА

В.В. Миронов

(Тамбовский государственный университет)

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

В 90-е гг. XX в. конкуренцию традиционной военной истории, концентрировавшейся на боевых операциях Первой мировой войны и личностях полководцев, составило новое направление, условно обозначаемое как «New Military History». В рамках «новой военной истории» фокус исследовательского внимания сместился на изучение общества периода Первой мировой войны и психологии фронтовиков. Первые попытки такого рода, предпринятые в зарубежной исторической науке, выявили широкий спектр восприятия войны ее современниками и участниками. Оказалось, что общества и армии продуцировали не только храбрых, соблюдающих субординацию, технически подготовленных и верных воинскому долгу солдат, но и симулянтов, дезертиров, военнослужащих, наносивших увечья самим себе, – одним словом тех, кого германские и австрийские историки относят к категории «Kriegsdienstverweigerer», т.е. «отказывающихся от военной службы».

«Новое открытие» феномена отказа от военной службы произошло в конце 90-х гг. в германской историографии, когда в одном из университетских центров, Геттингене, вышел сборник статей с симптоматичным названием: «Армии и их дезертиры. Пренебрегаемая глава военной истории нового времени»¹. В том же 1998 г. было опубликовано исследование Кристофа Яра, посвященное сравнительному анализу дезертирства в британской и германской армиях².

Исследуемая проблематика в австрийской исторической науке имеет сложную судьбу. В период Первой республики разработка истории «Великой войны» оказалась в руках бывших офицеров Генерального штаба, и их главный научный продукт – семитомный труд «Последняя война Австро-Венгрии», изданный в 1931–1938 гг., явственно нес отпечаток «патриотической концепции» войны, в которой не было места фактам, противоречившим формуле «За бога, императора и отечество»³.

Селективное самоограничение австрийской историографии военно-техническими аспектами участия Дунайской монархии в Первой мировой войне способствовало возникновению в корпоративном государстве 30-х гг. XX века особой политической культуры, мистифицировавшей героев и пренебрегавшей необходимостью дифференцированной оценки готовности австрийских фронтовиков во время войны положить свои жизни на алтарь победы⁴.

Изучение замалчивавшегося западными военными историками прошлых лет девиантного поведения части солдатской массы ставит перед современным исследователем проблему поиска

¹ Armeen und ihre Deserteure. Vernachlässigte Kapitel einer Militärgeschichte der Neuzeit. / Hrsg von Ulrich Bröckling und Michael Sikora. Göttingen, 1998.

² Jahr Christoph. Gewöhnliche Soldaten. Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914 – 1918. Göttingen, 1998.

³ См.: Überegger Oswald. Vom militärischen Paradigma zur «Kulturgeschichte des Krieges»? Entwicklungsliniender österreichischen Weltkriegsgeschichtsschreibung im Spannungsfeld militärisch-politischer Instrumentalisierung und universitärer Verwissenschaftlichung // Zwischen Nation und Region. Weltkriegsforschung im interregionalen Vergleich. Ergebnisse und Perspektiven. / Hrsg. von O. Überegger. Innsbruck, 2004 (Tirol im Ersten Weltkrieg. Politik, Wissenschaft und Gesellschaft. Band 4). S. 88.

⁴ Ibid. S. 80.

и отбора источников, пригодных для реконструкции формы и содержания «военного неповиновения». Помимо само собой разумеющегося анализа законодательной базы, включающей военные уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, распоряжений Верховного командования Австро-Венгрии и ее военного министерства⁵ представляется перспективным привлечение судебно-следственных материалов, отложившихся в делопроизводстве военных трибуналов периода Первой мировой войны. Архив военно-судебных актов (Militärgerichtsarchiv), имеющий статус фонда в рамках Государственного архива Австрии, располагает сегодня 15.000 картонов (коробок), относящихся к деятельности австрийской военной юстиции в 1914 – 1918 гг.⁶

Вместе с тем имплантация материала судебно-следственных актов в ткань исторического исследования сопряжена с рядом трудностей. Прежде всего, в силу официального характера информация о проступках и преступлениях военнослужащих, собиравшаяся следственными органами, просеивалась через фильтры корпоративных интересов армии и свойственных ей стереотипов мышления. Другая сложность состоит в интерпретации показаний обвиняемых и свидетелей. Совершенно бесперспективно искать в аргументации подследственных политически мотивированные конструкции. Часть из них, определенно разбиравшаяся в юриспруденции и рассчитывавшая на снисхождение следователей и судей, стремилась оправдать свои преследуемые в уголовном порядке действия «безобидными» в политическом плане мотивами: семейными обстоятельствами, недостатком снабжения на фронте, желанием сменить воинскую часть, конфликтами с офицерами и сослуживцами. Показания свидетелей также не должны приниматься за чистую монету, учитывая «человеческий фактор», т.е., допуская возможность ангажированности свидетельств в силу характера личных взаимоотношений с обвиняемым⁷. Массовый характер источникового материала позволяет использовать при его обработке методику квантификации, позволяющей стандартизировать научные представления об изучаемой проблеме.

Другие виды источников (пресса, мемуарная литература, парламентские документы) имеют скорее вспомогательное значение. Особые трудности вызывает анализ сообщений периодической печати. Действовавшая в Австро-Венгрии с начала войны строгая военная цензура исключала предание гласности сведений о дезертирстве, членовредительстве, случаях неповиновения воинских частей. Военно-контрольный комитет, выполнявший функцию цензурного ведомства, рассматривал публикацию на страницах печати приговоров военных трибуналов как «пятно на чести императорской армии» и подрыв ее репутации в глазах мировой общественности⁸.

Смягчение военно-полицейского режима при императоре Карле в 1917 г. способствовало тому, что информация о деятельности военной юстиции стала просачиваться в социал-демократическую печать. Из-под пера главного редактора «Arbeiter-Zeitung» Ф. Аустерлица в течение 1917 – 1918 гг. вышла серия статей, обличавших практику военного правосудия⁹. Вторая волна разоблачительных публикаций «Arbeiter-Zeitung» пришлась на декабрь 1918 – январь 1919 гг., когда в связи с распадом Австро-Венгрии и революционными событиями в Австрии вскрылись новые факты неправомерного вынесения приговоров военнослужащим и гражданским лицам, в том числе

⁵ Das Militärstrafgesetz über Verbrechen und Vergehen vom 15. Jänner 1855 samt den einschlägigen und ergänzenden Gesetzen und Verordnungen, vollständig umgearbeitete 3. Auf. von Koller Alexander. Wien, 1914.; Gesetz vom 5. Juli 1912 über die Militärstrafprozessordnung für gemeinsame Wehrmacht. (Kundgemacht an 8. Juli 1912 im LV Stück, Dr. 130, des Reichsgesetzblattes für die im Reichsrat vertretenen Königreiche und Länder. Wien, 1912.; Erlässesammlung für Militärjustizbehörden. Zusammengestellt im k.u.k. Kriegsministerium. Wien, 1917.; Das Militärstrafverfahren im Felde. Nach Gesetzen, Verordnungen und Erlässen als Hilfsbuch zusammengestellt von Schager Albin und Kadečka Ludwig. Wien 1916 – 1918.

⁶ Fodor Livius. Die österreichischen Militärgerichtsakten. // Scrinium. 1972. q 7. S. 25.

⁷ Jahr Christoph. Op. cit. S. 136.

⁸ Spann Gustav. Zensur in Österreich während des 1. Weltkrieges 1914 – 1918. Wien, 1972. Univ. Diss. S. 238.

⁹ Austerlitz Friedrich. Austerlitz spricht. Ausgewählten Aufsätze und Reden. Im Auftrag der Sozial-demokratischen Arbeiterpartei Deutsch-Österreichs./Hrsg. von Julius Braunthal. Wien, 1931. S. 123 – 156.

и смертных. Созданная австрийским парламентом комиссия по расследованию должностных преступлений офицерского корпуса рассмотрела несколько дел такого рода, слушания по которым завершились вынесением оправдательных приговоров¹⁰. Остро критический тон центрального органа австрийской социал-демократии, освещавшего ход расследования, диктовался соображениями политической борьбы, что, безусловно, должно учитываться при анализе его публикаций.

Приостановка работы австрийского рейхсрата в марте 1914 г. сделала невозможным на начальной стадии войны использование механизма парламентского контроля за существенно расширившими свою компетенцию военно-судебными органами. Возобновление работы рейхсрата в мае 1917 г. поставило образ действий военной юстиции в центр депутатских интерpellаций¹¹. Именно на заседании парламента впервые были обнародованы данные о количестве жертв призыва получившей правовую «индальгенцию» от военного министерства австро-венгерской армии в Галиции в 1914 г.¹² В июле 1917 г. парламентское большинство, образованное социал-демократами и представителями славянских фракций, добилось отмены военной юрисдикции в отношении гражданского населения и восстановления суда присяжных, отказавшись одобрить правительственный законопроект в соответствии с 14-м параграфом имперской конституции¹³.

Ценность фронтовых дневников как источника для изучения судебно-следственной практики в австро-венгерской армии нивелируется зачастую сознательным отбором фактов с точки зрения возможных правовых последствий их регистрации. Так, тенденция к дозированию информации об уголовно наказуемом деянии членовредительства прослеживается в дневнике известного венгерского писателя, участника Первой мировой войны Матэ Залки (Белла Франкла). Участвуя в боях на итальянском фронте весной 1916 г. в офицерском чине, он зафиксировал информацию о подобном случае в его взводе, но ограничился краткой записью¹⁴.

Изучение мемуарной литературы, вышедшей из-под пера австрийских немцев, участников Первой мировой войны, позволило осмыслить восприятие военных событий преимущественно офицерами. Но в их мемуарах игнорировался солдатский опыт войны, резко контрастировавший с офицерским¹⁵. Анализ источников, в которых нашла отражение позиция солдатской массы, показывает несоответствие офицерской мемуаристики реальному положению дел. К этим источникам в первую очередь относится сборник солдатских писем, вышедший в Австрии в 1931 г. История его публикации связана с выходом на экран фильма «На Западном фронте без перемен», снятого по одноименному роману Э.М. Ремарка. Газета «Kleine Zeitung» обратилась к бывшим австрийским фронтовикам с предложением описать свои боевые впечатления и передать их в редакцию. Пятьдесят писем вышли отдельной книгой. Одно из писем освещает феномен отказа от военной службы, представленный членовредительством. Два молодых солдата, измученные в 1916 г. трехдневным отступлением, договорились ранить друг друга и таким образом попасть домой. Но осуществить задуманное им не удалось, поскольку обоих солдат взяли с поличным, приговорив одного из них к расстрелу¹⁶.

¹⁰ См.: Doppelbauer W. Zum Elend noch die Schande. Das altösterreichische Offizierskorps in der jungen Republik Österreich. (Militärgeschichtliche Dissertationen österreichischer Universitäten. Band 9). Wien, 1987.

¹¹ Führ Christoph. Das k.u.k. Armeeeoberkommando und die Innenpolitik in Österreich 1914-1917. Wien, 1968. (Studien zur Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie. Band 7). S.17.; Platzer Karl. Standrechtliche Todesurteile im Ersten Weltkrieg. Graz, 2004. Univ.Diss. S. 79. Oberkofler Gerhard, Rabofsky Eduard. Hans Kelsen im Kriegseinsatz der k.u.k. Wehrmacht. Eine kritische Würdigung seiner militärtheoretischen Angebote. Frankfurt am Main-Bern, 1988. S.114-119.

¹² Oberkofler Gerhard, Rabofsky Eduard. Op. cit. S. 42.

¹³ Hautmann Hans. Kriegsgesetze und Militärjustiz in der österreichischen Reichshälfte 1914-1918. // Justiz und Zeitgeschichte. Symposionsbeiträge 1976-1993./ Hrsg. von Erika. Weinzierl, Oliver Ratkolb, Rudolf G. Ardel, Siegfried Mattl. Wien, 1995. Bd 1. S. 78.

¹⁴ Залка Н.М., Сапрыкин М.П. Человек из Матольна: Повесть-хроника о жизни Матэ Залки. М., 1987. С. 41 –70.

¹⁵ Миронов В.В. Социокультурный облик фронтовика-австронемца в годы Первой мировой войны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тамбов, 2001.

¹⁶ In Namen des Gottes // Ein Volk klagt an! Fünfzig Briefe über den Krieg. Wien-Leipzig, 1931. S. 39.

Зависимость мемуарных свидетельств от ситуативного фактора наблюдения нередко фрагментирует облик военной юстиции, не позволяя делать заключения обобщающего характера. Особенно это относится к мемуарам лиц, отправлявших правосудие. В воспоминаниях майора генерального штаба Австро-Венгрии Франца Шуберта описан эпизод, связанный с председательством автора на заседании трибунала в 1918 г. в районе реки Пьявы. Организация судебного процесса над дезертировавшим военным служащим требовала от автора мемуаров соблюдения норм действовавшего военного уголовно-процессуального кодекса. Поскольку перед трибуналом предстал не просто дезертир, а представитель чешской нации, заочно причисленной военными властями к разряду противников Монархии, то судьи отнеслись к обвиняемому с предубеждением, и после короткого разбирательства ему был вынесен смертный приговор¹⁷. Но правомерно ли экстраполировать в данном случае локальный опыт, основанный на сомнениях в лояльности отдельной национальной группы, на практику военного судопроизводства в целом?

Дав обзор источникам, следует остановиться на основных направлениях, по которым может вестись разработка проблемы функционирования правового инструмента австро-венгерских вооруженных сил в условиях войны. Во-первых, изучение деятельности военной юстиции может быть ограничено рамками отдельного региона. В этом отношении выделяется выполненный на количественной основе труд австрийского исследователя О. Юбереггера, посвященный работе военных трибуналов Тироля в 1914 – 1918 гг.¹⁸ Региональный акцент исследования О. Юбереггера оправдан, в том числе наличием большого количества первоисточников. Огромный пласт делопроизводственных документов не позволяет реконструировать формы и методы отправления военного правосудия на общеавстрийском уровне. Автор обращается к истории «проблемного», с точки зрения лояльности центру, региона Австрии, итальянское меньшинство которого испытывало культурное тяготение к соседней Италии. Один из главных выводов О. Юбереггера сводится к тому, что национальные мотивы трентинских (итальянских) солдат не играли решающей роли в нарушении норм военного уголовного кодекса. Юстиция, поставленная перед необходимостью учета военной целесообразности, и действуя в соответствии с ней (широкая практика отсрочек от исполнения приговоров годным к фронтовой службе военным служащим, амнистии), прибегала к кратким, но усиленным дополнительными ограничениями для узников, срокам тюремного заключения. Судопроизводство по законам военного времени не носило эксцессивного характера. В итоге военное правосудие утратило превентивную и дисциплинирующую функции. Интересным представляется результат изучения М. Моллем деятельности военных трибуналов г. Граца в отношении немецкого и словенского населения Штирии¹⁹. Трибуналы не оправдали возлагавшихся на них надежд «меча режима», осуществляя свою деятельность строго по букве закона. Продуктивным может стать рассмотрение истории осуществления военной юрисдикции через призму судебно-следственных материалов, касающихся отдельных воинских со-

¹⁷ Hanisch Ernst. Die Männlichkeit des Kriegers. Das österreichische Militärstrafrecht im I Weltkrieg // Geschichte und Recht. Festschrift für Gerald Stourz zum 70. Geburtstag./Hrsg. Von Thomas Angerer, Brigitte Bader-Zaar, Margarete Gradner. Wien, 1999. S. 338. С начала Первой мировой войны имели место случаи индивидуально и группового перехода военным служащим чешской национальности на сторону русской, сербской, а затем и итальянской армий. Из числа чешских военнопленных в России, Франции и Италии формировались воинские части (легионы), участвовавшие в боевых действиях против австро-венгерской армии. Вместе с тем следует отметить, что чехов нередко принуждали к записи в легионы. См.: Nachtigal Reinhard. Russland und seine österreichisch-ungarische Kriegsgefangenen. 1914–1918. Remshalden, 2003. S.38.; Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. 2000. № 4-5. С. 98-105.; Научный архив Института Российской истории РАН. Ф.18. Разд. «Ж». Оп.1. Д.154. Л.29.

¹⁸ Überegger Oswald: Der andere Krieg: Tiroler Militärgerichtsbarkeit im Ersten Weltkrieg. (Tirol im Ersten Weltkrieg. Politik, Wissenschaft und Gesellschaft. Band 3). Innsbruck, 2002.

¹⁹ Moll Martin. Kein Burgfrieden. Studien zum deutsch-slowenischen Nationalkonflikt in der Steiermark vor dem und im Ersten Weltkrieg. Graz, 2002. Univ. Habilitationsschrift.

единений. Результаты работы автора этих строк с актами военных трибуналов способствовали ревизии прежних научных представлений о военной юстиции Австро-Венгрии в период глобального конфликта как о «кровавом инструменте военно-полицейского государства», сформированных историками-коммунистами. В большинстве заведенных против военнослужащих уголовных дел следовало наказание в дисциплинарном порядке. Огромному числу приговоренных к различным срокам тюремного заключения (максимальный срок составляет девять лет лишения свободы) были предоставлены отсрочки от исполнения приговоров. Из трех обнаруженных нами смертных приговоров, вынесенных военнослужащим, исполнен только один. Судопроизводство в зоне действующей армии, исключавшее возможность обжалования приговоров, контролировалось Верховным командованием, отменявшим судебные решения, принятые с нарушением действовавшей правовой базы. Широкие перспективы открывает изучение обозначенной проблематики в сравнительно-историческом ключе, позволяя оценить форму и содержание репрессивного инструментария государств с различным уровнем развития демократических институтов в условиях Первой мировой войны.

ПРОБЛЕМА ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ РОССИЙСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ НА СТАВРОПОЛЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Проблема военнопленных стала одной из центральных проблем войн XX века. Начало века дало как примеры вполне корректного отношения к пленным (в ходе русско-японской войны), так и примеры нарушения прав военнопленных (что в массовом порядке отмечалось во время Балканских войн). Однако Первая мировая война превзошла по своим масштабам все происходившие до этого войны. Размах боевых действий, использование новых видов вооружений и тактики ведения боя привели к тому, что в плен попали миллионы военнослужащих. К такому повороту событий оказались не готовы практически все противоборствующие стороны. Столкнувшись с массой военнопленных, военная бюрократия и другие государственные институты некоторое время находились в растерянности. Они не смогли вплоть до завершения войны в полной мере обеспечить соблюдение норм международного права по отношению к пленным и зачастую не потому, что питали по отношению к ним особую враждебность, а потому что воюющие страны не имели соответствующих ресурсов и средств.

К концу войны, по некоторым данным, в плену оказалось 3 млн. 911 тыс. 100 российских солдат и офицеров, из них 2 млн. 385 тыс. 441 чел. оказалось в Германии, 1 млн. 503 тыс. 412 чел. – в Австро-Венгрии, 19 795 чел. – в Османской империи и 2 452 чел. – в Болгарии². Данная цифра оспаривается некоторыми отечественными историками. По данным Малькова А.Л., в плену оказалось около 3 млн. 638 тыс. чел.³ Поляков Ю.А. число военнопленных россиян доводит до 5 млн. чел., из которых 182 тыс. умерли в плену⁴ (а на 1 января 1918 г. в плену оставалось 3 млн. 409 тыс. чел.⁵). По данным органов Советской власти, занимавшихся проблемами военнопленных после Первой мировой войны, в 1914–1918 гг. в плен попало 3 млн. 570 тыс. 858 чел., из них в 1914 г. – 569 200 (15,94%), в 1915 г. – 2 050 136 чел. (58,75%), в 1916 г. – 358 875 чел. (10,05%), в 1917 г. – 169 973 (4,76%), в 1918 г. – 37 494 чел. (1,05%), не установлено – 337 442 чел. (9,45%)⁶. Нам представляются эти данные весьма убедительными, хотя авторы многотомного издания «Мировые войны XX в.» останавливаются на цифре 2 млн. 417 тыс. чел.⁷ Социальный состав российских военнопленных выглядел следующим образом: крестьяне – 64,2%, ремесленники – 13,31 %, рабочие – 11,27%, кадровые военные, представители интеллигенции, предприниматели – 11,2 %. Больше все-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МД- 1641.2005.6.

² Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерк военно-экономического потенциала. М., 1986. С.17.

³ Мальков А.В. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии. 1915-1919. Казань, 1971.С.22.

⁴ Эта цифра в настоящее время ставится под сомнение. По данным «Центропленбежа», в плену умерло 160 тыс. военнопленных россиян. (Щеров И.П. Центропленбеж в России (1918-1922 гг.). Смоленск, 2000. С.3.). Авторы издания «Мировые войны XX в.» приводят цифру в 190 тыс. погибших в плену. (Мировые войны XX в. Кн.1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С.630).

⁵ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.

⁶ Щеров И.П. Центропленбеж в России (1918-1922 гг.). Смоленск, 2000. С.3-4. Примерно такую же цифру называет один из крупнейших специалистов по проблеме военнопленных в годы Первой мировой войны Васильева С.Н. – около 3 млн. 410 тыс. чел. (Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С.15).

⁷ Мировые войны XX в. кн.1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С.630.

го российских военнопленных оказалось на территории Австро-Венгрии (56,9%) и Германии (42,14%)⁸. По данным Васильевой С.Н., среди российских военнопленных, находившихся в плену в странах Четверного союза, солдат Юго-Западного фронта было 63,47% от общей численности российских пленных, Северо-Западного фронта – 18,2 %, Кавказского – 0, 003%.

Подсчет военнопленных, сдавшихся в плен российской армии, оказался трудным делом. К 1 сентября 1917 г., по данным Генштаба России, в плену находилось 1 961 300 военнослужащих противника⁹. Российское отделение Красного Креста называло другую цифру – 1 782 966 чел., Статистический комитет по делам пленных и беженцев – 23 285 540 чел. Страны Четверного союза признавали следующие данные о своих подданных, оказавшихся в плену в России: Австро-Венгрия – 2 111 101 чел., Германия – 117 104 чел., Болгария – 1 437 чел.¹⁰ По другим сведениям, численность пленных колебалась от 2, 2 млн. чел. до 2,5 млн. чел.¹¹

Разнобой статистики связан с целым рядом факторов. Нередко в число пленных в России не вносили украинцев Австро-Венгрии, поляков Австро-Венгрии и Германии, не раз ведомства, курировавшие военнопленных, теряли из виду пленных, находившихся в отдаленных районах Российской империи. Постоянное передвижение пленных по стране также затрудняло ведение статистики. Из числа пленных зачастую исключали умерших пленных, хотя это было грубейшим нарушением норм международного права. Ко всему этому добавлялась неразбериха, царившая в недрах российской бюрократии. В России вся информация о военнопленных должна была стекаться в Иностранный отдел Центрального справочного бюро при Главном управлении Российского отделения Красного Креста, однако на практике это условие не всегда соблюдалось. Ряд современных исследователей все же ориентируется на данные военного ведомства России, поэтому в официальных исторических изданиях в настоящее время фигурируют следующие данные о военнопленных, оказавшихся на территории России: немцы – 159 390 чел., военнослужащие Австро-Венгрии – 1 736 764 чел., турки – 64 509 чел., болгары – 670 чел.¹² Скорее всего, численность военнопленных стран Четверного союза, оказавшихся в российском плену, составляла 2,2 – 2,3 млн. чел.

Всего, по официальным данным, в плену за годы войны оказалось 4 200 000 граждан Антанты, в том числе 3 975 000 военнослужащих, из них 2 417 000 россиян, 600 000 итальянцев (569 000 – военнопленные), 537 000 французов (506 000 – военнопленные), 240 000 сербов (153 000 – военнопленные), 191 000 британцев, 150 000 румын (80 000 – военнопленные), 46 000 бельгийцев (34 600 – военнопленные), 12 300 португальцев, 11 000 черногорцев (7 000 – военнопленные), 4 526 американцев, 1 000 греков¹³. Военнопленные стран Четверного союза составили 3 900 000 чел.: 2 200 000 – граждане Австро-Венгрии, 1 152 800 – граждане Германии, 479 000 – Османской империи, 78 000 – Болгарии¹⁴.

Столь внушительное количество военнопленных поставило на повестку дня проблему оказания помощи пленным. Страны, в которых содержались военнопленные, были не в состоянии снабдить их всем необходимым ввиду нарастающего экономического кризиса и формирования в массовом сознании образа «врага», распространяющегося и на военнопленных. Великобритания, Франция, в меньшей степени Италия оказывали своим пленным широкомасштабную помощь, что спасало их

⁸ Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С.15-16.

⁹ Копылов В.Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции 1917 г. М., 1977. С.7.

¹⁰ Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С.84.

¹¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С.235; Исаев А.П. Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917–1922 гг.). СПб., 1998. С.5.

¹² Мировые войны XX в. кн.1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С.630.

¹³ Мировые войны XX в. кн.1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С.629.

¹⁴ Там же. С.629.

от бедственного положения. Сербские и российские военнопленные попали в очень сложное положение. Объемы получаемой помощи с родины были незначительны. Кстати, с некоторыми коррективами это относится и к Германии с Австро-Венгрией, не говоря уже об Османской империи.

В самой России и на Ставрополье положение с оказанием помощи российским военнопленным выглядело весьма неприглядно. Тяжелая участь российских военных в плену во многом была связана с неудовлетворительной работой российских благотворительных структур, отвечающих за оказание помощи пленным. В данном деле сказывались излишний централизм и бюрократизм. Власти стремились максимально отодвинуть общественность от оказания помощи пленным. Само российское общество проявляло пассивность, слабо реагируя на все обращения об оказании помощи российским военнопленным. Все заграничные структуры, через которые должна была оказываться помощь пленным, испытывали серьезные финансовые затруднения. Так, например, Центральный комитет помощи российским гражданам в Швейцарии постоянно жаловался на недостаток средств. С 1 октября 1915 г. по 1 января 1916 г. он смог отослать военнопленным всего 1 345 посылок, чего было явно недостаточно. Доходы комитета с февраля 1915 г. по октябрь 1916 г. составили всего около 33 тыс. франков¹⁵, в то время как Комитет по оказанию помощи евреям из России примерно за этот же период собрал 47 710 франков¹⁶. Очень часто деньги, собранные общественностью, не доходили до адресата, оседая на счетах в банках.

В то же время в России возникает Всероссийское попечительство о пленных славянах, которое должно было оказывать помощь военнопленным славянам, служившим в армиях противника. Эта организация стремилась отделить пленных славян от основной массы пленных, проводя среди них активную работу. Попечительство оказывало не только материальную помощь славянам, но и боролось за умы пленных славян: «...широкое ознакомление пленных с Россией и подготовка из них сознательных и убежденных поборников общеславянской культурной идеи с целью духовного содействия перехода в русское подданство...» провозглашались главной задачей деятельности Попечительства¹⁷. Такая деятельность Попечительства явно нарушала нормы международного права, но в условиях Первой мировой войны на это мало кто обращал внимание. Россия готовилась к послевоенному переделу Европы с целью «окончательного» решения славянского вопроса. Попечительство проводило активную работу и среди военнопленных, находившихся на территории Ставропольской губернии. Работа Попечительства и других подобных структур отвлекала общество от оказания помощи своим пленным, которые зачастую нуждались не меньше, чем военнопленные славяне в России.

После февральской революции ситуация несколько меняется в лучшую сторону. Новые власти сделали акцент на привлечение общественности к процессу сбора средств для пленных, подчеркивая, что «старый режим» всячески препятствовал оказанию помощи пленным¹⁸. В апреле 1917 г. только Стокгольмский комитет потратил на приобретение продовольствия для пленных около 100 тыс. крон¹⁹. Однако, учитывая численность российских подданных, оказавшихся в плену, этого все равно было недостаточно. К ужасу земских деятелей, общество по-прежнему было пассивно при сборе средств для пленных.

Главная причина этого заключалась не только в плохой организационной работе при сборе средств, но и в предвзятом отношении к пленным со стороны части жителей России. Тем более что в стране постоянно звучали речи о том, что плен есть позор, а оказание помощи пленным

¹⁵ Отчеты комитетов помощи русским военнопленным. Швейцария, 1916. С.11.

¹⁶ Там же. С.28.

¹⁷ Устав Всероссийского Попечительства о пленных славянах. Пг., 1914. С.4.

¹⁸ Русский комитет в Стокгольме для оказания помощи военнопленным и пострадавшим от военных бедствий. Стокгольм, 1917. С.3.

¹⁹ Там же. С.6.

²⁰ Андрианов П.М. Победная слава и позор плена. Одесса, 1916. С.8.

является, чуть ли не антипатриотичным занятием. «Сдающийся в плен предаёт интересы своей Родины... сдающийся в плен, покидает свое отечество, оставляя его на произвол судьбы...», — эти слова звучали в одном из популярных изданий, вышедших в России в годы войны²⁰. И такого рода заявления были не редкостью в стране в годы Первой мировой войны.

Многие ставропольчане также оказались в плену. В губернии отсутствовали структуры, целенаправленно занимавшиеся оказанием помощи соотечественникам, оказавшимся в плену. В этом плане инициатива принадлежала родственникам пленных и некоторым представителям земства и либеральной интеллигенции. Однако объёмы помощи были незначительны. Это приводило к постоянным просьбам российских военнопленных, находившихся в Австро-Венгрии и Германии, об оказании им помощи в виде посылок, которые содержали бы продовольствие, табачные изделия, одежду, предметы личной гигиены, а также перевода им денег.

До февральской революции власти с подозрением относились к привлечению общественности к организации помощи военнопленным. На места, в том числе и в Ставропольскую губернию, приходили из Петрограда призывы к ограничению инициативы общественности в деле оказания помощи пленным. В военном ведомстве некоторые его представители полагали, что чрезмерная помощь пленным может привести к массовой сдаче в плен солдат. В письме дежурного генерала при Верховном главнокомандующем начальнику штаба Кавказского фронта от 17 мая 1916 г. прямо говорилось: «...о возможном содействии к воспреещению воззваний и газетных объявлений о пожертвованиях в пользу пленных и об отмене общественного характера организации этого дела с откровенным разъяснением обществу необходимости прекращения сердолобия там, где оно не нужно»²¹. Еще дальше пошел председатель фонда Александры Федоровны по оказанию помощи военнопленным князь Голицын, он призвал при публикации отчетов о приеме пожертвований вообще не использовать термин военнопленные²².

Очень часто сама пресса, которая публиковала воззвания об оказании помощи пленным, одновременно издавала материалы, не способствовавшие реализации этих призывов. В частности, не раз на страницах ставропольских газет появлялись сообщения о разграблении германскими и австро-венгерскими властями посылок, высылаемых для российских военнопленных²³.

Ставропольские крестьяне, обладая значительными запасами продовольствия и денежных средств и имея все возможности для оказания помощи пленным, практически не реагировали на просьбы пленных. Помощь оказывалась только в том случае, если кто-то из ближайших родственников находился в плену. Эта чрезмерная забота о собственном имуществе и средствах объясняется непониманием крестьянами целей и характера войны, контрпропагандой властей и части общественности, которые пленных обвиняли почти в предательстве. Разумеется, здесь сыграла свою роль и позиция, характеризующая часть крестьян Ставропольской губернии, заключающаяся в известном лозунге «моя хата с краю», то есть «если беда меня не затронула непосредственно, то меня она не касается». Этот принцип нарастал по мере роста благосостояния. К сожалению, личная прибыль у многих крестьян ценилась выше общественной солидарности.

Февральская революция, как уже отмечалось, привела к существенным переменам в вопросе оказания помощи пленным. Отдел помощи военнопленным Всероссийского земского союза в мае 1917 г. разослал воззвания на места, в которых говорилось: «Старое правительство систематически препятствовало правильному развитию дела помощи русским военнопленным»²⁴. Воззвание перечисляло все претензии к старому режиму, в частности к действиям цензуры, мешавшей публиковать обращения к населению о сборе средств в пользу военнопленных российской армии. Улучшение ситуации Земский союз видел в децентрализации системы сбора средств для

²¹ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.101. Оп.5. Д.583. Л.67.

²² Там же.

²³ Северокавказский край. 1916. №984.С.2.

²⁴ ГАСК Ф.116. Оп.1. Д. 278. Л.49.

военнопленных и привлечении к этому делу широких слоев населения, при этом сам Земский союз обещал увеличить собственные расходы, выделяемые на оказание помощи пленным.

Вместе с этим воззванием в Ставропольский губернский комитет Всероссийского земского союза, в отдел помощи пленным пришел конкретный запрос, в котором значились фамилии пяти ставропольчан, находившихся в плену и нуждавшихся в помощи: Заходьяк Я.С., уроженец с. Большая Джалга, рядовой 34-го Сибирского полка; Жилинский С.И., уроженец с. Спицевка, рядовой 16-го Драгунского полка; Чушкин Ф.П., уроженец хут. Круголево Александровского уезда, рядовой 16-го стрелкового полка; Иващенко В.А., уроженец с. Бурлуцкое, ефрейтор 16-го стрелкового полка; Васенко В.К. (место проживания неразборчиво), рядовой 398-го пехотного полка²⁵. Причем, данный список в Москву был передан неизвестным на Ставрополье Комитетом взаимопомощи русских военнопленных лагеря №115, находившегося во Франкфурте-на-Одере. Одновременно Ставропольский губернский комитет получал четкие инструкции о том, как и через какие структуры, следовало оказывать помощь русским военнопленным. Посылки для русских пленных комплектовались в Москве, Великобритании, Франции, Швейцарии и Голландии. Содержание посылок варьировалось в зависимости от их стоимости. Средняя продовольственная посылка, комплектуемая в Москве, стоимостью в 3 руб.²⁶ включала в себя 7 ф. сухарей, 1 ф. сахара, 1/8 ф. чая, 1/2 ф. мыла или 6 ф. сухарей, 1/8 ф. чая, 1/2 ф. мыла, 100 папирос. Второй вариант посылки состоял из 6 ф. сухарей, 1 ф. сахара, одной банки мясных консервов. Посылку можно было укомплектовать и на 3 р. 50 коп., и на 2 руб. 50 коп. (9 ф. сухарей, 1/8 ф. чая, 1/2 ф. сахара). Особняком стояли так называемые «бельевые посылки» на 7 руб. Они включали, кроме продовольствия, столь необходимое пленным белье. В посылку входили 4 ф. сухарей, 1/8 ф. чая, 1/2 ф. сахара, 1/4 ф. мыла, бельевая рубашка, кальсоны, портянки или носки²⁷. Посылки, комплектуемые за пределами России, также были наполнены всем необходимым для пленных. Правда, здесь ощущались некоторые проявления экономической нестабильности в Европе, например, Швеция в мае 1917 г. ввела ограничения на вывоз из страны сухарей, сахара и крупы.

Кроме того, Ставропольский губернский комитет стал непосредственно получать обращения военнопленных ставропольчан об оказании им помощи (например, Котлярова А.И., Балахонова Т.П., находившихся в лагерях в Австрии, и ряд других обращений). Все эти обращения были оформлены соответствующим образом на специальных бланках с санкции властей Австро-Венгрии и Германии. Текст обращений был практически стандартным: пленные жаловались, что они, находясь длительное время в плену, не получали с родины никакой помощи и что в ней они особенно нуждаются.

24 мая 1917 г. состоялось заседание Ставропольского губернского комитета Всероссийского земского союза. На нем было принято решение оказать помощь 8-ми пленным – выходцам из Ставропольской губернии. На этом заседании Комитет обсудил способы привлечения жителей губернии к оказанию помощи пленным. Для этих целей планировалось издание тиражом в 1 000 экз. правил оказания помощи пленным и рассылка их во все населенные пункты губернии, публикация специальных воззваний в губернской прессе, подготовка соответствующих плакатов. Под особый контроль брались финансовые средства, собранные для пленных. Большое беспокойство Комитет выразил по поводу содержания военнопленных в Османской империи, и это было неслучайно²⁸. Германия и Австро-Венгрия соблюдали основные договоренности об обмене информацией, о военнопленных и организации систематической почтовой связи, пленных с родиной. Османская империя абсолютно не соблюдала нормы международного права применительно к

²⁵ Там же. Л.51.

²⁶ В ценах мая 1917 г. По мере инфляции и обесценивания рубля стоимость посылки менялась в сторону удорожания.

²⁷ Там же. Л.116.

²⁸ Там же. Л.91.

²⁸ Там же. Л.97.

пленным. С пленными, находившимися в Османской империи, Комитет и родственники не имели практически никакой связи. Для Ставропольской губернии это обстоятельство имело особое значение. Значительное число ставропольчан в силу географической близости Ставрополя к Кавказью оказалось в рядах Кавказского фронта, и некоторые из них попали в плен.

Решения Комитета были выполнены. Восьми пленным были высланы посылки стоимостью в 7 руб. Была подготовлена и соответствующая литература, которую распространили по волостям. Обращает на себя внимание листовка, подготовленная Комитетом и опубликованная в местных газетах, а также предназначенная для расклеивания в населенных пунктах. В листовке «граждан Свободной России», отказавшихся от старого режима призывали «не сидеть, сложа руки», а активно помогать пленным, находившимся в очень тяжелом положении. «На помощь пришло государство, но необходимо прийти на помощь и обществу», — говорилось в листовке²⁹.

После обращений Комитета военнопленным оказывали помощь родственники. В некоторых случаях родственники заявляли, что они ввиду бедности не могут оказать помощь, после этого Комитет обращался за помощью в волостное правление. Некоторые волости охотно оказывали помощь своим односельчанам (например, с. Спицевское). Но были и те, которые наотрез отказывались помогать пленным, и у них была своя аргументация. Из Тищенского волостного правления пришло уведомление, «... что жители села неодобрительно относятся к отправлению посылок нашим военнопленным в Германию и Австро-Венгрию; они не верят, что посылки попадут к своим; они думают, что посылками своими они кормят наших врагов немцев»³⁰. Здесь сказывались и действия предыдущей контрагитации и, разумеется, прижимистость крестьян. Большинство волостных правлений отреагировали таким же образом, но в отличие от Тищенского правления они просто не отвечали на все запросы Комитета, в том числе и когда Комитет пытался выяснить количество военнопленных ставропольчан по их волости. Реакция тищенцев вызвала некоторое недоумение у членов Комитета, поэтому они призвали еще раз волостное правление собрать сельский сход и объяснить, что вся помощь дойдет до адресатов, но этого так и не было сделано.

В некоторых случаях ввиду неграмотности и отсутствия информации родственники предпочитали пересылать в Комитет деньги, чтобы уже сам Комитет решал все организационные вопросы, связанные с формированием посылок и их пересылкой военнопленным.

Комитет рассчитывал на пожертвования волостей и частных лиц в пользу русских военнопленных. Однако эти ожидания полностью себя не оправдали. Из всей губернии помощь для военнопленных в адрес Комитета направило только три села. Константиновская волость собрала 129 руб. наличными и 27 мешков сухарей, которые были переправлены в Москву³¹. Учителя и учащиеся двух школ села пожертвовали еще 14 руб. Через некоторое время данному примеру последовали жители с. Радьковское и с. Александрия. В с. Радьковское местные жители организовали лотерею, где было разыграно 488 предметов. Один лотерейный билет стоил 25 коп. Эта цена была вполне приемлема для подавляющего числа жителей села. В результате лотереи был выручен 121 руб. в пользу военнопленных³². В с. Александрия жители села пожертвовали 285 руб. 66 коп.³³ Все остальные волости проигнорировали призывы Комитета.

Большие надежды Комитет возлагал на пожертвования прихожан Русской православной церкви. Несколько раз Комитет обращался с соответствующими призывами к священнослужителям, но результат оказался также плачевным. Только прихожане Даниловской церкви г. Ставрополя пожертвовали 18 руб.³⁴ Все остальные приходы проявили полное равнодушие. Всего с мая по сентябрь 1917 г. Комитету удалось собрать только 713 руб. 10 коп.³⁵ Это была не та

³⁰ Там же. Л.164.

³¹ Там же. Л.118.

³² Там же. Л.326.

³³ Там же. Л.353.

³⁴ Там же. Л.326.

сумма, на которую рассчитывал Комитет. Жители губернии, по сути, проигнорировали обращения о помощи военнопленным.

Параллельно Комитет пытался установить списки нуждавшихся военнопленных по волостям, правда, большинство волостей подали списки всех военнопленных. Часть волостных правлений, действительно, не разобралась в том, что от них требовали, а некоторые решили, таким образом, полностью перепоручить государству опеку над военнопленными, так как в губернии прошел слух, что все эти списки составляются для оказания государством и земством помощи пленным из собственных средств.

В результате обработки данных, присланных волостными правлениями, складывается следующая картина³⁶.

Название волости / села	Всего пленных	Из них в Германии	Австро-Венгрии	Османской империи	Нет данных
Константиновская	67	?	?	?	67
Рассыпанская	-	-	-	-	-
Тищенская	4	?	?	?	4
Ново-Васильевская	4	1	3	-	-
Лопанская	7	2	5	-	-
Новоманычская	11	?	1 точно находился в Австрии, судьба остальных неизвестна	?	10
Хагинское	4	2	1	1	-
Преградное	66	23	37	5+1 в Болгарии	-
Митрофановская	12	9	3	-	-
Новоромановская	29	8	20	1	-
Величаевская	9	4	5	-	-
Рагули	13	8	5	-	-
Ново-Михайловская	30	12	17	1	-
Новоромановское	15	6	8	1	-
Архангельская	9	3	4	2	-
Николаевская	35	12	18	5	-
Сухая Буйвола	65	19	35	?	11
Спаская	27	8	14	2	3
Ольгинское	5	4	1	-	-
Солдато-Александровское	37	13	17	4	3
Воронцово-Александровское	19	8	9	2	-
Новогригорьевское	36	34	-	2	-
Ладовская Балка	140	48	83	8	1
Белая Глина	161	56	58	?	47
Камбулатское	28	9	9	?	10
Степное	8	3	5	-	-

³⁵ Там же. Л.360.

³⁶ Там же Л.150-392.

Радыковское	20	3	17	-	-
Кианзовская	10	1	?	?	9
Китаевская	45	?	?	?	45
Тугулуцкая	26	19	6	1	-
Александрия	68	32	35	1	-
Арзгир	18	9	9	-	-
Никола-Александровское	9	6	3	-	-
Кистинская	30	5	16	7	2
Всего:	1067	367	444	43+1 в Болгарии	212
<i>Проценты:</i>	<i>100</i>	<i>34,4</i>	<i>41,6</i>	<i>4,15</i>	<i>19,85</i>

Представленная таблица, к сожалению, не отражает полностью численность русских военнопленных из Ставрополя. Более половины населенных пунктов не подали списки военнопленных по своим селам и волостям. Нет здесь данных и по двум городам губернии – Ставрополю и Святому Кресту. Но даже анализ данных из вышеуказанных населенных пунктов показывает, что количество ставропольчан, оказавшихся в плену, было довольно внушительным, из них в помощи нуждалась примерно 1/3 военнопленных. Содержание остальных в Германии и Австро-Венгрии было признано вполне удовлетворительным, и 2/3 русских военнопленных из Ставропольской губернии не обращались за помощью³⁷. Анализ статистики дает еще один интересный факт: львиная доля ставропольчан, попавших в плен, приходилась на один – два полка. Это свидетельствовало о том, что они в плен попадали, как правило, в массовом порядке после разгрома воинского подразделения, особенно это было характерно для 1915 г. и отчасти для 1916 г. Так, из 66 пленников, проживавших в с. Преградное, 33 служило в 84-м Шириванском полку, из 30 пленников уроженцев с. Ново-Михайловское 7 служили в этом же полку, в Спасском это соотношение выглядело 9 из 27, в Ладовской Балке 49 из 140, в с. Александрия 10 из 68. Таким образом, поражение только одного полка дало по пяти селам 108 военнопленных.

На Ставрополье, как и в России в целом, с весны 1915 г. активно формировался образ внутреннего немецкого врага, причем не делалось различий между подданными Российской империи или других государств. В данной связи очень интересна статистика военнопленных, уроженцев с. Хагинское, одного из крупнейших немецких сел губернии. Из этого села в плен попало всего лишь 4 чел. (Ерке Я.М., Николаус Х.Х., Дорнейн Г.Ф., Вейднер Я.Х.)³⁸. Это был очень низкий показатель, который свидетельствовал о том, что российские немцы добросовестно служили в армии, не сдаваясь в плен при удобном случае. Трое из 4-х пленников находились в плену в Османской империи (четвертый оказался в одном из лагерей для военнопленных в Австро-Венгрии), и это было неслучайно. Российское командование предпочитало направлять российских немцев, в том числе из Ставропольской губернии, на Кавказский фронт, чтобы лишний раз не проверять их национальные чувства в боях с армиями Германии и Австро-Венгрии. Российские немцы отличились при взятии Трапезунда и в других операциях Кавказского фронта.

Большой проблемой для Комитета и родственников военнопленных стало то, что местонахождение около 20% пленников было неизвестно. С одной стороны, это объяснялось тем, что Германия, Австро-Венгрия и особенно Османская империя не всегда передавали полную информацию о местонахождении пленников, тем более в условиях постоянной перемены места дислокации военнопленных. С другой стороны, данные нередко пропадали в недрах российских бюрократических

³⁷ Там же. Л. 326.

³⁸ Там же. Л.175-176.

ких структур. Правда, здесь была еще одна специфическая причина. Большинство крестьян Ставрополья являлись неграмотными, поэтому они не могли вести постоянную переписку со своими родственниками, находившимися в плену, они не знали правил этой переписки, что приводило к тому, что отправленные письма во многих случаях не доходили до адресата. К тому же обратные адреса лагерей и других пунктов нахождения пленных указывались на латинском алфавите, абсолютно неизвестном местным жителям. Еще в 1915 г. ставропольская пресса писала о том, что очень много посылок и переводов от ставропольских крестьян идет с указанием неверного адреса, что делало практически невозможным их получение адресатом. Главную беду этого явления газеты видели в безграмотности крестьянства³⁹. Поэтому Комитет призвал присылать ему последние открытки от пленных, чтобы уже сотрудники Комитета и отдела могли сами определить местонахождение военнопленных⁴⁰.

Деятельность Комитета за июнь – сентябрь 1917 г. выглядела довольно скромно. Комитет за это время заказал в Главном комитете в Москве 10 посылок для нуждающихся ставропольчан на сумму 103 руб. 50 коп., еще 15 посылок было подготовлено на месте на сумму 78 руб. 50 коп. Таким образом, непосредственно на помощь военнопленным Комитет потратил 182 руб. Значительная часть средств была потрачена на агитацию и призывы оказывать помощь пленным – издание 3 000 воззваний на 43 руб. 76 коп., публикацию 1 000 экз. правил сношения с военнопленными на 100 руб., оплату объявлений в газетах на 17 руб. 25 коп., итого: 161 руб. 01 коп. Остальные расходы распределились следующим образом: издание 600 бланков – 6 руб., книг для регистрации – 9 руб. 50 коп., закупка цветной бумаги для почтовых открыток – 29 руб. 84 коп., издание почтовых открыток для переписки с военнопленными – 40 руб., закупка ящиков и бочек для перевозки заготовленных продуктов – 112 руб. 10 коп., всего расходы Комитета составили 658 руб. 50 коп. Доходы отдела помощи военнопленным составили за это время 1 713 руб. 10 коп., из которых 1 000 руб. составил кредит, полученный от Земского союза⁴¹. В принципе, пожертвования перекрыли все расходы Комитета на помощь военнопленным, но дело заключалось в том, что объемы помощи оказались весьма мизерными.

По самым скромным подсчетам, в помощи нуждалось около 350 ставропольчан, а посылок было отправлено за 4 месяца всего 25. Комитет стремился составить полный список военнопленных, но это тоже не удалось сделать. Сотрудники отдела отправили всего 40 запросов в Российское отделение Красного Креста об определении местонахождения военнопленных ставропольчан, в то время как в списках «неопределенцев» значилось более 200 чел. Правда, из 40 запросов из Москвы пришли ответы на 30, из которых следовало, что местонахождение 28 чел. неизвестно⁴². Все это позволяет говорить о неудовлетворительных результатах работы Отдела помощи русским военнопленным в июне – сентябре 1917 г. Это прекрасно понимала и заведующая отделом Дьяченко Л.С. На одном из заседаний отдела она в отчаянии заявила: «Все чувствуют и сознают, что существующая до сих пор организация помощи военнопленным даже не удовлетворительна...»⁴³. Причины этого явления она видела в следующем: 1) неопределенность функций и полномочий отдела, 2) удаленность от Москвы и вследствие этого отсутствие четких инструкций и распоряжений из центра; 3) острая нехватка средств. Кроме этого, она выделяла среди трудностей отсутствие складских помещений, где можно было бы хранить продовольствие для пленных, и самое главное – набирающий силу в России продовольственный кризис, который приобретал черты катастрофы. Даже при наличии денежных средств зачастую невозможно было в губернии приобрести продовольствие, и это притом, что Ставрополье являлось одним из главных

³⁹ Северокавказский край. 1916. №105.С.3.

⁴⁰ ГАСК. Ф.116. Оп.1. Д. 278. Л.234-238.

⁴¹ Там же. Л.360.

⁴² Там же. Л.405.

⁴³ Там же. Л.393.

производителей в стране зерновых культур и мяса. В губернии даже закупка сухарей стала невыполнимым делом. Поэтому отделу пришлось вместо сухарей заготавливать для пленных бублики, которые еще встречались в продаже. В истории с бубликами возникал еще один вопрос, о котором Дьяченко Л.С. скромно умолчала. Бублики отдел закупал максимум по 50 коп. за фунт, а сухари, которые были дешевле бубликов, приобретались в Главном управлении Земского союза по 70 коп. за ф. (!).

Главная причина неудовлетворительной ситуации с оказанием помощи русским военнопленным заключалась в нарастающем в стране экономическом и политическом кризисе. Население было растеряно, проявляло полную апатию к происходившим в стране и за ее пределами событиям. Ответной реакцией на социальный катаклизм стало полное погружение в проблемы собственного хозяйства и семьи, благотворительность в этих условиях становится невостребованной. Местные жители просто игнорировали призывы о помощи военнопленным. Отдел в своей деятельности делал ставку на интеллигенцию и духовенство, которые, в отличие от крестьян, всегда проявляли свою гражданскую позицию. Однако летом 1917 г. и этого уже не наблюдалось, отчасти из-за безразличия, которое охватило часть представителей данных социальных групп, а отчасти из-за того, что в 1917 г. интеллигенция и духовенство уже не пользовались среди крестьянства таким авторитетом, который мог подтолкнуть их к оказанию помощи пленным. Помимо этого следует учитывать, что большую часть средств для пленных в стране традиционно поставляли средний и высший классы, а в Ставропольской губернии эти социальные группы были малочисленны и также инертны.

Столь негативное положение дел в вопросе об оказании помощи военнопленным отдел пытался исправить в октябре – декабре 1917 г. Согласно утвержденной смете, планировалось выслать пленным 300 посылок стоимостью 7 руб. 50 коп. (5 ф. бубликов, 1 ф. сала, 1/2 ф. мыла 1/2 ф. соли) и 300 посылок стоимостью 12 руб. (фуфайка, рубаха, кальсоны, портянки, носки, 1/2 ф. мыла)⁴⁴. Общая стоимость посылок оценивалась в 10 350 руб. При этом основная ставка делалась на финансовую помощь земства. Накануне свержения Временного правительства земство выделило 10 пудов мыла для военнопленных. Одновременно поступают и очередные пожертвования. В октябре 1917 г. ставропольский госпиталь №6 пожертвовал на помощь военнопленным 45 руб.⁴⁵ Однако после того как в Петрограде произошли драматические события, связанные с взятием большевиками власти, функционирование существовавшей системы государственной власти и органов местного самоуправления было прекращено. Одновременно с этим разрушилась и система оказания помощи военнопленным, созданная земством.

⁴⁴ Там же. Л.358-359.

⁴⁵ Там же. Л.384.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ СТАВРОПОЛЬЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТЯСЕНИЙ

Как известно из исследований современных авторов¹, в годы Первой мировой войны, накануне революционных событий 1917 года военнопленные солдаты Австро-Венгрии, попавшие по «разнарядке» государственных органов в Ставрополь и окрестные села, составили значительную часть востребованной в регионе рабочей силы. В городе, в силу отдаленности его от крупных учебных центров, всегда не хватало кадров технических работников и грамотных чиновников. После 1914 года эта ситуация усугублялась тем, что часть квалифицированных кадров рабочих и техников оказались в действующей армии. На Ставрополье военнопленные привлекались не только к малоквалифицированной работе, но и в качестве специалистов производства. Более того, некоторые образованные офицеры допускались даже к работе в органах местного управления, правда, в должности низших чиновников. Например, русин из Галиции Григорий Герасимович Хитренский, призванный на войну с юридического факультета Львовского университета, полтора года, вплоть до 1918 года, работал в уездной земской управе г. Святой Крест переводчиком в отделе по делам военнопленных.

В данной статье военнопленные рассматриваются в контексте проблем социальной истории локальных сообществ Ставрополья, в частности, в контексте городской истории. Военнопленные, имевшие особый политический статус, вплетались в социальную ткань региона, занимая свое место в повседневной жизни города и села. Потрясения революций 1917 года отразились как на правовом положении военнопленных, так и на их социальном существовании.

После провозглашения 1 января 1918 г. в Ставропольской губернии советской власти в регионе официально законодательная власть перешла в руки Советов, а исполнительная – Совета Народных Комиссаров во главе с Пономаревым. Реально же решать все дела в отдельных населенных пунктах приходилось местным уездным и городским советам. Кризис власти, характерный для переходных периодов, неразбериха в управлении коснулись и ведомства, занимавшегося делами военнопленных. Об этом свидетельствует запрос губернской продовольственной коллегии губисполкому, которому подчинялся отдел военнопленных, от 25 мая 1918 года о сведениях по работе данного отдела. Коллегия нашла делопроизводство отдела в полном беспорядке. Было даже неизвестно, кому за два месяца до запроса передал дела о военнопленных ушедший на другую работу бывший руководитель отдела С.А.Мандрыкин². Все это обостряло общую атмосферу нестабильности во всех сферах жизнедеятельности ставропольского общества.

Дела военнопленных перешли из рук земства в управление военнопленных при продовольственной коллегии губернского совета. В то же время реально военнопленными распоряжались, как и прежде, продовольственные органы уездной власти, о чем свидетельствуют документы фондов Государственного архива Ставропольского края по делам военнопленных. В частности, в Ставропольский губернский СНК адресованы не только прошения от военнопленных, но и информация уездных продовольственных комитетов или уездных советов о военнопленных. Так, Продком Благодарненского уезда 22 марта 1918 года сообщает именно Ставропольскому совнарком о смерти 12 марта этого же года от туберкулеза легких военнопленного румына Алексея

¹ См.: Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006.

² ГАСК. ФР–39. Оп. 1.. Д. 8. Л.31.

Гривы в больнице села Благодарного³. Информация же о смерти венгра Кароля Резака от оспы 11 апреля 1918 года подписана Александровским уездным исполкомом советов⁴.

Очевидно, что новые органы управления пытались сохранить прежний порядок контроля над военнопленными и информирования об их жизни. К сожалению, источники свидетельствуют, что эти попытки оказались безрезультатными. Политическая нестабильность и слабость местной власти, неразбериха в управлении и задачи выживания самой власти привели не только к резкому уменьшению количества военнопленных в губернии, но и практически к бесконтрольности их бытования в регионе.

Для любой новой политической системы при первых ее шагах характерен некоторый утопизм, но особенно богата обилием утопически-романтических решений начальная история власти большевиков. На новое правительство Ставрополя буквально обрушилась лавина повседневных проблем и социальных неурядиц. Старое управление оставило в наследство советским руководителям Ставрополя такую социальную болезнь, как безработица, дополнительный рост которой был спровоцирован революционными событиями. СНК Ставропольской губернии приняла совершенно утопический проект мгновенного решения этого вопроса за счет военнопленных. Справедливости ради, надо отметить, что многие острые проблемы, связанные с трудом и жизнью военнопленных, советская власть унаследовала от режима Временного правительства.

Один из первых приказов Ставропольского губернского СНК в январе 1918 г. потребовал повсеместно заменить военнопленных – работников городских служб, организаций и частных хозяйств на безработных из числа российских подданных, зарегистрированных местной биржей труда. Так, в первую очередь, подобное распоряжение о замене 16 грузчиков из военнопленных местными безработными пришло в управление Ставропольской железнодорожной станции⁵. Затем подобный приказ получила городская управа, которая должна была заменить безработными 9 кузнецов – военнопленных. Безработные должны были заменить военнопленных всех предприятий, находившихся в ведении городской управы⁶. Уездная народная управа должна была освободить для безработных за счет военнопленных 4 места писцов⁷.

Лишались военнопленных и многие службы городского хозяйства. Так, заведующий местной электростанцией должен был вместо квалифицированного специалиста из военнопленных на должность электротехника взять безработного, безработные должны были занять места 9 ящиков почты, 2 перевязчиков проводов в службе телефонной связи⁸. Распоряжения местной власти требовали сменить рабочих на мельницах, в хлебопекарнях, в аптеках и в местных лавках⁹. Освободиться от работников из числа военнопленных должна была и местная промышленность. Несколько уведомлений получили владельцы завода Деминых, гвоздильный завод должен был заменить 4-х рабочих военнопленных, 2 военнопленных должны были уволить с завода Ройте¹⁰.

Не минула эта чаша и учреждения образования и культуры, например, Александровское училище, 2-ую мужскую гимназию, Ольгинскую женскую гимназию, Учительский институт и учительскую семинарию, так же, как и духовную семинарию, театр «Солей» и музей¹¹. Военнопленные должны были быть уволены из контор всех благотворительных организаций, в частности, в комитете Марии Павловны военнопленные должны были освободить 6 мест чернорабочих, в комитете

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 27 – 28.

⁵ ГАСК. ФР – 39. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-4.

⁶ Там же. Л. 8, 9 – 12.

⁷ Там же. Л. 22 – 23.

⁸ Там же. Л. 10, 25, 31, 74.

⁹ Там же. Л. 12, 20, 75, 86, 90 – 95, 104, 134, 183.

¹⁰ Там же. Л. 9, 32, 34.

¹¹ Там же. Л. 11, 28, 30, 38, 48, 78, 182.

по устройству детей павших воинов – 10, а губернском обществе потребителей – 2¹². Замена военнопленных безработными предстояла в госпиталях и лазаретах, на постоянных дворах и в гостиницах, столовых и парикмахерских¹³. Даже руководители городской психиатрической лечебницы должны были принять на работу вместо военнопленных 5 санитаров из безработных¹⁴.

Учреждения городского хозяйства и частные владения жителей Ставрополя, только по грубым подсчетам, одновременно должны были потерять более 460 работников из числа военнопленных. В реальности картина была совсем иная. Во-первых, новые органы управления делами военнопленных не имели верного представления о занятости военнопленных не только в экономике губернии, но и города на весну 1918 года и действовали согласно данным, имевшимся в делах местных органов до января 1918 года. Действительность была таковой, что, как справедливо отметил И.В. Крючков¹⁵, начиная с конца 1916 года, число военнопленных в регионе неуклонно уменьшалось из-за их самовольного ухода, бегства и скрытой натурализации. В результате типичным на распоряжение местной власти был ответ работодателей военнопленных о том, что в их хозяйстве уже давно среди работников военнопленных нет.

Добрая половина хозяйств и учреждений еще в 1917 году лишилась военнопленных работников. Например, в кузнице городской управы к моменту запроса все места кузнецов, которые значились за военнопленными, уже были замещены русскими¹⁶. На заводе Демина еще после февральских событий 1917 года заводской комитет распорядился заменить военнопленных демобилизованными российскими солдатами¹⁷. Давно были замещены солдатами работники-военнопленные на мельнице Гольдбейха¹⁸. В театре «Солей» светомехаником уже несколько месяцев работал не военнопленный, который убыл в неизвестном направлении, а русский солдат¹⁹. Губернское общество потребителей доносило, что один из работавших здесь пленный бежал, а другой уволен. Такое же заявление последовало и от В.Т. Мишина²⁰. В магазине Б.Н. Бедросова, как и в Ольгинской гимназии, и в десятках других организаций, к моменту данного приказа местных органов советской власти военнопленных также не оказалось²¹.

Одной из причин отказа выполнять решение о замене военнопленных работников было как финансовое положение работодателей, так и самих военнопленных. В частности, многие из тех, кто использовал труд военнопленных, понимали, что за столь низкую заработную плату русские работники не согласятся наниматься. Об этом писал начальник железнодорожной станции Ставрополь, когда формулировал причины своего отказа²². Не соглашались хозяева брать взамен военнопленных безработных на должность ассенизаторов, т.к. оплата не соответствовала тяжести труда²³. В своем отказе заменять военнопленного рабочего безработным Ф.Т. Кортиков прямо писал: «наем за такую цену невозможен»²⁴. В то же время работники из военнопленных были в таком стеснительном положении, что соглашались на двойную работу за мизерное жалование. Так, домовладелец Пашков заявлял, что ему не нужен чернорабочий, ибо военнопленный повар

¹² Там же. Л.13, 14, 40.

¹³ Там же. Л.7, 15, 43, 72, 73, 77, 149, 150,205, 207.

¹⁴ Там же. Л. 146 – 146об.

¹⁵ Крючков И.В. Указ. соч. С. 94.

¹⁶ ГАСК. ФР – 39. Оп. 1. Д. 2. Л. 8об.

¹⁷ Там же. Л. 29.

¹⁸ Там же. Л. 183.

¹⁹ Там же. Л. 114.

²⁰ Там же. Л. 40, 56.

²¹ Там же. Л. 75, 182.

²² Там же. Л.2.

²³ Там же. Л. 178, 180об.

²⁴ Там же. Л. 108.

выполняет всю черновую работу по дому²⁵. У Г.И. Курояцкого также за одно пособие военнопленный квалифицированный портной должен был заниматься и уборкой дома²⁶.

Материальное положение военнопленных было таким бедственным, что даже губернский отдел коммунального хозяйства ходатайствовал перед финансовым отделом о выдаче жалования Алексею Грубее и Эдуарду Мартынюку за июнь 1918 года. Это были истопники «присутственных мест», т.е. бывших земских помещений, которые получали кормовые – 45 рублей в месяц и жалование – 10 рублей, из которых 5 рублей удерживались в фонд военнопленных. Живя впроголодь, работники не могли себе позволить приобрести необходимую одежду. Поэтому-то коммунхоз разрешил выдать им с вещевого склада что-нибудь из одежды²⁷.

Резкое ухудшение уровня жизни горожан стало мотивом к отказу от работников вообще. Поэтому военнопленные уже либо были отпущены, либо дорабатывали последние дни, т.к. даже таких незначительных средств для содержания наемных работников у многих домохозяев просто не стало. В частности, известный в городе купец Меснянкин отказался от услуг дворника из-за ликвидации хозяйства, поэтому менять на безработного ему было некого²⁸. Что ж было говорить о более мелких хозяевах. С.С. Левченко, Я.А. Шматков и С.Г. Островская и др., кто содержал по 1 работнику, не могли больше их содержать²⁹. М.Т. Орлов отказался от работника, т.к. не получил землю под сельскохозяйственные работы, а Тимофеев отказался от услуг кучера, «т.к. сам правлю»³⁰.

Не было средств содержать прежний штат и местным организациям и учреждениям. Например, в учительской семинарии, все вспомогательные должности были упразднены «в виду бедности учащихся (детей крестьян и мещан)», а зимой рассыльным мог служить один из учащихся³¹. В духовной семинарии из 4-х штатных должностей рабочих было занято 1 место, и по бедности семинаристов до начала занятий эти должности не занимались. Поэтому-то военнопленные здесь не требовались³².

Источники свидетельствуют о жестком сопротивлении руководителей предприятий и учреждений города, а также частновладельцев попытке заменить военнопленных безработными в силу высокой квалификация первых и из-за отсутствия таких ценных кадров в городе. Главный врач Ставропольского госпиталя категорически отказался менять военнопленных, «как квалифицированных специалистов». Более того, здесь важен был фактор нравственной благонадежности, в которой у военнопленных начальник не сомневался. Для каптенариуса необходимо было удостоверение учреждения о том, что ему можно доверять. Такое удостоверение было у военнопленного, занимавшего эту должность³³.

Ювелир Могильницкий, дважды получивший от властей уведомление о необходимости замены его работника-военнопленного, дважды мотивировал свой отказ подчиниться властям, т.к. этот военнопленный был редким мастером золотых и часовых дел. Владелец ювелирного магазина поставил условие, чтобы рекомендованный безработный обладал бы таким же мастерством³⁴. По той же причине отказался подчиниться распоряжению заведующий телефонной сетью, т.к. среди безработных нет специалистов по перевязке проводов³⁵. Главным аргументом домовладельца Минца против принятия дворника из безработных был тот факт, что

²⁵ Там же. Л.193об.

²⁶ Там же. Л. 116.

²⁷ ГАСК. ФР – 163. Оп. 1. Д. 14, Л. 38, 44.

²⁸ ГАСК. ФР – 39. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

²⁹ Там же. Л. 147, 163, 181.

³⁰ Там же. Л. 105, 106.

³¹ Там же. Л. 30.

³² Там же. Л. 38.

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ Там же. Л. 17, 27.

³⁵ Там же. Л. 31об.

военнопленный был технически грамотным и хорошо знал новые образцы котлов в доме³⁶. На особую систему отопления ссылались и губернское акцизное управление, когда отстаивали сохранение истопников-военнопленных³⁷.

Владелец парикмахерской Кеворков в ответ на приказ властей просил оставить у него мастера из военнопленных, т.к. тот владеет всеми видами парикмахерского искусства³⁸. Большую ценность представляли военнопленные для хлебопекарен, где они работали тестомесами и мастерами-пекарями³⁹.

Нельзя, конечно, исключать, что не все сведения об отсутствии в данном хозяйстве или учреждении военнопленных соответствовали действительности, т.к. работодатели пытались скрыть от местных органов хороших работников. Некоторые свой отказ отдавать военнопленных мотивировали ограниченностью сроков работы. Трудно расценивать такие заявления иначе, чем как отговорку для сохранения ценных работников. Например, П.В. Лукинов отказался менять военнопленного работника, т.к. последний «будет работать до 15 февраля», а у В.В. Калужного срок пребывания военнопленного в работниках был якобы ограничен 1 марта⁴⁰. Начальство лазарета № 12 вообще стало запугивать местную власть наличием заразных больных, за которыми уже ухаживали 10 санитаров – военнопленных⁴¹. В делах Ставропольского совнаркома хранится список более чем 40 домохозяев, которые вопреки распоряжению местного совнаркома продолжали держать работников-военнопленных⁴². Эти обстоятельства, а также анализ справок о военнопленных, представленных в губисполком в ответ на рассматриваемые в данной статье его решения, показывает, насколько слабым был авторитет новой местной власти. Тот же начальник лазарета заявил в отписке в СНК, что заменит военнопленных санитаров безработными, «когда сочтет нужным»⁴³. Народная земская управа вообще вначале не признала силу советского документа, заявив, что ее председатель «такой же избранник народа»⁴⁴. Запутанность отношений между различными ветвями власти и представителями различных социалистических партий открывали множество лазеек для невыполнения приказа об отъезде военнопленных и замене их безработными. Например, при складе Земгора не стали заменять 7 австрийских военнопленных нашими демобилизованными солдатами, поскольку руководители договорились с председателем местного совета меньшевиком Мещеряковым, находившимся в оппозиции большевистскому руководству совнаркома, и комиссаром продовольствия Мацкевичем о сохранении этих рабочих, а также квалифицированных чертежников⁴⁵.

К лету 1918 года стало очевидным, что проблема военнопленных в Ставрополе перестала быть одной из насущных в городской жизни. Об этом можно судить по иссякающему потоку прошений военнопленных о перемене места жительства, о заключении браков с местными женщинами. Все они датированы февралем 1918 года. К примеру, Мечислав Когоровский, «военнопленный польского происхождения», просил разрешения выехать в Украину в город Золотоноша Полтавской губернии по месту проживания его родных. На «советскую Украину», где жил брат его жены, стремился и упоминавшийся ранее военнопленный Г.Г. Хитренький. На Украину, в Киев, просился и 47-летний поляк Войцек Блазеевич Олекса, который служил курьером в уездной земской управе города Святой Крест⁴⁶. Военнопленные за несколько месяцев революции успели ус-

³⁶ Там же. Л. 69об.

³⁷ Там же. Л. 101.

³⁸ Там же. Л. 207.

³⁹ Там же. Л. 86 – 96.

⁴⁰ Там же. Л. 160, 162.

⁴¹ Там же. Л. 72об.

⁴² Там же. Л. 235 – 240.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 23 об.

⁴⁵ Там же. Л. 118.

⁴⁶ ГАСК. ФР – 39. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 7, 13 – 14.

войть новый язык революционной печати и революционных митингов. Так, Олекса в своем прошении отмечает хорошее знание украинского языка, «почему могу принести пользу освобожденному Украинскому народу и там перейти в российское подданство»⁴⁷. Следует отметить, что все эти прошения были отклонены с резолюцией: «отказать впредь до установления мирных отношений России с Центральными державами, когда передвижение бывших подданных Центральных держав в пределах России не будет угрожать опасностью»⁴⁸.

Что касается гораздо более редких решений военнопленных остаться на Ставрополье как постоянном месте жительства, то эти прошения удовлетворялись местной властью гораздо охотнее, хотя и с определенной опаской. Так, военнопленный чех Генрих Вошницкий, католического вероисповедания просил «освободить меня и дать мне свободно проживать в Российской республике». Он рассчитывал как мастер-портной открыть пошивочную мастерскую в Святом Кресте, чтобы «своим знанием ввести усовершенствование всего означенного дела»⁴⁹. Прощение не было отклонено, но и разрешения не последовало, в вихре событий последующих бурных лет трудно проследить его дальнейшую судьбу. Иосифу Ивановичу Иванову дано было Разрешение проживать в селе Предтеченском Благодарненского уезда Ставропольской губернии с предоставлением русского гражданства и свободы передвижения в случае согласия Ставропольского губернского совета⁵⁰.

Надо отметить также, что прошение, как правило, сопровождалось не только удостоверением с места службы, но и характеристикой о лояльности русским. В частности, удостоверение того же Хитренького сопровождалось характеристикой, что он «во враждебном отношении к славянскому делу вообще, а к русским, в отдельности уличен не был». Характеристика Олексы имела приписку: «не относился к русским враждебно»⁵¹.

Можно предположить, что в условиях слабой организации местного управления и недееспособной политической власти в регионе многие просители реализовывали свои желания о миграции самовольно, независимо от распоряжений власти. После передачи Мандрыкиным 27 марта делопроизводства отдела по делам военнопленных Н.А. Огольцеву в отдел поступило только несколько заявлений турецкого подданного Абдулы Измаила о продлении разрешения на проживание в селе Петровском Ставропольской губернии и открытии там своего дела⁵².

Таким образом, можно говорить о массовом самовольном исходе военнопленных из губернии еще до прихода сюда Белой армии. Поэтому в 1920 году с окончательным приходом в регион советской власти вопрос о военнопленных стал в большей степени частью вопроса о правах и обязанностях иностранцев, основывавшихся на Конституции РСФСР 1918 года и других законодательных документах центральных органов советской власти. В Заключении о положении иностранцев в Советской России говорилось о том, что РСФСР в отношении к иностранцам, к которым относятся и военнопленные, руководствуется только одним принципом – уравниванием их в общих гражданских правах с гражданами Республики. При этом подчеркивалось, что все свои права сохраняли и представители стран, воюющих с Россией, например, Польши в том случае, если они были трудящимися. Если же иностранцы представляли буржуазные и помещичьи круги, то их права ограничивались специальными постановлениями центральной советской власти⁵³. В действительной жизни наряду с классовым принципом в действиях местных властей сохранялся и подход, связанный с условиями военного времени. От всеобщей

⁴⁷ Там же. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Л. 3, 9, 14.

⁴⁹ Там же. Л. 5.

⁵⁰ Там же. Л. 16 – 17.

⁵¹ Там же. Л. 8, 14.

⁵² Там же. Л. 18 – 25.

⁵³ ГАСК. ФР – 1280. Оп. 1. Д. 88.. Л. 25, 25об.

трудоу повинности, как разъясняла телеграмма председателя комиссариата труда, иностранцы не освобождались, хотя военной мобилизации не подлежали⁵⁴. Последние массовые отправки военнопленных и иностранных подданных были уже организованными. Например, в ноябре 1920 года в Пятигорске было объявлено, что всем подданным Германии следует в двухдневный срок зарегистрироваться для отправки из Пятигорска в Москву специальными эшелонами 2 декабря, чтобы затем переехать на родину⁵⁵.

Таким образом, статус военнопленного в новых условиях меняет свое содержание, а в жизни региона эта категория как отдельный социокультурный пласт перестает существовать. Оставшиеся военнопленные влились во вновь провозглашенные классы и разделили их судьбу.

⁵⁴ Там же. Л. 178.

⁵⁵ Там же. Л. 33.

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТАХ»
ПРЕЗИДЕНТА США ВУДРО ВИЛЬСОНА**

Шел 1916 год. Именно тогда состоялся стратегический перелом в пользу союзников. Верден, Брусиловский прорыв и битва на Сомме потрясли оборону Центральных держав. Тогда же на совещании в Спа в присутствии Гинденбурга, Людендорфа и канцлера Гертлинга Вильгельм решил начать мирные переговоры с Антантой через посредничество королевы Нидерландов. Австрийский император Карл, барон Буриан и начальник генштаба австро-венгерской армии Арц фон Штрауссенбург присоединились к этому решению. В декабре 1917 г. Австрия сформулировала собственные военно-политические цели. Во-первых, территориальная «целостность Монархии». Во-вторых, небольшие стратегические изменения границ с Россией и Румынией. Больше всего, по мнению венских политиков, должна была потерять Сербия, передавая часть территорий Болгарии и Албании. Район Мачвы и Белград должен был отойти к Монархии. Причем Сербия должна была установить с ней тесные экономические связи. Предполагалось, что Албания восстановит государственность под австрийским протекторатом. А коридор, который должен был проходить через Черногорское королевство, соединял бы обе страны. С Италией никакой модификации границ (учитывая, что Австро-Венгрию от нее отделяли горные массивы) не предполагалось.

Официальный Вашингтон, как известно, в конце 1916 и в течение 1917 гг. прилагал все усилия для подготовки мирной американской программы. В качестве дипломата президент Вильсон не считался сильной политической фигурой. До начала войны его научные интересы преимущественно затрагивали проблемы конституционного права, и будущий президент был признанным специалистом в этой области. Кроме того, он писал популярные работы по американской истории. Тем не менее, президент (и он неоднократно признавал этот факт) не стал знатоком внешнеполитических проблем, в особенности тех вопросов, которые затрагивали этно-территориальное размежевание в Европе.

Именно тогда, впервые в американской дипломатической практике проявилась необходимость проведения внешнеполитической экспертизы. Особую роль в выборе экспертов сыграл помощник и друг президента полковник Хауз. Он рекомендовал Вильсону в качестве экспертов «Инкуайри» молодого журналиста Уолтера Липпмана и своего двоюродного брата Сиднея Мезеса. Если оценить количество докладов, которые со временем подготовил «Инкуайри», то становится понятным, какое направление европейской политики было для Вашингтона наиболее важным. Проблемам Австро-Венгрии посвящалось 7 докладов; балканская тематика рассматривалась в четырех; русской и восточноевропейской посвящено 15 докладов. Сравним, скажем, с Италией – 1 доклад, а положение в Западной Европе анализировалось в 5 меморандумах.

При этом фонды выделялись довольно солидные. По состоянию на сентябрь 1918 г. было получено для изучения Австро-Венгрии соответственно – 1.594.53 дол., Балкан – 43.000 дол., России – 1.616.61 дол., дипломатической истории – 2.170.74 дол., Латинской Америки – 4.409.22 долларов¹.

Следует отметить, прежде всего, старательность и осторожность, с которой готовился окончательный текст речи президента. Можно без преувеличения сказать, что работа над «14 пунктами» отличалась филигранностью. Липпман, упоминая, например, о разработке тезиса относительно Эльзаса и Лотарингии, писал: «Каждое слово подбиралось с исключительной осторожно-

¹ Gelfand L. E. The Inquiry. American preparations for peace, 1917-1919. New Haven, 1963. P.46, 102.

стью». И дальше: «Публичное Заявление, которое должно было передать широкий комплекс вопросов несколькими словами». Понятно, что такой подход использовался ко всем другим проблемам, которые предлагались вниманию международной общественности. В случае с Австро-Венгрией, проблемы которой казались наиболее сложными и запутанными, авторы текста речи должны были проявлять предельную осторожность. Принцип, которым руководствовались, готовя внешнеполитические документы, был такой. Ядро экспертов «всегда оставалось хозяином фактов, ими собранных, и сохраняло неизменную объективность, анализируя непостоянные и противоречивые спорные вопросы, которые вытекали из этих фактов»².

Проблема будущего многонациональной Австро-Венгерской империи привлекла внимание политиков и дипломатов во время разработки программы американских военных целей. 9 ноября 1917 г. один из будущих экспертов, Мезес, подготовил меморандум, в котором вместе с вопросами глобальной политико-экономической стратегии анализировалось положение национальностей Австро-Венгрии (поляков, чехов, югославов). В частности, планировалось изучить прошлое и настоящее этих народов: историю, расселение, систему управления. Автор обращал внимание на те проекты национальных политических партий, которые предусматривали создание в регионе после войны удобного с «географической и экономической точек зрения союза», жизнеспособность которого гарантировалась бы «выходом к морю и рынками»³. Эксперты, разрабатывая программу военно-политических целей США, советовали президенту использовать для ослабления Австрии национальные движения чехов и южных славян. Ограниченная поддержка славянства, по их мнению, не должна была привести к распаду Австро-Венгрии и созданию славянских государств. Наоборот, Вильсон в своих выступлениях, когда речь заходила о Дунайской монархии, использовал формулу, которая предусматривала после войны «широчайшую автономию» для её народов.

Комитет «Инкуайри» также рекомендовал президенту обратить особое внимание на славянский фактор на территории Восточной Европы. В меморандуме экспертов С. Мезеса и У. Липпмана отмечалось, что Центральные державы столкнулись с тремя насущными политическими проблемами (польской, чешской и югославянской). Рост национального недовольства у чехов и возможность такового в Польше, считали авторы, приведет к нестабильности во всей Австро-Венгрии. «Поэтому наша политика должна ориентироваться» на умеренное раздувание национального недовольства. Авторы документа предостерегали: необходимо отказаться от поддержки его крайней логики: «Ведь это может вызвать распад Австро-Венгрии». Более того, аналитики предложили включить в текст речи Вильсона по поводу военных целей такой пассаж относительно Дунайской империи: «Мы с надеждой следим за дискуссиями, которые происходят сейчас между австро-венгерским правительством и народами Монархии. Тем не менее, зависимость Австро-Венгрии от правителей Германии, которая привязана к ней долгом..., нужно уничтожить с тем, чтобы Австро-Венгрия могла свободно занять надлежащее место среди других государств»⁴.

Распад Габсбургской монархии и возможность возникновения в Дунайском бассейне независимых славянских государств не устраивали и официальный Лондон. 21 ноября в разговоре с представителем польской политической эмиграции Я. Городиским глава Форин офиса Бальфур, хотя и отметил, что его личные симпатии на стороне чехов и поляков, высказал серьезные предостережения относительно намерений польских и чешских эмигрантских кругов объявить в скором времени о независимости Польши и Богемии. Британский политик высказался в пользу «самоуправления (home rule) в пределах австро-венгерской империи»⁵. Такой подход к национальным

² Lippmann W. Public opinion. N.Y-L., 1965. P.136.

³ From S.E. Mezes to W.Wilson, with Enclosure, Nov.9, 1917 // The Papers of Woodrow Wilson.Vol.44.P.550 (Далее: Papers).

⁴ «The Present situation: The war aims and peace terms it suggests. A Memorandum by S.E.Mezes, D.H.Miller and W.Lippman» // Papers. Vol.45. P.471.

⁵ Fest W. Peace or partition? The Habsburg Monarchy and British policy 1914-1918. N.Y, 1978. P.170.

проблемам Центральной Европы был присущ традиционному мыслящим британским политикам, которые плохо ориентировались в политической ситуации в регионе. Так, например, многие политики считали словосочетание «чехо-словак» неудачной выдумкой эмиграции. Среди парламентариев господствовало представление, что чехо-словаки живут на Балканском полуострове⁶. А по свидетельству одного из них, премьер-министр выяснял «кто такие чехо-словаки»⁷. Отвечая многочисленным оппонентам из лагеря австрофилов, Масарик так мотивировал необходимость появления нового термина: «Слово «чехо-словак» (Czecho-slovak, Czechoslovak), будучи более поздней языковой формой, применяется для обозначения тесного союза (между чехами и словаками. – В. Ф.) и как таковая довольно часто используется»⁸.

Американская дипломатическая стратегия в концентрированном виде изложена в мирной программе («Четырнадцать пунктов» президента Вильсона). Ее подготовка на экспертном уровне, как уже отмечалось, началась с конца 1917 г. Работа с документами военной поры побудила автора обратиться к текстологическому анализу Десятого пункта речи президента, которую Вильсон произнес в Конгрессе 8 января 1918 г. Он непосредственно затрагивает важнейшую проблему Центральной Европы – «дальнейшие судьбы Австро-Венгерской империи. От того или иного ее решения во многом зависело будущее чехов, словаков, западных украинцев, хорватов, словенцев, поляков. Вечером того же дня состоялось обсуждение речи, с которой президент только что выступил в Конгрессе.

Заметим, что на позицию официального Вашингтона существенно повлиял Лондон. Ллойд Джордж постоянно подчеркивал незаинтересованность Британии в распаде Монархии. В январе 1918 г. на заседании кабинета он заметил, что необходимо «дать четко понять Австрии, что мы не собираемся её разваливать». В ходе дискуссий подчеркивалась мысль: «Австро-Венгрия должна сохранить могущественное влияние в Юго-Восточной Европе»⁹.

Через два дня премьер повторил этот тезис, выступая перед представителями тред-юнионов с речью относительно британских военных целей. Тем не менее, англичане не были бы англичанами, если бы не предусматривали другой возможности (т.е. дезинтеграции Австро-Венгрии) и заранее не готовились к ней. «Ваш Ллойд Джордж, “ говорил Троцкий британскому агенту в России Брюсу Локкарту, “ похож на Человека, который играет в рулетку, делая ставку на каждый номер»¹⁰. Поскольку провозглашение военных целей планировалось как общая дипломатическая акция двух государств, на Даунинг-стрит особенно позаботились о том, чтобы, как сказал Ллойд Джордж, «политика обеих наций, высказанная президентом и мной, находилась в гармонии»¹¹. Именно поэтому в Лондоне сделали всё возможное, чтобы формула, приемлемая для Габсбургов, обязательно появилась в речи президента относительно американских военных целей.

Отметим, что в литературе можно встретить противоположные трактовки 10 пункта. В 4-х томной «Истории США» написано, например, что президент выступал в поддержку автономии народов, которые населяли Дунайскую империю. Советский историк З.М. Гершов, автор политической биографии президента Вильсона, также склонялся к такой мысли: «Идея сохранения ее целостности нашла отображение в 14 пунктах»¹². А.И. Уткин, наоборот, считает, что принятие пунктов означало бы распад Австро-Венгрии¹³. Кстати, в работах американских авторов комментарии по поводу Десятого пункта также не являются глубокими. Во многих исследованиях лишь констатируется, что в Вашингтоне высказывались в пользу автономии для народов Австро-Венгерской монархии¹⁴.

⁶ Parliamentary debates. House of Commons. Vol. 90. Col. 952.

⁷ Ibid. Col.602.

⁸ The New Europe. 1917. 22 Febr.

⁹ The Mirage of Power. Vol.3. L., 1972. P.607-608.

¹⁰ Gardner L.C. Safe for democracy. The Anglo-american Response to Revolution, 1913-1923. N.Y., 1984. P.163.

¹¹ Sir E. Drummond to S.A. Spring Rice, Jan. 12, 1918 // Papers. Vol.45. P.577.

¹² История США. Т.2. М., 1985. С.385; Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983. С.149.

¹³ Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989. С.179.

¹⁴ Smith D.M. The Great depature. The United States and World War I. 1914-1920. N.Y. – L., 1965. P.95.

Первые попытки толкования текста подтвердили: в течение года американская дипломатия, постоянно изменяя акценты, по-разному интерпретировала этот пункт. Проанализируем известные нам документы. Проекты реформирования Габсбургской империи на федеративных началах поддерживались известными учеными и общественными деятелями задолго до войны. Французский историк Л. Леже писал в фундаментальной работе, посвященной австро-венгерским проблемам, что спасти страну от политической анархии может лишь установление нового *modus vivendi* между разными национальностями. Вот почему, по его мнению, срочно была необходима «трансформация нынешней дуалистической монархии в федеративное государство, где бы локальная автономия разных национальных групп соблюдалась и признавалась» (*the local autonomy of the different national groups will be respected and recognized*)¹⁵. Заметим, что, хотя эта идея импонировала Вильсону, ее изложение экспертами вряд ли устраивало политика. Президенту не понравился предложенный в меморандуме многословный вариант. Наверное, аналитики, опираясь на тезис Леже, учли это в дальнейшей работе над текстом. Формула, которая устраивала Габсбургов, была найдена в конфиденциальном письме Бальфура. Информирова Вильсона о тайных переговорах с австрийским представителем, глава Форин офис заметил следующее: выступая против распада Австро-Венгрии, Британия высказала пожелание, что в будущем народам, из которых составляется империя, будет «предоставлена возможность автономного развития» (*given an opportunity for autonomous development*)¹⁶. Итогом кропотливой аналитической работы, которая сопровождалась скрупулезной редакционной правкой, стал следующий текст пункта: «The peoples of Austro-Hungary, whose place among the nations of the world we wish to see safeguarded and assured must be accorded the freest opportunity of autonomous development»¹⁷. Вот его перевод: «Народам Австро-Венгрии, чье место между другими государствами мира мы надеемся видеть защищенным и гарантированным, необходимо предоставить широчайшую возможность автономного развития». Тем не менее, и этот текст не удовлетворил президента и поэтому не был окончательным. Вильсон, стараясь успокоить Вену, решил продемонстрировать приверженность принципам сохранения статус-кво, чтобы каким-то образом не нанести ущерб суверенитету Австро-Венгрии.

Президент отредактировал формулировку в той части, где речь шла о возможности «свободного автономного развития народов», заменив выражение «*must be accorded*» («необходимо предоставить») на «*should be accorded*» («следует предоставить»). Вследствие этого тон сказанного стал мягче, и венские политики должны были рассматривать предложение Вильсона исключительно в качестве совета, а не как требование.

Во-вторых, из выражения «*among the nations of the world*» («среди других государств/наций мира») исчезло слово «*world*» («мира»). При сохранении первого варианта в значительной мере суживались возможности двойного прочтения текста. Ведь выражение «*nations of the world*» толковалось исключительно как «государства мира», т.е. речь шла лишь о Габсбургской монархии и ее месте в системе государств. В таком случае невозможно было, при случае, прочитать «*among the nations*» как «среди наций», а это не устраивало официальный Вашингтон. Исключая слово «мира», можно было, при желании, отнести предлог «*whose*» («чье») к слову «народы» и читать текст так: «Народы Австро-Венгрии, чье место между другими нациями...» (курсив мой. «В.Ф.»). Итак, коренным образом менялось содержание написанного.

И еще одно. В окончательный текст речи по совету Липпмана включили слово «народы» («*peoples*»). В предыдущем меморандуме, написанном профессором Р. Кернером, экспертом по чешским делам, предлагались слова «нации» и «расы» (*races*). Тем не менее, преимущество было отдано термину «народы», который и использовали эксперты в окончательном тексте

¹⁵ Austria – Hungary. Based on the work of Paul Louis Leger. Philadelphia, 1906. P.457.

¹⁶ The Mirage of Power. Vol.3. P. 609.

¹⁷ The First Version of the Fourteen Points // Papers. Vol.45. P.481.

меморандума, представленном президенту Вильсону¹⁸. Со временем американцы изменили акценты, оказавшись перед необходимостью поддержать освободительное движение народов Дунайской империи. Но об этом позже.

Окончательный текст пункта 10 был таков: «The peoples of Austro-Hungary, whose place among the nations we wish to see safeguarded and assured should be accorded the freest opportunity of autonomous development»¹⁹. Автор дает тут собственный вариант перевода: «Народам Австро-Венгрии, чье место среди других государств мы надеемся видеть защищенным и гарантированным, следует предоставить широкую возможность автономного развития». Содержание написанного можно было толковать двояко (и это заранее предусматривали редакторы речи президента). В дипломатических кругах и среди наблюдателей сразу же возник вопрос, кого или что имел в виду Вильсон, говоря о гарантированном месте в мировом сообществе. Выясняя ситуацию, поделим пункт на две логически связанные между собой смысловые единицы.

1. Австро-Венгрия, чье место среди других государств мы надеемся видеть защищенным и гарантированным;

2. Народам... следует предоставить широкую возможность автономного развития.

Заметим: для современников такое понимание не было очевидным. Со временем кое-кто из исследователей допустил ошибку, стараясь по-своему, однозначно толковать текст пункта. Приведем тут мысль посла Франции в США Ж. Жюссера. В конфиденциальном письме в госдепартамент дипломат просил разъяснить, чье место «среди наций» президент надеялся видеть защищенным и гарантированным. Сам он считал, что речь идет о народах, которые проживали в Дунайской монархии. В ответе Вильсона отмечалось: «Французский посол верно интерпретировал мои мирные предложения относительно Австро-Венгрии»²⁰. В Вашингтоне такое толкование «держали» как бы про запас, для внутреннего пользования, учитывая возможные изменения политической ситуации в центрально-европейском регионе. Тогда предложенный Вильсоном (для Жюссера) вариант толкования не мог приобрести широкую огласку.

Учитывая существующие реалии, в Вашингтоне не вели разговор исключительно о народах, поскольку субъектом международного права выступала Австро-Венгрия, с которой США всё еще желали иметь дело. Ведь в западных столицах питали надежду на тайные контакты с Венной, надеясь заключить сепаратный мир с Габсбургами. Кстати, австрийские политики, ознакомившись с текстом «Четырнадцати пунктов», восприняли их, правда, не без колебаний, в качестве основы будущих мирных переговоров. Не случайно, известный американский исследователь В. Маматей писал, что в данном случае мы имеем дело с очень удачным приемом «психологической войны». «Каждый мог прочесть текст (пункта. – В.Ф.) так, как ему заблагорассудится», «писал он»²¹. Сам Вильсон в выступлении в Конгрессе 11 февраля 1918 г., оценивая реакцию официальной Венны на обнародование «Четырнадцати пунктов», отметил: «Ответ графа Чернина на мое обращение от 8 января выдержан в очень дружеском тоне»²².

Вильсон, как вспоминает его дочь, имел свой «особый метод» подготовки речей. Сначала он записывал суть на небольших листках бумаги, частично напечатанных на машинке, частично написанных от руки, потом снова делал вставки. Окончательный текст печатался на машинке на листах тонкой бумаги, в него «вносились некоторые исправления, опрятно вписанные между строк»²³.

¹⁸ Unterberger B.M. The United States, revolutionary Russia, and the rise of Czechoslovakia. Chappell Hill, 1989. P.95.

¹⁹ The Final Draft of the Fourteen Points. Jan.7, 1917 // Papers. Vol.45. P.527, 537.

²⁰ W.Wilson to F.L. Polk, Jan.23, 1918 // Papers. Vol.46. P.83.

²¹ Mamatey V.S. The United States and East Central Europe, 1914 – 1919. A study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda. Princeton, 1957. P.180.

²² In our first year of war. Messages and Adresses to the Congress and the people by Woodrow Wilson. N.Y. – L., 1918. P. 162.

²³ McAdoo Wilson E. The Woodrow Wilsons. N.Y., 1937. P.246.

Именно такой вид имел предыдущий вариант текста «Четырнадцать пунктов», который правил президент. Итак, то, о чем Вильсон писал Жюссерану в конфиденциальном письме, стало возможным лишь летом 1918 г. Тогда в дипломатических кругах предпочтение отдавалось следующей редакции текста: «Народам Австро-Венгрии, чье место среди других наций мы надеемся видеть защищенным и гарантированным, необходимо предоставить широкую возможность автономного развития». В Вашингтоне высказали пожелание видеть национальности империи Габсбургов равноправными членами международного сообщества именно тогда, когда распад Дунайской монархии хотя и ожидался, но не был еще таким очевидным.

Позднее Липпман подверг критике стратегию Вильсона в Центральной Европе, изложенную в «Четырнадцать пунктов». Тезис относительно Италии, “ писал он, “ игнорирует «стратегические соображения». Пункт относительно России, за исключением Польши, подтверждает «восстановление старых границ империи». Сербии обещан выход к морю, тем не менее, о Юго-Славии (Jugo-Slavia) не упоминается, так как предпочтение отдается «целостности Австро-Венгерской империи». Румыния в своих старых границах пребывает «с глазу на глаз с Венгрией». О чехо-словаках вообще не упоминается. «Расчленение» Турции не предусматривается, и возникает лишь одно твердое требование «нового государства» “ это Польша. Болгарский дипломат С. Панаретов записал в своем дневнике 8 января 1918 г. (в день провозглашения Вильсоном речи): «Я говорил, что сербы не удовлетворены посланием..., особенно пунктом X, который не ставил целью уничтожение Австрии и осуществление югославских мечтаний»²⁴.

Заметим, что именно тогда (в 1918 г.) у тех американцев, которые размышляли о дальнейшей тактике собственной страны в Европе, обозначился живой интерес к будущей судьбе Дунайской монархии. В материалах либерального еженедельника «The New Republic» отмечалось: «Проблема Австро-Венгрии “ это сейчас наша проблема, и выработать адекватную концепцию для нее “ одно из новых международных обязательств американского гражданина». Взяв на себя функции «созидателей» Новой Европы, на Западе считали необходимым поддержать планы создания в Дунайском бассейне славянской федерации или же конфедерации. В официальном комментарии к «Четырнадцать пунктов», в частности, отмечалось: «Соединенные Штаты поддерживают также программу, имеющую целью создание конфедерации Юго-Восточной Европы»²⁵. Интересно, что именно тогда руководство американских профсоюзов выступило со специальным заявлением на межсоюзной рабочей конференции. Предлагалась следующая формулировка: «Конференция подтверждает Четырнадцать пунктов, провозглашенные президентом Вильсоном, как условие установления и поддержания мира между равноправными нациями»²⁶.

Кстати, в самом тексте 10 пункта, приводимом в материалах, были ошибки. Народам Австро-Венгрии предлагалось предоставить не «широкую возможность» (freest opportunity) автономии, а «первую возможность автономного развития» (first opportunity of autonomous development)²⁷. Подобную ошибку допустили и австрийцы, переводя текст вильсоновской ноты. Даже министр иностранных дел Австро-Венгерской монархии пользовался текстом 10 пункта, в котором речь шла о необходимости предоставить «первую возможность» («erste Gelegenheit») автономного развития народам империи²⁸.

Почти все исследователи «Четырнадцать пунктов» сходились на мысли, что «пункт Десятый призывал к внутренней автономии для национальных групп внутри Австро-Венгерской империи».

²⁴ Panaretov S. Diary 1917-1921. Appendix // Petkov M. Petko. The United States and Bulgaria in World War I. N.Y., 1991. P.178 -179.

²⁵ Архив полковника Хауза. Т.4. М.,1944. С.156.

²⁶ Proposals of American Federation of Labor Delegates to Inter-Allied Labor Conference, London, Sept.17-20, 1918 // Labor's official war record / American Labor and the War by S. Gompers. N.Y., 1919. P.374.

²⁷ Ibid. P. 376.

²⁸ Nachlass Czernin // Haus-, Hof- und Staatsarchiv. P.A.I/ 1092 A. S.141. (Далее: HHStA).

«Только позднее Вильсон согласился с распадом империи, что привело к формированию слабых государств в Центральной Европе, подорвав баланс сил и открыв путь Гитлеру»²⁹.

Не случайно барон Мусулин сообщал Чернину в телеграмме от 28 января 1918 г., что заявления Вильсона и Ллойд Джорджа относительно будущей политики в австро-венгерском вопросе существенно подрывают великосербские планы. Констатация того, что расчленение Австро-Венгрии не предусмотрено в военных целях Антанты, вызвала в сербских эмигрантских кругах, как отмечал дипломат, «большое беспокойство». В связи с этим Югославский комитет в Лондоне выступил с заявлением, в котором отмечалось, что «демократизация Австро-Венгрии на основе автономии не может разрешить югославский вопрос». Этого можно достичь лишь в случае поддержки требований полного освобождения югославов из-под австрийской власти³⁰.

Обратимся к другим пунктам мирной американской программы, которые непосредственно касались австро-венгерских проблем, имея целью их сравнение с 10 пунктом. Упомянувшийся Фиерек так описывал подготовку мирной программы. Вильсон и Хауз, обсуждая текст, согласились, что нынешние пункты Лондонского договора, которые давали Италии власть над другими национальностями, вступили в конфликт с принципами, провозглашенными США. Незначительное замечание на полях, написанное Вильсоном на докладе «Инкуайри» по этому вопросу, превратилось в 9 пункт. Оба политика согласились, что турецкое господство в Европе завершилось. Пункт 11 относительно Балкан был достаточно расплывчатым, поскольку неопределенным оставалось будущее Монархии. Пункт 13 гарантировал восстановление независимого Польского государства. Он соответствовал принципам, провозглашенным полковником, и обещаниям Хауза своему другу И.Падеревскому. Один общий немецкий знакомый представил его Хаузу. Результатом этого визита было получение Польшей коридора³¹. Оценивая 9 пункт, Липпман писал, что в нем признавался принцип национальности, а это означало лишь одно: условия Лондонского договора не признавались. Территориальное размежевание, предложенное настоящим договором, эксперт охарактеризовал как «полустратегическое, полуэкономическое, полуимпериалистическое, полуэтническое». По его мнению, симпатии союзников могли получить только те требования Рима, которые оказывали содействие восстановлению «истинной» Italia Irredenta. Все же другие, как считали в проинформированных кругах, лишь «сдерживали неминуемое Югославское восстание» («delayed the impending Yugoslav revolt»)³². В пункте 11, в частности, говорилось: «Румыния, Сербия и Черногория должны быть уволены; оккупированные территории восстановлены; Сербия должна получить свободный и безопасный выход к морю». Далее речь шла о границах балканских государств, которые должны формироваться в соответствии с «исторически сложившимися» границами и «принципом национальности»³³. Понятно, что выход Сербии к морю противоречил планам сохранения Австро-Венгрии. Этот вопрос серьезно задевал итальянцев, которые заключили с Антантой секретный Лондонский договор, в котором предусматривалось отторжение после окончания войны большей части Адриатического побережья, не говоря уже о Трентино, Италией. Как отмечал юрисконсульт МИД России Г.М. Михайловский, Сазонов и другие руководители русской дипломатии «напрасно награждали Италию славянскими землями Австро-Венгрии и отделяли по живому телу Хорватию от Сербии»³⁴. Более того, Лондонский договор значительно усложнял и дипломатический торг держав Антанты с Болгарией, которую старались во что бы то ни стало удержать от вступления в войну на стороне австро-германского блока.

²⁹ Cashman S.D. *America in the Age of Titans. The progressive Era and World War I*. N.Y., 1988. P.512.

³⁰ *Kriegs-Ziele Entente-Staaten* // HHStA.P.A. I.1052.Liasse Krieg 69. S.21.

³¹ Viereck G.S. *The Strangest Friendship in History*. N.Y., 1932. P.212.

³² Lippmann W. *Op. cit.* P.137.

³³ *The Final Draft of the Fourteen Points*, Jan.7, 1918 // *Papers*. Vol.45. P.514.

³⁴ Михайловский Г.Н. *Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920*. Кн.1. М., 1993. С.100.

Не менее сложным, нежели славянские проблемы, оказался и итальянский вопрос. Как отмечал известный английский историк В.В.Готлиб, требования Консульты (Трентино, Триест, Далмация и т.п.) обезоружили бы Двуетную монархию в Альпах, ликвидировали бы оборонительные позиции на ее побережье и в некоторых центральных провинциях, лишили бы ее выхода к морю, нанеся вред ее «наиболее осязаемым» интересам на Балканах и сделав Италию господствующей в Далмации и на Адриатике, существенно нарушив равновесие сил между обоими государствами³⁵. Вильсон сам написал на полях доклада «Инкуайри» фразу, которая позднее стала составной частью 9 пункта. Речь шла о формировании итальянских границ в соответствии с национальными принципами. Это было, как отмечает Ч. Сеймур, фактическим отрицанием права Италии (о котором говорилось в Лондонском договоре) на контроль над Адриатикой и над немецкоязычной частью Тироля³⁶. Тут любознательный читатель может задать вопросы: «Знали ли Вильсон о секретных договорах, когда работал над текстом речи»? Липпман высказывался по этому поводу недвусмысленно: «Четырнадцать пунктов... не могли формулироваться без знания секретных договоров. Извлечения из них лежали перед президентом, когда он и полковник Хауз работали над окончательным текстом 14 пунктов»³⁷.

Сравнивая национальные проблемы Австро-Венгрии с другими национальными проблемами Центральной и Восточной Европы в контексте американской политики, обратимся, прежде всего, к польскому вопросу. Польша считалась тогда своеобразным мостом между Западом и Востоком. Одна линия политического противостояния, по мысли современного автора, тянулась от Португалии почти к Уральским горам, другая – от о. Крит к Северному мысу, и они пересекались на равнинах Польши. Ее положение подобно Бельгии, которая находится между Францией и Германией. «Сдерживая немецкую волну на Западе и Русскую и Византийскую волну на Востоке, она почти никогда не могла сохранить свою неприкосновенность»³⁸. Сложность положения заключалась в том, что до 1918 г. политическое будущее Польши во многом зависело от России, и в Вашингтоне не высказывали своей позиции.

Когда президент США обратился в конце 1916 г. с просьбой к державам Антанты сделать достоянием гласности свои военно-политические цели, то в Лондоне и Париже включили в официальную ноту пункт, который непосредственно затрагивал польскую проблему. Ознакомившись с проектом англо-французской ноты, Петроград ответил незамедлительно. В ответе русского правительства подчеркивалось, что определение будущего статуса Польши – исключительная прерогатива России и поэтому этот вопрос не может быть предметом международного обсуждения³⁹. В этой совместной ноте при желании можно отыскать и противоречия. Пункт, который касался Польши, писали с намерением «пожалеть русские чувства». Русское правительство, в частности Сазонов, писал Стид, в резкой форме отказывалось признать международный характер польского вопроса. Поэтому союзники, разрабатывая собственную тактику в польском вопросе, также исходили из того, что Россия выявила решимость вести войну до тех пор, пока три части Польши не будут объединены⁴⁰. События Февральской революции в России приблизили решение польской проблемы. 17 марта 1917 г. была опубликована Декларация Временного правительства, в которой говорилось о возможности создания после войны независимого Польского государства. Тогда же образовали Ликвидационную комиссию по делам Царства Польского⁴¹. Интересно, что официальный Лондон очень осторожно отнесся к перспективам польской

³⁵ Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960. С.514.

³⁶ Архив полковника Хауза. Т.3. М., 1939. С.226.

³⁷ Lippmann W. Op.cit. P.135 n 1.

³⁸ Posner S. Poland as an independent economic Unit. L., 1916 . P.9, 39.

³⁹ Архив Внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. Посольство в Лондоне. Оп.520. Д.1704. Л.2.

⁴⁰ Steed H.W. A Programme for Peace Revised // The Edinburg Review. Oct.1918.V.228. P.214.

⁴¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. №139. 20 июня 1917 г. С.1203–1205.

государственности. Бальфур, выступая в мае того же года, заметил: «...Высказывая западную точку зрения, скажу, что желаю видеть Польшу русской автономией. Ведь в случае образования независимого государства, которое будет находиться между Центральными державами и Россией, оно было бы отрезано от Запада»⁴².

В конце 1917 г. польской проблемой занимались эксперты «Инкуайри». В его рекомендациях, в частности, отмечалось, что со временем «восстановление независимой и демократической Польши» станет непреложной необходимостью. Эту рекомендацию президент учел в своей речи. В пункте 13 говорилось: «Независимое Польское государство должно быть создано с включением в него территорий с исключительно польским населением. Польше должен быть обеспечен свободный выход к морю, а политическая и экономическая независимость, вместе с территориальной целостностью, гарантировались бы международным договором»⁴³. Укажем также, что эксперты рассматривали возможность присоединения восстановленного Польского государства к демократической России или к Австро-Венгрии. Вильсон не согласился с такой перспективой.

Позже в «Официальном комментарии к Четырнадцати пунктам» подчеркивалось, что на востоке Польша «не должна получить каких-либо земель, где преобладают литовцы или украинцы». Известный русский либеральный деятель Р.Ю. Виппер, будучи приверженцем восстановления польской государственности, вместе с тем заметил, что восстановить Польшу не так просто. В ее состав до разделов входили земли, населенные белорусами, украинцами, латышами, литовцами; входила область, населенная немцами... Отойдут эти все земли к новой Польше или нет? И в том, и в другом случаях возникают новые затруднения и, как следствие, опасность новых войн⁴⁴.

Вернемся к американской позиции по Австро-Венгрии. В президентском послании Конгрессу от 11 февраля 1918 г. особо отмечалось, что для Америки подобные заявления значат не более чем предварительный «скетч принципов» без указания на возможные пути их воплощения в жизнь⁴⁵. Понятно, что центральной темой вильсоновских пунктов относительно Восточной Европы было будущее монархии Габсбургов. Здесь у Вильсона было две цели — предоставление народам Австро-Венгерской империи автономии и ее сохранение как субъекта международного права после войны. Исходя из этого, долгое время и предлагалось решать все иные этно-территориальные проблемы Центральной и Восточной Европы.

Интересно взглянуть на реакцию печати на речь президента. Ведущую роль в австрофобской кампании в Соединенных Штатах сыграл известный еженедельник «The New Republic». Он писал: «Раздел Австро-Венгрии на четыре государства (Немецкое, Венгерское, Чехо-Словацкое и Юго-Славское) с передачей Польше, Румынии и Италии территорий национально идентичных... этим государствам, наиболее полно отвечал бы американской концепции современного состояния Австро-Венгерской проблемы («just disposition of the Austro-Hungarian problem»)). «Идея будущей федерации с немцами и венграми для патриотически настроенных чехов и хорватов была бы подобна идее федерации Пруссии с Францией и Бельгией»⁴⁶. Как подчеркивалось на страницах британского еженедельника «The New Europe», центр тяжести в войне следует искать в Центральной Европе (зоне малых народов). «Именно тут делаются ставки»⁴⁷. Происходил неизбежный поворот общественного мнения в пользу требований малых наций. Уже тогда делался вывод: «Американцы всегда рассматривали существование Габсбургской монархии не иначе, как зло»⁴⁸.

Мирные шаги президента США Вильсона были восприняты, в частности в Германии, как попытки ослабить австро-германский блок, навязав Берлину невыгодные условия мира. В этих об-

⁴² Lansing Papers. 1914–1920. Vol.2. Wash., 1940. P.27.

⁴³ The Final Draft of the Fourteen Points, Jan 7, 1918 // Papers. Vol.45. P. 538.

⁴⁴ Виппер Р.Ю. Война и демократия. М., 1917. С.40.

⁴⁵ The World's Work. 1918. March. N5. P.529.

⁴⁶ The New Republic. 1918. 15 June.

⁴⁷ The New Europe. 1916. 14 Dec.

⁴⁸ The New Republic. 1918. 15 June.

стоятельствах политики Антанты сосредоточили усилия на заключении сепаратного мира с Австро-Венгерской империей. Линию на соглашение с Габсбургами постепенно поддержали американцы. В Вашингтоне учитывали полиэтничный характер Дунайской монархии, рост национальных противоречий. Как известно, пронемецкая ориентация Вены и Будапешта вызвала отчуждение, прежде всего, у части славянских политиков. Именно поэтому славянский фактор, как считали на Западе, становился серьезным рычагом давления на Австро-Венгрию.

В Вашингтоне постепенно убеждались в необходимости радикальных изменений собственной австро-венгерской политики. Новые подходы нашли отражение в письме госсекретаря США Лансинга (май 1918 г.) президенту Вильсону. Он советовал президенту пересмотреть, насколько возможно, отношение США к австро-венгерским проблемам, настаивая в связи с этим на решении ряда важных вопросов. Во-первых, поддержат ли США независимость разных национальностей, прежде всего чехов и югославов? Во-вторых, в какой степени необходимо использовать принцип самоопределения? Проблема заключается в том, подытоживал Лансинг, «поддержим мы или нет дезинтеграцию Австро-Венгерской империи на ее составляющие или же союзы таких частей». При этом госсекретарь обратил внимание Вильсона на недавний немецкий опыт использования национального недовольства для усиления дезинтеграции Российской империи⁴⁹. Встречаясь с президентом, группа американцев венгерского происхождения передала ему специальный меморандум относительно политики США по вопросам национальностей, которые «находятся в составе Австро-Венгерской империи». В документе, в частности, отмечалось, что после неудачной публикации секретного письма императора Карла ситуация в Центральной Европе коренным образом изменилась. И вдобавок к этому после свержения царской династии в России в прошлое отошли страхи, связанные с «могуществом и жадностью Российской империи». Вот почему стремление к национальной независимости в регионе «становится доминирующим». По мнению автора меморандума, такое развитие событий означало бы неминуемый распад Австро-Венгерской империи на ее составные части, побуждая к образованию «отдельных или же федеративных государств». Вследствие этого образовались бы «эрц-герцогство Австрия и королевство Венгрия. Первое включало бы все немецко-говорящее население, а другое тех, кто разговаривает по-венгерски»⁵⁰.

Известный знаток Австро-Венгрии Роберт Канн писал в своей фундаментальной работе, что усилия Антанты оторвать Австрию от Германии продолжались до весны 1918 г. В январе Ллойд Джордж безоговорочно, а Вудро Вильсон осторожно заверили, что державы Антанты и США не ставят целью уничтожение империи Габсбургов. Идея ее распада публично была провозглашена в Италии в марте для того, чтобы максимально ослабить Австро-Венгрию перед весенним наступлением на Итальянском фронте.

Провозглашая в Конгрессе 8 января 1918 г. программу военно-политических целей, президент Вильсон надеялся, что она положительно повлияет на развитие военно-дипломатической ситуации в Европе, а также в центральноевропейском регионе. Австро-венгерским проблемам был посвящен 10 пункт мирной программы и некоторые другие, в частности те, которые трактовали польский и итальянский вопросы. Выступая против дезинтеграции монархии как геополитического целого, США и ведущие державы Антанты требовали предоставления австро-венгерским национальностям возможностей для «автономного развития». Подобная тактика союзной дипломатии дезориентировала противостоящих Габсбургам представителей политической эмиграции из славянских земель. Не случайно, в дипломатических австрийских документах подчеркивалось, что мирные заявления Вильсона и Ллойда Джорджа относительно будущей политики в австро-венгерском вопросе существенно подрывают великосербские планы. Со временем американцы изменили акценты, оказавшись перед необходимостью поддержать освободительное

⁴⁹ R.Lansing to W.Wilson, May 10, 1918 // Papers. V.47. P.589-591.

⁵⁰ United States in Relation to the Nationalities included within Austro-Hungarian Empire // Papers. Vol.48. P.436.

движение народов. Вообще-то, «Четырнадцать пунктов» выглядели скорее, как дипломатическая игра, эпизод своеобразной психологической войны. Анализируя речь президента, главный американский пропагандист военной поры Джордж Крил писал, что «Четырнадцать пунктов» следует рассматривать не столько как выдающуюся практическую формулу, а лишь как широкое обнародование принципов. Принципов, которые изменили мир, добавим мы.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В АВСТРИИ В УСЛОВИЯХ ДЕНАЦИФИКАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ЗОНЫ)

Одним из ключевых аспектов проблемы денацификации в послевоенной Австрии представляется преодоление нацистского «наследия» в массовом сознании. Исследование этого вопроса приобретает особую актуальность в современном мире в условиях активизации праворадикальных и фашистских течений.

В очередном докладе Федерального министерства внутренних дел Австрии Союзническому Совету от 4 июля 1946 г. отмечалось, что, для того чтобы составить суждение об отношении населения Австрии к национал-социализму, необходимо учитывать ситуацию, сложившуюся в стране перед аншлюсом¹. Далее в докладе говорилось об отрицании большей частью населения страны нацизма вообще и аншлюса в частности. Приводились данные, что почти 70 % австрийских антифашистов находилось в политических лагерях. «Переворот (в общественных настроениях. – О.Г.) произошел, только когда немецкая оккупация стала свершившимся фактом», – утверждалось в докладе². Однако, как известно из высказываний многих политических деятелей дофашистской Австрии, и в их числе Карла Реннера, на первых порах аншлюс не воспринимался многими как захватнический акт. Напротив, в нем усматривалось «присоединение равного к равному с целью сплочения германской нации»³. Лишь сравнительно небольшая часть населения страны выражала открытое неприятие идей национал-социализма. Многие австрийцы видели в национал-социализме спасительную панацею от всех бед, особенно от массовой безработицы⁴. Об этом может свидетельствовать плебисцит 1938 г. (во многом, конечно, ставший организованной инсценировкой), который показал, что большинство населения страны выступило за присоединение Австрии к Германии⁵.

В период аншлюса большая часть австрийского населения оставалась лояльной режиму. Это обстоятельство может быть объяснено действием ряда факторов:

1. Массовые аресты австрийского руководства в политических и экономических структурах управления в апреле 1938 г. На свободе практически не осталось лиц, способных оказать организованное сопротивление режиму. Это, в свою очередь, фактически парализовало волю австрийского населения.

2. Пропагандистская и репрессивная политика национал-социалистов, оказывая психологическое давление на австрийцев, не давала им возможности выразить свое мнение⁶.

Лишь с 1943 г., когда с театра военных действий стали приходить неутешительные вести о поражениях и потерях вермахта, а внутривнутриполитическое положение в Австрии стало нестабильным, в отношении к нацизму части австрийцев произошли изменения. К травмирующим массовое сознание обстоятельствам следует добавить начало бомбардировок самой территории Австрии, которую в Берлине рассматривали в качестве «бомбоубежища Третьего Рейха»⁷.

¹ АВП РФ. Ф. 451. Советская часть Союзнической Комиссии по Австрии. Оп. 12. П. 440. Д. 21/1. Л. 34.

² Там же.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 26. Д. 321. Л. 12.

⁴ Вальдхайм К. Австрийский путь / пер. с нем. М., 1976. С. 63.

⁵ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. М., 1988. Т. 2. С. 479.

⁶ АВП РФ. Ф. 451. Оп. 12. П. 440. Д. 21/1. Л. 35.

⁷ Weber F. Zwischen abhängiger Modernisierung und Zerstörung. Österreichs Wirtschaft 1938 – 1945 // NS-Herrschaft in Österreich. Wien, 2001. S. 340.

После освобождения Австрии от фашизма начался новый этап ее развития, направленный на создание в стране прочных основ демократического государства, свободного от насаждавшихся идей «нового порядка». Было образовано сначала Временное, а затем, в ноябре 1945 г., по результатам парламентских выборов постоянно действующее австрийское правительство. Министерству внутренних дел Австрии союзническая контрольная власть поручила проведение мероприятий по денацификации страны под непосредственным контролем Четырехстороннего бюро по денацификации. Не проводить денацификацию собственными силами и средствами, а всемерно содействовать образованию австрийских органов, призванных заниматься рассмотрением дел национал-социалистов – такова была позиция советской военной администрации⁸.

Первые послевоенные месяцы оказались для внутренней жизни страны периодом «нулевого часа». Большая часть населения была охвачена либо безразличием ко всему происходящему, либо ожиданием неизбежного правосудия и наказания. Люди погружались в состояние сочувствия самим себе. Лишь немногие признавали свою ответственность за преступления нацистского режима. Одним из свидетельств этого периода являются письма советских военнослужащих и корреспондентов центральных периодических изданий Советского Союза о положении в Австрии. Специальный корреспондент газеты «Правда» в Вене сообщал в октябре 1946 г. интересные подробности столичной жизни: «Отсутствие деловой энергии и приниженный, несколько вялый темп работы видны повсюду. Половина магазинов не функционирует... С 12 до 14 часов все учреждения закрыты на обед, к 17 часам рабочий день заканчивается. Апатия и инертность, отсутствие организованных действенных усилий, мизерные масштабы восстановительной работы – все это сейчас резко отличает Вену не только от Праги и Белграда, но даже от Будапешта...»⁹. Лишь после образования постоянного федерального правительства и выработки правовых основ денацификации в массовом сознании укрепляется чувство уверенности в завтрашнем дне.

Обращаясь к вопросу о настроениях бывших австрийских национал-социалистов, сошлемся вначале на документ, который представляется нам характерным свидетельством. Это – сообщение бывшего крайсляйтера НСДАП по кадрам из Глазенбахского лагеря от 6.09 1947 г., поступившее в Отдел пропаганды Советской части Союзнической Комиссии по Австрии (фамилия автора не указана)¹⁰. «Вскоре после военного краха и до выборов в Австрии бывшие члены НСДАП были сильно разозлены, разочарованы, считали, что все позиции сданы и все потеряно. Все без исключения были готовы добровольно работать полгода или даже год на расчистке мусора, чтобы искупить свою вину перед родиной. Никто не думал, что когда-либо идеи национал-социализма снова найдут отклик в народе или о том, что члены НСДАП снова смогут заниматься политической деятельностью», – отмечал автор сообщения¹¹. Однако далее автор делает заключение, что правители Второй австрийской республики не извлекли уроков из ошибок прошлых лет, что они продолжают то, на чем остановились перед созданием в стране сословного государства. Результатом партийной борьбы, бесплановости экономики, процветания «черного рынка», скудной социальной политики стало обнищание широких масс. Из анализа происходящих в стране событий, из материалов писем и газет, полученных контрабандой в лагере, а также из рассказов ежедневно прибывающих новых интернированных бывший нацистский функционер заключал, что люди, которые раньше не проявляли никакого интереса к НСДАП, теперь вдруг стали лояльны к нацистам. В этой связи он писал: «Нам было также ясно, что, несмотря на большие противоречия, наличествующие между всеми тремя политическими партиями, существо-

⁸ Stiefel Dieter. Entnazifizierung in Österreich. Wien, 1981. S. 31-32. Mulley K.-D. Befreiung und Besatzung. Aspekte sowjetischer Besatzung in Niederösterreich, 1945 – 1948 // Österreich unter alliierter Besatzung 1945 – 1955. Wien, 1998. S. 378.

⁹ Письма из Австрии // Правда. 4 октября 1946. С. 3.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Оп. 128. Д. 506. Л. 151.

¹¹ Там же. Л. 152.

вало и существует согласие в отношении хозяйственного уничтожения всех национал-социалистов. Иначе ничем невозможно объяснить тот факт, что человека за его политические убеждения, за его мировоззрение тяжким образом наказывают тем, что лишают приобретенного ранее законным путем имущества, лишают всякой возможности к существованию. Неужели никто не задавал себе вопроса: а не вызовет ли это непреодолимую ненависть, не возбудит ли желание отомстить?»¹². Автор сообщения убежден в возможности идейного перевоспитания бывших национал-социалистов, но подчеркивает, что это потребует длительного времени и привлечения литературы, построенной на неоспоримых фактах, раскрывающих всю античеловеческую сущность фашизма¹³.

У современного австрийского исследователя О. Ратколба мы находим следующие данные опроса населения, проведенного в британском и американском секторах Вены в 1946 – 1948 гг., которые, по всей видимости, могут быть применены с некоторыми оговорками и к советскому сектору¹⁴:

Время	Плохая идея (в %)	Хорошая, но плохо воплощенная идея (в %)	Не имеют мнения (в %)
Сентябрь 1946 г.	45	33	22
Октябрь 1946 г.	51	27	22
Ноябрь 1946 г.	47	37	16
Март 1947 г.	37,2	35,2	27,6
Август 1947 г.	31,6	38,7	29,7
Сентябрь 1947 г.	37,9	34	28,1
Октябрь 1947 г.	46,4	30,4	23,2
Ноябрь 1947 г.	48,9	40,5	10,6
Декабрь 1947 г.	38,1	51	10,9
Январь 1948 г.	44,2	41,4	14,4
Февраль 1948 г.	41,4	40,6	18

¹² Там же. Л. 156.

¹³ Там же. Л. 157.

¹⁴ Rathkolb O. NS-Problem und politische Restauration: Vorgeschichte und Etablierung des VdU // Verdrängte Schuld, verfehlt Sühne. Entnazifizierung in Österreich, 1945 – 1955. Symposium des Instituts für Wissenschaft und Kunst. Wien, März 1985. Wien, 1986. S. 74-75.

По мнению Ратколба, латентный потенциал восприимчивости к фашизму в послевоенной Австрии существовал и в дальнейшем. Экономические трудности первых послевоенных лет (особенно 1947 г.) препятствовали скорейшему искоренению нацизма на австрийской земле¹⁵.

Существенным фактором, который влиял на общественные настроения, был демонтаж союзнической администрацией большого числа австрийских предприятий. Из уст австрийских рабочих, которых привлекали к демонтажу, можно было слышать такие суждения: «В Московской Декларации союзников содержится указание на то, что Австрия не виновна в развязывании войны. Она сама стала жертвой гитлеровской агрессии. Поэтому совершенно непонятны действия Красной Армии, направленные на вывоз с территории Австрии станков и технического оборудования»¹⁶.

О том, что разрешить проблему искоренения нацистской идеологии даже оккупационным структурам не удавалось, свидетельствуют информационные сводки и донесения, поступившие в Советскую часть Союзнической Комиссии по Австрии в разное время. Например, в районах Ценесдорф и Оберпулендорф были выявлены нацистские группы, которые открыто распевали нацистские песни и выкрикивали «Хайль Гитлер». В Нейзидле был вывешен плакат следующего содержания: «Самый лучший австриец – это немец, а если ты немец – ты за Гитлера»¹⁷. В ряде районов Нижней Австрии были обнаружены профашистские полувоеенные организации. В Шайбсе была обнаружена фашистская организация, существовавшая под видом Союза альпинистов. На собрании Социалистической партии в Обервартском районе один из ораторов заявил: «Все, кто вернулся из русского плена, – трусы и предатели, которые не выполнили своего долга перед государством, в результате чего Австрия потерпела поражение в этой войне и вынуждена терпеть все то, что вытекает из этого поражения»¹⁸. Приводились факты, когда отдельные пронацистские группы располагали вооружением. В Бургенланде за ноябрь – декабрь 1948 г. было изъято более тысячи единиц огнестрельного оружия, в том числе несколько пушек с заводской смазкой. Кроме того, были выявлены склад инженерного имущества, 800 железобетонных бункеров, радиолокационная станция. У бургомистра г. Нейзидл был обнаружен склад, в котором хранились 18 винтовок¹⁹. Были случаи вывешивания на домах фашистских флагов с изображением свастики, приуроченные ко дню освобождения страны от нацизма. В г. Клостернейбург была задержана группа молодых людей, которые 3 августа 1947 г. недалеко от купальни своими телами попытались изобразить фашистскую свастику. В ходе расследования выяснилось, что все они ранее принадлежали к Союзу гитлеровской молодежи, а при обыске их квартир было изъято несколько единиц огнестрельного оружия²⁰. Как отмечалось в оперативных сводках австрийской полиции, подобные инциденты носили, как правило, единичный характер без всякой видимой организационной связи. «Основная масса противоправных действий приходится на долю молодых людей. Мотив этих проступков необходимо усматривать лишь в склонности молодежи к запрещенной деятельности. В немногочисленных случаях, когда люди пели национал-социалистские песни или выкрикивали гитлеровские приветствия, следствие подтвердило воздействие на них алкогольного опьянения», – говорилось в отчетах полиции²¹. Австрийские органы безопасности не исключали того, что в стране находятся отдельные «неисправимые» национал-социалисты, но не располагали сведениями о существовании в Австрии каких-либо подпольных нацистских организаций²².

На наш взгляд, во многих нацистских или пронацистских выступлениях того времени следует видеть, в первую очередь, антисоветскую и антикоммунистическую направленность. Сошлемся

¹⁵ Ibid. S. 75.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 749. Л. 12-13.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 685. Л. 48.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 49.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. УВК г. Клостернейбург (Тулльн) 1947 г. Оп. 370130. Д. 1. Л. 22-23.

²¹ Österreichisches Jahrbuch 1949. Wien, 1950. S. 144-145.

²² Ibid.

в этой связи на ряд высказываний современников. Так, в письме бывшего капитана вермахта и генерального секретаря Свободного австрийского солдатского союза В. Шмитта от 4.02. 1946 г., в частности, говорится: «Я никогда не был национал-социалистом, был против этой войны. Но когда война началась, и я попал на фронт, тогда для меня осталось только одно – честно выполнять присягу. И, несмотря на то, что я ненавижу и осуждаю национал-социализм, я больше уважаю нациста, который честно сражался, чем преступную коммунистическую сволочь, которая имеет себя борцом за свободу. Многие товарищи, которые возвратились из плена домой, говорят, что если бы знали, что русские так зло будут вести себя на нашей земле, они бы охотно пожертвовали жизнью, чтобы спасти страну от этого бедствия. Тысячи наших женщин опозорены, они все вытащили из нашей страны»²³. Широкою огласку и политический резонанс получил пасквиль «Отче наш!», в котором сквозила неприкрытая неприязнь к советской оккупационной державе. Пасквиль косвенно затрагивал и других союзников. Примечательна сама форма изложения. Пасквиль был написан в духе известной молитвы: «Во имя Трумэна, Бевина и Святого Сталина, аминь! Генералиссимус наш, ты находишься в Кремле, имя твое для нас отвратительно, пропади ты в своем государстве! Да будет твоя воля в России, а не в Австрии! Дай нам сегодня наш ежедневный горох и прости нам нашу европейскую культуру, как мы прощаем нашим грабителям. Не веди ты нас к нищете, а освободи ты нас от Красной Армии, аминь! Приветствуем тебя, Лебеденко, сумасшедший отрок, ужас с тобой! Ты проклят среди освобожденных. Да будет проклято стремление твоих разбойников к часам и женщинам. Жестокий Лебеденко, сгинь с глаз наших, бедных венцев, теперь, а не тогда лишь, когда настанет час нашей кончины. Аминь!»²⁴. Многие австрийцы выражали негативное отношение не только к политике советской оккупационной администрации, но и к существованию четырехстороннего оккупационного контроля вообще.

Другой, аналитический, уровень оценки нацистского «наследия» прослеживается в выступлениях и воспоминаниях отдельных государственных и политических деятелей Второй австрийской республики. Так, социалист Бруно Крайский, проработавший продолжительное время в политическом и экономическом отделах Министерства иностранных дел Австрии, отмечал: «Многие, прежде всего иностранцы, не понимают, почему нацистов в Германии и Австрии не хотели просто отстранить от дел и лишить влияния. Я повторяю еще раз: мы должны были верить тому, что люди, став умнее благодаря полученному опыту и уроку, найдут свою дорогу к демократии»²⁵. Крайский полагал также, что бывших национал-социалистов нельзя ущемлять в материальном отношении. В противном случае, по его мнению, лишь укрепится их убежденность в правильности идей национал-социализма. Интересно, что в своей аргументации Крайский ссылается на марксистский тезис: «Общественное бытие определяет общественное сознание»²⁶. Далее Крайский делает собственные выводы относительно причин, побудивших различные группы австрийского общества принять нацистские идеи. У интеллигенции это было преимущественно великогерманский образ мыслей. Многих людей толкнуло к национал-социализму чувство тщеславия, так как они считали себя теперь соучастниками в управлении страной. Большая группа людей, по представлениям Крайского, пришла к нацизму из-за недовольства политикой христианско-социальной партии или, как студенты, из-за преклонения перед идеями тоталитаризма вообще²⁷. В вопросе денацификации, по мнению Крайского, значительная часть населения занимала скорее нейтральную позицию, так как практически в каждой австрийской семье был кто-то, так или иначе связанный в прошлом с НСДАП или ее организациями. Поэтому, как полагал Крайский, большинство бывших нацистов должны были иметь шанс включиться в новый демокра-

²³ ЦАМО РФ. Ф. УВК Вены (секретариат). Оп. 420605. Д. 3. Л. 41.

²⁴ Там же. Л. 253.

²⁵ Kreisky В. Zwischen den Zeiten. Erinnerungen auf 5 Jahrzehnten. Wien, 1986. S. 428.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. S. 428-429.

тический порядок без того, чтобы прибегать ко лжи или стараться скрыть что-либо. Преодоление прошлого может стать реальностью только в следующем поколении австрийцев²⁸.

Другой известный политик послевоенного времени социалист Адольф Шерф считал, что основная заслуга в деле денацификации страны принадлежит именно социалистам, которые первыми предложили при наказании избегать принципа «коллективной вины» всех членов НСДАП и австрийского народа в целом, проводя различие между «попутчиками» и действительно виновными национал-социалистами²⁹. Всех национал-социалистов он, таким образом, разделял на три группы. В первую группу попадала большая часть членов НСДАП, которые не совершили тяжких преступлений и вступили в партию скорее по материальным соображениям или с целью сохранения своей жизни, нежели по политическим мотивам. Таким людям следовало лишь зарегистрироваться в особых списках. Вторую группу должны были составить «нелегальные» национал-социалисты, которые занимали руководящие посты в партии либо в ее военных и полувоенных формированиях, или те, кто «запятнал себя позорными действиями»³⁰. Таких людей необходимо было привлечь к судебной ответственности. И, наконец, в третью группу, по мнению Шерфа, следовало включить «квалифицированных нелегалов», то есть лиц, занимавших самые высокие должности в Третьем Рейхе. К ним могли применяться наиболее строгие меры наказания, вплоть до смертной казни³¹.

Не менее важными представляются высказывания главы австрийского Временного правительства, а затем президента Второй республики Карла Реннера. В своем «Обращении к мужчинам и женщинам Австрии» от 13 апреля 1945 г. Реннер высказал соображение, что только безумие могло толкнуть австрийский народ на принятие идей Гитлера. «Если свобода означает политическое самоопределение государства и народа, то мы не смогли сами, своими силами отстоять это право на самоопределение. Мы не сумели сами преодолеть клерикальный и национальный фашизм и должны теперь переносить его последствия – войну и связанные с ней лишения, поражение и обнищание»³². Реннер считал, что каждый австриец должен сам спросить себя, в чем его вина, и судить себя самым страшным судом своей совести. Тем не менее, Реннер не исключал возможности «исправления» австрийского народа и включения Австрии в содружество европейских государств.

Таким образом, процесс преодоления нацизма в общественном сознании австрийских граждан был сложным, противоречивым и даже иногда не подчиняющимся никаким законам логики. Изжили ли себя идеи нацизма в современной Австрии? Ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным. С одной стороны, налицо факт создания в Австрии прочного демократического правового государства, с другой – события последних лет, особенно приход к власти в 2000 г. праворадикальной Австрийской партии свободы, заставляют задуматься над проблемами более чем полувекковой давности, побуждая к переосмыслению политики денацификации.

²⁸ Ibid.

²⁹ Schärf A. Zwischen Demokratie und Volksdemokratie. Österreichs Einigung und Wiederaufrichtung im Jahre 1945. Wien, 1950. S. 103.

³⁰ Ibid. S. 102-103.

³¹ Ibid.

³² АВП РФ. Ф. 06. Секретариат В.М. Молотова. Оп. 7. П. 26. Д. 321. Л. 14.

РАЗДЕЛ V. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ: ЛЕКЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

О.В. Павленко

(Российский государственный гуманитарный университет)

МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ (1740-1780)

Царствование Марии Терезии открыло новый этап в истории австрийского государства – «эпоху реформ», в ходе которой лоскутная монархия постепенно преобразовывалась в централизованную державу. Эпоха реформ была чрезвычайно противоречивым и динамичным временем. Она охватывала период царствования Марии Терезии (1740 – 1780) и двух ее сыновей – Иосифа II (1780 – 1790) и Леопольда II (1790 – 1792). В исторической литературе этот период характеризуют как «эпоху просвещенного абсолютизма», подчеркивая тем самым гносеологические истоки новой системы централизованного управления, созданной в Австрии во второй половине XVIII столетия.

Глобальный процесс модернизации, постепенно захватывавший все большее количество европейских стран, привел к кардинальному изменению характера и масштабов социальных, духовных, государственно-правовых процессов в обществе. Именно в XVIII веке значительно ускорилась ломка традиционного уклада, в недрах которого все активнее вызревали основы нового индустриального общества. Примета времени – выделение европейского «центра», стран с ускоренным раннекапиталистическим развитием (Англии, Голландии, Франции), давших миру не только образцы технических и технологических открытий, но и модели нового гражданского порядка, основанного на идеях суверенитета личности и политическом рационализме.

Дунайская монархия, в свое время защитившая Европу от османской угрозы, так и оставалась «периферией», словно застывшей в своем развитии. Эта неподвижность объяснялась, прежде всего, опасениями Габсбургов нарушить хрупкое равновесие в государстве, представлявшем собой весьма аморфное объединение наследственных владений и коронных земель. Во главу угла тогдашней австрийской государственности был положен принцип «золотых вольностей» дворянского сословия, приоритет провинциального самоуправления перед центральными органами, дуализм «вольности и величества». В этих условиях трон Габсбургов являлся своеобразным заложником собственной провинциальной политики, поскольку именно за сословно-представительскими органами коронных земель оставалось последнее слово при решении вопросов о денежных субсидиях и рекрутах для дворянского ополчения.

К середине XVIII века парадоксальность этой ситуации еще более усилилась. Габсбургская монархия по своему географическому положению и территориальному масштабу, по своей политической значимости в международных вопросах, наконец, авторитету правящей династии, бесспорно, принадлежала к узкому кругу держав, определявших характер европейской политики в целом. Держав, которые за последние два столетия бурно переживали процессы складывания новой модели централизованного государства. Европейские страны искали наиболее подходящую форму государственно-политического устройства, при которой решались насущные задачи времени – унификация налоговой и таможенной системы, создание единого административного и судебного аппарата, достижение оптимального соотношения властных полномочий монарха и парламента, светской и духовной властей, обеспечение благоприятных условий для национальной экономики, торговли, банковского дела, колониальной политики, организация регулярной армии. Решение этих задач позволяло государствам оставаться на уровне «великой державы».

Стадия «абсолютистского государства» была в этом смысле необходима, потому что позволяла максимально сконцентрировать силы общества и подчинить их контролю со стороны центральной власти. Англия прошла этот этап в эпоху Тюдоров. В XVIII веке «мастерская мира» и «царица морей» фактически установила промышленную гегемонию в Европе. Ее парламент стал лабораторией гражданско-правовых идей для всего мира, а социальный стандарт – воплощением благотворной силы свободы и частного интереса. Во Франции же, напротив, благодаря успешным реформам, еще сохранялась классическая модель абсолютистского государства. Сиятельная чередка Людовиков и не менее блистательных советников, фаворитов придавала французскому двору особый характер элитарности, избранности в глазах других европейских дворов.

Важную роль в истории австрийских реформ, создавших абсолютистское государство, сыграло возвышение в первой половине XVIII века Пруссии. При Фридрихе-Вильгельме I Гогенцоллерне (1713 – 1740) Пруссия превратилась в сильное абсолютистское государство, все бюрократические части которого работали, как слаженный часовой механизм. Прусская регулярная армия славилась дисциплиной и нововведениями. Ее формой, боевым порядком, шагом восхищались, ей подражали. Возвышение милитаризованного государства в центре Европы, являвшейся сферой непосредственных интересов Габсбургов, грозило изменением соотношения сил не только в пределах Священной римской империи, но и на европейском пространстве в целом. Причем, не в пользу Австрии.

Правление Марии Терезии началось в драматический для страны период. Весьма симптоматично, что эпоху реформ предваряет война за австрийское наследство, начавшаяся после смерти императора Карла VI. Война за австрийское наследство 1740 – 1748 годов, а впоследствии и Семилетняя война 1756 – 1763 годов, заставили молодую государыню начать и последовательно продолжать реформы, призванные обновить обанкротившуюся и разваливавшуюся монархию, на земли которой претендовали многие европейские правители.

Именно этот тяжелейший экзистенциальный опыт позволил династии Габсбургов начать реорганизацию государства в духе времени, отказаться от первоначального принципа компромисса между центром и коронными землями. В войнах с Пруссией, в борьбе за сохранение статуса великой державы рождалось и укреплялось австрийское абсолютистское государство во второй половине XVIII века.

Мария Терезия. Политический портрет. Мария Терезия вошла в историю австрийской монархии как «мать своих подданных». Она воплощала собой не только континуитет габсбургской имперской традиции, но своим царствованием создала совершенно особую харизму габсбургскому престолу, привнесла человечность в образ монарха, приблизив его к нуждам и чаяниям подданных. После смерти своего отца Карла VI в 1740 году Мария Терезия наследовала монархию, находившуюся в тяжелом экономическом и политическом положении. Ей тогда было 23 года, у нее было три дочери, еще двое детей умерло при рождении. В марте 1741 года родился долгожданный сын, ставший впоследствии императором Иосифом II.

Как и многие представители габсбургского царственного дома, Мария Терезия обладала огромным честолюбием и выраженными деспотическими чертами характера, но всегда умела сдерживать свои эмоции в разумных пределах. В вопросах государственной политики она старалась оставить последнее слово за собой. Обращает на себя внимание тот факт, что даже в самые тяжелые для государства времена Мария Терезия упрямо отказывалась заключать договоры, которые могли бы привести к потере хоть какой-либо части ее наследственных земель. Ей было в высшей степени свойственно характерное для европейских царственных фамилий того времени представление об особом «государственно-династическом патриотизме» – обязанности сохранять и приумножать наследственные владения.

Мария Терезия была убежденной католичкой и до конца жизни искренне верила в божественное предопределение собственной власти. Она стремилась в государственной политике следовать католической традиции дома Габсбургов. Ее католицизм был все же более умеренным и

терпимым, чем религиозные убеждения Карла VI, но твердым и непоколебимым в вопросах этики и морали, особенно если это касалось семейных и общественных отношений. На мировоззрение Марии Терезии мало повлияли просветительские теории, которые в то время триумфально распространялись в Европе. Стоит, однако, отметить, что большинство ее советников, особенно из круга юристов венского университета, а также ее личный врач ван Свитен, ее муж, Франц Лотарингский, и значительная часть венской аристократии разделяли многие идеи Просвещения, что создавало весьма просвещенную атмосферу венского двора.

В отличие от своего отца, холодного и высокомерного, возбуждавшего в подданных страх и неприкрытое подобострашие, Мария Терезия свои обликом и манерой общения значительно смягчила образ монарха чисто женскими, материнскими чертами. Общеизвестно, что ежедневно в 10 часов придворный принимал письменные просьбы, адресованные государыне, от всех страждущих. Нередко Мария Терезия назначала просителям личные аудиенции. Она никогда откровенно не выказывала неприязни даже тем, кто не разделял ее собственных убеждений и политических решений. Во время войн она посылала своим генералам подробные письменные инструкции, не забывая при этом вспомнить об их детях и супругах.

Мария Терезия сознательно стремилась закрепить в сознании подданных представление о доброй и милостивой государыне, «матери своего народа». Так было особенно в первые годы ее царствования. Позже, спустя десятилетие, когда ее власть укрепились, все сильнее начало проявляться ее непримиримое отношение к тем, кого она считала предателями габсбургского дома и противниками реформ. Тем не менее, Мария Терезия не позволяла себе экстремальных политических жестов, она всегда отличалась склонностью к компромиссу и стремилась по возможности проводить политику «золотой середины», избегая излишних конфликтов.

Начало правления. Война за австрийское наследство. В начале борьбы за австрийское наследство Англия, Голландия, Сардиния, папское государство и Венеция готовы были признать Прагматическую санкцию. Франция в русле традиционной антиавстрийской политики пыталась склонить немецкие дворы к признанию прав баварского курфюрста на императорский престол Священной римской империи. Двойственную позицию занял прусский король Фридрих II (1740–1786). Уверяя австрийский двор в своей преданности, и даже выказывая желание отдать свой голос при выборах императора за Франца Лотарингского, супруга Марии Терезии, он строил планы захвата австрийской Силезии.

«Великий Фриц» точно просчитал ситуацию. Силезия – одна из наиболее развитых в промышленном отношении провинций лоскутной монархии – имела очень слабую военную защиту. Общее число солдат, разбросанных по маленьким гарнизонам, составляло примерно 1500 человек. Оборонительные крепости в Силезии нуждались в реконструкции, на которую у государства просто не было средств. Кроме этого, в силезских городах преобладало немецкое протестантское население, относившееся с симпатией к эмиссарам прусского короля, наводнившим эту область.

Фридрих II продолжал вести с Веной переговоры о военной и денежной помощи. В это же время, в декабре 1740 года, его войска (22 тысячи пехих и 5 тысяч конных воинов) перешли границу. Уже в начале января вся Силезия, за исключением нескольких осажденных крепостей, находилась в руках прусского короля. Его посланец в Вене уверял Марию Терезию в том, что король только защищает эту территорию от недружественных соседей и готов выкупить ее у Габсбургов за два миллиона таллеров.

Перед Марией Терезией встала альтернатива: либо воевать, что было крайне затруднительно, учитывая состоянием армии и финансов, либо пойти на компромисс с Пруссией. Как первый, так и второй путь был чреват не только потерей богатой области, но и распадом всей монархии. Согласие же на компромисс стало бы признанием собственной слабости и произвело бы весьма негативное впечатление на все европейские дворы. На решение Марии Терезии повлияли также и моральные мотивы – слишком циничным было предательство Фридриха II и слишком высокую цену уже пришлось заплатить габсбургскому дому за международное признание Прагматичной санкции. Мария Терезия решила на войну.

Первая битва около силезского города Молльвиц была австрийцами проиграна, что серьезно ухудшило международное положение монархии. Франция, Испания и Бавария заключили Нимфенбургский пакт о разделе «австрийского наследства». Бавария претендовала на императорскую корону в Священной римской империи, Чешское королевство, верхнюю Австрию. Нижняя Австрия предназначалась Франции, а итальянские провинции – Испании. Вскоре к антигабсбургскому союзу присоединился и прусский король, стремившийся закрепить свой контроль над Силезией. Австрию в этой войне поддержали Англия и Россия.

В 1741 году, в самый критический период существования монархии, Мария Терезия уехала в Пресбург, провинциальную венгерскую столицу, чтобы обратиться за помощью к венгерским сословиям. Карл VI в последние годы не созывал сословно-представительского собрания земель венгерской короны (сабор) и управлял Венгрией единолично, вопреки венгерским законодательным нормам. Земли венгерской короны рассматривались Веней как самые неблагонадежные, чреватые антигабсбургскими восстаниями. Именно к «буйным, неукротимым венгерцам» рискнула обратиться Мария Терезия, когда судьба государства висела на волоске.

Венгерский сабор, созданный в июне 1741 года в Пресбурге, сразу же потребовал от наследницы габсбургского престола строгого соблюдения сословных привилегий и прав венгерской короны. По существу, это означало требование признать особый полуавтономный статус Венгрии в рамках монархии Габсбургов. Более того, венгры отказались признать план Марии Терезии сделать своего супруга Франца Стефана Лотарингского соправителем венгерского королевства. Мария Терезия пошла на все уступки венгерским сословиям.

Вольтер в «Краткой истории столетия Людовика XV» описал сцену, ставшую широко известной во всей Европе. Мария Терезия, держа на руках малолетнего сына, обратилась к венгерским сословиям в Пресбурге с просьбой о защите ее и будущего наследника венгерского трона. Речь она произнесла по-латыни. В ответ дворяне, выхватив шпаги, вскричали «*totiamur pro rege nostro!*» («умрем за нашего короля!»).

Эта сцена, действительно, произошла в октябре 1741 года, когда государыня принимала в пресбургском дворце депутацию венгерского сейма и просила о помощи. Правда, шестимесячного сына с ней тогда не было, но она смогла в полной мере использовать «женское оружие». В середине своей речи она неожиданно замолчала, чтобы вытереть слезы. Этот жест вызвал огромное сочувствие у галантных венгерских дворян и привел их к «спонтанной присяге». Через десять дней на заседании венгерского сабора Мария Терезия появилась уже с сыном на руках, что еще более усилило психологическое давление на депутатов. С первых шагов своего царствования Мария Терезия уже показала свое необыкновенное дарование чувствовать психологический настрой окружающих и любыми средствами добиваться их признания. Но сложно назвать это победой австрийской государыни, переговоры с венгерскими сословиями в целом продолжались около 5 месяцев, она вынуждена была пойти на серьезные уступки венграм, царственным своим словом фактически закрепив особое положение этой коронной земли в составе габсбургской монархии.

В конце июля 1741 года армия баварского герцога Карла Альбрехта Виттельсбаха захватила Пасов, дорога на Вену была открыта. Австрийская армия (около 20 тысяч солдат) завязла в Силезии, Чехию могли защищать только пять полков конницы под командованием князя Лобковица, а во всех итальянских провинциях насчитывалось всего около десяти пехотных полков. Баварская армия, дойдя до австрийского города Линц, откуда открывался прямой путь на Вену, неожиданно повернула на север, в чешские земли. Причина заключалась в том, что в это время саксонский курфюрст вступил в антигабсбургскую коалицию, ему была обещана Моравия. Опасаясь слишком активных действий своего союзника по коалиции, баварский герцог решил быстрее укрепиться в Чехии, отказавшись от заманчивой перспективы стать покорителем австрийской столицы. Уже 7 декабря Карл Альбрехт Виттельсбах в присутствии более четырехсот представителей чешской аристократии короновался в Праге. Мария Терезия расценила этот факт как

предательство чешских сословий. Если венгры согласились поддержать династию, то чехи демонстративно перешли в стан ее врагов.

Став чешским королем, Карл Альбрехт блестяще одержал победу на выборах императора Священной римской империи, проходивших в январе 1742 года. Габсбурги потеряли титул императоров, который оставался в их доме, начиная с Альбрехта II в 1438 году и вплоть до смерти Карла VI в 1740 году. Потеря этой высшей прерогативы австрийской царственной фамилией неминуемо должна была повлечь кардинальные политические перестановки по всей Европе. Была поставлена под сомнение сама способность лоскутной монархии Габсбургов оставаться в ряду великих европейских держав. Потеря Чешского королевства – наиболее значительной части наследственных земель – стала серьезным ударом для венского двора, при котором начали распространяться пораженческие настроения. Это был, пожалуй, наиболее драматичный период в истории царствования Марии Терезии. Казалось, под бременем предательства подданных и бывших союзников монархия вот-вот рухнет. Но ситуация неожиданно стала кардинально изменяться.

В значительной степени положение спасла Англия, которая опасалась, что падение Австрии может привести к серьезному нарушению равновесия сил в Европе. Англичане обещали 300 000 ливров на обновление австрийской армии и военный контингент численностью в 12 тысяч солдат, волонтеров из Дании и Гессена. Серьезные разногласия начались также и в стане антиавстрийской коалиции. Первым ее оставил Фридрих II. Под сильным давлением английских посланников в Вене и Берлине между Фридрихом II и Марией Терезией было заключено тайное перемирие, цена его была слишком высока, венский двор должен был отказаться от Силезии. Австрийская армия по приказу командования без боя уходила из Силезии, подтягиваясь к австрийской и чешской территориям. В это время австрийцам удалось вытеснить противника не только из своих итальянских владений, но и из Верхней Австрии. Стремительно продвигаясь вперед, они перешли границу Баварии, держа курс на Мюнхен. Англия увеличила размер военной помощи на 5 миллионов ливров. Ганновер выступил на стороне Австрии. Все это позволило в короткие сроки собрать и хорошо вооружить новую армию.

Когда Мария Терезия заключала перемирие с прусским королем, он спросил с усмешкой: «Вы верите в австрийское чудо?». Вопреки мнению Фридриха II, это «чудо» свершилось. Ровно через год. Австрийская армия захватила Мюнхен. Пруссия и Саксония вышли из коалиции. Император Карл VII Виттельсбах мог рассчитывать только на поддержку Франции. Но из Парижа в Вену уже были посланы дипломаты для переговоров о перемирии. За этим «чудом» прослеживался острый конфликт между Францией и Великобританией за первенство на континенте.

Война за австрийское наследство ничем не отличалась от череды европейских войн XVIII столетия, которые в большинстве своем велись коалициями и представляли калейдоскоп триумфов и поражений, тайных дипломатических комбинаций, затяжных позиционных маломаневренных военных действий. Как правило, сражения затухали, когда враждующие стороны полностью исчерпывали собственные ресурсы и далее следовали длительные переговоры о «цене мира». Мария Терезия так и не смогла проявить в этом вопросе столь характерный для нее политический реализм. Она решительно отказалась от французского предложения о перемирии и упрямо продолжала войну еще шесть лет. Ею руководило стремление компенсировать потерю Силезии присоединением либо Баварии, либо итальянских владений за счет территорий испанских Бурбонов, наконец, она даже строила честолюбивые планы относительно Сицилии и Неаполя.

Эта война стала для нее своеобразным дебютом на европейской сцене. Мария Терезия прекрасно понимала, что на карту поставлена не только ее личная репутация, но и будущее габсбургского дома. Неудивительно, что после нескольких лет унижений она так жаждала триумфа. Но все же просчиталась, рассчитывая на английскую поддержку. Англия, осуществив свою цель обновления системы европейского политического равновесия, утратила интерес к продолжению войны. Британская дипломатия ориентировалась на достижение паритетных интересов с Францией и

другими менее значительными державами. Аахенский мирный договор 1748 года, который подписала Мария Терезия под давлением Англии, не оправдал ее надежд. Значительная часть Силезии фактически становилась владением Пруссии, за Виттельсбахами сохранялась Бавария, испанские Бурбоны продолжали управлять своими итальянскими владениями, а сардинскому королю, военному союзнику, Австрия должна была в благодарность за поддержку еще уступить часть Ломбардии. Но если территориальные претензии Марии Терезии так и не осуществились, то все же политические амбиции были отчасти удовлетворены. Прагматическая санкция получила в итоге международное признание. Австрия сохранила за собой положение великой державы. Результаты этой войны давали вновь габсбургскому дому шанс претендовать на имперскую корону. С другой стороны, все перипетии войны за австрийское наследство убедили Марию Терезию в том, что единственный путь сохранения габсбургского наследия – это не экстенсивное территориальное расширение владений, а укрепление внутренних основ государства, связующих центр с коронными землями. С этого времени идея внутренней консолидации становится руководящей в политике габсбургского дома. Мария Терезия начинает реформировать государственный и общественный порядок в своей стране.

Первый этап реформ (конец 40-х – середина 50-х годов XVIII века). Самое сложное было начать, преодолеть сложившиеся стереотипы государственного управления. На этом пути было много препятствий, но самое главное – отшлифованное столетиями традиционное соотношение власти сословий и власти государя. Королевские министры и высшие бюрократы играли роль посредников между королевским двором и провинциальными сословиями. Как правило, они были выходцами из крупнопоместной аристократии, которые использовали свое влияние в коронных землях для решения вопросов, выгодных Вене, в то же время им не были чужды локальные интересы своих земель, которые они отстаивали в центре. Высшая бюрократия в государстве представляла собой наиболее богатый слой собственников с безупречной аристократической генеалогией. Только благодаря их связям государь мог получить согласие провинциальных сеймов на финансовую и военную поддержку. Естественно, подобная ситуация сдерживала абсолютистские и централизаторские устремления Габсбургов и ослабляла военный и экономический потенциал государства. «Сливки» провинциального аристократического общества были заинтересованы в сохранении «лоскутной монархии».

Молодая государыня решила коренным образом изменить ситуацию в собственную пользу. Немаловажное значение имел также и тот факт, что во время войны сословия в землях чешской короны и Верхней Австрии скомпрометировали себя, признав баварского «узурпатора» своим королем. Это «предательство» служило определенной моральной мотивацией реформаторских действий оскорбленной государыни. В то же время она осталась верна слову, данному в Пресбурге венгерскому сабору. Реформы не затронули привилегий верных трону венгерских сословий. Земли венгерской короны сохранили все свои prerogatives, что еще более усилило их особое положение в габсбургской монархии.

Вдохновителем первой волны реформ был граф Фридрих Вильгельм Хаугвиц (Haugwitz) (1700–1765). Выходец из Саксонии граф Хаугвиц отличался пуританской строгостью и работоспособностью, ему были чужды светские забавы. Своей подчеркнутой чопорностью и аскетизмом он вызывал ненависть в кругу придворных вельмож. Однако не столько личные качества были причиной открытой конфронтации Хаугвица с аристократией, сколько осуществленная им налоговая реформа. Именно налоговая реформа, растянувшаяся с 1747–1748 годов до середины 1750-х годов, стала основой для кардинальных перемен в государстве.

Модель налоговой реформы, которую Хаугвиц опробовал сначала в небольшой части Силезии, сохраненной за Габсбургами, потом в Каринтии и Крайне, а затем во всех австрийских и чешских землях, строилась на следующих принципах: налогообложению подлежали не только крестьянские дворы, как было раньше, но и дворянские имения; устанавливался фиксированный налог; осуществлялся государственный контроль над налоговыми поступлениями. Для реализации

этой крупномасштабной задачи требовалась новая перепись подданных и их недвижимости, поскольку последняя перепись была осуществлена в 1654 году и безнадежно устарела. Так возник новый терезианский кадастр (1757г.). Граф Хаугвиц не полагался на добровольное признание дворянами размеров собственного налогооблагаемого имущества, поэтому составление списков проводилось под бдительным надзором государственных земских органов. В государстве велась активная пропаганда новой налоговой политики. Подданным объясняли, что средства, поступающие в государственную казну, пойдут на содержание 100-тысячного постоянного войска, необходимого для поддержания обороноспособности государства.

В отличие от предшествовавших царствований новая армия теперь должна была содержаться только за счет королевской казны. Мария Терезия хотела иметь собственную королевскую армию и не зависеть в военных вопросах от провинциальной аристократии.

В чешских, моравских и австрийских землях была проведена и административная реформа, направленная на централизацию и унификацию государственного управления. Создавались земские комиссии – «депутации», в компетенции которых находились все основные фискальные и хозяйственные вопросы. Венчала эту бюрократическую пирамиду центральная «депутация» в Вене, председателем которой стала Мария Терезия. На этой основе создавались новые институты земского управления, подчиненные не провинциальным сословно-представительским собраниям, а центральной власти. Крайских гетманов – выборных представителей от панства и рыцарства заменил один королевский чиновник, находившийся на государственной службе.

В 1742 году Придворная канцелярия была поделена на Придворно-Государственную канцелярию, ведавшую вопросами внешней политики, и Австрийскую придворную канцелярию, занятую вопросами внутреннего управления. В мае 1749 года по распоряжению Марии Терезии был создан единый высший орган государственного управления во главе с графом Хаугвицем – «Directorium in publicis et cameralibus». В 1753 году в результате слияния была создана Богемско-австрийская Придворная канцелярия, ставшая высшим административным органом, контролировавшим внутривластные, финансово-экономические и административные вопросы на территории наследственных и коронных земель. Канцлером объединенной канцелярии оставался Хаугвиц. Этот высший орган государственного управления сохранялся вплоть до 1848 года.

Территориальные министерства, которыми руководила местная аристократия, упразднились. Вместо них создавалась централизованная система отраслевых министерств.

Из прежней административной системы был сохранен только Государственный Совет, состоявший из 3 аристократов, 3 представителей низшего дворянства и 3 профессионалов-бюрократов. На заседаниях Государственного Совета обсуждались все вопросы внутренней и внешней политики, в том числе и венгерские дела. Но Совет, хотя и имел весьма большое влияние при дворе, все же оставался лишь совещательным органом.

Причину существенного ограничения прерогатив сословно-представительской системы следует искать, прежде всего, в необходимости консолидации государственного управления перед лицом постоянно существовавшей военной угрозы. При дворе были убеждены в том, что очередная война с Пруссией неизбежна.

Неудивительно, что важнейшее значение для Марии Терезии имела военная реформа, за осуществление которой взялся граф Леопольд Даун (1705–1766), участвовавший в двух силезских войнах и проявивший себя талантливым стратегом. Система обучения и тактические принципы построения новой австрийской армии ориентировались на прусский образец. Впервые создавалась постоянная королевская армия. Особое значение придавала Мария Терезия улучшению профессионализма офицерского состава. В Вене была открыта военная академия и кадетские школы. В армейской структуре приоритетное положение имели артиллерийские подразделения – новое слово в военном искусстве.

Численность армии была доведена до 108 тысяч. Рекрутский набор теперь осуществлялся королевскими чиновниками. Наследственные земли должны были выплачивать на содержание

войска по 14 миллионов гульденов в год вместо прежних 9 миллионов. Причем сумма заранее определялась сроком на 10 лет.

На фоне реформ Мария Терезия начинает проводить систематичную политику меркантилизма. Это были еще только первые ростки региональной экономической политики. Так, государственную поддержку получило развитие мануфактурного производства в Чехии и Моравии, в то время как венгерским землям отводится роль главного поставщика аграрной продукции для всего государства.

Первая волна реформ отразилась и на общественной жизни. Стала создаваться городская полиция. Черты регламентации личной жизни граждан можно в этот период отметить в деятельности особой комиссии, которая должна была пресекать «аморальное поведение» подданных. Ее агенты бдительно следили за нравственностью, супружеская измена каралась тюремным заключением. Особое внимание уделялось и контролю над общественными умонастроениями. Деяния этой комиссии вызывали настолько острое недовольство, как горожан, так и придворных, и имели такую скандальную известность, что в 1748 году Мария Терезия вынуждена была ее распустить. В это же время издаются указы императрицы о запрещении подданным румяниться и белиться, о непременном представлении свидетельства об исповеди.

Политику меркантилизма должна была обеспечить и реформа городского управления. В 1749 году был издан указ об утверждении правительством в их должностях выборных бургомистров, синдиков и писцов. Таким образом, органы городского самоуправления оказывались ответственными перед правительством и фактически подчинялись центральной власти. В 1750–51 годах правительство вводит надзор окружных начальников за рынками и всей городской администрацией, а в 1754 году издается указ о ведении протоколов во всех административных делах для предъявления их ревизорам. Особая роль при проведении городской реформы отводилась организации полиции. Зонненфельс, разрабатывая проект создания полицейской королевской службы, писал, что в ее компетенцию должно входить «охранение общественного порядка, тишины и спокойствия, надзор за правильностью мер и весов, за торговлей на ярмарках, за чистотою на городских улицах, охрана от несчастных случаев и право распоряжения при обстоятельствах, когда было *periculum in mora*».

В 1750-е годы под влиянием личного врача Марии Терезии, выходца из Нидерландов ван Свигена начинается реформа высшей школы, ликвидировавшая университетское самоуправление. Во главе каждого факультета правительством теперь назначался директор (отнюдь не из числа профессоров). Он определял и контролировал формы и содержание университетских курсов. Директора факультетов находились в подчинении проректора, а с 1757 года – смешанной коллегии из духовных и светских лиц, которая называлась «Учебная придворная комиссия». Комиссия подготавливала доклады государыне и контролировала университетскую деятельность.

К середине 1750-х годов появились результаты первой волны реформ – усилилась внутренняя консолидация монархии, улучшилось ее экономическое положение, были заложены основы имперской регулярной армии. Эти терезианские реформы нарушили, но не изменили иерархию социальных слоев общества. Основные идеи европейского Просвещения, провозглашавшие принцип естественного равенства всех людей перед Богом и законом, были чужды Марии Терезии. «Нельзя считать возможным уничтожение крепостничества, – писала государыня в 1742 году, – поскольку не существует страны, в которой бы не делалось различие между господином и его подданным. Освобождение крестьянина от обязанностей по отношению к господину привело бы к его одичанию, а самого господина огорчило бы». Первая волна реформ не противоречила традиционной династической политике габсбургского дома. Этот процесс был мотивирован не столько идеологией просвещенного абсолютизма, сколько прагматичным расчетом – укрепить внутренние силы государства и его обороноспособность перед лицом сильного и опасного врага – прусского короля. Внешнеполитический фактор в этом случае имел первоочередное значение.

В то же время логика реформ Марии Терезии, последовательность их осуществления значительно поколебала социальные и политические привилегии «старой аристократии». В течение последних столетий искусственно культивировалась анахроничная модель сословного общества.

По другому не могло быть – исторический федерализм, заложенный в основе габсбургской монархии, строился, прежде всего, на привилегиях сословно-представительских органов в королевских землях и соответственно на более широких компетенциях провинциальных сословий по сравнению с центральной властью. Война за австрийское наследство была своего рода «знаком времени», она обнажила тщательно скрываемую габсбургским домом лоскутность его владений и чрезвычайную уязвимость самой австрийской государственности. Мария Терезия встала на путь создания абсолютистского государства, когда уже существовали его рецепты, апробированные во Франции, Пруссии, Испании. Возможно, успех ее реформ во многом был обусловлен своеобразным преимуществом запоздалого развития Австрии по сравнению с ведущими европейскими державами. Финансово-экономические реформы Хаугвица строились на позитивном опыте французских реформ Кольбера, эталоном военной реформы послужила модель прусской королевской армии.

Имперская политика (1745–1765). «Смерть императора, последовавшая в Мюнхене 20 числа сего месяца, станет тем событием, которое значительно изменит состояние дел не только Германии, но и всей Европы». Так изложил Фридрих II в инструкции от 27 января 1745 года своему послу в Лондоне впечатление от внезапной смерти императора Карла VII Виттельсбаха. Он предвидел, что внезапная смерть баварского герцога поставит перед Европой вопрос: смогут ли Габсбурги, удержавшие трон в своей лоскутной монархии, вернуть себе титул императоров Священной римской империи. Мария Терезия твердо решила не упускать этот уникальный исторический шанс. Успех на выборах императора стал фактически главной целью венской дипломатии. В ее имперских планах супругу Францу Стефану отводилась теперь главная роль.

Мария Терезия вышла замуж за Франца Стефана, герцога Лотарингского, в 1736 году, от этого брака у них родилось 16 детей. Сразу после смерти отца она назначила своего супруга соправителем Австрии и наместником Чешского королевства. В ноябре 1741 года ему даже было поручено командование австрийской армией. Вначале Франц Стефан ревностно взялся за выполнение этих обязанностей, и его слово при дворе имело огромный вес. Но после первых военных неудач он был отстранен от командования армией. Для политика герцог Лотарингский был также слишком мягок. Он искренне считал Фридриха II своим другом. Даже со своим основным соперником – Карлом VII Виттельсбахом он пытался достичь компромисса, предлагая ему королевскую корону в Ломбардии в обмен на отказ от императорской короны. В отличие от своего мужа Мария Терезия была склонна проводить против Пруссии и Баварии более жесткую политику. Постепенно Франц Стефан потерял политический вес при венском дворе и был вынужден смириться с тем, что рядом с супругой ему никогда не удастся удержать равного положения. Он бросился в водоворот светских развлечений, предпочитая им государственные дела. В 1745 году ситуация резко изменилась.

Всю силу своей неукротимой энергии Мария Терезия направила на то, чтобы заполучить для Франца Стефана императорскую корону. Ее армия вынудила молодого баварского курфюрста Максимилиана III признать Прагматическую санкцию и отдать свой голос Францу Стефану. Она также заручилась обещанием кельнского курфюрста. Но главной победой ее дипломатии стало согласие Фридриха Августа II, курфюрста Саксонии и короля Польши, отказаться от выдвижения собственной кандидатуры и отдать Габсбургам свой голос. Самыми сложными были переговоры с прусским королем, весьма высоко оценивавшим собственные шансы на императорский престол. Это были самые продолжительные переговоры в истории Священной римской империи нового времени. Настойчивые действия австрийской дипломатии позволили, в конечном счете, добиться желаемого результата.

13 сентября 1745 года великий герцог Франц Стефан был избран римским императором. Он стал императором Францем I. Фридрих II все же голосовал против. Несмотря на настоятельные просьбы Франца Стефана, Мария Терезия решительно отказалась возложить на свою голову корону во время коронационной церемонии. Причина отказа состояла в том, что по церемониалу она должна была в этом случае продемонстрировать подчиненное положение по отно-

шению к своему супругу. Властолюбивая дама никак не могла допустить этого. Тем не менее, в дальнейшем она носила титул императрицы, и иностранные дворы в официальной корреспонденции обращались к ней именно как к императрице.

Франц Стефан был императором Священной римской империи в течение 20 лет. Перед Габсбургами стояла важная задача – не только доказать, что империя сохраняет свою жизнеспособность, но и обеспечить императору, не имевшему корней в самой империи, хотя бы минимальную опору со стороны ее институтов. Однако Франц Стефан так и оставался в тени куда более активной и властолюбивой Марии Терезии. В доказательство этому сохранились многочисленные свидетельства современников. Например, прусский дипломат граф Отто Подевилльс так характеризовал Франца I: «Он обладает весьма живым воображением, прекрасной памятью и здравым смыслом, но от природы он инертен и не в состоянии основательно заниматься чем-либо. Он ненавидит труд. Он не честолюбив и старается, как можно меньше заниматься государственными делами. Он желает лишь наслаждаться жизнью, приятно проводить время, а славу и тяготы правления с удовольствием оставляет императрице. Государыня и ее министры руководят им, причем, прежде всего, это относится к делам империи, о которых он имеет весьма слабое понятие... Он в совершенстве разбирается в финансовых делах, и это единственная сфера, к которой он прикладывает старания. В его государстве финансы всегда были в очень хорошем порядке».

Эта характеристика содержит ряд точных наблюдений, но все же влияние супруга на Марию Терезию было значительно сильнее, чем ее сына эрцгерцога Иосифа. Но когда Франц I пытался проявлять собственный интерес к политике, императрица могла резко поставить его на место. По существу, его участие в политических вопросах сводилось к роли советника жены и к представительским функциям. Императорская корона была слишком тяжела для него.

Несмотря на то, что в венской официальной идеологии того времени неоднократно упоминалась идея германской империи, совершенно очевидно, что основным направлением имперской политики стало возвышение самой династии Габсбургов. Империя для царственной четы была в значительной степени средством в борьбе за интересы Габсбургов и Австрии, козырем в дипломатическом конфликте с Францией, а затем и в военном конфликте с Пруссией.

Первые мероприятия, осуществленные Францем I после коронации, были направлены на восстановление прежних традиционных имперских институтов, реформированных Карлом VII. Габсбургам важно было показать, что правление баварских Виттельсбахов было лишь досадным эпизодом в истории старой империи. 9 сентября 1745 года был подписан договор об имперской придворной канцелярии. Местом заседаний имперского рейхстага вновь был определен вольный имперский город Регенсбург вместо бывшего перед этим Франкфурта. Во главе верховного комиссариата был назначен князь Эрнст Вильгельм Фюрстенбург, занимавший эту должность при Карле VI. На все важные посты в империи были поставлены преданные Габсбургам люди. Вене необходимо было любой ценой вернуть утраченные в германских землях позиции.

С этой целью Франц I демонстративно поддерживал имперские вольные города, покровительствуя, к примеру, Гамбургу, Аугсбургу, Регенсбургу, которые испытывали серьезные сложности в отношениях с территориальными князьями, стремившимися утвердить абсолютистское правление в своих владениях. Политика поддержки мелких субъектов империи проявилась также и в доброжелательных судебных решениях по поводу их жалоб на притеснения князей.

Другое начинание Франца I – возобновление процедуры формального подтверждения имперских ленов – закончилось неудачей. Стремясь утвердиться как высший ленный сеньор империи, Франц I пытался полностью воспроизвести церемонию, существовавшую в империи с 1530 года. Курфюрсты должны были направить ему по всей форме прошения о передаче тронных ленов и возобновлении привилегий. Однако крупные имперские князья посчитали этот церемониал оскорбительным для их достоинства и отказались выполнять распоряжение императора.

Первые неутешительные опыты императорства заставили габсбургский дом задуматься о будущей роли династии в европейской политике. Особое беспокойство вызывали центробежные

настроения в империи, утрата имперского сознания светскими субъектами империи. Неизбежно вставал вопрос: стоило ли Габсбургам столь настойчиво держаться за императорскую корону? Этот вопрос в 1749 году получил самое серьезное обсуждение и при венском дворе, и в публицистике. Несмотря на разногласия во мнениях, был выражен общий подход – династия Габсбургов никогда не должна отказываться от своей роли в империи. Династические интересы тесно связаны с имперской идеей, поскольку титул императора Священной римской империи по-прежнему оставался в Европе символом высшего политического престижа. В итоге был сделан следующий вывод, в формулировке которого принял участие сам император: «Подобно тому, как империя не может быть сохранена без поддержки августейшей семьи, так и августейшая семья, отделившись от империи, подвергнется многочисленным серьезным опасностям». Этот подход определил на последующие десятилетия германскую политику венского двора.

Однако кризис имперской власти, подобный тому, что произошел в 1740 году, продолжал разрастаться. Ситуация обострялась также и в результате смены министров при венском дворе в 1753 году. Восходила звезда нового политика князя Венцеля Антона фон Кауниц-Ритберга (1711–1794, канцлер – 1753–1792). Между Францем I и бароном Кауницем, которого откровенно поддерживала Мария Терезия, существовала не только личная неприязнь, но и серьезные расхождения во взглядах на внешнюю политику.

Кауниц рискнул предложить совершенно новую концепцию дипломатии. Для блага Австрии и всей «старой системы» он считал необходимым выйти из союза с морскими державами – Англией и Голландией и примириться с «заклятым врагом» – Францией. Будучи послом при французском дворе с 1750 по 1753 год, он смог подробно изучить перспективы подобной комбинации. После возвращения в Вену в 1753 году, став государственным канцлером, князь Кауниц начал создавать профранцузскую партию при дворе. Франц I был противником сближения с Францией. При общении с Кауницем ему изменяло обычное хладнокровие и сдержанность. Император категорически отказывался поддерживать политику «распада союзов». Но ему не оставалось ничего иного, как отойти от имперской внешней политики, ведь идеи Кауница разделяла Мария Терезия.

Однако, помимо явных неудач в германской политике, Францу I все же удалось провести в империи ряд мероприятий, закреплявших положение Габсбургов. Весьма плодотворной была его имперская церковная политика. Многодетность императорской семьи открывала большие перспективы. Венский двор после длительного перерыва вновь активно занялся этим важным направлением династической политики. Теперь при выборах епископов баварские Виттельсбахи неожиданно столкнулись с Габсбургами или их кандидатами. Позиции Габсбургов в церковной сфере были традиционно сильны, поскольку такие важные епископства, как Майнц, Пассау, Констанц традиционно ориентировались на Вену. Основные усилия были направлены на получение епископской кафедры в Кельне после внезапной смерти курфюрста Клеменса Августа в 1761 году. После ожесточенной борьбы этот краеугольный камень *Germania Sacra* был вырван из рук Виттельсбахов, на этом месте оказался сначала ставленник Габсбургов, а затем, уже в 1780–84 годах, младший сын императрицы Макс Франц. Столь пристальное внимание к церковной политике объяснялось, прежде всего, тем, что Габсбурги считали церковь самым эффективным из оставшихся у них инструментов поддержания единства империи.

Семилетняя война (1756–1763 гг.). Когда в августе 1756 года прусский король Фридрих II вторгся в Саксонию, положив начало самой тяжелой и кровопролитной Семилетней войне в имперской истории XVIII века, Франц I попытался опереться на внутренние силы в германских землях. Мария Терезия и Кауниц считали, что в кризисной ситуации необходимо обратиться к новому союзнику – Франции. Но на этот раз Франц Стефан решил проявить волю императора. Он не хотел, чтобы эта война имела характер двустороннего австро-прусского конфликта. Его идея заключалась в том, чтобы она имела характер карательной акции против злостного нарушителя мира и спокойствия в империи – вероломного «короля-протестанта». Война должна была укрепить престиж и безусловное влияние габсбургского дома в германских землях. На заседаниях рейхста-

га император настаивал на провозглашении официальной опалы и объявлении войны против разрушителя. Но вопрос об опале обсуждался два года и безрезультатно. Решение же об объявлении войны было вынесено 12 января 1757 года, спустя полгода после прусского вторжения. Далее начался мучительный процесс комплектования имперской армии.

Эта армия сражалась до конца Семилетней войны на стороне императора. Но уже в 1759 году в армии, сформированной из разношерстных вспомогательных частей, стали проявляться явные признаки разложения. В начальной стадии войны Францу I еще удавалось эффективно использовать административные институты империи и склонить субъектов империи к военному сотрудничеству. Однако трудности со снабжением армии и бесплановое, не всегда добросовестное управление ею привели к конфликтам в стане общеимперской коалиции. Трения начали обостряться после поражения в битве при Лойтене (5 декабря 1757 года) и постепенно вносили все большее замешательство в ряды сторонников императора.

Одновременно Кауницу удалось сформировать коалицию против Пруссии. Дипломатические усилия Кауница, благодаря покровительству мадам Помпадур, увенчались подписанием в 1756 году Версальского договора, положившего конец двухвековой вражде Австрии и Франции. В ответ на это Англия, следуя традиционной политике сдержек и противовесов, заключила Вестминстерский союзный договор с Пруссией.

Но осязаемое превосходство антипрусской коалиции, в состав которой вошли Австрия, Россия, Франция и Саксония, так и не сказалось на ходе и результатах войны. Война продолжалась с переменным успехом. Франц I принимал в этих событиях самое активное участие, особенно пока армией командовал его брат Карл, которому он лично давал указания. После поражения под Лойтеном император с большой неохотой согласился с его смещением. Положение прусской армии тоже неоднократно менялось. Военные действия стремительно разворачивались на территории самой Пруссии. Берлин дважды захватывался сначала русскими и австрийскими войсками, затем венгерскими конными частями. В самый критический для прусского короля период, когда его поражение казалось неминуемым, и он уже готов был заключить мирный договор и вернуть Австрии Силезию, умирает русская царица Елизавета. Наследник российского трона Петр III, преклонявшийся перед прусской военной системой и личностью Фридриха II, отказался от прежних союзнических обязательств и выступил на стороне Пруссии.

Семилетняя война была изнурительной для обеих сторон. Существенной корректировки границ она не принесла. Но еще более укрепила положение Пруссии в германских землях. В конце Семилетней войны отношения субъектов империи с императором приняли совсем другой оборот. Начиная с октября 1762 года, они один за другим отказывались повиноваться императору и выходили из войны, заключив сепаратные перемирия с Фридрихом II. Сепаратный выход из войны происходил без решения рейхстага об окончании военных действий. Подобные двусторонние соглашения были фактически грубым нарушением конституции империи. В итоге 11 февраля 1763 года рейхстаг вопреки желанию императора объявил о нейтралитете, что придавало войне уже характер двустороннего австро-прусского конфликта.

Императорскому двору не оставалось ничего иного, как после заключения мира с Пруссией (Губертсбург, 15 февраля 1763 года) признать все эти договоры и тем подвести черту под Семилетней войной. Политические результаты оказались для Вены не менее неприятными и опасными, чем военные. Марии Терезии пришлось окончательно смириться с потерей Силезии. Военные расходы серьезно опустошили государственную казну, вновь чрезвычайно возрос государственный долг. После Семилетней войны государыня избегала втягивания Австрии в военные конфликты, справедливо полагая, что война слишком дорогое удовольствие для государства, так остро нуждающегося во внутренней консолидации. Основная цель ее политики – не территориальные приобретения, а интеграция коронных земель. Результаты Семилетней войны повлекли за собой изменение соотношения сил в Центральной Европе, обострив австро-прусское соперничество в немецкой политике. Если вековой конфликт между Австрией и Францией в результате

дальновидной политики Кауница стал постепенно загущать, то в центре Европы завязался новый узел противоречий вокруг вопроса: «Кто возглавит «великую Германию» и возьмет на себя ответственность за ее судьбу?».

Еще одно столкновение между Марией Терезией и Фридрихом Великим произошло в 1778 году, когда, воспользовавшись тем, что прервалась баварская ветвь династии Виттельсбахов, она получила от нового курфюрста Карла Теодора Пфальцского Нижнюю Баварию за орден Золотого Руна. Прусский король сгоряча объявил Австрии войну, но втягиваться в новый конфликт ни той, ни другой стороне не хотелось. После нескольких незначительных сражений был заключен Тешинский мирный договор, по которому за Австрией закреплялся небольшой участок баварской земли между Дунаем и Инном.

Еще одно территориальное приобретение в царствование Марии Терезии было сделано в 1773 году, когда в результате удачной дипломатической комбинации в период первого раздела Польши Габсбургам отошла Галиция. Мария Терезия лично не желала распада Польши, но государственный интерес был превыше всего. «Она плакала, но брала», — зло заметил по этому поводу Фридрих II.

Наиболее удачным для австрийской политики стало присоединение Буковины, без сопротивления отобранной у Турции в 1775 году. Предлогом было вознаграждение за расходы, которые понесла Австрия при укреплении восточных границ против русских. Галиция и Буковина все же были утешением для Марии Терезии после потери Силезии — «жемчужины австрийской короны».

Второй этап реформ (1765–1780). Самый крупный успех выпал на долю Франца I под конец жизни. После окончания Семилетней войны вновь появились планы, связанные с избранием эрцгерцога Иосифа римским императором. Франц I постарел, его начали одолевать депрессивные состояния и болезни. Наследнику к этому времени исполнилось 18 лет, теперь его возраст не мог служить препятствием к осуществлению этого проекта. Без особых сложностей венскому двору удалось провести новые выборы императора в свою пользу. 27 марта 1764 года эрцгерцог Иосиф был избран императором Священной римской империи. Это событие явилось высшей точкой в политической карьере Франца I, который в последний раз проявил высокую активность при решении проблемы избрания нового императора. Через год, 18 августа 1765 г., у него случился инфаркт во время свадебных торжеств сына Леопольда в Инсбруке. Франц I Стефан скончался в возрасте 57 лет.

Смерть мужа подорвала жизненные силы Марии Терезии. Она остригла свои роскошные волосы, остаток былой красоты, раздала детям драгоценности. С этого времени императрица носила только жемчуг — символ печали — и одевалась только в траурный черный цвет. Нередко государыня впадала в тяжелые депрессии. Тогда ей казалось, что лучше отдать бразды правления своему старшему сыну — Иосифу, а самой удалиться в Инсбрук. Но Мария Терезия понимала, что единственное утешение и спасение — это работа. До последнего вздоха она не могла отказаться от власти.

Второй период терезианских реформ наполнен духом пуританского аскетизма, который с каждым годом усиливался при венском дворе. В 1767 году императорскую семью постигло горе. Во время эпидемии оспы умерла первая жена наследника Иосифа II и одна из дочерей Марии Терезии. Оспа изуродовала лицо другой ее дочери — Елизаветы, считавшейся самой красивой девушкой в семье. Сама императрица тоже тяжело перенесла эту болезнь. После эпидемии Мария Терезия согласилась с предложением Иосифа сделать всем членам семьи прививку от оспы. Этот пример подхватил двор, а затем и жители Вены, раньше опасавшиеся подобного медицинского «нововведения». Опасность эпидемий оспы была, таким образом, значительно снижена.

Спустя три года Марии Терезии пришлось испытать еще одну трагедию — умерла ее маленькая внучка, единственная дочь Иосифа от первого брака. В отчаянии она писала: «У меня уже нет сил сносить эти раны. Я достаточно пожила на этом свете...». Все эти испытания повлияли на мироощущение императрицы. Она стала еще более консервативной и осторожной.

Между тем, в тени Марии Терезии подрастал ее старший сын, наследник престола. Иосиф имел холодный аналитический ум, он не признавал людей с физическими недостатками, не прощал другим проявлений слабости. Дисциплинированный, чрезвычайно работоспособный Иосиф

требовал таких же качеств и у своих подчиненных. Он открыто выступал против излишнего блеска венского двора, непомерно больших расходов на придворные развлечения. Силу государства Иосиф видел в хорошо организованной армии, полной государственной казне и успешной меркантилистской политике. После смерти отца Иосиф был назначен Марией Терезией соправителем всех наследственных земель габсбургской монархии. Кроме того, он был и императором Священной римской империи. С самого начала он с энтузиазмом стал вникать в тонкости австрийской внутренней политики, засыпал Марию Терезию меморандумами, записками об улучшении государственного устройства и проектами дальнейших реформ. Иосиф считал первые терезианские реформы половинчатыми, поскольку они не затронули привилегий старых аристократических родов, государственная бюрократия не имела профессионального образования и, главное, государственного мышления. Наследник был твердо убежден в том, что для блага государства необходимо полностью реформировать всю структуру власти и систему общественных отношений.

Сами отношения между Марией Терезией и Иосифом трудно было назвать доверительными. Более того, императрица с большим вниманием прислушивалась к мнению своего второго сына – Леопольда, герцога Тосканского, который в отличие от старшего брата имел дипломатический такт и был склонен к принятию компромиссных решений. При венском дворе в этот период проекты реформ и все важнейшие политические решения формулировались фактически в двух версиях – радикальной от Иосифа и консервативной от императрицы и ее окружения. Канцлеру Кауницу приходилось постоянно лавировать между членами царствующей семьи. Одним из тех немногих вопросов, в решении которых между Марией Терезией и Иосифом не было противоречий, – это реформа образования. Эту реформу разработали, в основном, ее врач, выходец из Нидерландов, Герхард ван Свитен (1700–1772) и священник Иоганн Андреас Фелбигер, выходец из прусской Силезии, поступивший на австрийскую государственную службу в 1774 году. Благодаря их усилиям была осуществлена школьная реформа. В 1775 году вышел новый школьный устав, который предусматривал несколько уровней образовательных программ. Наиболее низкий – тривиальные школы, создававшиеся при приходях во всех маленьких городах и селениях и рассчитанные на один год обучения. Практически все население страны должно было быть охваченным этой самой элементарной образовательной программой, включавшей «тривиум» – обучение чтению, письму и счету. Начальное образование было признано обязательным. В отличие, к примеру, от Пруссии, где учителями в подобных «школах для народа» были отставные унтер-офицеры, в австрийской реформе предусматривалась также организация специальных школ для подготовки учителей. При местных органах управления создавались основные школы. В них принимались дети от 6 до 12 лет, которым преподавались уже отдельные дисциплины – история, геометрия, математика на немецком языке. Наконец, в столицах коронных и наследственных земель открывались еще и «нормальные школы», предназначенные, в основном, для выходцев из среднего сословия. По уровню образовательных программ они представляли собой более высокую ступень обучения, чем тривиальные и основные школы.

Мария Терезия придавала реформе образования огромное значение, постоянно лично курировала осуществление проектов в этой области. Особую роль отводила она реформе высшего образования. Как правило, дворяне предпочитали отдавать своих детей в гимназии при монастырях, принадлежавших иезуитам. С упразднением ордена иезуитов проблема высшего образования приобрела еще большую остроту. Продолжение реформы высшей школы связано, прежде всего, с именем графа Антона Пергена, одного из наиболее талантливых и деятельных государственных министров эпохи Марии Терезии. Иезуитские учебные планы отдавали предпочтение изучению классических языков, богословию и истории религии, меньше внимания уделялось истории древнего мира и средних веков, географии, математике, немецкой литературе. Естественное образование не входило в эти учебные программы. Перген, напротив, реформируя систему высшего образования, предполагал сделать акцент именно на прикладные отрасли знания и те науки, которые

имели практическое применение. Несмотря на то, что этот проект не соответствовал мироощущению самой Марии Терезии, и она не могла сразу согласиться с ним, в конечном счете, университетское образование в Австрии было реформировано в соответствии с планами Пергена.

Под влиянием ван Свитена был обновлен и расширен медицинский факультет Венского университета. Открылись новые кафедры астрономии, ботаники, химии. Большое значение приобрел юридический факультет, видные юристы которого участвовали в разработке судебной реформы. Изучение церковного права было перенесено с богословского факультета на юридический (его читал Риггер), основная идея этого курса заключалась в доказательстве превосходства светской власти над духовной.

Высшее профессиональное образование для королевских чиновников и офицеров становилось важнейшей задачей, залогом успеха терезианских реформ. В 1749 году была создана Академия Марии Терезии, названная Терезианум. В ней обучались юные аристократы, стремившиеся сделать карьеру в высших эшелонах государственного управления. В 1752 году была открыта Военная академия, в которой обучались офицеры. Восточная академия (1754 г.) выпускала специалистов по Ближнему Востоку, Передней и Средней Азии, тех, кто мог на профессиональном уровне отстаивать австрийские интересы в политической и коммерческой сферах. В 1770 году была создана Реальная торговая академия. В 1778 году было разрешено иноверцам добиваться докторского звания. Хотя констатировалось, что любой талантливый человек в результате реформы мог получить высшее образование, все же представители низших сословий в этой среде были нежелательны.

К концу царствования Марии Терезии только в немецких наследственных землях насчитывалось 15 нормальных, 83 основных, 47 женских школ, 3848 тривиальных училищ с 200 тысячами учащихся.

Если вопросы образования вызывали у Марии Терезии самый живой интерес, то правовые аспекты судебной реформы, напротив, постоянно откладывались. Это была, пожалуй, самая консервативная и половинчатая реформа. При ее разработке остро сталкивались идеи Просвещения с традиционализмом габсбургского дома. Авторами судебной реформы были профессора права Венского университета: Паул Йозеф Риггер, курировавший также отношения церкви и государства, Карл Антон фон Мартини, выступавший за реформы в духе буржуазного права, а также Йозеф фон Зонненфельс (1737–1817), выходец из семьи раввинов, воспитанный католиками, участвовавший в разработке программ профессионального образования для государственных чиновников, занимавшийся популяризацией идеи меркантилизма, разработкой основ структуры полицейского ведомства, кроме этого он был еще известным драматургом и цензором.

Судебная система была строго централизована, высшим органом юстиции стала Судебная палата, состоявшая из многочисленных региональных сенатов. На заседаниях сенатов избирались судьи. Существенно было ограничено патримониальное право господ. В каждом административном округе существовала только одна судебная палата. Вводилось право апелляции, что означало существенный прогресс в области гражданского судопроизводства. Предусматривалось наличие одного апелляционного суда в каждой коронной и наследственной земле.

Мария Терезия назначила юридическую Компиляционную комиссию, призванную заниматься вопросами совершенствования судопроизводства, гражданского и уголовного права. В 1767 году был представлен проект из 8 томов, после знакомства с которым Кауниц пришел в ужас. Был назначен другой состав комиссии. Но процесс создания правовых основ гражданского общества шел очень медленно. Мария Терезия так и не решилась на кардинальное изменение государственно-правовых отношений.

Уголовное право было издано под названием «*Constitutio Criminalis Maria Theresiana*» (1769). Многие черты этого законодательства были заимствованы от Carolina – свода уголовного права, созданного во времена Карла V в XVI веке. Естественно, что для своего времени это было передовое законодательство, но во второй половине XVIII века оно выглядело уже как анахронизм. Процессуальные основы сохранялись такими же, как при инквизиции, когда зачастую обвинение,

защита и судья были объединены в одном лице. Оставались варварские виды казни и физических наказаний. Сами казни были разнообразны до виртуозности – параграфы давали подробные указания, как следует четвертовать, сжигать живьем, топить, сажать на кол и т.д. В то же время, были там и новации. К примеру, обстоятельства, смягчавшие вину, – слабоумие, несовершеннолетие, болезненное состояние, давление со стороны начальства, знание сложного ремесла, знатное происхождение. Несмотря на все уговоры реформаторов-просветителей Мария Терезия отказалась отменить пытку в качестве основного средства получения признания от обвиняемого и свидетелей. При дворе сложилась особая партия, во главе которой стояли вице-канцлер граф Леопольд Коловрат-Краковский и наследник Иосиф, выступавшие за отмену пыток и ограничение количества преступлений, подлежащих смертной казни. Лишь в 1776 году пытка была отменена.

Особую остроту во второй период царствования Марии Терезии приобрел крестьянский вопрос. Как в промышленной сфере, так и в сельском хозяйстве государство стремилось к введению новых форм хозяйствования. В земледелии наметились существенные позитивные сдвиги: переход от трехполья к многополью, от пастбищного животноводства к стойловому, активно внедрялась денежная рента, что вело к расширению предпринимательства. Культивировались такие виды аграрных культур, как картофель, клевер, виноград, лен, кукуруза, тутовые деревья. Все это усилило внутренние противоречия – в тех районах, где дворяне не желали переходить к новым формам хозяйствования, барщинные повинности достигали максимума. Особенно остро эти противоречия проявились в развитии австрийских и чешских земель, с одной стороны, и венгерских земель, с другой. Если в западных областях государства права помещиков на крестьян были несколько сокращены (взимание налогов было выведено из-под компетенции местных помещиков, окружные чиновники получили предписание принимать и разбирать жалобы крестьян на своих помещиков, ликвидировать приговоры вотчинного суда, если крестьянин был присужден к телесным наказаниям) и отношения землевладельцев и крестьян регулировались третьей стороной – чиновниками, ничем не связанными с местными интересами и представлявшими центральную власть, то в венгерских землях привилегии дворянства были надежно защищены постановлением сабора 1514 года, закреплявшим крепостную зависимость, и клятвой Марии Терезии.

Государыня была свято убеждена, что крестьянство составляет основную силу государства. Она открыто об этом заявляла: «крестьянский класс как самый многочисленный разряд граждан составляет главную основу и главную силу государства; поэтому его следует поставить крепко на ноги, чтобы он мог кормить свои семьи и нести общие налоги в военное и мирное время». В основе благих идей об улучшении благосостояния крестьянства лежал государственный интерес – увеличение его платежеспособности. Все практические соображения говорили против крепостной зависимости, поскольку подневольный труд был плох и малопроизводителен, не поддавался фиксации со стороны государства. В 1771 году сторонники крестьянской реформы предложили кодифицировать крестьянские повинности в соответствии с возможностями хозяйства. Но даже среди просвещенных чиновников венского двора не было единого мнения по этому вопросу. Ожесточенное сопротивление готовы были оказать провинциальные помещики. Мария Терезия, опасаясь поспешными действиями вызвать внутренние беспорядки в стране, медлила. Весной и летом 1775 года по всем чешским землям прокатилось мощное крестьянское восстание, поводом для которого послужили слухи о том, что местные власти утаивают правительственные распоряжения, ограничивавшие привилегии панов. Это движение было хорошо организовано, имело легитимные лозунги. Крестьяне выражали свою преданность матушке Марии Терезии, что, правда, не мешало им сводить счеты с помещиками и громить панские резиденции. Правительство вынуждено было усмирять крестьян военными методами. Несколько лидеров были казнены, сотни участников подвергнуты наказаниям, но вскоре были амнистированы. Все это заставило правительство предпринять конкретные шаги в решении крестьянского вопроса.

13 августа 1775 года был издан барщинный патент для Чехии и 7 октября – для Моравии. Фиксировалась дифференцированная барщина в зависимости от хозяйственной состоятельности

крестьянина. Безлошадный крестьянин должен был отработать от 13 дней в году до 3 дней в неделю, если же он имел 1-4 лошади, то обязан был отработать 3 дня в неделю. Наиболее зажиточные крестьяне могли посылать летом на одну неделю одного работника на барщинные работы.

Определенное значение имел процесс «раабизации» (по имени советника Рааба, разрабатывавшего крестьянскую реформу), заключавшийся в идее дробления крупных латифундий и создании на них крестьянских хозяйств на основе наследственной аренды за умеренную денежную ренту с прекращением барщины и натуральных платежей. Аристократия всячески противилась этому нововведению. Мария Терезия, не решаясь идти на открытый конфликт с дворянством, рискнула начать «раабизацию» в своем домене. За первые два года было создано 5800 таких хозяйств.

Существенное развитие получила военная реформа. За ее продолжение особенно ратовал наследник Иосиф. Численность армии была доведена до 300 тысяч. Создан Генеральный штаб, укреплены оборонительные сооружения на северной границе. Введены единообразный регламент и одинаковые команды для всех воинских подразделений. Система вербовки была заимствована из Пруссии, имевшей со времени Фридриха Вильгельма I конскрипционную систему. Наемные солдаты заменялись рекрутами из местных жителей. Конскрипционная система закреплялась указом 1771 года, действительным для всех немецких наследственных земель, за исключением Тироля. Страна делилась на 37 округов, во главе каждого был поставлен штаб-офицер. К каждому округу приписывался отдельный полк, который постоянно пополнялся за счет его жителей. Однако часто границы между военными и административными округами не совпадали, что приводило к многочисленным бюрократическим путаницам. Осуществлялась подворная перепись населения без сословных различий, велись реестры всех мужчин и единиц скота. Для облегчения переписи дома стали обозначать номерами, и эта система нумерации так и сохранилась. От воинской обязанности освобождалось духовенство, дворяне, чиновники, зажиточные бюргеры и их сыновья, а также те, кто «были необходимы для земледелия, для ремесла, для горного дела, для добычи селитры, для судоходства, для фабричного производства», – те, у кого была недвижимость и определенная профессиональная деятельность. Таким образом, в рекруты попадали лишь представители низших сословий – арендаторы, поденщики, чернорабочие, мелкие мещане, городская прислуга, господская челядь. Эти люди все жизнь вынуждены были носить ранец, поскольку не существовало в австрийской реформе капикуций, т.е. ограничений срока службы. Правда, в мирное время их отпускали в бессрочные отпуска, чтобы не обременять казну их содержанием, но в любой момент они могли быть вновь призваны на срочную службу.

Дальнейшее развитие получила административная реформа. В 1762 году наследственные и коронные земли, за исключением венгерских, были поделены на губернии. Контроль за политическими, военными и финансовыми вопросами в губерниях осуществлялся централизованно – губернии находились в прямом подчинении Придворной канцелярии в Вене. Все проблемы, связанные с торговой деятельностью, рассматривались коммерческой директорией. В основе всех нововведений в области государственного управления было стремление центральной власти ограничить экономический и политический потенциал крупной аристократии, с одной стороны, и укрепить силу третьего сословия, с другой стороны. В рамках городского коммунального законодательства ограничивались компетенции цехов, которые поддерживались аристократией. Была также существенно ограничена юридическая автономия городов, которые в результате административной реформы попадали под прямое губернское управление. Все нововведения позволяли правительству осуществлять политику меркантилизма, поощряя развитие торговли и промышленности. Значительное влияние на реформаторов оказывали популяционистские идеи, широко распространенные в Европе. Суть их заключалась в том, что государство должно целенаправленно и систематически заботиться о физическом и духовном состоянии своей рабочей силы – чем лучше благосостояние низших «рабочих» слоев населения, тем выше благосостояние самого государства. Была разработана целая система покровительственных пошлин, вводился

частичный запрет на ввоз предметов роскоши и вывоз различных видов сырья за пределы Австрии. Были упразднены внутренние таможенные барьеры, однако между Венгрией и австрийскими наследственными землями, между чешскими и австрийскими землями они все же сохранялись. Государственный совет разрабатывал проекты создания единой для всей страны таможенной системы, но в тех условиях еще чрезвычайно сильны были традиция и сила инерции прежних экономических отношений лоскутного государства, преодолеть которые «деликатные» реформы Марии Терезии не могли.

Потеря Силезии нанесла ощутимый урон экономике австрийского государства. Была утрачена перспектива процветающего текстильного производства. Правительство пыталось расширить текстильные мануфактуры в Чехии, предоставляя иностранным мастерам (прежде всего из немецких земель) возможность беспрепятственно селиться в чешских землях, выдавая им ссуды для организации собственного предпринимательства. Государственную поддержку получили текстильные мануфактуры в Чехии, Нижней и Верхней Австрии. Хозяева и работники мануфактур освобождались от военной службы и барщины. Благоприятные условия для развития полотняного производства создались в западных альпийских областях наследственных земель. В результате политики меркантилизма углубилась регионально-экономическая специализация: в Чехии процветало стеклоделие, в Каринтии и Штирии была налажена добыча железной руды, в Крайне разрабатывались серебряные рудники, в Каринтии – свинцово-рудные.

В Вене производились галантерейные товары высокого качества, предназначенные элитарным слоям общества. Особенно славилось венское кружево, ювелирные изделия, а также изделия из кожи.

Развитие мануфактурного производства тормозилось устаревшей цеховой организацией. В результате реформ позиции цеховой структуры были существенно ослаблены: цехам запрещалось искусственно тормозить отраслевое производство, регламентировать количество и качество производимой продукции, удерживать мастеров и учеников от самостоятельной предпринимательской деятельности. Но окончательно запретить цеховую систему Мария Терезия не отважилась.

За сорокалетнее царствование Марии Терезии усилилось коренное различие политического и экономического развития западных и восточных земель монархии. Реформы, несмотря на их половинчатость, способствовали углублению процессов модернизации в чешских и наследственных австрийских землях, существенному сближению их экономического и общественного развития, складыванию общего жизненного стандарта, культурно-исторических ценностных ориентиров. Но реформы не затрагивали земли венгерской короны. Роковая клятва Марии Терезии имела роковые последствия для венгерских земель: формирование у дворянства представления о собственной избранности по сравнению с другими народами монархии, консервация средневековых аристократических привилегий, экономическая изолированность и самодостаточность. В определенной степени этому способствовала и государственная политика, ориентированная на превращение Венгрии в аграрно-сырьевой придаток монархии. В 1771 году на всей территории венгерского королевства было запрещено открытие новых мануфактур. В то же время в Центральной и Восточной Словакии активно развивалась добыча драгоценных металлов, благодаря новым техническим достижениям словацкие рудники соответствовали европейскому уровню.

Политика государства по отношению к церкви оставалась в эпоху терезианских реформ традиционной. Марию Терезию, благочестивую католичку, волновали две основные проблемы: во-первых, формы контроля государства за финансовой и экономической деятельностью Католической церкви и, во-вторых, зарубежные контакты прелатов с дружественными или враждебными Австрии державами. Она не вмешивалась ни в вопросы догматики, ни в вопросы внутренней церковной организации. В духе популяционистских идей Мария Терезия запретила вывозить золото посредством церковных институтов в Рим – золото поданных, даже пожертвованное на церковные нужды, должно оставаться в государстве, служить укреплению его рабочей силы. Но, в целом, это была лишь новая идеологическая мотивация давнего конфликта папского пре-

стола с христианскими монархами, корнями ушедшего в средневековую историю. Уже в 1746 году был издан указ, в соответствии с которым ни одна папская булла не могла печататься без разрешения государыни.

Мария Терезия также запретила регулярные посещения епархий апостольскими делегациями. Особенно ее беспокоили визиты в австрийские монастыри иностранных генералов католических орденов и их представителей. Зарубежная политика церкви теперь должна была находиться под бдительным контролем государства. Что же касается иезуитского ордена, имевшего в Австрии чрезвычайно сильные позиции, то императрица оттягивала, сколько могла, решение о запрете деятельности иезуитов на территории ее государства, несмотря на официальное запрещение деятельности ордена папой Клементом XVI в 1773 году и изгнание иезуитов из Франции, Испании, Португалии и Неаполя.

Ограничение церковных прерогатив относилось, прежде всего, к финансовой и просветительской областям. Так, была отменена церковная цензура научных и литературных сочинений. В 1748 году был отменен церковный иммунитет и огромные владения стали налогооблагаемыми. Завещания в пользу монастырей признавались недействительными, но имущества клириков могли наследовать их светские родственники. Но во всех этих действиях не было антиклерикальной направленности, они диктовались исключительно экономической целесообразностью и прагматичными расчетами.

Описывая реалии «галантного XVIII века», П.П.Черкасов справедливо заметил, что «в те времена определяющее влияние на политические события оказывали коронованные особы и их окружение – министры, фавориты и фаворитки, а смена монарха подчас влекла за собой изменение всего внешнеполитического курса предыдущего царствования»¹. Действительно, правление абсолютного монарха несло ярко выраженные черты его личности, было, по сути, персонифицированным отражением свойств характера самого правителя и его ближнего окружения. Но, реконструируя персональную биографию монарха и пытаясь сквозь эту призму осветить историческую реальность того времени, историки рискуют слишком сузить поле исследования. Существовал глубокий разрыв между двором императора с регламентированным бытом, интригами элитных группировок, и всей остальной жизнью провинциальных городов, деревень, амбициями регионального дворянства. В этой лекции была сделана попытка объяснить студентам, насколько важен «персональный фактор» в истории европейской модернизации, насколько сложно было решиться Марии-Терезии начать кардинальные государственные реформы, нарушившие хрупкое равновесие компромисса центра с коронными землями, которые по многим историческим, экономическим и социальным показателям превосходили тогда сам габсбургский домен. Не проводить реформы было нельзя, слишком возросла конкуренция соседних государств. Цепляться за прежние «исторические права» и устоя означало потерять престиж и влияние Габсбургского дома в Европе, уступить новому сопернику – прусскому государству, которое системно и целенаправленно усиливало свою военную и экономическую мощь. Но идти до конца по реформаторскому пути было настолько опасно, настолько чревато волнениями в среде «исторического дворянства» и угрозой внутреннего распада, что Мария-Терезия выбрала тактику медленного, с длительными остановками для адаптации, с бесчисленными компромиссами реформирования. Вторая волна реформ 1760-х годов, по сути, разбилась о преграды, созданные указами самой государыни. Но результаты этой сорокалетней реформаторской практики позволили Габсбургам уже в следующем столетии укрепить трон, государственные структуры и провести страну сквозь огонь наполеоновских войн. Именно на базе «терезианских реформ» впоследствии создавалась вся государственная имперская структура, которая, несмотря на все «конституционные эксперименты» либерального XIX века, имела достаточно высокий потенциал и ресурсы для отражения вне-

¹ Черкасов П.П. Людовик XVI и Екатерина II (1774-1776 гг.) // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С.161.

шних и внутренних угроз и еще целых полтора столетия поддерживала существование этого уникального «многосоставного государства» на востоке Европы.

Рекомендуемая литература:

Барбашина О.И. Австрийский просвещенный абсолютизм в работах российских исследователей // Проблемы всеобщей истории: события, люди, факты. М., 2000. С. 39-54.

Исламов Т.М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI-XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. №2. С.11-40.

История Европы. Т.4. Европа нового времени (XVII-XVIII вв.) М., 1994 (разделы Т.М. Исламова).

Котова Е. Австро-Венгрия. Династия Габсбургов // Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996.

Митрофанов П.П. История Австрии. Ч.1 (с древнейших времен до 1792 года). СПб., 1910.

Полтавский М.А. История Австрии. Пути государственного устройства и национального развития. Ч.1. М., 1992.

Шидлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия. Ростов-на-Дону, 1997.

РАЗДЕЛ VI. ДОКУМЕНТ

ДЬЕРДЬ ЛУКАЧ: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ (1968 г.)

(публикация, предисловие и комментарии А.С. Стыкалина)

Предлагаемый вниманию читателей документ из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) относится к октябрю 1968 г. Одно лишь упоминание этой конкретной даты легко позволяет представить себе исторический фон его возникновения. Испугавшись, что попытки реформ в Чехословакии выйдут из-под контроля Москвы и тем самым ослабят ее властные позиции в социалистическом лагере, кремлевская партийная элита избрала, как известно, силовое решение в отношениях с пражскими реформаторами. Военная акция пяти стран 21 августа путем грубого вмешательства извне покончила с одним из наиболее интригующих социальных экспериментов второй половины XX века. Оценка исторических последствий этой акции для политической ситуации в СССР, ее влияния на духовный климат в советском обществе уже давно стала общим местом как в публицистике, так и в общественно-научной литературе, посвященной периоду брежневского правления. Скажем лишь, что вследствие августа 1968 г. ужесточается как внешняя, так и внутренняя (в том числе культурная) политика советского руководства, отбрасываются планы даже самых умеренных («косыгинских») реформ экономического механизма, усиливается нетерпимость к поискам альтернативных вариантов развития в русле теории социализма, активизируется преследование инакомыслящих.

Главной заботой идеологических органов КПСС осенью 1968 года становится нейтрализация влияния реформаторских идей «пражской весны» на умы советской, а если хватит сил, то и восточноевропейской интеллигенции. Развязанная в это время массированная кампания борьбы с ревизионизмом далеко перешагнула границы СССР. Для того чтобы успешно дирижировать ею, надо было определиться с отношением к наиболее видным живущим теоретикам-марксистам, и едва ли не в первую очередь к Дьердю Лукачу, чей международный авторитет довольно высоко в это время поднялся на волне движения «новых левых» и майских волнений 1968 г. во Франции, заставивших интеллектуальную элиту Европы заново перечитать «Историю и классовое сознание» (1923) – один из источников идеологии «новых левых». Чтобы получить более детальное представление о Лукаче, его позиции по актуальным политическим вопросам, реальном месте его работ в контексте современной зарубежной философии и литературоведения, а также об их воздействии на умы творческой интеллигенции Западной и Восточной Европы, в отделе культуры ЦК КПСС обратились за разъяснениями к известному литературоведу Александру Дымшицу, которого на Старой площади не только считали (в общем не без оснований) одним из лучших в СССР знатоков современной духовной жизни немецкоязычных стран, но и испытывали к нему безусловное доверие как к человеку, который, давно участвуя в спорах с идейными оппонентами Кремля, всегда с готовностью отстаивал текущую линию партии со всеми ее конъюнктурными колебаниями.

Александр Львович Дымшиц (1910 – 1975) впервые заявил о себе в роли литературного критика еще в середине 1930-х годов. Важная полоса его биографии была связана со службой в Восточной Германии в течение нескольких лет по окончании второй мировой войны в качестве политработника, отвечавшего за контакты советской военной администрации с немецкими литераторами. Вернувшись на родину, он преподавал современную зарубежную литературу в высших учебных заведениях Ленинграда, вел отдел критики сначала в ленинградских, а затем и в московских литературно-художественных изданиях (журналы «Звезда», «Октябрь», «Знамя», газета «Литература и жизнь»). В середине 1960-х годов Дымшиц занимает (хотя и совсем не долго) влиятельную должность главного редактора в Государственном комитете по делам кинематографии,

послушно проводя в жизнь линию партии в деле производства художественных фильмов. Во второй половине 1960-х годов доктор филологических наук А.Л. Дымшиц, одновременно продолжавший состоять членом редколлегии ряда журналов («Знамя», «Вопросы литературы»), возглавил в Институте мировой литературы Академии наук СССР отдел, которому предстояло заниматься критикой современных течений в буржуазном литературоведении.

К этому можно добавить, что Дымшица издавна связывали непростые, если не сказать враждебные, отношения с Михаилом Лифшицем, ближайшим другом и соратником Лукача в период его жизни в Москве в 1930-е годы. В 1960-е годы острая полемика между Лифшицем и Дымшицем неоднократно вспыхивала на страницах советских литературных и философских журналов, привлекая внимание гуманитарной интеллигенции. Истоки идейных разногласий (и, что несколько иное, различий в моделях социального поведения двух коммунистических интеллектуалов – всегда послушного линии партии и более самостоятельного в своих идейных исканиях) восходили к известной литературной дискуссии 1939 – 1940 гг. вокруг сборника работ Лукача «К истории реализма» (М., 1939), когда Лукачу, Лифшицу и некоторым их единомышленникам, акцентировавшим внимание на неоднозначной, подвижной связи между мировоззрением великих писателей прошлого (в первую очередь Гете, Бальзака, Толстого) и их реалистическим методом, были предъявлены довольно стандартные по тому времени обвинения в недооценке роли передовой идеологии в художественном творчестве. Дискуссия, однако, оказалась не совсем проходной и совсем не типичной для сталинского времени по постановке проблем. Поскольку она развернулась в те месяцы, когда во всем мире (не в последнюю очередь в СССР) отмечалось 150-летие Великой Французской революции, естественно, она не могла обойтись без обращения к этому выдающемуся историческому событию – не только с точки зрения его влияния на художественное сознание эпохи, но и в более общем плане. Вполне закономерно (хотя и довольно неожиданно) дискуссия перерастает рамки обсуждения литературы, выходит, в частности, на проблему Термидора – не просто как конкретного контрреволюционного переворота 1794 г., а как символа перерождения революционной власти. Между тем, всего за несколько месяцев до начала дискуссии, 23 августа 1939 г., был заключен договор СССР с фашистской Германией, повлекший за собой полный отказ от антифашистской пропаганды и даже преследование тех, кто на ней настаивал. Это событие, как никакое другое, могло навести современников на далеко идущие размышления о глубоком перерождении власти, легитимизированной событиями октября 1917 г., отступлении ее от идеалов большевистской революции. Таким образом, за рассуждениями участников дискуссии о событиях 150-летней давности даже невооруженным глазом легко прочитывались современные аналогии, и в результате напрашивалась постановка вопроса о соотношении преемственности и разрыва между Лениным и Сталиным, революцией 1917 г. и реалиями сегодняшнего дня.

Этот крайне нежелательный поворот в ходе дискуссии, не сразу обнаруженный бдительными идеологическими цензорами, только ужесточил реакцию властей: журнал «Литературный критик», главная трибуна Лукача и его соратников, был закрыт в конце 1940 г. соответствующим партийным постановлением. После этого дежурные филиппики в адрес Лукача и Лифшица за идеалистические «вывихи» в трактовке марксистской эстетики в течение ряда десятилетий то и дело звучали в установочных журнальных статьях, других документах литературной жизни СССР, особенно во время интернациональных кампаний по критике Лукача, развернувшихся в 1949 – 1950 и 1958 – 1960 гг. К последней в определенной мере приложил руку и А. Дымшиц, в то время уже один из наиболее видных критиков официозного направления.

Записка А. Дымшица от 14 октября 1968 г., адресованная в ЦК КПСС, не предназначалась для печати, однако своими принципиальными положениями она явно перекликалась с его печатными выступлениями тех дней, явившимися результатом выполнения сходного политико-идеологического заказа. Так, 30 октября 1968 г. в «Литературной газете» была опубликована статья

Дымшица «Корни и плоды Эрнста Фишера», с красноречивым подзаголовком «Австрийский писатель, именующий себя «марксистом», выступает в роли пособника империалистической пропаганды». Упоминался в ней и Лукач – в весьма негативном плане. Как писал, в частности, А. Дымшиц, «в книге «Искусство и сосуществование», целиком повторяя старые и давно разбитые «аргументы» Георга Лукача, Фишер тщится доказать, будто знаменитая статья В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» обращена только к партийным публицистам и не имеет отношения к проблемам художественного творчества». В той же статье речь шла о том, что Фишер заимствовал у Лукача противопоставление «трибунов» и «бюрократов» (имелась в виду известная статья Лукача конца 1930-х годов «Народный трибун или бюрократ?»).

Между тем, незадолго до этого, в 1967 г., Лукач был восстановлен в рядах ВСРП, все чаще публиковался в венгерских изданиях. Отношения философа с кадаровским режимом складывались в это время в целом бесконфликтно, хотя некоторые интервью Лукача западным журналистам и вызывали неодобрение, вынуждая главного идеолога режима Дьердя Ацела выступать с корректирующими положениями. В силу этого появление во влиятельной советской газете статьи Дымшица со слишком жесткой трактовкой Лукача с недоумением было встречено в Будапеште лицами, причастными к культурной политике ВСРП, включая самого Ацела, поинтересовавшегося о содержании статьи у известного литературоведа Иштвана Кирая, близкого к партийным верхам. 3 ноября, встретившись с советским дипломатом, Кирай говорил: «Интересно, что, направив свое известное письмо в ЦК ВСРП (с резким осуждением военной акции в Чехословакии. – А.С.), Дьердь Лукач не только не пошел на огласку факта и содержания письма, но и категорически отказался давать интервью корреспонденту Франс Пресс, заявив, что оценка событий в Чехословакии – сугубо внутреннее дело ВСРП, и иностранные журналисты не имеют к этому делу никакого отношения. Более того, Лукач не откликнулся на призыв Бертрانا Рассела присоединиться к тем деятелям культуры, которые «подняли голоса протеста против агрессии в Чехословакии». Так что в целом поведение Лукача на данном этапе можно охарактеризовать как лояльное». «Тем более досадно, – продолжал Кирай, – что в такой обстановке в «Литературной газете» появляется статья Дымшица, искусственно привязывающего Лукача к Фишеру и косвенно – к событиям в Чехословакии». В беседе с советским дипломатом Кирай выразил несогласие с позицией некоторых венгерских идеологов (например, Йожефа Сигети), считающих, «что теперь, мол, настало время проводить такую культурную политику, которая не только в узловых вопросах, но и буквально в каждой детали, во всех нюансах совпадает с культурной политикой СССР». По мнению литературоведа, проведение в жизнь концепции, «оторванной от реальной венгерской политической действительности, нарушило бы существующие гармоничные отношения между партией и интеллигенцией», «превратило бы нынешнюю Венгрию, являющуюся наиболее стабильным и спокойным членом Варшавского договора, в страну с расшатанной внутривнутриполитической обстановкой, а это крайне нежелательно вообще и особенно в нынешней международной ситуации».

Публикация статьи Дымшица о Фишере с упоминанием Лукача как ревизиониста и болезненная реакция на эту статью части венгерской партийно-идеологической элиты стали явным отражением наметившегося к 1968 г. серьезного расхождения позиций двух братских партий в отношении к Лукачу. Это расхождение впервые отчетливо обозначилось еще весной 1965 г., когда высшие органы ВСРП приняли решение скромно отметить 80-летие философа. Идеологи КПСС, узнав об этом намерении, не поддержали тогда своих венгерских коллег. Все же и в СССР к середине 1960-х годов критика в литературной прессе «ревизионистской» эстетики венгерского философа затихает, сменившись замалчиванием его работ. Это замалчивание, однако, также явно шло в разрез духовным устремлениям нового поколения советской творческой интеллигенции – так называемых «шестидесятников», в то время в большинстве своем еще верных идее «социализма с человеческим лицом». Критики литературного журнала «Новый мир» Владимир Лакшин, Игорь Виноградов и другие не только осознавали, но подчас прямо афишировали некоторую преемственность своего метода лучшим традициям довоенного журнала «Литературный

критик», в статьях Лукача и его тогдашних единомышленников отстаивавшего (пусть, в очень узких рамках возможного при Сталине) принцип «победы реализма» над идеологическими предрассудками автора, из которого логически следовало право художника на разоблачение любых социальных иллюзий, на критический подход к действительности. Поэтому они глубоко интересовались и современным творчеством Лукача. Не удивительно, что, посетив в середине 1960-х годов Будапешт, Лакшин не упустил случая познакомиться с философом, о чем оставил воспоминания. О понимании Лукачем социалистического реализма речь заходила и во время бесед литераторов двух стран в ходе поездки делегации венгерских писателей в СССР весной 1965 г. – хозяева встречи неизменно проявляли искренний интерес к аутентичным, нефальсифицированным взглядам того, кто всего за несколько лет до этого выступал одним из главных персонажей шумных антирревизионистских кампаний. Повышение интереса к Лукачу в определенных кругах советской творческой интеллигенции не прошло мимо Дымшица, с обеспокоенностью отметившего в своей записке в ЦК, что апологеты венгерского философа в последнее время заняли «наступательные позиции» в защите своего патрона.

Концепция Лукача, называвшая путеводной звездой современной социалистической (!) литературы прозу Александра Солженицына (что, конечно же, было великой иллюзией), потому и была притягательна для фрондирующей части литераторов, что шла явно наперекор тем устоявшимся представлениям о сути социалистического реализма, которые исключали глубокий критический анализ современной действительности. Таким образом, при всей подчеркнутой марксистской ортодоксальности позднего Лукача, при всей его последовательной приверженности социалистическому выбору и достаточной лояльности «реальному социализму», сложившемуся в СССР и странах Восточной Европы, творчество венгерского философа не могло не внушать подозрений блюстителям идеологической чистоты со Старой площади и ее окрестностей – особенно в свете событий «пражской весны». Основания для этого, безусловно, были. Опытный Дымшиц в своей записке не только осветил международные связи Лукача, но и поставил творчество венгерского философа в контекст острой литературно-общественной борьбы в СССР 1960-х годов, в которой журналу «Новый мир», выступавшему с программой обновления, десталинизации социализма, а в художественном плане – более глубокого критического анализа современной действительности, противостоял, как известно, рупор жестких ортодоксов журнал «Октябрь». Показательно, в частности, замечание Дымшица о том, что теория реализма Лукача расчищает пути «односторонне критическому направлению, наиболее отчетливо представленному у нас в ряде произведений, напечатанных в журнале «Новый мир» (где, кстати сказать, ученики Лукача, а также и ученики его учеников, обладают весьма определенным влиянием)». Что правда, то правда. М. Лифшиц еще с конца 1930-х годов входил в ближайшее окружение Александра Твардовского, учившегося у него в ИФЛИ (Московский институт истории, философии и литературы), о его немалом идейном влиянии на писателя свидетельствуют, в частности, дневники, которые вел в 1950-е годы многолетний редактор «Нового мира». Соратник Лукача по редакции довоенного журнала «Литературный критик», переводчик и неплохой знаток его работ Игорь Сац (в течение нескольких лет литературный секретарь А.В. Луначарского) состоял в 1960-е годы членом редколлегии «Нового мира» и при этом, как верно заметил Дымшиц, не упускал случая одобрительно высказаться о лукачевском понимании задач современного реалистического искусства; И. Виноградов был учеником М. Лифшица и т.д.

Расхождения КПСС и ВСРП в политической оценке Д. Лукача могли привести к открытой полемике в печати, чего никак не хотели допускать ни в Будапеште, ни в Москве. В этой связи небезынтересна точка зрения еще одного, столь же многоопытного, как и Дымшиц, бойца «идеологического фронта» – главного редактора «Литературной газеты» Александра Чаковского, выраженная в письме секретарю ЦК КПСС Петру Демичеву от 8 декабря 1968 г. Ознакомившись с информацией посольства СССР в Венгрии о беседе секретаря посольства М. Кокеева с И. Кираем по поводу упомянутой статьи Дымшица о Фишере, Чаковский выразил свое несогласие

с позицией И. Кирая (не известно «в какой мере» разделяемой партийным руководством Венгрии). По мнению редактора, «строить свое отношение к тому или иному деятелю на основании того, что этот деятель НЕ СДЕЛАЛ, «Литературной газете» трудно. Трудно хотя бы потому, что за тем, что человек ДЕЛАЕТ, можно следить по всем доступным источникам. За тем, чего он НЕ ДЕЛАЕТ – уследить трудно». Так что у «Литературной газеты», с точки зрения Чаковского, «не было никаких ЗРИМЫХ оснований оберегать Лукача от критических замечаний». В то же время у нее были основания делать эти замечания. При этом Чаковский, в частности, сослался на высказанное Д. Ацелом весной 1968 г. пожелание о необходимости дискуссий с Лукачем, односторонне делающим упор на разрыве с периодом до 1956 года и, кроме того, активно употребляющим понятия «сталинская эпоха» и «сталинизм», которые, по мнению Ацела, вполне разделяемому Чаковским, отождествляют искажения «культы личности» со строительством социализма. Чаковский сослался также на то, что выступления Лукача по проблемам мирного сосуществования, культурной политики и т.д. охотно перепечатывались органами чехословацких писателей «Литерарни новины» и «Литерарни листы», во главе которых стояли «ревизионисты».

По мнению редактора «Литературной газеты», избежать негативной реакции в зарубежной стране на те или иные выступления газеты можно было бы при помощи посольств, которые должны своевременно информировать о важных конкретностях идейной борьбы в странах пребывания. Не возражая в принципе против выраженного Кираем замечания о том, что «по наиболее важным вопросам идеологии, касающимся двух партий, нам следовало бы более четко координировать свои выступления», Чаковский, который на протяжении всей своей длинной карьеры журнально-газетного редактора научился, что называется, держать нос по ветру и умел чутко реагировать на малейшие изменения политической конъюнктуры, резюмировал следующее: «Мне представляется, что если в той или иной стране отношение к деятелю столь устойчиво одиозной репутации как, например, Лукач меняется, причем меняется «негласно», то обязанностью посольства является СВОЕВРЕМЕННОЕ извещение об этом ЦК, аппарат которого, в таком случае, обычно дает необходимые ориентировки органам печати». Эти слова хорошо передают некоторое недоумение советского идеологического истеблишмента начавшимся с середины 1960-х годов изменением официального отношения к Лукачу в Венгрии, причем явная неготовность и нежелание следовать примеру венгерских коллег в деле переоценки Лукача сочетались со стремлением избежать открытых межпартийных разногласий.

Учитывая изменившееся отношение к Лукачу руководства ВСРП, публичную критику венгерского философа в рамках крупномасштабной антиревизионистской кампании осени 1968 г. решено было не развивать. Вместе с тем негативная оценка Лукачем вмешательства в Чехословакии лишь укрепила настороженное к нему отношение официальной Москвы, которая и в 1970-е годы не была склонна идти вслед за более либеральным режимом Кадара, признавшим работы Лукача неотъемлемой составной частью марксистской парадигмы. Все-таки, как известно из документов, в начале 1970-х годов часть советских идеологов придерживалась мнения о том, что «было бы неправильно целиком отдавать литературно-философское наследие Г. Лукача в руки реакционеров и ревизионистов». Строились планы публикации тех его работ, которые были сочтены «более зрелыми в марксистском отношении, хотя и небезошибочными». Имеющиеся документы не позволяют дать конкретный ответ на вопрос, почему эти планы так и не были реализованы вплоть до второй половины 1980-х годов, «эпохи Горбачева». Очевидно лишь одно: при обсуждении проблемы Лукача в советских идеологических органах сталкивались различные позиции, и в результате возобладала точка зрения тех, кто, подобно А. Дымшицу, считал пропаганду творчества венгерского философа принципиальной уступкой ревизионизму или, по меньшей мере, делом несвоевременным ввиду сложностей идеологической борьбы. Инерция отношения к Лукачу как к уклонисту и ревизионисту настолько прочно въелась в сознание идеологов КПСС, что не только препятствовала свежему взгляду на его труды, но и блокировала,

может быть, тщетные, но вполне логичные попытки более дальновидных «работников идеологического фронта» посредством интеграции наследия позднего Лукача в официальную теорию социализма хотя бы в незначительной степени повысить конкурентоспособность марксизма в споре с иными идейными течениями. Характерно, что даже весной 1985 г., когда во всем мире отмечался 100-летний юбилей философа, в идеологических отделах ЦК КПСС составлялись записки о том, что чрезмерное «выпячивание» Лукача ведет к принижению роли «ленинского этапа» в развитии марксистской философии. Эта мысль отчетливо прозвучала и в санкционированной инстанциями юбилейной статье Б. Бессонова и И. Нарского в «Вопросах философии» (1985. N.3), и даже в их монографии о Лукаче (1989).

Если в окружении журнала «Новый мир» А. Твардовского ценили Лукача как защитника современного критического реализма, а партийные идеологи считали его правым ревизионистом, то уже с конца 1960-х годов в отношении к нему среди части литераторов и философов все более проявлялся совсем иной подход. Можно много, конечно, говорить о несозвучии представлений Лукача о модернизме и авангарде стремлению талантливых советских и восточноевропейских писателей (особенно молодых поколений) к расширению выразительных возможностей художественного слова, освоению творческого опыта современной западной литературы. Не удивительно, что венгерского философа все чаще пытались представить как твердокаменного догматика, не способного в силу своей идейной заскорузлости оценить многие новейшие явления в мировой литературе. При этом, как явствует из записки Дымшица, с критикой Лукача за узость эстетических взглядов и, в частности, понимания реализма еще в 1968 г. были готовы согласиться, исходя из сугубо прагматических соображений, и некоторые из тех советских (как и венгерских, восточногерманских) ортодоксов, которые в первую очередь продолжали обвинять его в «правом ревизионизме».

Такая двойственная, непоследовательная позиция может быть объяснима той эволюцией, которую претерпевала в годы брежневского правления официально признанная советская эстетика. В 1970-е годы узконормативные трактовки социалистического реализма становятся в СССР анахронизмом, их сменяет довольно аморфное понимание соцреализма как творческого метода, объемлющего едва ли не весь литературный процесс в социалистических странах и при этом не обладающего сколько-нибудь четко определенной системой критериев. Причем в теоретических спорах по проблеме социалистического реализма сталкивались две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, за социалистическим реализмом признавалась все большая открытость, способность вбирать в себя художественный опыт иных литературных направлений, с другой стороны, декларируемая открытость метода отнюдь не была беспредельной: критика Роже Гароди за «реализм без берегов» оставалась в силе вплоть до 1980-х годов. Важно заметить, что некоторая рыхлость, размытость представлений о критериях реализма в искусстве как такового, присущая в 1970-е – начале 1980-х годов наиболее распространенным и официально признанным интерпретациям соцреализма в СССР и других странах социалистического лагеря (кроме Польши, где само это понятие было после 1956 г. фактически отринуту официальной идеологией), в корне отличала их от концепции Лукача, которая в силу своей сохранявшейся гносеологической заостренности последовательно признавала антиномию «реализм – антиреализм», хотя, как правило, и не сводила реалистический метод к каким-то строго определенным формально-стилевым канонам – здесь достаточно напомнить о его концепции творчества Томаса Манна, об отношении к Г. Гейне, Э. Ади. Представления Лукача о романтизме и об авангарде также были не столь однозначны и прямолинейны, как пытается, не гнушаясь явных переделок, показать в своей записке Дымшиц. Вспомним хотя бы частые ссылки венгерского философа на высказывания Маркса о фантастических новеллах Гофмана как об одной из вершин реалистической литературы своего времени, поскольку с помощью фантастических средств в них были выражены существенные моменты социальной действительности. Дымшиц, таким образом, явно упрощает дело, когда утверждает, что Лукач отказывает «в праве на реализм всем художникам, которые искали реалистических решений в нетрадиционных художественных формах». Как бы там ни было, следует

признать: ригоризм Лукача в трактовке проблем реализма и мифотворчества был не очень-то созвучен не только литературному процессу в его объективной данности, но и новым веяниям в культурной политике СССР, где уже с конца 1960-х гг. в рамках официальной идейной парадигмы и не без участия того же Дымшица постепенно происходил поворот к более широкому и дифференцированному взгляду на зарубежную культуру новейшего времени (тем более, что обратной стороной медали в этом процессе явилось то, против чего всегда решительно выступал Лукач, никогда не отождествлявший политическую толерантность с идейным компромиссом — для него совершенно были неприемлемы размытость критериев реализма как метода отношения искусства к действительности, эклектика и произвол в интерпретации современного художественного процесса во всем его идейно-стилевым многообразии). Записка Дымшица, относящаяся к октябрю 1968 г., в определенной степени отразила готовность официальной советской эстетики к компромиссу в оценке современных литературных течений Запада. Очевидно, в идеологических органах КПСС уже в это время неплохо осознавали, что задачи сохранения монополии марксизма в советском обществе не могут быть решены без отступлений на некоторых периферийных участках идеологической борьбы, таких как, например, эстетика. Именно поэтому не всегда обосновательные упреки Лукача в эстетическом догматизме, апологии художественного консерватизма в ущерб праву на эксперимент, вульгаризаторстве проблемы «реализма — антиреализма» и т.д. довольно причудливо сочетались у Дымшица с более традиционными его обвинениями в правом ревизионизме. Последовательность Лукача в отстаивании своих, пусть небесспорных, убеждений не могла не вызывать раздражения штатных и внештатных (вроде Дымшица) идеологов ЦК КПСС, поскольку явно контрастировала с беспринципностью тех, для кого оценка того или иного феномена духовной жизни диктовалась сиюминутными соображениями политической выгоды и расчета.

В ЦК КПСС. ТОВАРИЩУ Ю.Я. БАРАБАШУ¹

В связи с тем, что Вы поставили передо мной вопрос о моем отношении к «проблеме Лукача», излагаю по этому поводу ряд соображений.

Осветить в целом эту проблему представляется весьма трудным, — за свою долгую жизнь Георг Лукач написал десятки томов, охватывающих широчайший круг вопросов философии, эстетики, истории и теории литературы; он неоднократно высказывался по различнейшим вопросам политики и культурной политики.

Поэтому, насколько не претендуя на полноту освещения поставленной передо мной темы, я ограничусь соображениями по отдельным вопросам, связанным с характеристикой Г. Лукача, которые представляются мне наиболее существенными.

Я думаю, что очень точные определения самых важных моментов, связанных с деятельностью и творчеством Г. Лукача, даны в примечаниях (в именном указателе) к 41 тому Полного собрания сочинений В.И. Ленина. Там справка о Г. Лукаче дана, как известно, в связи с той критикой, которой в 1920 году В.И. Ленин подверг одну из статей Г. Лукача². Вот что говорится в этой справке:

¹ Ю.Я. Барабаш — в 1968 г. сотрудник отдела культуры ЦК КПСС. В 1975 — 1977 гг. директор Института мировой литературы АН СССР, затем первый заместитель министра культуры СССР.

² (с.1) По поводу статьи Д. Лукача «К вопросу о парламентаризме», опубликованной в 1920 г. в венском журнале «Коммунизм» (рупоре ряда ультралевых группировок в Коминтерне), В. Ленин писал в своей небольшой заметке, посвященной этому журналу: «Статья Г.Л. (Г.Лукача — Ред.) очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный; различие «оборонительной» и «наступательной» тактики выдуманное; конкретного анализа точно определенных исторических ситуаций нет; самое существенное (необходимость завоевать и научиться завоевывать все области работы и учреждения, где проявляет свое влияние на массы буржуазия, и т.д.) не принято во внимание» (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. С. 135 — 136).

«Лукач Георг (Дьердь) (род. в 1885 году) – венгерский философ и литературный критик. В своих ранних работах стоял на идеалистических позициях. Под влиянием Октябрьской социалистической революции в России стал переходить на позиции материализма и коммунизма, в 1918 году вступил в Венгерскую коммунистическую партию. Во время Венгерской Советской Республики (1919) был сначала народным комиссаром просвещения, затем политическим комиссаром 5-ой Красной дивизии. С 1919 года неоднократно избирался в состав ЦК компартии Венгрии. После падения Советской власти в Венгрии эмигрировал в Австрию, позднее в Германию. В начале 20-х годов допускал левосектантские ошибки. С 1933 года (добавлю, до 1945 года – *А.Д.*) вел научную работу в СССР. По возвращении на родину являлся членом Венгерской Академии наук и профессором Будапештского университета.

Лукач – автор ряда трудов по философии, эстетике, истории и теории литературы; в своих работах допустил ряд ревизионистских ошибок. Во время контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 году стоял на ревизионистских позициях (и добавлю, был членом правительства Имре Надя – *А.Д.*). В последние годы занимается исследованиями в области эстетики».

Эта характеристика, опубликованная в 1963 году, представляется мне совершенно объективной (и сегодня нуждающейся лишь в некоторых фактических дополнениях). Ни в каком пересмотре она не нуждается – между тем такой пересмотр был предпринят на страницах 4 тома Краткой Литературной Энциклопедии, выпущенного в 1967 году (Но об этом – далее).

Краткая справка, – как, например, только что процитированная, – естественно, не входит в некоторые детали, часть которых является весьма существенной. К сказанному в справке следует добавить, что позиции, занятые Г.Лукачем в 1956 году, не были случайными, не явились результатом «увлечения». В его деятельности имелись яркие симптомы, предвещавшие его приход в группу Имре Надя. Георг Лукач был одним из главных идейных вдохновителей ревизионистского «клуба Петефи», сыгравшего активную роль во время венгерского мятежа. Его противопоставление «трибуна» «бюрократу», сформулированное с безосновательной ссылкой на Ленина (см. в книге Лукача «Карл Маркс и Фридрих Энгельс как историки литературы», на немецком языке, 1952), было одним из девизов, выброшенных бунтовавшими «интеллектуалами» 1956-го года в Венгрии. Выступления Лукача были в то время «знаменем» либерализации и ревизионизма не только в Венгрии³, – они широко распространились по Западу, были поддержаны одним из его тогдашних учеников и адептов – Роже Гароди. В начале 1956 года в журнал «Ауфбау» (ГДР) проникла статья Лукача, в которой предлагалось отодвинуть на задний план международное коммунистическое движение и выдвинуть на передний план движение сторонников мира, иначе говоря выражалась мысль о том, что общедемократическое движение должно заслонить интернациональное социалистическое движение⁴. Эта статья Лукача (а также то обстоятельство, что некоторые его ученики и сторонники в ГДР пытались повторить в Германской Демократической Республике «венгерский вариант») стала началом конца взаимоотношений Лукача с литературной и научной общественностью ГДР, которые были решительно разорваны немецкими товарищами и уже никогда не были более восстановлены⁵.

³ См.: Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.

⁴ (с.2) (статья, проникшая в журнал «Ауфбау»).

Речь идет о лекции Лукача «Борьба прогресса и реакции в современной культуре», прочитанной 28 июня 1956 г. в Политической Академии Венгерской партии трудящихся. См.: Lukacs Gyorgy. A haladas es reakcio harca a mai kulturaban (Eloadas). Вр., 1956.

⁵ (отношения Лукача с ГДР разорваны и никогда уже более не восстановлены).

Смена в 1971 г. в ГДР жесткого режима Вальтера Ульбрихта относительно более толерантным (по крайней мере, в первой половине 1970-х годов) правлением Эриха Хонеккера сказалась на некотором смягчении отношения к Лукачу. К середине 1970-х годов снимается фактический запрет на пропаганду его наследия, выходят первые после долгого перерыва работы с более объективной оценкой его творческого пути: Dialog und Kontroverse mit Georg Lukacs / Hrsg. von W. Mittenzwei. Leipzig, 1975. Запоздалая «оттепель» в Восточной

В бытность Лукача эмигрантом в СССР он не только вел научную работу, но и принимал активное участие в литературно-критической деятельности (сотрудничал в журналах «Литературный критик» и «Интернациональная литература», немецкий выпуск). В ту пору вокруг Лукача сложился у нас круг его единомышленников и почитателей, который получил тогда известность под названиями – «течение» или «школа Лукача». В основном, это был круг ведущих сотрудников журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение» (приложение к «Литературному критику»), – прежде всего, такие ученые и эстетика, как М. Лифшиц, В. Гриб, И. Сац, В. Кеменов, Г. Фридендер и некоторые другие. Линия журнала «Литературный критик» и его дочернего предприятия «Литературное обозрение» вызвала многочисленные возражения в печати тридцатых годов, в ней справедливо видели тенденцию к деидеологизации литературы, она была подвергнута развернутой критике в печати, не была поддержана руководством писательской организации; журнал «Литературный критик» был закрыт по постановлению ЦК КПСС о критике и библиографии⁶. Но течение, «школа» не отказалась от своих позиций и многие бывшие участники «Литературного критика» сохранили и по сие время полную приверженность к Лукачу и его теориям.

В Венгрии Г. Лукач также сумел создать свою «школу», которую, как и его самого, нередко критикует венгерская литературная и научная общественность. Было время, когда критика Лукача в Венгрии носила вульгаризаторский, упрощительский характер (выступления Йожефа Сигети и некоторых других), не принесший пользы делу, а лишь запутавший дискуссию и внесший в нее проработочные мотивы⁷. Со временем, однако, разногласия с Лукачем и его учениками были точно и серьезно сформулированы критиками и литературоведами, стоящими на марксистских позициях.

Надо сказать, что – живя в Венгрии и будучи венгерским академиком⁸, а в последнее время, будучи восстановленным в партии (в которую он долгое время, после 1956 года, отказывался вновь войти)⁹, – Георг Лукач почти не занимается венгерской литературой (в свое время он

Германии была совсем недолгой, сменившись в 1976 г. новым похолоданием, однако на отношении к Лукачу это почти не отразилось. В конце 1970-х – 1980-е годы идеологи Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) актуализировали творчество позднего Лукача, прежде всего, как критика современной буржуазной философии. См. например, выступление представителя ГДР на большой юбилейной конференции в Будапеште весной 1985 г.: M. Buhr. Lukacs Gyorgy es a jelenkor polgari ideologiaja // *Az elo Lukacs*. Bp., 1985. 51 – 59. o.

⁶ (с.3) «Литературный критик» – ежемесячный журнал, выходил в Москве в 1933 – 1940 гг. Выступал против вульгарно-социологической интерпретации марксистской эстетики, в частности, в работах теоретиков Российской Ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и литературоведов школы В. Фриче. Критики и литературоведы, группировавшиеся вокруг журнала (Д. Лукач, М. Лифшиц, В. Гриб и др.), внимательно следили за литературным процессом не только в СССР, но и за рубежом, последовательно отстаивали реалистическую традицию в мировой литературе, ориентируя на ее продолжение и развитие современных советских писателей, обращающихся к изображению настоящего, и это все более вступало в противоречие с установками сталинской культурной политики на идеализацию искусством действительности. Притом, что на страницах журнала зачастую упрощенчески (или сознательно упрощенчески, в расчете на уровень восприятия приобщающейся к высокой культуре массовой аудитории) трактовались многие сложные, неоднозначные явления современной западной культуры, «Литературный критик» сыграл в целом позитивную роль в реабилитации классического наследия перед лицом пролетарской культуры (в 1920-е годы высокомерно провозглашавшей свое превосходство над искусством минувших эпох), равно как и в повышении читательского кругозора определенного поколения советской интеллигенции.

⁷ (критика Лукача носила вульгаризаторский характер).

Речь идет о проработочной кампании 1958 – 1960 гг.

⁸ Лукач был избран в Венгерскую Академию наук в 1948 г.

⁹ (будучи восстановленным в партии, в которую ранее отказывался войти).

15 мая 1957 г. Лукач обратился с письмом в руководство ВСРП. Отметив, что почти 40 лет его жизни связаны с коммунистическим движением, философ попросил заново оформить свое членство в этой партии, к основанию которой он был самым непосредственным образом причастен в сложной обстановке конца октября – начала ноября 1956 г., когда прежняя ВПТ распалась (Лукач был избран с самого начала в Исполком ВСРП, и только его укрытие с членами группы И. Надя в югославском посольстве с началом советской

писал, главным образом, в поддержку Дьюлы Хая, известного своей предательской ролью в 1956 году)¹⁰, пишет, в основном, по-немецки и, главным образом, на материале немецкой философии и литературы. Труды его появляются главным образом за рубежом Венгрии (иногда затем переводятся и перепечатываются в Венгрии), – после 1956 года их не печатают в ГДР, но зато широко публикуют в ФРГ, где Лукач рекламируется в качестве «прогрессивного марксиста», «борца за демократизацию социализма», сторонника «смягченного» или «антидогматического марксизма» и т.д. Широко публикуют Лукача также в США, скандинавских странах, Югославии. В Югославии он состоит в редакционной коллегии международного ревизионистского органа эстетической мысли – журнала «Праксис» (Загреб), в руководстве которого находятся также известные ревизионисты Эрнст Блох, Лефевр и др., на позиции которого сильно влияют Эрнст Фишер, Герберт Маркузе и т.п. теоретики, деятельно ревизирующие марксизм. Таким образом, можно сказать, что, проживая в Венгрии, Лукач действует главным образом в так называемом «западном мире». Там издана объемистая «Эстетика» (1963)¹¹, там появляются его статьи и разного рода интервью.

интервенции 4 ноября привело к тому, что пути Лукача и кадаровской ВСРП резко разошлись). Обсудив 21 мая просьбу Лукача, временный ЦК ВСРП поручил тогдашнему главному идеологу Дюле Каллаи переговорить с философом. Встреча состоялась. По ее итогам партийное руководство 9 июля отклонило просьбу Лукача, сославшись на его несогласие с партийной оценкой событий 1956 г. и общей линией ВСРП на новом этапе (См.: Kalmar Melinda. Lukacs es a koegezsztencia (1956 – 1960) // Beszelo. Вр., 1997, N.7).

К середине 1960-х годов публичная критика Лукача в Венгрии сходит на нет, в апреле 1965 г. был отмечен 80-летний юбилей философа. Главным подарком ему к юбилею стала публикация в 1965 г. на венгерском языке «Своеобразия эстетического». В год 80-летия Лукача в венгерских журналах появились первые после долгого перерыва серьезные статьи, анализирующие его литературные теории, рассматривающие те или иные аспекты его многогранной творческой деятельности (см., например, статью И. Эрши: *New Hungarian Quarterly*, Вр., 1965, N.18). Но для того, чтобы в тех условиях лукачевская проблематика могла безо всяких ограничений занять в венгерском литературоведении и историко-философской науке подобающее ей место, должен был найти свое решение вопрос о партийности философа. «По-прежнему трудным остается вопрос о Лукаче», – так охарактеризовали ситуацию на встрече с советскими литераторами члены делегации Союза венгерских писателей, посетившие Москву весной 1965 г. (Российский государственный архив новейшей истории. Ф.5. Оп.36. Д.150. Л.47). Сохранявшаяся неурегулированность дела Лукача заведомо блокировала все возможные попытки властей использовать авторитет всемирно известного философа-марксиста в целях пропаганды преимуществ марксизма в споре с иными идеологиями, а такая задача осознавалась в верхах все более насущной по мере относительной либерализации кадаровского режима, усиления в его политике установок на диалог с венгерской интеллигенцией (пускай и в строго определенных пределах). Лукач, отнюдь не склонный к каким-либо самокритическим жестам, также со своей стороны стремился к примирению с партией, поскольку планы экономической реформы убеждали его в способности руководства ВСРП к обновлению своего курса. 15 августа 1967 г., рассмотрев новое заявление Лукача, Политбюро ЦК ВСРП приняло положительное решение по вопросу о его партийности, выразив одновременно надежду, что в последующем философ будет пресекать все попытки использовать свое имя при внесении «сумятицы» в духовную жизнь и, напротив, своей работой окажет ценную помощь партии и рабочему движению. Никакой самокритики от Лукача не потребовали. См.: *Urban Karoly. Lukacs es az MSZMP 1967/68-ban* // *Magyar nemzet*, 1990, arg.2. За полтора месяца до обсуждения «проблемы Лукача» на венгерском Политбюро в Праге состоялся IV съезд чехословацких писателей, где реформаторски настроенная часть литераторов активно заявила о себе призывами к свободе творчества, налаживанию более тесных контактов с западной культурой. Опасаясь, что восстановление Лукача в партии в данный момент сыграет на руку тем венгерским литераторам, которые были готовы воспринять импульсы, исходящие из Праги, как сигнал к самостоятельным действиям, Политбюро ЦК ВСРП решило не предавать свое постановление гласности. Об окончательном примирении философа с кадаровским режимом многие тысячи венгров могли узнать из интервью Лукача главной партийной газете «*Nepszabadsag*», опубликованного в ней 24 декабря 1967 г.

¹⁰ Дюла (Юлиус) Хай (1900 – 1975) – известный драматург, публицист и прозаик, писал на венгерском и немецком языках. В начале 1930-х годов работал в веймарской Германии, затем эмигрировал в СССР, после войны вернулся на родину в Венгрию. В 1956 г. активист писательских движений за либерализацию и гуманизацию социализма, в 1957 г. подвергнут тюремному заключению, позже амнистирован. С середины 1960-х годов жил в Швейцарии. Оставил мемуары.

¹¹ Лукач Д. *Своеобразие эстетического*. Т.1 – 4. М., 1985 – 1987.

В том, что Лукачу свойственны не только ревизионистские ошибки в области эстетики, но что эти ошибки (вполне закономерно) связаны и с тенденциями политического ревизионизма, убеждают нас и некоторые выступления Г. Лукача самого последнего времени. В этом отношении весьма показательна его статья, посвященная Пятидесятилетию Октября и появившаяся в № 1 западногерманского журнала «Кюрбискерн» (подробнее об этой статье имеются данные в обзоре зарубежной литературы о Марксе, составленном в ИМЛИ АН СССР под моим руководством, и известном в ЦК КПСС). В основе этой статьи та самая концепция «демократизации социализма», которая имеет за собой длительную социалдемократическую (так в тексте – *прим. А.С.*) традицию и которая была одним из принципиальных мотивов в деятельности венгерских мятежников 1956 года и чехословацких ревизионистов 1968 года¹². Надо сказать, что эта концепция, изложенная Г. Лукачем, была при этом настолько заострена против СССР и КПСС, что радикальные журналисты и литераторы ФРГ, издающие «Кюрбискерн», были вынуждены поместить рядом со статьей Лукача полемический комментарий.

Политические взгляды либерализатора Лукача, требующего «демократизации социализма» и недовольного тем, что у нас якобы не произошло радикального пересмотра «сталинизма», настолько порадовали чехословацких ревизионистов, что они в «Литерарних Листах» (уже в подпольном номере) специально отметили деятельность Лукача, как одного из своих духовных отцов. В связи с этим нельзя не сказать и о позиции Лукача по чехословацкому вопросу (в связи с вводом союзных войск на помощь чехословацкой демократии и чехословацкому социализму). Эта позиция, разумеется, отрицательная по отношению к политике социалистических стран. Лукач считает, что произошла оккупация, нарушение суверенитета и т.д. Сам лично он воздержался от прямых выступлений в зарубежной реакционной печати, обуздываемый чувством ответственности перед партией, но взглядов своих он не скрывает и отголоски их проникли в зарубежную печать. Его позиция комментируется и тем фактом, что группа его ближайших учеников – венгерских философов и филологов сумела передать свой «протест» в зарубежную печать¹³ (Таковы данные, которые сообщили мне немецкие литераторы во время моей командировки в ГДР).

Таковы некоторые черты к политическому портрету Георга Лукача.

Остановлюсь вкратце и на некоторых методологических тенденциях, которые характеризуют его литературно-эстетические позиции и разделяются рядом его учеников и соратников у нас и за рубежом. Хочу при этом оговориться, что я не склонен отрицать наличия у Лукача и ряда отдельных удачных работ и некоторых сильных сторон его деятельности. Хочу подчеркнуть, что в лице Лукача мы имеем крупного и продуктивного писателя по вопросам литературы, эстетики и философии. Но убежден также, что вред, нанесенный им науке, велик, а то обстоятельство, что многие ошибочные и вредные принципиальные положения, выдвигаемые им, остаются почти без критики, приносит большой ущерб развитию науки и литературы.

В середине тридцатых годов, критикуя схематизаторские положения вульгарных социологов и стремясь преодолеть (что полностью им никак не удалось) вульгарную социологию в литературоведении и искусствознании, Г. Лукач (и наиболее активно сотрудничавший с ним его ученик и соратник М. Лифшиц) выдвинул такую концепцию метода и мировоззрения художника, которая представляла собой несомненную ревизию марксизма. Это концепция, при которой метод и мировоззрение рассматриваются не диалектически, в противоречивом единстве, а метафизически,

¹² (с.4) (статья из журнала «Кюрбискерн»).

Речь идет о статье «Великий Октябрь 1917-го и современная литература» (Иностранная литература. 1988. N.6).

¹³ (с.5) (передали протест в зарубежную печать).

В августе 1968 г. ряд венгерских философов, включая ближайших учеников Лукача Агнеш Хеллер и Дьердя Маркуша, находились в Югославии на конференции, организованной кругом журнала «Праксис». Узнав о военной акции 21 августа против Чехословакии, они подписали письмо протеста, опубликованное в югославской, а потом и в западной печати. Все «подписанты» получили взыскания по партийной и административной линии.

при которой метод начинает «гулять» отдельно от мировоззрения. В свете такой концепции многие выдающиеся, великие писатели прошлого рассматривались как художники, слабые стороны мировоззрения которых не только не мешали их творчеству, но порой (так писал Лукач о Бальзаке, Клейсте, Достоевском) даже способствовали их реализму. Лукач и Лифшиц применяли и применяют такое отношение к проблеме метода и мировоззрения и как методологический принцип, и как мотив конкретного историко-литературного и историко-художественного анализа. У Лукача в статье о Толстом, которую он перепечатал в книге «Русский реализм в мировой литературе» (на немецком языке, 1952), прямо говорится, что реакционные черты в мировоззрении великих писателей не препятствуют объективному изображению социальной действительности (стр.165)¹⁴. В работе о Клейсте (книга «Немецкие реалисты XIX века», на немецком языке, 1953) эта же тенденция выражена еще острее¹⁵. Такое, деидеологизирующее отношение к проблеме метода и мировоззрения, – отношение, умаляющее роль мировоззрения и борьбы за передовое мировоззрение, – продолжает жить в практике самого Лукача и его учеников и сторонников. М. Лифшиц, видимо не желая вызывать в памяти старую полемику вокруг проблем метода и мировоззрения, дает старому понятию новую кличку, – он пишет об относительной свободе эстетического от политического. Публицист-ревизионист Эрнст Фишер со свойственной публицисту способностью «обнажать» и заострять определения пишет о том, что в настоящих произведениях искусства «действительность побеждает идеологию» (в книге «Искусство и существование». Гамбург, 1968, стр. 58). В том, что Лукач и Фишер, вообще во многом связанные идейно и методологически, тут перекликаются – для меня нет сомнения¹⁶.

В середине тридцатых годов Лукач выдвинул и так называемую теорию «большого реализма», на почве которой также стоят все теоретики (и многие искусствоведы) его школы (или порою неосознанно примкнувшие к ее положениям, ставшим весьма расхожими в науке и журналистике). Согласно этой теории в середине минувшего века реализм окончательно ликвидировал романтизм, который – по Лукачу и Лифшицу – всегда и во всем проявлял себя как явление реакционное. Как известно, такая концепция романтизма не совпадает с отношением классиков марксизма-ленинизма к писателям прогрессивного романтизма, расходится с мыслями Горького о двух типах романтического творчества и о прогрессивном романтизме, как одном из источников социалистического реализма. Однако на почве теории «большого реализма» возникла и расцвела концепция, согласно которой в искусстве все, что не является реалистическим, должно быть антиреалистическим. Верная, марксистская мысль о полярной и непримиримой противоположности демократического и реалистического искусства и искусства декаданса оказалась сведенной к мысли, вульгарно делящей литературную карту мира на две части: на реализм и антиреализм (или декадентство).

Такое представление о художественной карте мира привело и приводит к существенной путанице, к грубым упрощениям. В связи с тем, что вкус Лукача связан с апологией эстетического традиционализма, этот теоретик стал отказывать в праве на реализм всем художникам, которые искали реалистических решений в нетрадиционных художественных формах. Все, что не укладывалось в консервативные представления Лукача и его адептов о реализме, относилось к антиреализму. В частности, наиболее грубо такая позиция сказалась в оценке такого крупного

¹⁴ (статья о Толстом).

Речь идет о работе «Толстой и развитие реализма», впервые опубликованной в конце 1930-х годов в СССР – в немецком оригинале на страницах журнала «Internationale Literatur. Deutsche Blätter», в русском переводе в сборнике «К истории реализма» (М., 1939) и в томе N.35 многотомного издания «Литературное наследство».

¹⁵ Статья «Трагедия Генриха фон Клейста» была впервые опубликована на русском языке в журнале «Литературный критик» (1937. N.4), а в немецком оригинале на страницах журнала «Internationale Literatur. Deutsche Blätter» (1937, N.8).

¹⁶ Эрнст Фишер (1899 – 1972) – австрийский эстетик и публицист. В 1938 – 1945 в эмиграции в СССР. В 1934 – 1969 гг. член компартии Австрии, исключен по обвинению в ревизионизме.

художника, как Брехт, Лукачем и его адептами. Этот писатель долгое время третировался Лукачем как декадент, антиреалист. И только теперь, как мировая слава Брехта стала очевидной, как очевидным стало и то, что Брехт является крупнейшим художником и теоретиком социалистического реализма, Лукач предпринял «отступление» довольно своеобразного характера: он признал (после всех) Брехта реалистическим художником, но заявил, что его эстетика антиреалистическая. (Разумеется, это не более, чем стремление «выйти из положения», ибо практической проверки это утверждение не выдерживает: Брехт-теоретик теснейше связан с Брехтом-художником и оторвать их друг от друга нельзя). Такое, недифференцированное отношение ко всему, что не укладывается в представления Лукача о реализме, отнесение всего этого к антиреализму является безусловно вредным. Это мешает реалистической культурной политике, несет на себе следы того самого «левачества», которое у Лукача смолоду проявлялось и которое уживается у него, как и у многих других сторонников «пересмотра» марксизма, с правооппортунистическими и либералистскими тенденциями. Это мешает и возможности по настоящему понять состояния современного западного искусства, в котором продолжают существовать всевозможные романтические и постромантические явления, приближающиеся к реализму, отталкивающиеся от него или, во всяком случае, не укладывающиеся в понятие антиреализма и декадентства. Это мешает, наконец, и возможности всерьез проанализировать процессы формирования советской литературы в начале революции, когда в искусстве весьма положительную роль играли некоторые художники-романтики, отнюдь при этом не антиреалисты (Блок, Есенин, отчасти Маяковский, Кириллов, Герасимов и многие другие).

Наконец, хочу коротко остановиться на вопросе о том, является ли Лукач таким борцом за современный реализм, каким его пытаются представить адепты его «школы»? Да, у Лукача имеются безусловные заслуги в пропаганде на Западе классики критического реализма. Но претензия представить его в качестве монопольного защитника реализма абсолютно лишена оснований. Реализма социалистического Лукач не понял и не захотел понять, более того, – он дает о нем извращенное представление. Во многом, в основном, – это связано с тем, что Лукач отрицает роль ленинского учения о партийности искусства и литературы. Именно ему принадлежит ревизионистское утверждение, будто ленинская статья «Партийная организация и партийная литература» содержит требования к публицистам партии и не имеет никакого отношения к проблемам литературы¹⁷. (Теперь, после Лукача, это же утверждает Эрнст Фишер в специальном разделе своей, упомянутой выше, книги «Искусство и сосуществование»).

Отвергая душу социалистического реализма, ленинское учение о партийности литературы, недооценивая роль мировоззрения в художественном творчестве (как мы видели выше), Лукач считает, что основной признак социалистического реализма состоит в связи его произведений с социалистической действительностью (это отчетливо выражено в книге «Русский реализм в мировой литературе», на немецком языке, 1952). В своих статьях о Шолохове он, в сущности, рисует портрет продолжателя старой реалистической литературы, не видя того, что новое содержание,

¹⁷ (с.7) (о ленинской статье «Партийная организация и партийная литература»)

13 октября 1956 г. еженедельник Союза венгерских писателей «Irodalmi Ujsag» под заголовком «Молодежь спрашивает – Дьердь Лукач отвечает» опубликовал ответы философа на вопросы студентов историко-филологического факультета Будапештского университета. Среди прочего ему был задан вопрос о статье Ленина «Партийная организация и партийная литература», которой сталинско-ждановская эстетика придавала программное звучание. Философу-марксисту, не отрицавшему социальной и политической ангажированности художественной литературы, пришлось напомнить своим собеседникам, что предметом выступления вождя российских большевиков были обязанности публицистов партийной печати в условиях революции 1905 г. и не более того. «Неправильный метод литературной политики сталинской эпохи состоял в том, что заключенные в этой статье указания расширяли на всю литературу периода диктатуры пролетариата, пытались применить их к каждому стихотворению, каждому роману». Те же идеи Лукач развивал и в некоторых других своих выступлениях.

освещенное новым, социалистическим мировоззрением, дарует искусству новые художественные формы, выступает в новаторских формах. По Лукачу, художественная форма вообще, как правило, пассивна и является как бы оболочкой для выражения содержания. Поэтому новаторская сущность искусства социалистического реализма под его пером комментатора и критика полностью исчезает. И грани, позволяющие отличать искусство социалистического реализма от искусства реализма критического, стираются начисто. Более того, в последнее время, под влиянием своей позиции ко всему тому, что происходит в Советском Союзе, под влиянием своего недовольства недостаточной «демократизацией социализма» в СССР и убеждения в том, что советскому искусству навязывают «сталинскую партийность» (как он пишет в своей упомянутой статье в «Кюрбискерн»), он решительно ориентирует новое искусство на подмену социалистического реализма реализмом критическим.

В этом отношении показательны статья Лукача «Социалистический реализм сегодня» (первоначально в «Нойе Рундschau» за 1964 год)¹⁸ и его всевозможные комментарии к этой статье, данные в различных интервью, прошедших по всей западной прессе. Лукач утверждает, что в советской литературе развитие социалистического реализма было надолго прервано из-за проявлений культа личности Сталина и что социалистический реализм впервые возродился и предстал единственно в творчестве А. Солженицына. Далее Лукач утверждает, что главная, центральная задача искусства социалистического реализма – это задача критики действительности. Иначе говоря, социалистический реализм оказывается тощим псевдонимом реализма критического. Думается, что Лукач выступает здесь теоретиком, расчищающим пути так называемому односторонне критическому направлению, наиболее отчетливо представленному у нас в ряде произведений, напечатанных в журнале «Новый мир» (где, кстати сказать, ученики Лукача, а также и ученики его учеников, обладают весьма определенным влиянием).

Таковы некоторые принципиальные идеологические и методологические мотивы, по которым невозможно согласиться с Лукачем и которые составляют «корень» расхождений с ним.

Надо сказать, что эти расхождения давно осознаны у нас рядом ученых, писателей и критиков. Руководство Союза писателей СССР во времена А.А. Фадеева решительно отклонило все попытки компромисса с Лукачем¹⁹. Советские ученые и литераторы не дали своих статей в сборник в честь Лукача, который был выпущен к его шестидесятилетию и в котором приняли участие многие ревизионистствующие²⁰. Рядом с А.А. Фадеевым в критике Лукача и его школы, выступавшей со страниц «Литературного критика», проявили активность такие видные ученые, как И. Анисимов, Е. Книпович, В. Ермилов, Я. Эльсберг, В. Кирпотин и другие²¹. В последнее время краткую, но очень точную и четкую характеристику Лукача дал в своей статье против концепции Роже Гароди Б. Сучков²².

Многие филологи, разрабатывающие самые разные темы филологической науки, сталкиваются с необходимостью критиковать взгляды Лукача и его школы. Мне приходится немало рецен-

¹⁸ Русскоязычное издание статьи «Социалистический реализм сегодня» см.: Вопросы литературы. 1991. № 4.

¹⁹ (с.9) Устами А.А. Фадеева Лукач был подвергнут резкой критике на собрании актива Союза писателей СССР в январе 1950 г. за недооценку роли передового мировоззрения в творческой деятельности, пренебрежительное отношение к современной советской литературе социалистического реализма (Правда, 1 февраля 1950).

²⁰ (сборник, выпущенный к 60-летию Лукача)

Очевидная ошибка. Речь идет о сборнике, вышедшем к 70-летию юбилею Лукача: Georg Lukacs zum 70. Geburtstag. Berlin, Aufbau, 1955. Среди авторов этого международного сборника были Эрнст Блох, Ганс Эйслер, Анна Зегерс, Арнольд Цвейг, Анри Лефевр, лидер итальянских социалистов Пьетро Ненни.

²¹ (в критике Лукача проявили активность такие видные ученые, как...)

Имеется в виду дискуссия 1939 – 1940 гг. вокруг книги Д. Лукача «К истории реализма» (см. выше).

²² (статья Б. Сучкова о Гароди)

Речь идет о статье Б.Л. Сучкова «К спорам о реализме (Полемика с Р. Гароди)», опубликованной в журнале «Иностранная литература» (1965, N.1).

зировать диссертаций и выступать оппонентом на докторских и кандидатских защитах. Вот лишь несколько примеров того, как ученые из разных городов нашей страны оказываются вынужденными спорить с работами Лукача, исправлять плодородные им в течение десятилетий разнообразие заблуждения. Диссертация Д. Затонского, посвященная проблемам романа; в этом труде дана обстоятельная критика взглядов Лукача и Лифшица, согласно которым роман – жанр буржуазного происхождения²³. Диссертация Ш. Ревивили, посвященная эстетическим взглядам Маркса и Энгельса; в ней подробная критика ревизионистских толкований эстетики основоположников научного коммунизма, перекликающихся со взглядами правых социал-демократов. Диссертация Н. Матузовой о социалистическом реализме в немецкой литературе, о проблемах очерка и репортажа; в ней критика взглядов Лукача, объявлявшего жанр репортажа... мелкобуржуазным²⁴ и – соответственно – его представителей в пролетарской литературе – мелкобуржуазными. Диссертация К. Протасовой о творчестве Гельдерлина, – также полемика с Лукачем, занижившим значение этого классика немецкой литературы из-за своей концепции, отрицающей прогрессивный романтизм²⁵. Диссертация К. Старцева о немецкой антифашистской литературе 20-х и начала 30-х годов, – и тут полемика, против предвзятых, зашатавшихся разносов революционно-пролетарских писателей: Бределя, Зегерс, Брехта... Этот список можно было бы продолжить. Он говорит о том, что несмотря на старания учеников и адептов Лукача поставить его вне критики и объявить главным борцом за реализм и непогрешимым теоретиком, правда берет свое и наука устанавливает истину.

В ГДР, как я уже говорил, политические и эстетические контакты с Лукачем порваны полностью. Этот теоретик особенно много навредил в развитии и изучении немецкой культуры. Им сделаны и некоторые ценные работы, но их значение отстает перед теми ошибками, которые делались им в области изучения истории немецкой культуры, в области литературной политики, направленной на то, чтобы влиять на развитие передовой литературы в оппортунистическом духе, и в области конкретных оценок новейшей литературы. Лукач – как отмечают немецкие критики в ГДР – систематически стирал различия между антифашистской, зачастую общедемократической, и социалистической литературой Германии. Он недооценивал роль партии (КПГ, СЕПГ) в развитии немецкой литературы. Он выступал против творчества писателей из рабочей среды – Бределя и других писателей из Союза пролетарско-революционных литераторов²⁶. В годы эмиграции²⁷ (это хорошо показано в исследованиях Клауса Ярматца) также не поддерживал писателей-социалистов, недооценивал их мужественную борьбу. В книге «Разрушение разума» (на немецком языке, 1955), ценной своей критикой реакционной философии, дал вместе с тем пессимистическую

²³ (взгляды Лукача и Лифшица, согласно которым роман – жанр буржуазного происхождения)

Речь идет о концепции, получившей развитие в статье Д. Лукача «Роман как буржуазная эпопея», опубликованной в 1935 г. в «Литературной энциклопедии» (N.9). См. материалы дискуссии, вызванной этой статьей: Литературный критик. 1935. N.2; более подробно: Архив РАН. Ф.355. Оп.5. Д.32 – 34. О дискуссии вокруг статьи Д. Лукача «Роман как буржуазная эпопея» см.: G. Tihanov. The Novel, the Epic and Modernity: Lukacs and the Moscow Debate About the Novel (1934 – 1935) // Germano-Slavica. A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative and Interdisciplinary Studies. Vol X. N.2, 1998.

²⁴ (критика взглядов Лукача, объявившего жанр репортажа мелкобуржуазным)

А. Дымшиц весьма вульгарно трактует здесь концепцию, изложенную в статье Д. Лукача «Репортаж или образотворчество? Критические заметки по поводу романа Оттвальта», впервые опубликованной в журнале «Die Linkskurve» (1932. N.7, 8). На русском языке см.: Интернациональная литература, 1933. N.1.

²⁵ Статью Лукача о Гельдерлине см. в сборнике его работ «К истории реализма» (М., 1939).

²⁶ (с.10) Союз пролетарско-революционных писателей Германии (Bund proletarisch-revolutionären Schriftsteller – BPRS) был создан на учредительном съезде 19 октября 1928 г. в Берлине как подразделение Международного объединения пролетарских и революционных писателей (МОП) и функционировал до прихода нацистов к власти. Председателем правления был Иоганнес Р. Бехер. Творчеству Вилли Бределя была посвящена статья «Романы Бределя», опубликованная в журнале «Die Linkskurve» (1931. N.11).

²⁷ (Годы эмиграции) Имеется в виду период жизни Лукача в СССР (1930 – 1931, 1933 – 1945).

концепцию развития культуры, явно недооценил революционные силы в немецкой культуре. Решительные возражения вызвала и оценка Лукачем Шиллера, его эстетики, которую он механистически свел к кантианству²⁸. Постоянная недооценка Лукачем Меринга²⁹ также вызвала справедливую критику (в книге Ганса Коха о Меринге и в ряде статей этого автора, вообще довольно обстоятельно и объективно критиковавшего Лукача и лукачианство). Извращенная трактовка Лукачем творчества и эстетики Брехта обстоятельно проанализирована в работах профессора Вернера Миттеншваля. Вообще, надо сказать, что литературоведы ГДР (профессор Прахт, Хорст Редекер, и другие) весьма последовательно вскрывают ошибочность и ревизионистский характер ряда работ Лукача. В этом сказывается и заинтересованность в методологической чистоте марксистской теории, и стремление исправить многочисленные искажения истории их национальной культуры, произведенные Лукачем.

Мне думается, что наша специальная печать («Вопросы философии», «Вопросы литературы», прежде всего) напрасно не дает развернутой и объективной критики деятельности Лукача и не отзывается на его новые работы («Своеобразие эстетического», например) и на его новые выступления. Думается, что было бы верно показать в критике, что так называемый односторонний критицизм в литературе связан с теоретическими предпосылками, выработанными Лукачем и его учениками («Новый мир»).

Надо было бы основательно раскритиковать апологетику (едва прикрытую скромными критическими замечаниями) «Литературного критика» – этого главного органа лукачианства в тридцатых годах – на страницах второго тома академических «Очерков истории русской советской журналистики», где в ряде материалов и – особенно – в специальной статье о «Литературном критике» содержится восхваление этого органа, сыгравшего вредную роль в развитии советской науки³⁰. (Кстати сказать, такое освещение «Литературного критика» вредно и в международном плане, ибо кому же не известно, что этот орган был оплотом так называемого течения и пропагандистом той идеологии и методологии, с которой до сих пор приходится спорить и бороться марксистам).

В последнее время заметна явная активизация учеников и соратников Г. Лукача в пропаганде личности и трудов своего патрона. За все последние годы, когда Лукач вел себя демонстративно недружественно по отношению к Советской стране, когда он откровенно извращал важнейшие положения марксизма, ни один из его учеников ни разу не выступил с критикой «мэтра», к чему, на мой взгляд, просто обязывала партийность. (Помню, что, когда я руководил отделом критики в «Звезде» в конце пятидесятых годов, я обращался к некоторым из этих учеников с просьбой высказаться о Лукаче, – они категорически отвергали такие предложения)³¹.

В последние год – два ученики и сподвижники, старые соратники по «Литературному Критику», заняли в защите Лукача наступательные позиции. М.Лифшиц выступил в «Вопросах философии» (№ 1 текущего года) с прямым «запретом» нам, советским, критиковать Лукача и писать о его ревизионизме³². Критика Лукача, – заявил он, желая обезопасить его от полемики, – это дело вен-

²⁸ (оценка Лукачем Шиллера)

См. работы Лукача: Schillers Theorie der modernen Literatur // Internationale Literatur. Deutsche Blatter, 1937, N.8; Шиллер как эстетик // Ф. Шиллер. Статьи по эстетике. М. – Л., 1935.

²⁹ Биографическая работа Лукача о Франце Меринге была опубликована в 1934 г. в СССР в качестве вступительной статьи к сборнику его литературно – критических статей, а в 1937 г. вошла в книгу Лукача «Литературные теории XIX века и марксизм».

³⁰ (с.11) См.: Очерки истории русской советской журналистики. Отв. редактор А.Г. Дементьев. Т.2. 1933 – 1945. М., 1968.

³¹ «Звезда» – ленинградский литературный журнал, в котором А. Дымшиц в 1957 – 1961 гг. возглавлял отдел критики. В Ленинграде Дымшиц мог обращаться с подобной просьбой к известному литературоведу будущему академику Г. Фридендеру, тяготевшему к «школе Лукача-Лифшица».

³² (с.11) Речь идет о статье М. Лифшица «Либерализм и демократия (по поводу одной литературной дискуссии)» (Вопросы философии. 1968. N.1. С.98 – 110), в которой содержалась полемика с рядом выступлений А. Дымшица. Место в статье М. Лифшица, так возмущившее его оппонента, звучит следующим образом: «вообще предоставьте венграм решать их венгерские дела – не ваша это забота» (Там же. С.101).

герское, пусть им занимаются венгры. (Надо ли говорить, что совершенно немарксистская постановка вопроса; с такой позиции следовало бы отвергнуть суждения Ленина, скажем, о Каутском, объявив это делом немецкой социал-демократии; к чему приводит пассивность в критике антимарксистских тенденций в дружественных странах, можно видеть по событиям в Чехословакии).

Другой адепт Лукача – И. Сац выступил в «Краткой Литературной Энциклопедии» со статьей о Лукаче, носящей откровенно и вызывающе некритический характер. Все ошибки Лукача в тридцатых годах определены как «некоторый схематизм в концепции». О ревизионизме Лукача в эстетике не сказано ни слова, – более того, он «подается» как исследователь, проявляющий «верность реалистическому (какому реалистическому? – А.Д.) искусству», сражающийся за «принципы реализма». (Судя по характеру «реализма» в некоторых произведениях, опубликованных в «Новом мире», – произведениях прозы и критики, – члену редколлегии этого журнала И. Сацу подходит именно «реализм» по Лукачу).

Наконец, в последнее время стало известно о намерении издательства «Прогресс» выпустить однотомник избранных произведений Г. Лукача, подготавливаемый М. Лифшицем. (В издательстве, как сообщил мне товарищ, бывший на издательском совещании, при этом ссылаются на указание из ЦК партии). Думаю, что выход такой книги сыграл бы отрицательную роль. Он морально поддержал бы всех тех, кто стоит за Лукачем и за Лукача (не за его достижения, а за его ошибки и за его политическую позицию; борьбе с ревизионизмом это бы не помогло).

Разумеется, бывают такие случаи, когда приходится идти на выпуск книг авторов, позиции которых не содействуют развитию марксистской науки (То же издательство «Прогресс» выпустило книгу Гароди «О реализме без берегов»). Но тогда нужно поручать отбор, составление и комментирование людям объективным, а не апологетам ошибочных взглядов публикуемого автора. Это уж, по крайней мере, элементарно³³.

Таковы соображения, которые я изложил, обратившись к этой теме по Вашему предложению.

14.10.68.

А.Дымшиц

(Российский государственный архив литературы и искусства.
Фонд 2843. Оп.1. Дело 652. ЛЛ.69-80).

³³ (с.12) Однотомник избранных произведений Д. Лукача, о котором идет речь, так и не вышел в свет.

Научное издание

**РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

Выпуск III

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов
Оформление обложки Е.В. Булгакова

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Подписано в печать 7.06.07
Усл.печ.л. 23,37
Тираж 300 экз.

Уч.-изд.л. 15,44
Заказ 88

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
Ставропольского государственного университета.
355009, Ставрополь, ул.Пушкина, 1.

